

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 2 (22)

**САРАНСК
2012**

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, В. А. Каланов, А. М. Каторова, А. Н. Келина,
В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрченкова

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Лещайкина М. В. Интегральная оценка социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия	7
Видяйкин С. В. Складывание административно-территориального деления Мордовского края в конце XVI — начале XVII в.	16
Храмов А. В. Территориальный рост Российской империи и его влияние на изменение механизмов управления в конце XVIII — первой четверти XIX в.	24
Курлевский И. В. Проблемы развития российского федерализма в программных документах политической партии «Яблоко» (По материалам избирательных кампаний 1990-х гг.)	30
Волков С. Ю. Международные отношения в Европе в эпоху раннего Нового времени: региональная специфика и теоретическое осмысление	38

ИСТОРИЯ

Котов П. П. Тягловые земли удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII — первой половине XIX в.	45
Бибин М. А. Образование Совета объединенного дворянства и выработка правительственного курса Российского государства в начале XX в.	53
Куршева Г. А., Варламенков В. Н. Становление системы образования в Поволжье в 20-е гг. XX в. (Историографический обзор)	65
Бикейкин Е. Н. Агропромышленная интеграция и развитие сельскохозяйственного производства в 1970-х гг. (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	72

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Чернов А. В., Келина А. Н., Гурьянова Л. А. Функционирование мордовских языков в современных условиях: общие итоги опроса 2008 г.	86
Мосин М. В. Из истории формирования и развития эрзянской орфографии	97
Рогожина В. Ф. О некоторых особенностях мокшанской разговорной речи	103
Мочалова Т. И. Специфика цветообозначений в русских говорах Республики Мордовия	110

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Каторова А. М.</i> К вопросу о самобытности культурного феномена мордовского стиха	119
<i>Наздеева О. И.</i> Художественное осмысление и воплощение религиозных мотивов в современной мордовской поэзии	136
<i>Склизкова А. П.</i> Философия жизни и человека в трагикомедии «Красный петух» Г. Гауптмана	142
<i>Пивкина С. В.</i> Боги — покровители жизнедеятельности мордвы	148

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Нугаев Э. Ш.</i> Репертуар мордовских театров в первые послевоенные годы (1946 — 1947)	152
<i>Асабин И. Ю.</i> Система управления культурой МАССР в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг.	156
<i>Юрченков В. А.</i> Проблемы научной этики и формы существования региональной историографии	165
<i>Захаров А. В.</i> Профессиональная этика Государственной противопожарной службы как фактор создания безопасности среды	170
<i>Тарасова О. Н.</i> Языковая картина мира как основной компонент формирования культурного пространства эпохи	176

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буквы Е — З	181

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Николай Филиппович Кижваткин (1937 — 1997)	236
Людмила Ивановна Никонова (К 60-летию со дня рождения)	239

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	244

СОКРАЩЕНИЯ	250

CONTENTS

REGIONAL DEVELOPMENT

Leschaykina M. V. Integral Assessment of Social Comfort of Population Living in the Republic of Mordovia	7
Vidyaykin S. V. Formation of Administrative and Territorial System of the Mordovian Region in the Late XVI — the Early XVII Century	16
Khramov A. V. Territorial Expansion of the Russian Empire and Its Influence on the Change of Government Mechanisms at the End of the XVIII — the First Quarter of the XIX Century	24
Kurlevsky I. V. The Problems of Russian Federalism Development in Program Documentation of the Political Party «Yabloko» (According to the Election Campaigns of the 1990s)	30
Volkov S. Yu. International Relations in Europe in the Early Modern Times: Regional Peculiarity and Theoretical Understanding	38

HISTORY

Kotov P. P. Taxed Lands of Appanage Peasants of the European North of Russia in the Early XVIII — the First Half of the XIX Century	45
Bibin M. A. Formation of the United Nobility Council and the Development of Government Policy of the Russian State in the Early XX Century	53
Kursheva G. A., Varlamenkov V. N. Formation of the Educational System in the Volga Region in the 20s of the XX Century (Historiographical Review)	65
Bikeykin E. N. Agroindustrial Integration and the Development of Agricultural Production in the 1970s (Based on Materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)	72

LINGUISTICS

Chernov A. V., Kelina A. N., Guryanova L. A. Functioning of Mordovian Languages Under Modern Conditions: General Results of the Questioning of 2008	86
Mosin M. V. From the History of Formation and Development of the Erzya Orthography	97
Rogozhina V. F. On Some Features of the Moksha Spoken Language	103
Mochalova T. I. Specific Character of Colour Terms in Russian Dialects of the Republic of Mordovia	110

HISTORY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Katorova A. M.</i> To the Question about the Originality of Cultural Phenomenon of a Mordovian Verse	119
<i>Naldeeva O. I.</i> Artistic Understanding and the Embodiment of Religious Motives in Modern Mordovian Poetry	136
<i>Sklizkova A. P.</i> Philosophy of Life and a Human Being in Tragicomedy «The Conflagration» by G. Hauptman	142
<i>Pivkina S. V.</i> Deities — the Patrons of Life Activity of the Mordvins	148

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Nugaev E. Sh.</i> The Repertoire of Theatres of Mordovia in the Early Postwar Years (1946 — 1947)	152
<i>Asabin I. Yu.</i> Control System of the Mass Culture in the Middle of 1960s — the First Half of the 1980s	156
<i>Yurchenkov V. A.</i> Problems of Scientific Ethics and Forms of Existence of Regional Historiography	165
<i>Zakharov A. V.</i> Professional Ethics of the State Fire Fighting Service as a Factor of Safety of the Environment	170
<i>Tarasova O. N.</i> Linguistic Picture of the World as a Main Component for the Formation of Cultural Space of the Epoch	176

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part E — 3	181

OUR CELEBRANTS

Nikolay Filippovich Kizhvatkin (1937 — 1997)	236
Liudmila Ivanovna Nikonova (On her 60th birthday)	239

INFORMATION ABOUT AUTHORS	244

ABBREVIATIONS	250

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 369.011(470.345)

М. В. Лещайкина
M. V. Leschaykina

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

INTEGRAL ASSESSMENT OF SOCIAL COMFORT OF POPULATION LIVING IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, социальная сфера, социальная комфортность, интегральный индикатор.

В статье рассматривается содержание социальной комфортности проживания населения Республики Мордовия, предлагается методика ее интегральной оценки, базирующаяся на статистических данных 1994 — 2009 гг.

Key words: standard of living, quality of life, social sphere, social comfort, integral indicator.

The content of social comfort of living of the population in the Republic of Mordovia is considered in the article, the technique of integral assessment, based on statistics of 1994 — 2009 years is proposed as well.

1. *Место понятия «социальная комфортность» в системе социально-экономических категорий.* Проведение социальной политики, нацеленной на интересы и нужды граждан России, создание условий для совершенствования образа жизни населения, повышение социальной комфортности проживания является основным стержнем в социально-экономическом развитии страны. В связи с этим возникает необходимость в соответствующих научных исследованиях, посвященных социальной комфортности проживания населения.

Комфортность в общем понимании — это состояние удобства и удовлетворения, обеспеченное совокупностью положительных физиологических ощущений человека в процессе его жизнедеятельности. Различные исследовательские центры, занимающиеся составлением рейтинга наиболее комфортных для жизни стран, в частности Economist Intelligence Unit (EIU), выделяют пять основных показателей комфортности проживания: инфраструктуру, общую стабильность обстановки в месте проживания, работу служб здравоохранения, уровень культуры и отрасль образования. Каждая составляющая оценивается по 100-балльной шкале, на основе которой формируется итоговый рейтинг.

В зависимости от предмета исследования даются различные определения «комфортности жизни». Так, ученый-географ Ю. Н. Меринов определяет это состояние как «меру субъективного чувства и объективного благополучия, формируемых под влиянием совокупности различных условий наиболее благоприятных для жизни и хозяйственной деятельности населения, проживающего на определенной территории»¹. При этом учитывается, что совокупность различных условий, наиболее благоприятных для жизни, формирует природно-экологическую комфортность, а благоприятных для хозяйственной деятельности населения — социальную комфортность проживания.

Понятие «комфортность» рассматривается также в контексте производственных, жилищных, погодных и климатических условий. Комфортность окружающей среды изучается для того, чтобы осуществлять кадастровую оценку городских и рекреационных территорий. Однако полноценная интерпретация понятия «комфортность проживания населения на территории» отсутствует. По мнению И. Е. Сялкина и других, комфортность проживания населения в регионе может определяться комплексом природно-климатических, социально-экономических и медико-экологических факторов. Группа социально-экономических факторов характеризует социальные условия проживания населения, представленные показателями обеспеченности населения объектами бытового обслуживания, доходами местного бюджета, уровнем медицинского обслуживания и т. п.²

Таким образом, комфортность проживания включает в себя множество составляющих, а именно: экологическую, политическую, климатическую, биологическую и другие, однако для нас наибольший интерес представляет именно социальная комфортность проживания, формируемая на основе удовлетворения потребностей человека в социальных условиях жизни.

При характеристике жизни людей используются также понятия «уровень жизни» и «качество жизни», связанные с понятием «социальная комфортность проживания населения». Уровень жизни — это комплексная социально-экономическая категория, отражающая уровень развития физических, духовных, социальных потребностей населения и степень их удовлетворения. В узком смысле слова уровень жизни определяется соотношением доходов и стоимости жизни, в широком — приближается к понятию «качество жизни». При этом условия, необходимые для улучшения качества жизни, не ограничиваются уровнем потребления товаров и услуг. Качество жизни включает в себя целый ряд факторов, оказывающих влияние на жизненные ценности, выходя за рамки материальной стороны, а также социальные результаты экономического и политического развития. В нашем понимании качество жизни — это обобщающая характеристика эффективности функционирования всех сфер жизни общества, в которых человек реализует себя, занимаясь определенным видом деятельности, удовлетворяет свои потребности.

С. А. Айвазян³ представляет качество жизни как синтетическую категорию, объединяющую в себе пять базовых компонентов: качество населения; его благосостояние; социальную безопасность, или качество социальной сферы; качество окружающей среды, или качество экологической ниши, и природно-климатические условия. Из этого следует, что социальная комфортность в объективном плане уже категории «качество жизни», поскольку рассматривает совокупность условий, благоприятствующих выполнению функций человека только в социальной сфере. Со-

циальная комфортность является проекцией качества жизни с позиции удовлетворенности социальными условиями жизни человека, включающей характеристики двух компонентов концепции качества жизни С. А. Айвазяна — «качество населения» и «качество социальной сферы».

Таким образом, социальная комфортность — это абсолютно новая социально-экономическая категория, которая определяется как система субъективных оценок, формируемых на основе уровня интеллектуального развития индивида, системы ценностей, эмоционального состояния и объективного состояния благополучия, определяемого под влиянием совокупности различных условий, наиболее благоприятных для выполнения функций в социальной сфере.

2. *Методика построения интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения.* Существует необходимость в создании единой сводной оценки социальной комфортности проживания населения. Это объясняется, во-первых, наличием значительного количества данных, которые нужно учесть, и, во-вторых, трудностями при обобщении большого объема разнородной информации при принятии эффективных управленческих решений по социально-экономическому развитию региона.

Интегральный индикатор социальной комфортности проживания населения — это линейная свертка, или взвешенная сумма, нормированных по N-балльной шкале значений статистических показателей сокращенного набора. Процесс построения интегрального индикатора социальной комфортности начинается с формирования информационной базы, которую можно представить в виде общей схемы (рис. 1).

Рис. 1. Построение интегрального индикатора

На первом шаге строится иерархическая система статистических показателей в соответствии с особенностями изучаемой категории. Рассматривая сущность социальной комфортности проживания населения, можно выделить десять интегральных свойств, которые наиболее полно и точно характеризуют социальную структуру общества, деятельность социальных институтов, степень социальной справедливости общества.

На втором шаге последовательная декомпозиция каждого интегрального свойства позволяет выделить ряд стандартных статистических показателей. Далее производится отбор наиболее информативных статистических показателей (частных критериев) каждого интегрального свойства с помощью метода главных компонент; формируется апостериорный, или сокращенный, набор статистических показателей, который можно рассматривать как ключевой для последующего анализа социальной комфортности и построения интегрального индикатора.

Расчет интегрального индикатора социальной комфортности производится на основе методики измерения синтетических категорий качества жизни населения, предложенной С. А. Айвазяном⁴, которая была несколько изменена и адаптирована для нашего исследования.

I этап. Перед непосредственным переходом к процедуре свертки частных критериев, необходимо унифицировать их, т. е. применить к каждому из них такое преобразование, в результате которого область возможных значений критерия ограничится отрезком [0;10]. Если частный критерий связан с социальной комфортностью проживания населения монотонно-возрастающей зависимостью, то расчет нормированного частного критерия производится по следующей формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} N, \quad (1)$$

при монотонно-убывающей зависимости — по формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x_{\max} - x}{x_{\max} - x_{\min}} N. \quad (2)$$

II этап. При определении числа интегральных индикаторов социальной комфортности по унифицированным статистическим показателям сначала проверяется возможность построения единственного интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в регионе в виде первой главной компоненты. Считается, что интегральный индикатор, построенный в виде первой главной компоненты по частным критериям сокращенного набора, должен объяснять не менее 55 % от общей дисперсии этих критериев. В противном случае удовлетворительного решения задачи построения единственного интегрального индикатора в виде первой главной компоненты не существует и необходимо определить оптимальное число блоков, на которые целесообразно разбить сокращенный набор показателей с помощью метода главных компонент.

Далее строятся модифицированные первые главные компоненты отдельно по частным критериям, входящим в каждый из получившихся блоков: M_1, \dots, M_j . Значе-

ния модифицированной первой главной компоненты $y_{j,t}$ частных критериев, вошедших в группу M_j , определяются уравнением

$$y_{j,t} = \sum_{q=1}^{p_j} l_1^2(M_j) \tilde{x}_t^{(q)}. \quad (3)$$

На основании значения блочных интегральных индикаторов ($y_{1,t}, y_{2,t}, \dots, y_{m_0,t}$) рассчитывается сводный интегральный индикатор $y_{cb,t}$ по следующей схеме:

1) вычисляется взвешенное евклидово расстояние p_t от наблюдения в год t ($y_{1,t}, y_{2,t}, \dots, y_{m_0,t}$) до эталона (10, 10, ..., 10) в пространстве блочных интегральных индикаторов по формуле

$$p_t = \sqrt{\sum_{j=1}^{m_0} v_j (y_{j,t} - 10)^2}, \quad (4)$$

где v_1, v_2, v_j ($\sum_{j=1}^{m_0} v_j = 1, v_j \geq 0$) — нормированные неотрицательные «веса». «Веса» блочных интегральных индикаторов v_1, v_2, v_j ($j = 1, \dots, m_0$) определяются долей, объясненной общими факторами, или блоками M_1, M_2, M_j ($j = 1, \dots, m_0$) дисперсии в суммарной дисперсии всех унифицированных частных критериев $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{p,t}$, приходящейся на эти общие факторы

$$v_j = \frac{\tilde{v}_j}{\sum_{l=1}^{m_0} \tilde{v}_l} = \frac{s^2 y_j}{\sum_{l=1}^{m_0} s^2 y_l}. \quad (5)$$

Чем выше вес блочного интегрального индикатора, тем значительнее его вклад в сводный интегральный индикатор социальной комфортности проживания населения в регионе;

2) значение сводного интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в регионе для года t определяется по формуле

$$Y_{bcb} = 10 - p_t. \quad (6)$$

3. *Практическая реализация методики построения интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения.* Объективную сторону социальной комфортности позволяет зафиксировать статистика через количественные параметры. К «плюсам» объективистского подхода относится исключение из процесса построения интегрального индикатора трудоемких, неоднозначных экспертных процедур, требующих специальных знаний в конкретных предметных областях. С точки зрения данного подхода должны быть рассмотрены следующие интегральные свойства социальной комфортности: жилищные условия, качество образования, состояние здравоохранения, организация досуга, общественная безопасность, обеспеченность объектами инфраструктуры, социальная патология общества,

организация труда, социально-демографические условия и социальная справедливость общества. Каждый блок характеризуется определенным набором статистических показателей. Для построения обобщающего показателя необходимо отобрать наиболее информативные показатели, что позволяет сделать метод главных компонент. Информационной базой стали статистические данные 1994 — 2009 гг., характеризующие социальную комфортность проживания населения в Республике Мордовия. В качестве примера рассмотрим блок «Жилищные условия населения», который характеризуется тремя показателями: площадью жилищ, приходящейся в среднем на одного жителя ($x_{1,1}$); удельным весом ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда ($x_{1,2}$); числом семей, получивших жилье, в процентах от числа семей, состоявших на учете к началу соответствующего года ($x_{1,3}$). Результаты компонентного анализа представлены в табл. 1.

Согласно табл. 1, на первые две главные компоненты приходится 91,28 % (>70 %) суммарной дисперсии индикаторов исходного набора. Интерпретация результатов, полученных в рамках главных компонент F_1 и F_2 , следующая: 1) компонента F_1 определяется индикатором ($x_{1,1}$) (коэффициент корреляции между ними максимальный); компонента F_2 — индикатором $x_{1,3}$; 2) наибольший суммарный вклад рассматриваемые главные компоненты вносят в дисперсию индикатора $x_{1,1}$ (этот вклад равен $(0,976)^2 + (-0,114)^2 = 0,966$).

Таким образом, индикатор $x_{1,1}$ является в рамках рассматриваемых главных компонент F_1 и F_2 наиболее информативным среди трех анализируемых индикаторов и был отобран для представления раздела «Жилищные условия». Отбор частных индикаторов по остальным блокам проводился по аналогии, а также на основе теоретических соображений.

Использование практики формирования сокращенного набора показателей, приведенных выше, позволило выделить следующие индикаторы социальной комфортности (табл. 2).

Таблица 1
Факторные нагрузки индикаторов блока «Жилищные условия населения»

Индикаторы	Главные компоненты	
	F_1	F_2
$x_{1,1}$	0,976	-0,114
$x_{1,2}$	0,866	-0,434
$x_{1,3}$	0,291	0,866
Общая дисперсия	1,788	0,951
Доля вклада F_k в суммарную дисперсию, %	59,58	31,70

Таблица 2
Апостериорный набор частных индикаторов социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия*

Показатель соц. комфортности	Индикатор	Обозначение
1	2	3
Жилищные условия	площадь жилищ на 1 чел., всего м ²	$x_{1,t}$
Качество образования	на 10 тыс. чел. населения выпущено специалистов вузами	$x_{2,t}$
Состояние здравоохранения	кол-во больничных коек на 10 тыс. чел. населения	$x_{3,t}$

Окончание табл. 2

1	2	3
Культурный отдых, досуг	численность зрителей театров на 1 тыс. чел. населения, чел.	$X_{4,t}$
Общественная безопасность членов общества	кол-во зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 тыс. чел. населения	$X_{5,t}$
Обеспеченность мощностями инфраструктуры	плотность автомобильных дорог общего пользования на конец года, километров путей на 1 тыс. км ² территории	$X_{6,t}$
Социальная патология	заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами населения, взятого под наблюдение с впервые установленным диагнозом на 100 тыс. чел. населения, чел.	$X_{7,t}$
Организация труда	кол-во пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом на 1 тыс. работающих, чел.	$X_{8,t}$
Социально-демографические условия	коэффициент миграционного прироста населения на 10 тыс. чел.	$X_{9,t}$
Социальная справедливость	коэффициент фондов (дифференциации доходов), в разгах	$X_{10,t}$

* Разработанный сокращенный набор частных индикаторов рассматривается в качестве базового для последующей интегральной оценки социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия.

Первым этапом построения интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия является унификация частных индикаторов сокращенного набора. Вторым этапом в соответствии с приведенной выше методикой исследования является определение числа интегральных индикаторов, характеризующих социальную комфортность по 10 унифицированным частным индикаторам $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{10,t}$ в течение 1994 — 2009 гг. Результаты расчета с использованием метода главных компонент приведены в табл. 3.

Согласно табл. 3, первая главная компонента, построенная по 10 нормированным частным критериям, объясняет лишь 54,1 % от общей дисперсии всех критериев, т. е. построение единственного интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия в виде первой главной компоненты не имеет удовлетворительного решения.

Можно было ограничиться двумя первыми общими факторами, так как суммарная доля объясненной ими дисперсии унифици-

Таблица 3
Характеристика главных компонент F_1, F_2, F_3

Частный индикатор	F_1	F_2	F_3
x_1	-0,948	-0,070	-0,235
x_2	-0,973	0,065	-0,186
x_3	0,907	0,133	0,329
x_4	0,488	-0,390	0,697
x_5	-0,613	-0,759	0,036
x_6	-0,890	0,034	-0,394
x_7	0,172	-0,948	0,145
x_8	-0,887	0,077	-0,424
x_9	0,271	-0,121	0,944
x_{10}	0,668	0,368	0,581
Общая дисперсия	5,411	1,810	2,270
Доля вклада F_k в суммарную дисперсию, %	54,1	18,1	22,7

рованных частных индикаторов (72,2 %) превышает пороговый уровень 55 %. Однако для последующего анализа было решено оставить первые три общих фактора, суммарный вклад которых объясняет 94,9 % от суммарной дисперсии нормированных частных индикаторов. Так, первая главная компонента (F_1) образована нормированными частными индикаторами $\tilde{x}_{1,t}$, $\tilde{x}_{2,t}$, $\tilde{x}_{3,t}$, $\tilde{x}_{6,t}$, $\tilde{x}_{8,t}$ и $\tilde{x}_{10,t}$, вторая (F_2) значительно коррелирует с индикаторами $\tilde{x}_{5,t}$ и $\tilde{x}_{7,t}$, третья общая компонента (F_3) объединила в себе $\tilde{x}_{4,t}$ и $\tilde{x}_{9,t}$ частные индикаторы.

Таким образом были определены три блочных интегральных индикатора социальной комфортности M_1 , M_2 и M_3 . Далее по формуле (5) были вычислены нормированные блочные весовые коэффициенты, или «веса», блочных интегральных индикаторов, v_1 , v_2 и v_3 : M_1 — 0,570, M_2 — 0,191 и M_3 — 0,239. Применение метода главных компонент к нормированным частным критериям каждого блока M_1 , M_2 , M_3 показало, что значение общей дисперсии каждого из трех блоков превышает пороговое значение 55 %. В этом случае могут быть построены блочные интегральные индикаторы $Y_{1,t}$, $Y_{2,t}$ и $Y_{3,t}$ в виде первых модифицированных главных компонент согласно формуле (3). Затем была произведена нормировка значений главных компонент по формуле (1).

Следующим этапом нашего исследования стало определение удельной значимости «весов v_j » каждой из построенных интегральных характеристик $y_{1,t}$, $y_{2,t}$ и $y_{3,t}$ по формуле (5). Далее для каждого года t по формуле (4) вычислялись «взвешенные расстояния» до эталонной точки (10,10,10) и по формуле (6) определялись значения сводного интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия (рис. 2).

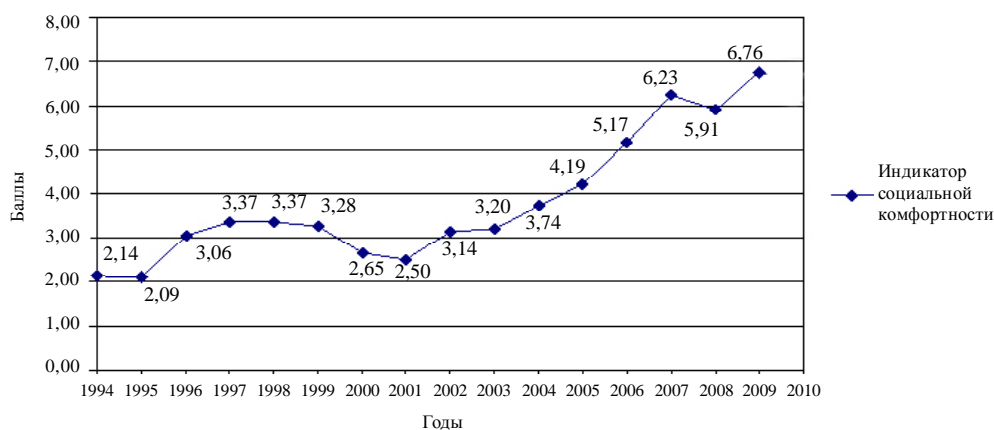

Рис. 2 Динамика интегрального индикатора социальной комфортности проживания населения в Республике Мордовия в течение 1994 — 2009 гг.

Согласно рис. 2, с 2002 г. в Мордовии происходил рост уровня комфортности проживания населения. Это объясняется тем, что с 2004 г. в Российской Федерации, и в Мордовии в частности, наблюдался устойчивый экономический рост, который

незамедлительно повлек за собой сбалансированность проводимой социальной политики и как следствие этого — повышение уровня комфортности проживания населения в республике⁵. Однако после 2007 г. уровень социальной комфортности начал снижаться, что было вызвано ухудшением социально-экономической ситуации во второй половине 2008 г. в связи с мировым экономическим кризисом. Негативные изменения статистических показателей подтверждали повышение цен на потребительском рынке, увеличение безработицы и как следствие — негативная динамика показателей, характеризующих социальную патологию общества (рост числа больных, страдающих алкоголизмом и наркоманией, а также существенный разрыв в распределении доходов населения). В 2009 г. благодаря реализации антикризисных правительственных мер по стабилизации социально-экономической ситуации в стране вновь было отмечено повышение уровня социальной комфортности.

Таким образом, создание единой сводной оценки социальной комфортности проживания населения в республике позволяет: использовать ее как показатель достижения целей в управлении социально-экономическим развитием территории; выявлять позитивную или негативную динамику данного показателя для региона; строить прогноз уровня комфортности проживания населения в регионе, результаты которого без ограничения могут быть использованы для принятия управленческих решений; проводить межстрановые и межрегиональные сопоставления, а также рейтинги.

Библиографические ссылки

¹ Меринов Ю. Н. Эколого-социальная комфортность городской среды Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 2001. С. 140.

² См.: Саякин И. Е., Краснощеков А. Н., Трифонова Т. А. Оценка комфортности проживания населения в регионе (на примере Владимирской области) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 1 (7). С. 1880 — 1883.

³ См.: Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2. С. 33 — 53.

⁴ Там же.

⁵ См.: Сажин Ю. В., Скворцова М. А. Интегральная оценка социальной комфортности проживания населения в регионе // Финансы и бизнес. 2009. № 3. С. 191 — 201.

Поступила 01.12.2011 г.

УДК 94(470.345):321.01

С. В. Видяйкин

S. V. Vidyaykin

**СКЛАДЫВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ
В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.**

**FORMATION OF ADMINISTRATIVE
AND TERRITORIAL SYSTEM OF THE MORDOVIAN REGION
IN THE LATE XVI — THE EARLY XVII CENTURY**

Ключевые слова: уезд, стан, интеграция, территория, населенный пункт, крепость, граница, засечная черта.

В статье рассматриваются основные этапы формирования на территории Мордовского края в начале XVII столетия трех уездов — Темниковского, Арзамасского и Алатырского; определяются их территория, границы, внутреннее деление на станы.

Key words: uyezd, stan, integration, territory, settlement, fortress, border, abatis line.

The main stages of formation of three uyezds — Temnikov, Arzamas and Alatyр in the Mordovia region in the early XVII century are considered in the article; their territory, borders, internal division into stans are determined as well.

Формирование многонационального Российского государства происходило в течение нескольких столетий. Со второй половины XV в. его границы раздвигались все шире, охватывая новые территории и интегрируя соседние народы. В результате сформировался сложный комплекс политических, социальных, экономических и культурных структур и образований, объединенных на огромном пространстве России, — российская цивилизация. Сущность и характер этих судьбоносных для ее участников процессов определялись исследователями неоднозначно и посредством различного категориального аппарата. В зависимости от тех или иных исследовательских приоритетов использовались термины «присоединение», «вхождение», «покорение», «завоевание» и другие, характеризующие прежде всего доминирование того или иного народа, мира в формировании российской цивилизации и определяющие качественные характеристики состояния взаимоотношений народов. В целом, несмотря на разные подходы и используемую терминологию в оценке хода и результатов этих процессов, очевиден факт, что все они, по сути, являлись интегративными¹.

С окончательным разгромом Золотой Орды Русь обратила особое внимание на укрепление своих восточных границ, которым угрожало Казанское ханство, созданное на обломках Золотой Орды. По свидетельству многих письменных источников и географических карт, к середине 80-х гг. XV в. юго-восточная граница Российского государства стала проходить по линии: среднее течение Суры — среднее течение Мокши и Цны.

Укрепление позиций Российского государства на Средней Волге в XVI столетии сыграло важную роль в дальнейшей жизни поселившихся здесь народов. Летом 1551 г. во исполнение жалованной грамоты Ивана IV поволжские народы приняли присягу на верность русскому царю: «Чувашу и Черемису, и Мордву, Можаров и Тарханов привели к правде на том, что им государю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города Свяжского неотступным быти...»². С этого времени началось активное освоение новых территорий. Еще в 1523 г. в устье р. Суры была построена новая крепость Васильсурск; в 1535 г. в верховьях р. Мокши вырос г. Мокшанск; в 1536 г. на правом берегу Мокши, несколько выше Старого Темникова, который был «мал и некрепок», возник новый город Темников, через два года основан г. Елатьма, а к середине XVI в. — г. Свяжск на р. Свяге; в 1552 г. в устье р. Алатыря, при впадении ее в Суру, — город-крепость Алатырь³.

Интеграция Мордовского края в состав Руси началась с территории Темниковской Мещеры (условное название территориального образования XIV — конца XVI в., центром управления которым был г. Темников)⁴. Старгородская Темниковская крепость возникла как центр удельного княжества, по-видимому, в конце XIV в. параллельно с вхождением Мещеры в состав Руси. Эта территория выполняла роль буферной зоны между русскими княжествами и остатками кочевьев золотоордынских татар и ногайцев. В стратегических планах Москвы по овладению всей территорией Средней Волги Примокшанью и Присурью отводилась особая роль. Именно здесь были значительные людские и природные ресурсы для дальнейшего продвижения на восток. Все крепости приводились в боевую готовность. Темниковскую крепость перед казанскими походами из-за ветхости решили перенести на более удобное и неприступное место. В результате принятых мер она стала больше, стратегически ориентирована на северо-восток и расположена на возвышенности на правом берегу р. Мокши. Дубовая крепость была обнесена валом и рвом. Защищая границы Российской империи от набегов ногайцев и крымских татар, г. Темников перекрывал Ногайскую дорогу, соединявшую Ногайскую Орду через него и г. Владимир с Москвой. Готовясь к радикальному решению казанского и других поволжских вопросов, Москва превратила г. Темников в важнейшую стратегическую базу, основными задачами которой были наблюдение за границей и своевременное оповещение жителей близлежащих городов о приближении противника. Таким образом, г. Темников в Мещере длительное время играл важную роль: вначале как крепость в центре земель владетельных князей, а затем как военная крепость на границе Российского государства⁵.

Завоевание г. Казани и организация сторожевой и станичной служб в Поволжье не снизили напряженности на южных и юго-восточных границах Российской империи. Активизация враждебных действий со стороны крымских и ногайских ханов, за спинами которых стояла Турция, потребовала создания более прочной оборонительной линии. Уже во второй половине XVI в. русское правительство приступило к постройке сложной сети засечных черт. Так, в 1566 г. было закончено сооружение засечной черты Козельск — Белев — Волхов, в 1578 г. — Темников — Алатырь. Темниково-Алатырская засечная черта проходила лесной полосой от Кадомской засеки через р. Мокшу, затем лесом вдоль р. Алатыря до г. Алатыря, где соединялась с Тетюшской засекой, и шла к Волге. Вдоль засеки между г. Темниковом и Алатырем была создана сторожевая служба. На открытых местах, где

проходили дороги, стояли ворота (Бабаевские, или Ногайские, Чижовские, Пузские, Гуляевские и Ардатовские), укрепленные рвами и надолбами. В мирное время через ворота пропускали послов и обозы с товарами, а при нападении ногайцев и крымцев их закрывали и защищали с помощью военных гарнизонов засечной черты⁶.

С конца XVI в. г. Темников постепенно приобретал новое значение: из военно-стратегического он превращался в административно-политический центр управления краем. Темниковский воевода наделялся большими властными функциями и полномочиями. Поскольку вблизи г. Темникова проходила так называемая Большая посольская дорога, в город заезжали именитые гости, направлявшиеся в г. Москву. Так, в апреле 1658 г. в г. Темникове останавливалось персидское посольство. Однако с середины XVII в. в связи с прекращением действия Большой посольской дороги город стал терять административное значение, одновременно снижалась роль крепости. Быстро начали разрастаться посады, которые со временем превратились в одно общегородское поселение. Местопребывание воеводы уже находилось в центре этого посада⁷. В 1707 г. известный голландский путешественник Корнелий де Бруин, проезжавший через г. Темников, писал: «...Проехали множество рощиц, среди которых течет Мокша, довольно широкая тут... И мы прибыли в Темник — бедный городок, совершенно открытый и без крепости или кремля»⁸.

Темниковский уезд, расположенный в бассейне р. Мокши, занимал большую территорию и был создан сразу же после завоевания г. Казани. В начале XVII в. правительство провело ряд мер, направленных на упорядочение управления новыми территориями, в 1620-х гг. осуществило составление писцовых книг по уезду. В 1640-х гг. из состава Темниковского уезда и частично территорий соседних уездов были образованы Саранский и Инсарский уезды, а также Троицкая, Наровчатская и Краснослободская дворцовые волости. В административном отношении Темниковский уезд к 1680-м гг. состоял из четырех станом: Верхнемокшанского, Аксельского, Пичеполонгского и Подгородного, сохранившихся без существенных изменений до первой четверти XVIII столетия⁹.

В 1584 г. был основан важнейший административный центр Темниковского уезда — Красная Слобода¹⁰, его строительство позволило обезопасить плодородные земли Примокшанья от набегов ногайцев с юга и юго-востока. В это время началось их интенсивное заселение и освоение: «Принимая во внимание, что Красная Слобода и, немного позднее, Троицкое являлись административными центрами дворцовых сел, — писал А. Л. Хвощев, — нетрудно понять, кто начал или кто способствовал колонизации этой части Пензенского края. Это был дворец и его ближайшие родственники, взявшие в свои руки далекие и богатые окраинные земли»¹¹. Большинство дворцовых сел в окрестностях Красной Слободы принадлежало инокине Марфе, а позднее перешло приближенным к ней Салтыковым. Так, с. Долговерьясы и Шенино в документах за 1628 г. обозначены как вотчина боярина Б. М. Салтыкова¹².

После падения г. Казани на территории Мордовского края были образованы еще два уезда — Арзамасский и Алатырский. В 1576 г. по инициативе царских воевод на месте бывшей земляной русской крепости на р. Теше был построен г. Арзамас, а в дальнейшем образован Арзамасский уезд¹³. Во главе уезда стоял воевода. По разряду 1576 г., в списке воевод Русского государства в г. Арзамасе значился воеводой с 1573 г. Григорий Бобров-Шетнев¹⁴.

К концу XVI в. процесс образования Арзамасского уезда завершился, и в последующие годы происходило только расширение его территории. По данным источников XVII в., северная граница Арзамасского уезда проходила по р. Сереже и Пьяне (в верхнем течении). Вдоль берегов этих рек сосредоточивались самые большие бортные леса, принадлежавшие в конце XVI — XVII вв. Дворцу, а затем постепенно становившиеся владельческими. По причине плохой разграниченности лесов рубеж между Закудемским станом Нижегородского уезда и Тешским и Залесным станами Арзамасского уезда провести точно нельзя, хотя очевидно, что р. Сережа всегда была естественным рубежом, отделявшим нижегородские земли от арзамасских. В лесах же, расположенных западнее и юго-западнее ее устья, не локализовалось ни одного поселения вплоть до муромских земель¹⁵. Далее граница проходила по южному берегу р. Пьяны до ее устья, соприкасаясь с границей Курмышского уезда. Однако на этом протяжении граница шла не по прямой линии, а крутой дугой к югу, поскольку такие селения, как Пелекшево, Большой Вад и Малый Вад, с XVI в., по свидетельству Нижегородских платежниц, входили в состав Нижегородского уезда¹⁶. На востоке граница уезда шла по р. Пице на юг мимо селений Чуфарово, Чернуха, Утка и Лисий Враг, затем вновь пересекала р. Пьяну в районе селений Чернавское и Абрамово, где шла вверх по течению р. Соли вплоть до ее верховьев. Южная граница уезда проходила к югу от селений Резоватово, Лобаски, Шишадеево, Дураково, Старая и Новая Пуза до р. Ирсети, откуда к северу тянулась до р. Алатыря. С этого места границей уезда служила р. Алатырь до самых ее верховий. От Алатырских вершин граница шла через среднее течение р. Сатис и верховья р. Вичкинзы, минуя с. Кавлей и Гари, до большого лесного массива, который образовывал естественную западную границу Арзамасского уезда. Несомненно, что значительная часть этого лесного массива входила в территорию уезда, так как в ряде актов имеются указания на урочища с бортными ухоями арзамасской мордвы в районах верховий р. Сармы до р. Тешы и Сережи. Вся территория Арзамасского уезда занимала значительную площадь, приблизительно равную 9 800 кв. км¹⁷.

Вышеназванные границы Арзамасского уезда в XVII в. являлись приблизительными, так как к уезду причислялся ряд местностей соседних уездов и вновь захваченные помещиками земли, так называемое дикое поле. Так, к Арзамасскому уезду относился Завадский стан Курмышского уезда Арзамасской приписи в бассейне р. Вад, притока р. Пьяны, к северу от р. Кевсы; иногда причислялись некоторые территории Кадомского и Алатырского уездов. В начале XVII в. к Арзамасскому уезду относилась обширная, но мало заселенная местность за Пузской засекой, простиравшаяся за р. Алатырь и в бассейне ее правых притоков Ирсети, Инсары и Рудни. В первой половине XVII в. земли Арзамасского уезда граничили с территориями: Нижегородского и Курмышского уездов — на севере, Курмышского и Алатырского уездов — на востоке, Алатырского, Темниковского и Кадомского — на юге и Муромского уездов — на западе¹⁸.

Арзамасский уезд, в свою очередь, делился на более мелкие административные единицы — станы. При рассмотрении этого деления необходимо учитывать следующую важную особенность, а именно: в административно-территориальном отношении Арзамасский уезд представлял собой как бы два уезда, каждый из которых имел особое управление и административное деление. Так, один, населенный русскими помещиками и вотчинниками с их людьми и крестьянами, с обычным воеводским

управлением был в ведении Поместного приказа; другой, населенный мордвой и бортниками под управлением бортничьих и мордовских дел воевод с особой от городского воеводы Приказной избой, относился к дворцовому ведомству и соответственно тому приказу, в чьем ведении находились дворцовые вотчины. Таким образом, одновременно как бы существовали два Арзамасских уезда: «русский» и «мордовский». Конечно, данные термины в значительной степени весьма условны. В «мордовском уезде» могли состоять и русские бортники, а в «русском» — помещики и крестьяне нерусской национальности¹⁹.

В течение XVII в. всего насчитывалось пять «русских» станов: Тешский, Ичаловский, Иржинский, Подлесный и Залесный. Первые четыре стана находились в бассейне р. Теши и нередко в документах носили общее наименование — Утишье. Эти четыре стана отграничивались от остальной территории Арзамасского уезда следующими лесами: Собакинским, Шатковским, Алатырским и Муромским. Так, с запада Утишье заслоняли массивы Муромского леса, на севере стан граничил с полосой Собакинских лесов, на востоке его отделяли Шатковские леса, а на юге — Алатырские, примыкавшие к Муромским лесам. Название Тешского стана произошло от названия р. Теши; Ичаловского — от с. Ичалова. Тешский и Ичаловский станы точному разграничению не поддаются, так как относящиеся к ним населенные пункты были тесно переплетены друг с другом и располагались по р. Теше и к западу от нее, а также вокруг с. Ичалова. Иржинский стан получил название по р. Ирже и включал в себя бассейн р. Сухой и Мокрой Иржи (на юге) и доходил до берегов р. Теши (на севере). Подлесный стан занимал территорию в бассейне р. Лемети — притока р. Теши. Располагаясь на западной границе Арзамасского уезда вдоль Муромского лесного массива, а на северной — вдоль Собакинского лесного массива, этот стан получил наименование «Подлесный»²⁰. Пятый — Залесный стан полностью находился в бассейне р. Пьяны, за Шатковским и Собакинским лесами, т. е. к востоку от первых четырех станов, превышая их по размеру в два-три раза. Название «Залесный» стан получил в силу своего местоположения²¹. Он делился на две части — за Шатковскими воротами и за Собакинскими воротами, причем в некоторых источниках они фигурируют как самостоятельные станы.

В свою очередь «мордовский» уезд делился всего на два стана — Утишный и Залесный. Причем в отличие от «русских» станов оба они составляли территориальное целое. Западную часть Арзамасского уезда занимал Утишный стан, или Утишье, восточную — Залесный стан, или Залесье. Разделявшая их линия проходила от устья речки Чернушки, впадавшей в р. Серезу, к ее вершинам, а затем по течению Сатиса до южной границы Арзамасского уезда. А. А. Гераклитов следующим образом объяснял происхождение названий «Залесный» и «Утишный»: вся территория от Арзамаса к востоку за лесом была Залесьем, или Залесным станом. На название западной части уезда повлияло то, что она, защищенная рядом засек, пользовалась большей безопасностью от набегов, жизнь там была спокойнее и тише. В источниках нередко встречается выражение «в Тиши», т. е. в Утишном стане. Деление на станы исследователь считал весьма древним. Так, в переписи 1677 г. принимали участие «бортники и мордвы выборные люди», представлявшие отдельные коллегии по каждому стану. По сказкам выборных, денежные и всякие доходы за запустевшие деревни и беглую мордву «платили они... всем уездом»²². Данный факт, по мнению А. А. Гераклитова, заставляет предполагать не только круговую поруку, но и

какую-то выборную организацию для раскладки податей. Таким образом, «мордовские» станы Арзамасского уезда до конца XVII в. сохраняли, в противоположность «русским» станам, черты, характеризующие древнюю волость. Сохранение таких черт логично, так как население данных станов состояло из дворцовых крестьян, преимущественно мордвы. Таким образом, данные источников позволяют сделать вывод, что «мордовские» станы возникли гораздо раньше «русских», являясь отзвуком гораздо более древнего исконного разделения данного региона на две половины, с которым пришлось считаться и русскому административному аппарату при вхождении данной территории в состав Московского государства²³.

Алатырский уезд как административная единица был образован, вероятно, одновременно с постройкой города-крепости Алатыря. Из благословенной грамоты 1703 г. митрополита Нижегородского и Алатырского на строительство новой церкви в г. Алатыре следует, что город был основан в 1552 г.: «...как ево Государево шествие было под Казань, построен город Алатырь и соборная церковь, да придел Иоанна Предтечи»²⁴. Согласно источникам, первоначально мордовские населенные пункты входили в состав более древнего Свияжского уезда. В 1565 г. была составлена «Писцовая и межевая книга города Свияжска и его посада и поместных и монастырских и церковных земель в уезде, письма и межеванья Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреева Кикина». Согласно источнику, мордва, жившая в Посурье, административно подчинялась новообразованному Алатырскому уезду, другая часть мордовского населения «разошлись по своим старым улусам по вотчинам и ужоме в мордву на Мокшу и по Суре»²⁵.

К началу XVII в. Алатырский уезд занимал обширную часть правобережной Приволжской возвышенности в междуречье р. Пьяны, Алатыря и Суры, являясь относительно слабо заселенной восточной окраиной Российского государства. С юга и юго-востока уезд граничил с Диким полем — пространством, которое занимали кочевники, нередко совершавшие набеги на территорию уезда.

Алатырский уезд был расположен в среднем течении Суры, включая левобережные притоки Чеберчинку, Алатырь и Пьяну. Начиная от селения Пожарки, границей уезда служила р. Пьяна до ее впадения в Суру; от устья Пьяны в южном направлении границей являлась р. Сура, приблизительно до впадения в нее р. Атратки; от устья р. Атратки и до р. Бездны территория уезда захватывала также правый берег Суры, включая упомянутые выше с. Атрать и Алтышево. В этом направлении граница не могла уходить далеко на восток, так как в непосредственной близости к с. Атрать и Алтышево находились бортные ужожаи, в которых наряду с мордвой бортничали чуваша и черемисы. Выше впадения р. Бездны Сура сохраняла значение восточной границы уезда до д. Промзино Городище, выше которого часть дворцовых поселений переходила на правый берег Суры. От д. Промзино Городище граница шла прямо на юг по верховьям рек, впадавших в р. Барыш, а по верхнему течению этой реки, примерно до современной железнодорожной линии — на г. Ульяновск. Отсюда граница уезда резко поворачивала на запад и примерно по 54-й параллели шла до р. Суры. Затем граница вновь делала резкий поворот, но уже в северном направлении. Начиная с нижнего течения р. Инсара, граница уезда шла в западном направлении до устья р. Рудни. От р. Алатыря граница проходила к северу и через левый берег реки захватывала верховья р. Азанки, далее шла по р. Чеке до р. Пьяны, вдоль нее — до устья р. Ежати и, делая крутой поворот к северу, — по р. Райке и

Пице опять до р. Пьяны, где соединялась с северной границей уезда²⁶. В этих пределах Алатырский уезд граничил: на юге и юго-западе — с Темниковским уездом, в который в то время входили и верховья р. Суры; на западе — с Арзамасским; на севере — с Нижегородским; на востоке — с Курмышским.

В отличие от Нижегородского и Арзамасского уездов Алатырский уезд, как и Темниковский, в течение всего XVII в. претерпевал множество изменений. Границы, указанные выше, уезд сохранял лишь до второй четверти XVII в. К концу второй четверти XVII в. на юго-востоке Российского государства началось усиленное строительство новых городов (Саранска — 1641 г., Карсуна — 1647 г. и Симбирска — 1648 г.), при которых также возникали уезды, образуемые на месте прежних. Так, Саранский уезд возник преимущественно за счет Темниковского, к нему отошла и часть селений алатырской мордвы, находившихся в южной и юго-западных частях Алатырского уезда. Следовательно, для второй половины XVII в. граница Алатырского уезда была изменена следующим образом — от д. Промзино Городище она поднималась к северу несколько дальше и продолжалась по р. Сура до устья р. Штырмы, а по ней — до верховий р. Пьяны и Медяны и далее — по старой границе.

Алатырский уезд разделялся на три стана. Так же, как и в Арзамасском уезде, число станов определялось в зависимости от национальности населения. Так, в материалах 1-й ревизии мордовские сказки группировались по трем станам, тогда как сказки русских помещиков — по пяти²⁷.

В писцовых книгах Д. Пушечникова²⁸ Алатырский уезд делился на следующие станы: Верхосурский, Верхалатырский и Верхопьянский; в переписных книгах И. Путятина 1671 г.²⁹ и В. Путятина 1688 г.³⁰ — на Верхосурский, Верхалатырский и Низсурско-Чукальский; в переписной книге 1696 г.³¹ перечисляются Верхосурский, Верхалатырский и Низсурский станы. Несмотря на различные наименования станов в писцовых и переписных книгах, источники подтверждают, что речь идет об одних и тех же станах, а Верхопьянский стан у Д. Пушечникова есть то же самое, что Низсурско-Чукальский и Низсурский — в более поздних переписях.

Река Алатырь делила Алатырский уезд на две части: северную и южную. Северную половину уезда занимал Низсурский стан, центральную — Верхалатырский, юго-восточную — Верхосурский. Граница Низсурского стана на севере проходила по нижнему и среднему течению р. Пьяны, где в районе ее притока (р. Пицы) находились смежные земли мордвы Нижегородского уезда; на западе граница шла по верховьям р. Пьяны и Большой Медяны, где стан граничил с поместными русскими и татарскими землями Арзамасского уезда; на юге естественным водным рубежом Низсурского стана была р. Алатырь; на востоке — р. Сура (очевидно, до ее притока — речки Люли, откуда граница стана переходила на правый берег р. Суры и шла вдоль нее по «чорному лесу»). Верхалатырский стан получил наименование по своему положению — вверх по р. Алатырю. С севера он был ограничен течением Алатыря, с запада и юго-запада — Арзамасским и Темниковским уездами. Территория Верхалатырского стана представляла собой узкую полосу, проходившую по правобережью р. Алатыря и расширявшуюся в бассейне р. Нуи. Граница Верхосурского стана на севере проходила по р. Алатырю, на востоке — по правобережью р. Суры до ее притока — р. Барыша, далее рубежом ему служила засека, тянувшаяся от р. Барыша до р. Ломова (притока р. Цны), где

в районе притока Суры (речки Аргаша) стан граничил с землями татар Темниковского уезда.

Таким образом, к началу XVII столетия в Мордовском крае возникли три устойчивых административно-территориальных образования — Темниковский, Арзамасский и Алатырский уезды. Процесс их формирования проходил сложно и неравномерно. Его важнейшим фактором являлось то, что на территории региона проживало значительное количество автохтонного мордовского населения, что приходилось учитывать при районировании края. Так, в Алатырском и Арзамасском уездах административное деление отличалось двойственностью — существовали «мордовские» и «русские» станы, причем они не разделялись географически и во многом «накладывались» друг на друга. Благодаря этому в административном делении уездов были сохранены архаичные ареалы расселения мордвы. Намного сложнее аналогичные процессы протекали в Темниковском уезде, находившемся западнее остальных уездов Мордовского края. Здесь интегративный процесс начался гораздо раньше, поэтому к моменту создания уезда в его основной части мордва, русские и татары жили настолько перемешанно, что у властей не было возможности разделить разнотническое население по станам. В южной части Темниковского уезда, где расширение территории и приток населения активизировались лишь в первой половине XVII столетия, сформировалось несколько локальных групп дворцового мордовского населения — Краснослободская и Троицкая дворцовые волости.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Финно-угорские народы России: генезис и развитие. Саранск, 2011. С. 150.
- ² Документы и материалы по истории Мордовской АССР : в 4 т. Саранск, 1940. Т. 1. С. 131.
- ³ См.: **Гошуляк В. В.** История Пензенского края : в 5 кн. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 48.
- ⁴ См.: **Первушкин В. В.** Пензенский край как часть Темниковской Мещеры в XIV — начале XVII в. // Новая биржевая газ. 1996. 12 нояб. С. 2 ; 14 нояб. С. 7.
- ⁵ См.: **Лезина Е. П.** Города на территории Мордовии в XVI — XVIII вв. Саранск, 2002. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 13.
- ⁷ См.: **Чернухин А. А.** Темников. Саранск, 1973. С. 15 — 16.
- ⁸ **Бруин К. де.** Путешествие через Московию. М., 1873. С. 233.
- ⁹ См.: **Заварюхин Н. В.** Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII — начале XVIII в. : (По переписным и писцовым книгам) // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1975. С. 76. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 55).
- ¹⁰ См.: **Юрченков В. А.** К вопросу о времени основания Красной Слободы // Российская провинция: история, культура, наука : материалы II — III Сафаргалиев. науч. чт. Саранск, 1998. С. 270 — 280.
- ¹¹ **Хвощев А. Л.** Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922. С. 35.
- ¹² См.: Красная Слобода. Саранск, 2008. С. 51.
- ¹³ НА НИИГН. Ф. И-547. Л. 115.
- ¹⁴ См.: Чтения общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1909. Кн. 3 (230). С. 4 — 7.
- ¹⁵ **Давыдова А. А.** Границы Нижегородского уезда в конце XVI — XVII вв. и их пространственные изменения : Внутр. административно-территор. структура [Электронный ресурс]. URL:<http://opentextnn.ru/> (дата обращения 13.04.2010).
- ¹⁶ См.: **Герасимов А. А.** Арзамасская мордва : По писцовым и переписным книгам XVII — XVIII вв. Саратов, 1930. С. 11 — 12.
- ¹⁷ НА НИИГН. Ф. И-547. Л. 116 — 118.

- ¹⁸ Там же. Л. 118 — 119.
¹⁹ См.: **Герасимов А. А.** Арзамасская мордва. С. 13 — 14.
²⁰ НА НИИГН. Ф. И-547. Л. 119.
²¹ Там же. Л. 120.
²² См.: **Герасимов А. А.** Арзамасская мордва. С. 15.
²³ Там же.
²⁴ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Симбирск, 1898. Т. 2. С. 43.
²⁵ НА НИИГН. Ф. И-1243. Л. 122.
²⁶ См.: **Герасимов А. А.** Алатырская мордва : По переписям 1624 — 1721 гг. Саранск, 1938. С. 13.
²⁷ Там же. С. 15.
²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535 ; ГА УО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 69. Л. 52 — 202 об.
²⁹ ГА УО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 69. Л. 207 — 289.
³⁰ Там же. Л. 291 — 370 об.
³¹ Там же. Л. 373 — 469 об.

Поступила 29.02.2012 г.

УДК 94(470):321.01

А. В. Храмов
A. V. Khratov

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РОСТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.*

TERRITORIAL EXPANSION OF THE RUSSIAN EMPIRE AND ITS INFLUENCE ON THE CHANGE OF GOVERNMENT MECHANISMS AT THE END OF THE XVIII — THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: территориальный рост, механизм управления, административно-территориальная система, министерство, генерал-губернаторство.

В статье анализируется трансформация механизмов управления, формировавшихся в Российской империи в процессе ее территориального роста.

Key words: territorial expansion, government mechanism, administrative and territorial system, the Ministry, the General-Government.

The transformation of government mechanisms, formed in the Russian Empire during its territorial expansion, is analyzed in the article.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 — 2013 годы, проект № 14-740-11-0239.

Со второй половины XVIII в. происходил масштабный рост Российской империи, в ходе которого в ее состав включались территории, кардинально различавшиеся в экономическом и культурном отношении. Этот этап развития государственности потребовал от самодержавия выработки системы мер, направленных на построение эффективной системы управления как в центре, так и на местах.

Во второй половине XVIII в. произошло изменение отношения правящей элиты к управлению государством. К. С. Чернов справедливо пишет: «Предыдущий XVIII век, с одной стороны, подвел итог предшествовавшему историческому периоду, с другой — ознаменовался становлением в России самодержавного строя, что потребовало формирования принципиально иной общественно-политической системы и соответствующей ей модели административного управления империей, способной быстро и эффективно решать внутри- и внешнеполитические задачи, встающие перед страной»¹. Действительно, если Петр I был правителем-прагматиком, изменявшим механизмы управления государством в процессе решения текущих задач, то Екатерина II изначально провозгласила необходимость повышения эффективности государственного аппарата за счет создания механизма управления, действующей вне зависимости от того, кто находится на троне. Отчасти этому способствовал европейский политический опыт. Известно, что в «Наказе по составлению нового Уложения» (1766 г.) Екатерина II высказалась в поддержку монархии как наилучшей формы правления для России. Характерно, что в тексте «Наказа...» содержится не просто апология монархии, а обоснование ее эффективности: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно»².

Именно во время правления Екатерины II в состав Российского государства вошли территории, принадлежавшие к различным культурным типам, что отразилось на отношениях между метрополией и окраинами. Так, О. Юмашева к первым проявлениям имперского духа относит подавление восстания в Польше в 1794 г. под руководством Т. Костюшко. По ее обоснованному мнению, классической империей Россия являлась с 1794 по 1917 г.³

Территориальный рост империи и включение в ее состав разнородных элементов требовали изменения механизмов управления. Однако Екатерине II не удалось создать стройную и единообразную систему правления государством. Реформировав органы губернского управления (введение генерал-губернаторства), она не привела в порядок центральное управление и не обеспечила их взаимодействие. Что касается учреждения губерний, то и в этом случае императрица отступила от установленной ею системы, создав из сорока губерний двадцать наместничеств. Во главе наместничеств были поставлены такие яркие личности, как В. А. Потемкин, П. А. Румянцева, Н. А. Мельгунов, И. Г. Чернышов, Е. К. Сиверс. А. Д. Градовский, исследующий государственное право в Российской империи, пишет по этому поводу следующее: «Чрезвычайная власть, вверенная таким лицам, могла принести значительную пользу в то время. Грубое общество, хотя исповедовавшее вольтеррианскую веру, но давившее крестьян; чиновничество, воспитанное в школе казнокрадства и взяточничества; экономические бедствия страны — словом, все, что произвело пугачевщину, могло быть несколько исправлено сильною, энергической властью

просвещенных наместников»⁴. Таким образом, задачу улучшения управления Екатерина II свела к вопросу о назначении достойных руководителей, тем самым не достигнув цели, поставленной изначально.

Павел I отменил генерал-губернаторство, создав при этом институт военных губернаторов. Если Екатерина II при решении проблем государственного управления делала ставку на децентрализацию власти, предоставляя широкие полномочия наместникам, то Павел I стремился к ее централизации.

Во время правления Александра I тенденции территориального роста в развитии российской государственности стали доминирующими. Границы империи расширились за счет присоединения Грузии, киргизских земель, Бессарабии, Финляндии и Польши. Несмотря на то что новые территории включались в состав империи на принципе признания существовавших там норм управления, самодержавие постоянно пыталось разработать унифицированную систему, позволяющую контролировать окраины. Количественный рост территорий и их качественное разнообразие усугубляли создание эффективного механизма управления. Экспансионистская политика Александра I обострила проблемы соотношения центра и окраин и преодоления автономии последних. Кроме территориального роста, поиски новых механизмов затруднялись усложнением задач управления, которые вставали перед правящими кругами. Александр I должен был не только модернизировать, но и согласовывать центральное и местное управление, добиваясь эффективной деятельности этих ветвей власти. Важнейшей особенностью решения данной задачи являлось то, что повышение эффективности системы управления связывалось с использованием действующих в Европе политико-правовых механизмов.

Начало правления Александра I ознаменовалось деятельностью Негласного комитета, который, по мысли императора, должен был предложить план коренных государственных преобразований. Однако наиболее продвинулись члены комитета в реформировании органов центрального управления, несовершенство которых было очевидно для всех. Историк А. Корнилов, оценивая реформаторскую деятельность Александра I в начале его царствования, справедливо указывает: «Учреждение министерств было, собственно говоря, единственной вполне самостоятельной и доведенной до конца работой негласного комитета. <...> Воспользовавшись уроками, полученными в негласном комитете, и получив от него в дар усовершенствованный инструмент для дальнейшей разработки вопросов внутреннего управления в виде министерств и комитета министров, Александр, несомненно, почувствовал себя более устойчивым»⁵. Несмотря на все несовершенства, система министерств по сравнению с коллегиями значительно продвинулась на пути централизации и бюрократизации власти.

Следующий этап реформирования государственного управления связан с деятельностью М. М. Сперанского, разработавшего по просьбе императора соответствующий проект, в основу которого были положены принципы разделения властей и создания выборного законодательного собрания. Однако сам М. М. Сперанский признавал очевидные проблемы в принципах совершенствования управления и во «Введении к уложению государственных законов» отмечал следующее: «В разделении губерний на уезды доселе большею частью принимаемо было в счет одно расстояние. Население их весьма различно. Есть уезды, в коих совсем почти нет людей, коим по настоящему государственному положению должны принадлежать права поли-

тические, и есть другие, в коих число их очень мало. Следовательно, в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы. Даже в порядке судебном и исполнительном, ныне существующем, раздробление уездов производит разные затруднения. Есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест, хотя и чинится по выборам, но в самом деле зависит большею частью от произвола губернатора. Нет почти возможности, раздробив управление губернаторское на 12 частей, для каждой из них приискать столько надежных и исправных чиновников, сколько суд и добрая полиция их требует, и объять все сии части одним надзором губернатора и прокурора»⁶. Введение выборных начал, по мнению М. М. Сперанского, было затруднено недостатком образованных слоев общества, делавшим административный произвол единственно возможным инструментом управления.

Если проект преобразований, предложенный М. М. Сперанским, так и не был реализован, то министерская система была им серьезно усовершенствована. «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г., разработанное М. М. Сперанским, завершило министерскую реформу: определило единоначалие как основной принцип организации и деятельности; установило единообразие структуры, делопроизводства и отчетности, систему взаимоотношений структурных частей внутри министерств, а также с другими учреждениями. Была введена бюрократическая соподчиненность чиновников внутри министерств и полная централизация власти: окончательное решение большинства дел принадлежало только министрам.

Создание министерской системы только отчасти усовершенствовало механизмы управления империей, что непосредственно связывается исследователями с размерами последней. Власть министерств в отдаленных районах страны была крайне слаба. Так, Д. И. Раскин отмечает, что в связи с министерской реформой «преобладающим мотивом российской государственной мысли в первой четверти XIX в. применительно к системе местного управления было признание невозможности эффективно управлять из центра несколькими десятками губерний. Отсюда следовала идея о необходимости создания укрупненных округов, управляемых, или, по крайней мере, контролируемых особо доверенными сановниками»⁷.

Анализируя эволюцию реформаторских планов правительства Александра I, В. Г. Арутюнян пишет: «После войны, продолжая начатые преобразования, Александр I обратился к устройству местного управления. Главную проблему он видел в слабой дисциплине губернских чиновников при невозможности эффективно контролировать их из центра. Поэтому было решено, не меняя самих учреждений, ввести постоянный орган местного надзора за исполнением в губерниях законов и предписаний высших властей»⁸.

В послевоенный период правительством Александра I были предприняты попытки усовершенствовать систему отраслевого управления, представленную министерствами, за счет территориального управления. Решение поставленной задачи осуществлялось посредством нескольких взаимосвязанных проектов: по созданию генерал-губернаторств, Государственной уставной грамотой 1820 г., известной как «Уставная грамота Н. Н. Новосильцева», и сибирскими реформами 1822 г. М. М. Сперанского.

В. Г. Арутюнян перечислил предпосылки осуществления генерал-губернаторского проекта: «Два соображения повлияли на появление этой идеи: во-первых, неудовлетворительное состояние и ход местного управления, а во-вторых, необходимость

сообразовать губернскую администрацию с высшими и центральными государственными учреждениями, реформа которых была проведена в 1802 — 1812 гг.»⁹. По нашему мнению, этот проект был связан с дарованием Царству Польскому конституции, которая радикально усилила разнородность механизмов управления различными частями империи.

Согласно генерал-губернаторскому проекту, вся территория империи должна была разделяться на наместнические округа, объединявшие по несколько губерний. Во главе округа стоял наместник, который подчинялся непосредственно императору. Этот проект не только разрабатывался теоретически, но и осуществлялся практически. Так, в 1819 г. пять губерний центра России были объединены под управлением генерал-губернатора А. Д. Балашева. Эксперимент был призван непротиворечиво вписать генерал-губернаторов в существовавшую систему управления государством и прекратился после смерти Александра I.

В. Г. Арутюнян указывает на определенные изменения в положении генерал-губернаторов по сравнению с эпохой Екатерины II: «...сама должность генерал-губернатора была теперь принципиально иной. Очевидно, Александр I хотел сочетать оба института: министерства и генерал-губернаторов, приравненных к министрам. Вся империя делилась „в одних и тех же частях двояким образом, то есть: на ветви управительные и на округа управительные“. Обе системы, контролируя друг друга, замыкались на императоре, и, таким образом, его собственный контроль усиливался»¹⁰. Тем самым можно предположить, что император в рамках своей преобразовательной деятельности делал попытку сочетать отраслевое и территориальное управления посредством взаимного преодоления недостатков и усиления достоинств двух систем.

Не меньший интерес представляет проект усовершенствования государственного и административно-территориального управления по «Уставной грамоте Н. Н. Новосильцева». Одним из ее аспектов являлось разделение страны на наместничества, что отвечало идеям генерал-губернаторского проекта. С. В. Мироненко, рассматривая наместничества как попытку федерализации империи, тем не менее однозначно увязывает ее с совершенствованием системы управления: «Как видно из текста „Уставной Грамоты“, в федеративном устройстве ее авторы видели средство внести относительный порядок в управление огромной страной. Создание правительственных кабинетов наместничеств, обсуждение всех конкретных нужд края в сейме должны были гарантировать верное и быстрое осуществление на местах правительственной политики, упорядочение ведения дел, завершили бы перестройку всего управления страной по лучевому принципу»¹¹. В отличие от министерской реформы создание наместничеств закончилось неудачей. Историки связывают это с наличием широкого круга противоречий между территориальной и отраслевой системами, примирить которые не удалось. Со смертью Александра I проект был полностью прекращен.

Важным аспектом совершенствования системы управления являлась политика самодержавия по отношению к окраинам. Вопреки декларируемому стремлению к унификации управления, самодержавие не только не отказалось от использования особых форм управления на окраинах, но и проявило стремление к их узаконению. Так, в 1809 г. была дана конституция Финляндии, в 1815 г. — Царству Польскому; в 1812 г. было введено автономное управление в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Остзейским краем; разрабатывались специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, областью Войска Донско-

го. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который помимо внешнеполитических вопросов занимался делами по управлению казахами. Л. М. Дамешек и А. В. Ремнев характеризуют государственные методы региональной политики в диапазоне «от своеобразного „имперского федерализма“ до простой деконцентрации административного аппарата»¹². В русле этих преобразований они рассматривают и административную политику правительства в Сибири.

Сибирская административная реформа 1822 г., осуществленная М. М. Сперанским, предполагала установить законность в управлении краем, а также создать систему, сдерживавшую личный произвол. Л. М. Дамешек и А. В. Ремнев пришли к выводу, что главная цель сибирской реформы не была достигнута, при этом они отметили ее позитивное значение: «Несомненно, сибирская административная реформа 1822 г. явилась важным шагом на пути рационализации местного управления, введения его в правовые рамки... Многие из провозглашенных мер на практике не получили полного воплощения. Упорядочить сибирское законодательство Сперанскому все же удалось. „Сибирское учреждение“ 1822 г. можно рассматривать в качестве первого опыта создания своеобразного свода сибирских законов, и в этом отношении сибирская кодификация опередила общероссийскую ровно на десять лет»¹³.

Что касается попыток внесения конституционных начал в государственную систему, то они остались полностью не реализованными, что и было отмечено исследователями. Так, С. В. Мироненко пишет: «Интенсивные поиски новых путей развития, характерные для самодержавия в 1815 — 1820 гг., почти никак не отразились в его практических действиях... В этом смысле все александровское царствование предстает удивительно цельным. Ведь даже такие значительные административные реформы первого десятилетия XIX в., как создание министерств или учреждение Государственного совета, ни в коей мере не затрагивали основ существующего строя, став на деле лишь косметическим ремонтом „безобразного здания“ самодержавия»¹⁴. К. С. Чернов дает еще более определенную оценку правительственному конституционализму Александра I: «Использование в процессе складывания административных структур самодержавной монархии западноевропейских управленческих механизмов было лишь одним из возможных способов построения абсолютистской государственности»¹⁵.

Таким образом, в конце XVIII — первой четверти XIX в. происходил территориальный рост Российской империи. Этот процесс потребовал от правительства значительных усилий в совершенствовании системы организации власти. Период правления Александра I был отмечен новыми тенденциями в формировании механизмов управления, а именно: усилением централизации власти, созданием действенных методов территориального управления посредством укрупнения регионов и использованием особых форм законодательства для национальных окраин. Эти тенденции находились в противоречии друг с другом, равно как и со стремлением правительства к унификации механизмов управления и его укрепления на основе законности.

Библиографические ссылки

¹ Чернов К. С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» : (К вопросу о рос. конституционализме) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2007. С. 3.

² Наказ по составлению нового Уложения // Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 23.

³ См.: Юмашева О. Г. Выбор или судьба // Родина. 1995. № 9. С. 26 — 30.

⁴ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. 3 [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3988988/chapter/53/> (дата обращения 23.10.2011).

⁵ Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 2004. С. 124 — 129.

⁶ План государственного преобразования графа М. М. Сперанского : (Введение к уложению гос. законов: 1809 г.). М., 1905. С. 71.

⁷ Раскин Д. И. Институт генерал-губернаторства и становление системы министерского управления // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1. С. 65 — 92.

⁸ Аругюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2008. С. 23 — 24.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ Там же. С. 234.

¹¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы : Полит. борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 194 — 195.

¹² Дамешек Л. М., Ремнев А. В. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 94.

¹³ Там же.

¹⁴ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 207.

¹⁵ Чернов К. С. Указ. соч. С. 25.

Поступила 17.01.2012 г.

УДК 323.172:129.13

И. В. Курлевский

I. V. Kurlevsky

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЯБЛОКО» (По материалам избирательных кампаний 1990-х гг.)***

**THE PROBLEMS OF RUSSIAN FEDERALISM DEVELOPMENT
IN PROGRAM DOCUMENTATION OF THE POLITICAL PARTY
«YABLOKO» (According to the election campaigns of the 1990s)**

Ключевые слова: государство, интеграционная политика, конституционная федерация, политическая партия, регион, субъект федерации, федеративная политика.

В статье анализируются программные установки политической партии «Яблоко», выдвинутые в процессе ее участия в избирательных кампаниях 1990-х гг.; определяется степень их преемственности по отношению к предложениям партий-соучредителей. Содержание основных программных документов партии рассматриваемого периода исследуется в плоскости формирования и реализации федеративной политики в России.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания, проект 6.3306.2011.

Key words: state, integration policy, constitutional federation, political party, region, subject of the federation, federative policy.

The program directives of the political party «Yabloko», put forward during its participation in the election campaigns of the 1990s are analyzed in the article; the degree of succession with respect to the proposals of the parties-founders is determined as well. The content of the main program documents of the party in the period in question is studied in the plane of the formation and implementation of federative policy in Russia.

Период 1990-х гг. в России был связан с масштабными трансформационными процессами, обусловленными переходом к новой социально-политической системе. На фоне крушения прежней государственности, сепаратизации пространства как всего СССР, так и РСФСР / РФ, необходимо было решить проблему формы государства — закрепить новую форму правления, определить политико-территориальное устройство и адекватный требованиям времени государственный режим, сопрягающийся с политическим режимом. Легальный и легитимный ее способы с учетом провозглашенного приоритета демократических ценностей требовали диверсификации подходов в этой области. Важная роль при этом отводилась политическим партиям, деятельность которых в немалой степени должна была способствовать обеспечению плюрализма по мере «демонтажа» монополии одной партии и ее идеологии. Большой интерес в контексте переплетения новых элементов представляет дискурсивная практика одной из ведущих оппозиционных партий постсоветской России — Российской объединенной демократической партии «Яблоко».

Вопросы государственного устройства России традиционно занимают значительное место в программных документах партии «Яблоко». В связи с этим небезынтересно выявить степень преемственности ее позиций по отношению к установкам ключевых партий — соучредителей нового объединения в 1993 г. Так, Республиканская партия Российской Федерации (РПРФ) в декларации 1990 г. выступила за «реальное наполнение и защиту суверенитета России, воссоздание ее государственности в форме демократической республики»¹. При этом партия признавала необходимость замены Союзного правительства межреспубликанским комитетом, члены которого делегируются республиками, а Конституции СССР — Союзным договором. Российскую Федерацию РПРФ рассматривала как объединение на основе равноправия, самоопределения и свободного выбора путей, способов социально-экономического, политико-правового и национально-культурного развития национально-территориальных и региональных образований. Для РПРФ была характерна убежденность в том, что «дружба народов, населяющих Россию, может возродиться только при условии создания свободного союза суверенных национально-государственных образований»².

Христианско-демократический союз России (ХДСР) в числе основных принципов провозгласил обеспечение прав наций на самоопределение, включающее отделение и создание суверенной парламентской России. В программе ХДСР формулировалось видение будущего союза как Конфедерации независимых государств. Партия выступала за неделимость России и преобразование ее в суверенное государство с федеративным устройством, где субъектами федерации являлись бы национально-государственные образования и крупные регионы. Согласно программе ХДСР, обретение Россией полного суверенитета и изменение ее внутреннего устройства должны

были происходить эволюционным путем, по мере внесения изменений в действующее законодательство³.

В предвыборной платформе в ноябре 1993 г. избирательный блок «Явлинский — Болдырев — Лукин», в который вошли и названные партии, заявил о необходимости «постепенно и осторожно отказаться от устаревшего административно-территориального деления страны, введенного в целях командного управления ею»⁴. Обращает на себя внимание предложение нового, по сравнению с предшественниками блока, принципа построения Российской Федерации — «в результате объединения исторически сложившихся крупных российских земель»⁵. В связи с этим акцентировалась значимость инициатив «снизу», что, напротив, в определенной степени коррелировалось со взглядами Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР) относительно ее концепции «общества народного самоуправления»⁶. Новое объединение «Явлинский — Болдырев — Лукин» заняло более твердую и вместе с тем достаточно компромиссную (имея в виду соотношение интересов целого и частного) позицию по вопросу о свободе и самостоятельности субъектов Российской Федерации. Таким образом, основными задачами «Яблока» являлись: утверждение федеративного строя; решительное противодействие как централизаторско-унитаристским, так и сепаратистским устремлениям; создание баланса власти на федеральном уровне.

С другой стороны, «яблочники», поясняя отличия собственной позиции от позиций других блоков, партий и объединений, подчеркивали, что «центр управления страной и, соответственно, центры проведения реформ, сегодня находятся не только в Москве, но и в крупнейших российских регионах. Они уже не могут быть слепыми исполнителями воли центра»⁷. Отстаивая концепцию «конституционной федерации», блок тем не менее считал, что существуют «объективные причины стремления российских регионов к большей самостоятельности»⁸.

Поскольку избирательная кампания 1993 г. проходила в условиях разработки Основного закона Российской Федерации, представители «Яблока» связывали ключевые предложения в развитии российского федерализма с вопросами принятия и действия новой Конституции страны. Основные установки блока предполагали следующее:

- закрепление принципа равенства прав гражданина Российской Федерации независимо от того, на территории какого субъекта федерации он проживает;
- оформление конституционной, а не договорной федерации;
- признание единства России в качестве непреложного принципа. Партия выступила против закрепления в конституциях Российской Федерации и ее территорий права выхода из состава федерации. Одновременно указывалось, что единство России может быть обеспечено «только политическими средствами, с учетом коренных интересов всех народов страны»;
- единообразие бюджетных взаимоотношений федерального центра и регионов, приоритет федерального законодательства;
- поощрение процессов межрегиональной интеграции, а именно: объединение субъектов федерации на основе экономической, социальной и географической общности соседних административно-территориальных образований, постепенное формирование более крупных региональных объединений на неэтнической основе;
- разделение вопросов федеративного устройства и национальной политики, которая должна была составлять самостоятельную сферу деятельности государ-

ственных органов. Предлагалось ее построение на основе института культурной (экстерриториальной) автономии, что способствовало бы преодолению территориальной раздробленности народов и неравенства их политического статуса. В связи с этим подчеркивалось, что экстерриториальная автономия является долгосрочной целью, движение к которой должно быть постепенным, без насильственной ломки сложившихся территориальных образований, с «адресной» государственной поддержкой малочисленных народов, не обладающих собственными возможностями для национального возрождения и развития;

— последовательное проведение принципа вертикального разделения властей (федеральной, региональной и местной), с подчинением власти более низкого уровня соответствующим нормам федерального законодательства. При этом решение всех местных вопросов должно находиться в сфере исключительной компетенции субъектов федерации⁹.

С учетом характера текущей ситуации отмечалось, что «федеративный» блок статей новой Конституции будет носить временный характер до фактического разделения полномочий между федеральными и региональными органами власти.

В «Политической декларации объединения „Яблоко“» 1995 г. отмечалось, что огромные размеры страны и разнообразие ее регионов не позволяют концентрировать власть в одном центре. Субъектам федерации должны быть переданы все полномочия, которые они в силах реализовать, не нанося ущерба единству России. В этом случае будет создано «настоящее федеративное государство, в котором регионы и центр будут взаимно уравнивать и контролировать друг друга»¹⁰. С позиции «яблочников» Российская Федерация должна иначе решать проблему взаимодействия центра и регионов, по сравнению, например, с США, ФРГ и Индией. Для этого необходимо найти совершенно новое уникальное решение.

Для объединения «Яблоко» наиболее артикулированной темой стало критическое сопряжение тенденций позднего советского и постсоветского периодов. Их подробный анализ представлен в политической программе объединения 1998 г. В частности, обращает на себя внимание отход от «либерально-идеалистической» трактовки распада СССР, предложенной предшественниками партии «Яблоко». В программе говорится о негативной роли России в процессе деградации СССР. По мнению «яблочников», отказ от готового к подписанию Союзного договора, демонтаж союзных структур и срыв усилий по созданию действенного Экономического Союза во многом произошли под давлением России. Логическим завершением такой политики стали денонсация Союзного договора 1922 г., ликвидация СССР и создание символического Содружества Независимых Государств. В программе все это рассматривается как «политическая трагедия»¹¹.

Еще более жесткие выражения на эту же тему используются в декларации, принятой на VII съезде партии в сентябре 1999 г.: «Бездарный и предательский почерк Беловежских соглашений был опасным симптомом, предвещавшим развитие молодого российского государства по худшему сценарию»¹².

Политическая система, пришедшая на смену советской, также оценивалась «яблочниками» в негативном плане. При этом отмечалось господство административного произвола не только на федеральном уровне, но и в регионах, где представительные органы власти были ослаблены, а местное самоуправление так и не введено. В связи с этим были сформулированы возможные альтернативы дальнейшего

развития государства: переход к окончательному хаосу и насилию либо неотложные преобразования, направленные на «излечение» и укрепление всего государственного «организма». В программе отдается предпочтение второму пути.

По мнению «яблочников», Российская Федерация в рамках процесса последовательной децентрализации государственной власти и распределения ее между федерацией и ее субъектами была обязана обеспечить следующее: безопасность граждан и государства; территориальную целостность Российской Федерации; равные права и свободу граждан на всей территории России; соблюдение субъектами федерации принципов демократии, разделения властей и прав местного самоуправления; единое экономическое пространство страны; единообразие межбюджетных отношений центра и регионов; последовательное сближение стандартов уровня жизни; укрепление единой системы правоохранительных, судебных и надзорных органов; единство культурно-информационного пространства страны и минимального стандарта образования; единство экологических стандартов, обеспечивающих сохранение среды обитания.

Партией «Яблоко» предлагались следующие принципы федеративного строительства и федеративных отношений: равенство прав субъектов федерации, отказ от «раздачи» привилегий и суверенитета; конституционный характер Российской Федерации; осторожное и постепенное реформирование сферы федеративных отношений; урегулирование конфликтов между Российской Федерацией и ее субъектами только политическими средствами (применение силы допустимо лишь в случаях вооруженного сепаратизма и лишь на основе Конституции и законов Российской Федерации)¹³.

Конституционная федерация, на взгляд «яблочников», это цель, для достижения которой необходимо создавать культурные, политические и экономические предпосылки. Партия выступила против поспешного передела административно-территориального деления России. По мнению объединения, механизм пересмотра границ субъектов федерации должен быть основан на демократических принципах без ущемления прав меньшинств и порождения конфликтов; выравнивание статуса субъектов федерации должно происходить постепенно, путем расширения конституционных прав краев и областей без урезания прав республик; как желательный процесс, свободный от какого-либо административного принуждения, рассматривалось объединение субъектов федерации в более крупные регионы. Для достижения в отдаленной перспективе этих целей признавалось необходимым следующее:

— поддержание региональных ассоциаций, в том числе путем делегирования им некоторых федеральных полномочий;

— оказание политической и финансовой поддержки совместным проектам и программам, представляемым субъектами федерации и союзами местных сообществ (при экспертизе в соответствующих субъектах федерации и в центре);

— реформирование системы централизованного управления путем сокращения аппарата федеральных ведомств в субъектах федерации, в том числе за счет размещения подразделений этих органов по одному в каждом крупном экономико-географическом регионе¹⁴.

«Яблоко» выступило за предельную ясность во взаимоотношениях между федерацией и ее субъектами. Для достижения этого было намечено следующее:

— создание правового механизма, не допускающего одностороннего территориального передела (со стороны как центра, так и любого органа регионального или местного уровня);

— четкое определение порядка принятия и реализации решений в сфере совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов на основе федерального закона;

— законодательное закрепление процедуры экспертизы законодательных актов субъектов федерации (в рамках конституционной сферы совместной компетенции) в Федеральном Собрании и учет предложений региональных собраний по федеральным законам;

— выработка и введение в действие механизма ответственности как центра, так и субъектов федерации за неисполнение или превышение переданных им полномочий;

— четкое разграничение источников поступления средств в бюджеты трех уровней (центрального, регионального и местного) в строгом соответствии с распределением расходов между ними.

На федеральном уровне партия «Яблоко» указала на необходимость закрепить гарантии республиканской демократической формы организации власти в субъектах федерации, а также устранить «перекося» в сторону одной из ветвей власти, что предполагало скорейшую и повсеместную выборность глав республик и губернаторов; гарантирование в федеральном законодательстве роли и полномочий представительных органов субъектов федерации; увеличение роли, укрепление независимости и усиление авторитета судебных органов; разработку механизма прямого воздействия федеральных органов на те субъекты федерации, где нарушаются права человека и федеральные законы; выработку правового механизма досрочного отстранения от должности руководителей субъектов федерации по существенным основаниям и на базе законных процедур¹⁵.

Предлагая на VII съезде программу преодоления кризиса, партия «Яблоко» сформулировала для Российского государства начала XXI в. четыре ключевые задачи, в том числе укрепление государства. Одной из необходимых мер признавалось восстановление федерального присутствия в регионах¹⁶.

Кульминацией дискурсивной практики партии в рассматриваемом аспекте явилась ее программа на выборах депутатов Государственной Думы 1999 г. «Будущее. Доверие. Безопасность», одобренная на том же съезде. В анализируемом ключе были представлены следующие базовые ценностные компоненты позиции объединения:

1) патриотизм. Возражая национал-популистам, партия «Яблоко» предложила собственное видение «Великой России», включающее прежде всего благополучие и безопасность граждан. Это не только мощная армия, но и безопасность, современные общедоступные образование и медицина, эффективная экономика и реальная федерация;

2) единство. Объединение «Яблоко» является партией единой России, а не удельных князей. Оно выступает против распада СССР, за сохранение единого государства. В связи с этим предлагается ряд мер по укреплению федеративных принципов Российского государства и осуществлению его федеративных функций.

В рамках взвешенного подхода к конституционной реформе партия «Яблоко» предложило несколько конституционных поправок, объединенных одной идеей — созданием оптимального механизма сдержек и противовесов власти, не допускающего злоупотребления ею во взаимоотношениях как федеральных властей, так и федерального центра с властями регионов. Эти поправки, в частности, предусматривали

изменение порядка формирования Совета Федерации, избрание его непосредственно гражданами; реализацию федеративных принципов построения государства, пресечение сепаратизма, своеволия местных властей и торга между федеральной властью и властями регионов.

Партия «Яблоко» выделила основные проблемы в области федеративной политики:

- сосредоточение власти, перед которой часто беззащитны граждане и бессильна федеральная власть, в руках руководителей регионов;

- неспособность федеральных структур в регионах осуществлять свои полномочия, превращение их в «придаток» региональных властей с наибольшей опасностью фактического перехода под контроль региональных исполнительных властей федеральных силовых структур;

- невыполнение в ряде территорий федеральных законов и даже Конституции;

- разрушение единого экономического пространства страны.

В связи с этим крайне актуальны борьба с региональным произволом и беззаконием, ограничение самоуправства и правового нигилизма исполнительной власти в ряде регионов.

Для восстановления эффективности федерального присутствия в регионах партия предложила следующее:

- обеспечение реальной независимости от региональных властей федеральных судов, территориальных подразделений прокуратуры, МВД, налоговых инспекции и полиции, других министерств и ведомств, с жесткой административной ответственностью за выполнение ими незаконных нормативных актов и распоряжений региональных властей, полным и своевременным финансированием федеральных структур из федерального бюджета;

- разработку механизма приведения региональных правовых актов в соответствие с федеральными, в том числе путем «опережающего контроля» на этапе их подготовки;

- создание механизма федерального надзора, предполагающего возможность приостановки региональных правовых актов в случае обжалования их в судебном порядке федеральными органами власти, уполномоченными на это федеральным законом;

- создание механизма федерального вмешательства с законодательным закреплением возможности отрешения от должности по решению суда любых (в том числе выборных) должностных лиц регионов за грубое нарушение Конституции и федеральных законов;

- предоставление гражданам и общественным организациям права на обжалование в суде региональных правовых актов (не обязательно нарушающих конкретные права конкретных лиц) в случае их несоответствия Конституции и федеральным законам;

- предоставление гражданам и общественным организациям права в случае признания судом фактов нарушения должностными лицами регионов (в том числе выборными) Конституции и федеральных законов ставить в судебном порядке вопрос об их отрешении от должности¹⁷.

Таким образом, к концу 1990-х гг. объединение «Яблоко» сформировало многоаспектную программу «укрепления государства», в которой большое место заняли

его предложения по становлению «реального» федерализма в России. Ее можно признать относительно систематизированной и обоснованной. В этом партия пошла гораздо дальше своих предшественников, что, впрочем, объясняется динамикой развития ситуации. Критические и нередко жесткие оценки действий федерального центра в рассмотренный период в значительной степени обусловлены оппозиционностью партии к власти. В целом, однако, ее предложения остались во многом неким умозрительным проектом, продуктом интеллектуального творчества. Несмотря на представительство в Государственной Думе, «яблочники» ввиду своей относительной малочисленности в ней не смогли добиться реализации большинства своих предложений. Вместе с тем их отдельные инициативы позже были восприняты федеральным центром, что заметно, например, в пропагандируемой сегодня идее «децентрализации» полномочий Российской Федерации.

Библиографические ссылки

¹ Декларация Республиканской партии Российской Федерации // Россия сегодня : Полит. портрет. 1985 — 1990. М., 1991. С. 105, 108 — 109.

² Там же.

³ См.: Основные принципы Христианско-демократического союза России // Там же. С. 129 ; Программа Христианско-демократического союза России // Там же. С. 134.

⁴ Блок Явлинский — Болдырев — Лукин : Предвыборная платформа (нояб. 1993 г.) [Электронный ресурс]. URL:<http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-93.html> (дата обращения 12.11.2011).

⁵ Там же.

⁶ См.: Манифест о провозглашении Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР) // Россия сегодня. С. 123.

⁷ Блок Явлинский — Болдырев — Лукин : Предвыборная брошюра [Электронный ресурс]. URL:<http://www.yabloko.ru/Union/Program/yab-93.html> (дата обращения 12.11.2011).

⁸ Там же.

⁹ Блок Явлинский — Болдырев — Лукин : Предвыборная платформа.

¹⁰ Политическая декларация объединения «Яблоко» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/decl.html> (дата обращения 12.11.2011).

¹¹ Политическая программа объединения «Яблоко». 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/pp.html> (дата обращения 12.11.2011).

¹² Декларация партии «Яблоко» : (одобрена VII съездом «Яблока», сентябрь 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/decl-99.html> (дата обращения 12.11.2011).

¹³ Политическая программа объединения «Яблоко».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Декларация партии «Яблоко».

¹⁷ Предвыборная программа «Яблока» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года «Будущее. Доверие. Безопасность» : (одобрена VII съездом объединения «Яблоко», сент. 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-99.html> (дата обращения 12.11.2011).

Поступила 17.01.2012 г.

УДК 94(4):327

С. Ю. Волков

S. Yu. Volkov

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE IN THE EARLY MODERN TIMES: REGIONAL PECULIARITY AND THEORETICAL UNDERSTANDING

Ключевые слова: международные отношения, Европа, раннее Новое время, политические теории.

В статье рассматриваются процессы, происходившие в сфере международных отношений в Европе эпохи раннего Нового времени, а также проблема их теоретического осмысления в рамках различных политических концепций.

Key words: international relations, Europe, the early modern time, political theories.

The article deals with the processes, which occurred in the sphere of international relations in Europe of the early modern times, as well as with problem of their theoretical understanding from the point of view of various political concepts.

В сфере мировой политики на современном этапе происходит ряд фундаментальных процессов, которые кардинально меняют ее специфику и перспективы дальнейшего развития. К таким процессам, в частности, относятся кризис института государства, усиление межгосударственных интеграционных тенденций, движение от однополярного мира к многополярному, генезис новой формации международных межправительственных и неправительственных организаций, глобализация экономических и политических связей. Стремление человечества найти в новых условиях прочный фундамент для выстраивания общего будущего порождает особый интерес к изучению опыта формирования первой системы международных отношений, которая постепенно складывалась в Западной Европе в период раннего Нового времени (в советской исторической науке преимущественно употреблялся термин «позднее Средневековье») и окончательно оформилась по итогам Вестфальских конференций 1648 — 1649 гг.

Эпоху раннего Нового времени принято датировать концом XV — серединой XVII в. Нижний рубеж эпохи определяется первым плаванием в Вест-Индию Х. Колумба (1492), значительно расширившим границы известного европейцам мира, а также началом Итальянских войн (1494 — 1559), которые стали одним из первых примеров общеевропейского вооруженного конфликта. Верхней границей эпохи в отношении внутрисполитических явлений можно считать Английскую революцию (1640 — 1660), давшую миру образец государственной системы нового типа, а на развитие мировой политики более всего повлияло заключение Вестфальского мира,

увенчавшего Тридцатилетнюю войну созданием первой системы международных отношений*.

Период раннего Нового времени был на редкость богат социальными конфликтами, что закономерно, учитывая его переломный характер: происходил нелегкий переход от феодальных экономических отношений к капиталистическим, а это определяло сопутствовавшие ему политические катаклизмы. Первым таким процессом явился выход основных международных вооруженных конфликтов с локального на общеевропейский уровень: Итальянские войны и Тридцатилетняя война (1618 — 1648). Хронологический интервал между ними почти полностью закрыла Нидерландская революция (1566 — 1609), олицетворявшая второй специфический процесс эпохи — переход государственной власти от родовой аристократии к финансовой олигархии. К 1585 г. усилиями испанского полководца А. Фарнезе южная часть Нидерландов была возвращена под власть Габсбургов, но семь северных провинций, среди которых лидировала экономически развитая Голландия, продолжили борьбу за независимость. В 1609 г. Республика Соединенных провинций, по условиям знаменитого Двенадцатилетнего перемирия, стала независимой *de facto*, а после Вестфальского мира 1648 г. ее статус был оформлен *de jure*.

Третьим важным процессом, происходившим параллельно с данными конфликтами, стало освоение иностранных колоний, а также первая попытка их юридического закрепления по Тордесильясскому договору 1494 г. между Испанией и Португалией. Почти одновременно была начата борьба за передел колоний, которая существенно обострилась по мере ослабления пиренейских государств.

Великие географические открытия стимулировали конкуренцию между европейскими странами в торговой и военной сферах, а также определили выход на мировую арену некоторых прежде малозначительных прибрежных государств. Например, Республика Соединенных провинций, освободившись от испанской зависимости, стала в XVII в. крупнейшей торговой державой, обладающей мощным флотом и огромными финансовыми ресурсами¹. Соответственно возникли проблемы свободного мореплавания в Мировом океане и передела колониальных владений.

Зародившееся на рубеже XVI — XVII вв. англо-голландское соперничество изменило специфику международных отношений. Феодальные войны средневековой Европы, при всей их длительности и кровопролитности, принципиально отличались от формировавшегося торгово-экономического и колониального противостояния. Впервые войны велись не за передел европейских территорий, а прежде всего за господство на морях, при этом ареной борьбы являлся весь Мировой океан. Непременным атрибутом великой державы стал постоянный военный флот, ибо защита иностранных владений с тех пор является одним из приоритетных направлений внешней политики.

Правовым обоснованием позиций Голландии и Англии стали трактаты Г. Гроция и Дж. Селдена с символическими названиями «Свободное море» и «Закрытое

* Длительный спор отечественных историков по поводу хронологического раздела Средних веков и Нового времени, начавшийся с публикации в 1968 г. статьи В. Г. Ревуненкова «О периодизации новой и новейшей истории» (см.: Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968. С. 170 — 197), оспорившего принятую в СССР периодизацию, нельзя считать законченным. Очередной этап полемики состоялся на страницах журнала «Новая и новейшая история» в 1993 — 1997 гг.

море». В ходе данной юридической полемики в начале XVII в. оформилась доктрина «свободного моря», являющаяся фундаментом принципа свободного судоходства в Мировом океане. После длительного периода забвения она все прочнее утверждается как доминирующая в современном морском праве.

С деятельностью Г. Гроция в качестве адвоката голландской Ост-Индской компании связано также зарождение науки международного права. Так, капитан компании Я. ван Хемскерк захватил в 1603 г. судно «Санта Катарина», принадлежавшее Португалии, которая потребовала возвращения собственности и наказания виновника. Свои рассуждения в защиту соотечественника Г. Гроций изложил в трактате «Комментарии о праве добычи» (1604 — 1605), который, впрочем, не был опубликован в те годы по политическим причинам. Зато извлеченная из него глава XII увидела свет под названием «Свободное море» в 1609 г., правда, уже в ином политическом контексте: между Англией и Голландией разгорелся спор о принадлежности богатых рыболовных территорий на севере Атлантики. Юридическая полемика, начавшаяся после выхода трактата, определила потребность в научном осмыслении норм международного права.

Наконец, четвертым ключевым процессом эпохи, ставшим общим фоном для развития международных отношений раннего Нового времени, стали религиозные противоречия. Они начались в форме движения Реформации с выступления М. Лютера в 1517 г. и вылились в ожесточенные религиозные войны в Германии (до Аугсбургского мира 1555 г.) и во Франции (до интронизации Генриха IV в 1594 г.).

Религия являлась важной картой в игре ведущих европейских держав. Как отметил отечественный исследователь Ю. Е. Ивонин, «такое сложное и многообразное явление как реформация едва ли может быть полностью понято, если не учитывать тенденции развития европейской политики того времени. Сама по себе взаимосвязь реформации и международных отношений в Западной Европе несомненна»². Протестантская мораль ставила во главу угла борьбу за прибыль, а не за абстрактную дворянскую честь, что нашло идеологическое отражение в буржуазных теориях общественного развития. Например, А. Джентили, протестант-итальянец, эмигрировавший в Англию и ставший профессором Оксфордского университета, прямо утверждал, что церковь не должна вмешиваться в государственные дела («пусть молчат богословы в чуждом им деле»)³. Сам он, однако, использовал ссылки на Священное Писание, но, как позднее и Г. Гроций, трактовал их не как теолог, а как юрист.

В XVII в. в Западной Европе складывались абсолютные монархии, ставшие носителями государственного суверенитета, что обусловило формирование единых централизованных государств вместо прежних феодальных конгломератов, а также новых форм международных отношений, в основе которых лежал «государственный интерес» (фр. *raison d'état*) как высший принцип внутренней и внешней политики⁴. Первоначально он тесно переплетался со средневековым династическим принципом, вменяя в обязанность монарху заботу о славе и могуществе государства как основы блеска и величия династии, но позже был дополнен презумпцией ответственности правителя за процветание страны.

«В развитии международных отношений раннего Нового времени поэтапно сменяют друг друга в качестве главных четыре исходных концепции: династия, конфессия, государственный интерес и традиция. Со второй половины XVI в. до середины XVII в. ведущей категорией в Европейской политике была религия, с постепенным

вытеснением ее государственным интересом... Политическое мышление Ришелье в полной мере воплощало начавшую формироваться еще в XVI в. под пером Макьявелли, Бодена, а затем в начале XVII в. Гуго Гроция парадигму „государственного интереса“. Последняя представляла собой такое политическое учение, которое требовало подчинения всех конфессиональных, мировоззренческих, а также личных склонностей интересам государства»⁵. Если в Средние века правитель воспринимался в первую очередь как защитник от внешней угрозы и беспристрастный судья, то основатель учения о государственном суверенитете Ж. Боден прежде всего наделил его чертами мудрого законодателя. Высшая власть короля, заключенная в праве издавать законы, стала политико-правовой основой доктрины абсолютизма⁶.

В интерпретации международных отношений XVI — XVII вв. наибольшей известностью пользуется концепция «равновесия сил», или «баланса сил», возникшая в западноевропейской публицистике на основе изучения опыта Итальянских войн 1494 — 1559 гг. и других аспектов франко-габсбургского соперничества. Впервые данную идею сформулировал и обосновал английский мыслитель и политический деятель XVIII в. Г. Болингброк: «С того момента, как образовались две великие державы — Франция и Австрия — и, как следствие этого, между ними возникло соперничество, интересы их соседей заключались в том, чтобы бороться с сильнейшей и наиболее активной и заключать союз и дружбу с более слабой. Отсюда — концепция равновесия сил в Европе, на котором покоятся безопасность и спокойствие всех»⁷.

Свое классическое выражение концепция «баланса сил» получила в трудах шотландского философа XVIII в. Д. Юма, который полагал, что нации не обречены жить в «естественном состоянии» непрерывной вражды, угрожающей той или иной стране уничтожением. Регулирование всеобщего антагонизма должно происходить в соответствии с принципами равновесия, которые являются правилами здравого смысла. Самое общее правило межгосударственных отношений, по Д. Юму, заключалось в следующем: «Политика сводится на самом высоком уровне обобщения к действию, имеющему целью воспрепятствовать любому государству аккумулировать силы, превосходящие коалиционные силы его соперников»⁸. Таким образом, принцип «равновесия сил» предполагал стремление государств прежде всего не к максимальной выгоде, а к взаимно гарантируемому минимальному риску⁹.

Доктрина «баланса сил» занимала важное место в системе взглядов знаменитого швейцарского юриста-теоретика XVIII в. Э. де Ваттеля, который считал, что тенденции развития международных отношений в Европе требуют поддержания некоего «общего порядка», основанного на политическом равновесии, исключающем гегемонию любой державы. Именно баланс сил служит гарантией независимости каждого государства¹⁰.

Данную позицию также активно поддерживал известный немецкий историк XIX в. Л. фон Ранке, который стремился объяснять важнейшие исторические явления с помощью внешнеполитических аргументов. Он рассматривал историю Европы раннего Нового времени как непрекращающуюся борьбу за господство, в которой равновесие сил достигается лишь чередой постоянных конфликтов. Его концепция пользовалась широкой популярностью в научных кругах и впоследствии получила развитие в западной историографии¹¹.

В XVI — XVII вв. происходил поступательный процесс перераспределения ролей на европейской арене: Франция, пережив длительный период религиозных войн,

набирала силы (прежде всего финансовые); Республика Соединенных провинций и Англия расширяли свое морское и колониальное могущество; Италия и Германия были ослаблены внутренними раздорами и раздробленностью; Испания и Португалия постепенно утрачивали свои иностранные владения. Как считает Ю. Е. Ивонин, «ведущую роль в структуре межгосударственных отношений первой половины XVII в. играли три фактора. Первый — борьба национальных абсолютистских государств с универсальной католической империей Габсбургов; второй — столкновение раннекапиталистических и феодально-абсолютистских тенденций в политической жизни, нашедших свое выражение в Нидерландской и Английской революциях. Третьим, но не менее важным фактором было существование, еще со времен Реформации, разделения Европы на два религиозных лагеря: католический и протестантский»¹².

Развитие международных отношений в эпоху раннего Нового времени сопровождалось возникновением многих дипломатических институтов, получивших в дальнейшем широкое распространение. Так, право посольств стало чрезвычайно важным объектом исследования, которому посвятили свои трактаты крупнейшие ученые-юристы: Б. Айала, Ф. Витториа, А. Джентили и др. В XVII в. издавались также книги, служившие практическим руководством послам: «Посол и его функции» А. Викфора, «Пособие по дипломатии» Р. Сача и др. Появился тот стиль дипломатических депеш, который постепенно стал обязательным для каждого дипломата. Этот стиль был порожден флорентийской и венецианской дипломатией. Первым из классиков дипломатического красноречия был К. Салютати, флорентийский канцлер, письма которого стали образцом в этой области. Постепенно складывался дипломатический церемониал, учитывавший политическое значение каждой державы. Сначала он появился в Испании, затем во Франции. В Англии с дипломатами обращались проще, за что англичане получали насмешки от французов¹³.

Английский дипломат XVI — XVII вв. Г. Уоттон так отразил современное ему понимание роли послов: «Посол есть муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать во благо своего отечества»¹⁴. В данном тезисе подчеркивается высокое значение шпионажа в дипломатической деятельности, которое признавалось практически официально. Неслучайно юристы-международники подробно останавливались на вопросе защиты от ущерба, наносимого деятельностью послов, и допустимых мерах его пресечения. У посла можно было требовать выдачи преступника из его окружения, впрочем, если посол отказывал в этом, допускался не захват силой, а лишь жалоба на посла его правителю. Г. Гроций писал по этому поводу следующее: «Свита и домашняя обстановка послов тоже получают своего рода неприкосновенность... Однако, личность членов свиты священна по связи с лицом посла и оттого лишь постольку, поскольку это угодно послу»¹⁵. Таким образом, право некоей «экстерриториальности» принадлежит личности самого посла («находится как бы вне территории»), но не распространяется на его жилище. Характерным для данного периода являлось также широкое использование в дипломатических миссиях священников, поскольку у духовенства имелись разветвленные международные связи, а языком дипломатических договоров оставалась латынь, хотя дипломатическая корреспонденция уже составлялась на национальных языках¹⁶.

Особую роль в упорядочении международных отношений начиная с эпохи раннего Нового времени играет доктрина «справедливой войны». Она выражается в соблюдении непреложных норм, диктуемых человеческим разумом, а также норм меж-

дународного права, установленных соглашением между государствами. Поскольку справедливость ставится выше военной силы, необходимо уважать права не только своего государства, но и других. Исходя из данных положений, ученые стремятся выявить особые нормы права, обязательность которых ни у кого не вызывала бы сомнений, которые должны регулировать международные отношения независимо от развития политической ситуации. Один из основателей данной доктрины Г. Гроций писал следующее: «Невозможно не только согласиться с измышлениями некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности»¹⁷.

Разумеется, накопившиеся к XVI в. в Западной Европе международные противоречия не всегда могли быть разрешены в мирной форме. Наиболее авторитетный идеолог средневековой европейской политики Аврелий Августин придерживался мнения о порочности войны как таковой и о необходимости достижения мира между всеми христианскими народами ради совместного сопротивления иноверцам¹⁸. Тем самым «священная война» концептуально отделялась от обычной и считалась изначально справедливой. Можно сделать вывод, что этот фундаментальный принцип, ставший официальной позицией господствовавшей в Западной Европе католической церкви, предопределил особую остроту и широкое распространение религиозных войн: поскольку воевать с единоверцами по конфессиональным соображениям было нельзя, но необходимость этого часто диктовалась политическими мотивами, требовалось направить основные усилия на то, чтобы найти ересь в их верованиях и тем самым автоматически снять данное противоречие.

С образованием в XVI — XVII вв. государств современного типа и падением авторитета Папы Римского трансформировалось само понимание международного права. Приоритет идей христианского милосердия сменил светский рационализм, а субъектами права стали уже не отдельные индивидуумы, а различные политические образования. По словам известного отечественного правоведа А. С. Капто, «в условиях Реформации возникает необходимость поиска новой основы для международных отношений, что не могло не сказаться на правовой трактовке войны и средств ее ведения. Новый подход базировался на международном праве, названном законом человечества»¹⁹.

Одновременно в XVI в. получили новый импульс к развитию идеи пацифизма. Например, М. Лютер, признавая принципы справедливой войны как крайней необходимости, попытался собрать воедино августианианскую историко-теологическую интерпретацию и моральное обоснование поведения человека для доказательства идеи всеобщего мира. В то же время он предусматривал, что в границах мирских отношений власть должна руководствоваться практической целесообразностью: институт государства должен опираться не на божественное, а на естественное право, компетенцией же церкви должен оставаться внутренний мир человека.

Эразм Роттердамский был более категоричен в своем неприятии войны как политического феномена. Не предлагая какой-либо политической или юридической программы, он со всей мощью своего пафоса и убеждения выступил за полное запрещение войн: «Поводы и причины войн надо немедленно устранять. Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам, ибо вежливость порождает и вызывает вежливость. Иногда мир может быть куплен... Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира. Все те, кому

мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить»²⁰. Обвиняя католическую церковь и безответственных правителей в разжигании вражды между государствами, он призывал всех людей одуматься и прекратить распри. Несмотря на резонанс, который имели в немногочисленной образованной среде Европы данные публикации, совершение каких-либо практических пацифистских шагов в европейской политике раннего Нового времени, разумеется, было практически не возможно.

Таким образом, политические процессы, происходившие в Европе XVI — XVII вв., поставили перед международным сообществом серьезные концептуальные проблемы, которые с переменным успехом решались в течение последующих столетий. Теоретическое обоснование этих процессов, предложенное ведущими учеными эпохи Нового времени, привело к формированию ряда политических доктрин, до настоящего времени сохраняющих свою научную значимость.

Библиографические ссылки

¹ См., напр.: **Гришин Ю. А.** История мореплавания. М., 1966. С. 51 — 52; **Чистозвонов А. Н.** Амстердам в XVI — XVII вв.: социально-экономическое развитие и повседневная жизнь // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 37 — 38; **De Pauw F.** Grotius and the law of the sea. Bruxelles, 1965. P. 21 — 35.

² **Ивонин Ю. Е.** Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1974. С. 3.

³ **Челпанова П.** Альберико Джентили : биография [Электронный ресурс]. URL: http://www.peoples.ru/state/lawyers/alberico_gentili/ (дата обращения 27.10.2011).

⁴ Об этом подробнее см.: **Ревякин А. В.** История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 15 — 16; **Сорокин Ю. М.** О понятии «абсолютизм» // Ист. ежегодник. Омск, 1996. С. 4 — 6.

⁵ **Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И.** Тридцатилетняя война и германская политика Франции // Вопр. истории. 2001. № 5. С. 34 — 37.

⁶ См.: **Бобкова М. С.** Жизненный путь Жана Бодена // Там же. 1997. № 9. С. 150 — 153.

⁷ **Боллингброк Г.** Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 81.

⁸ Цит. по: **Новиков Г. Н.** Теории международных отношений. Иркутск, 1996. С. 43.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: **Ваттель де Э.** Право народов. М., 1960. С. 58.

¹¹ См.: **Вайнштейн О. Л.** Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // К критике новейшей буржуазной историографии. М. ; Л., 1961. С. 67 — 85.

¹² **Ивонин Ю. Е.** Реформация Генриха VIII... С. 38.

¹³ См.: **Заллет Р.** Дипломатическая служба. М., 1956. С. 26.

¹⁴ История дипломатии. М., 2009. С. 199.

¹⁵ **Гроций Г.** О праве войны и мира. М., 1957. С. 433.

¹⁶ См.: **Ивонин Ю. Е.** У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984. С. 13.

¹⁷ **Гроций Г.** Указ. соч. С. 50.

¹⁸ См.: **Аврелий Августин.** Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991. С. 346 — 352.

¹⁹ **Капто А. С.** Право войны // Право и политика. 2001. № 1. С. 6.

²⁰ **Эразм Роттердамский.** Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 40.

Поступила 01.12.2011 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.1/.22):323.325

П. П. Котов
P. P. Kotov

ТЯГЛОВЫЕ ЗЕМЛИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

TAXED LANDS OF APPANAGE PEASANTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE EARLY XVIII — THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: удельные крестьяне, структура угодий, тягловая земля, общинный передел, обеспеченность земель, качество угодий.

В статье выявляется место тягловых земель в хозяйстве северных удельных крестьян; анализируется объективность источников относительно обеспеченности крестьян пашенными и сенокосными угодьями; акцентируется внимание на качестве тягловых земель и практике общинных переделов.

Key words: appanage peasants, land structure, taxed land, communal land redistribution, provision with lands, the quality of land.

The article reveals the place of taxed lands in the households of northern appanage peasants; the neutrality of the information about provision of peasants with arable lands and hay fields are analyzed; attention is focused on the quality of taxed lands and the practice communal land redistribution.

В современной России большое внимание уделяется проблеме обеспечения продовольственной безопасности, что является важным условием решения другой актуальной задачи — сохранения населения. В связи с этим вновь становятся актуальными исследования многовекового опыта сельскохозяйственного производства в России. В его основе лежало земледелие, развитие которого во многом зависело от обеспеченности и способа распоряжения землей непосредственными производителями. В Российской империи характер землепользования и землевладения в период господства феодальных отношений в значительной степени обуславливался принадлежностью крестьян к той или иной категории и различался в зависимости от региона. Применительно к Европейскому Северу России эти вопросы изучались лишь в отношении государственных и помещичьих крестьян, оставаясь незатронутыми по удельной деревне¹. Между тем в первой половине XIX в. удельные крестьяне

составляли не менее 11 % населения региона. Так, в Архангельской губернии в 1798 г. их числилось 40 288 ревизских душ обоего пола, в 1858 г. — 51 695; в Вологодской губернии соответственно 48 709 и 80 203 души².

Эта категория сельских жителей оформилась в России по закону от 5 апреля 1797 г. во время преобразования дворцовых владений в удельные³. Верховным собственником удельных владений и крестьян была царская семья, а непосредственное управление возлагалось на Департамент (министерство) уделов. В 1797 — 1798 гг. были образованы 9 удельных экспедиций, в том числе Архангельская, в которую вошли все бывшие дворцовые волости Севера России. По новому Положению о Департаменте уделов 1808 г. на Севере были созданы Архангельская и Вологодская удельные конторы, или имения. Территории удельных экспедиций, впоследствии контор, делились на приказы и отделения, которые функционировали на принципах крестьянского (общинного) самоуправления. Так, Архангельская экспедиция подразделялась на 14 приказов. После 1808 г. Архангельское удельное имение составляли 6 приказов, Вологодское — 7 приказов и 2 отделения. Все они с 1858 г. были объединены в границах Вельской конторы⁴.

После создания удельного ведомства земли бывших дворцовых крестьян перешли в его собственность, оставаясь при этом во владении крестьян на правах пользования. В хозяйственный оборот «удельных поселян» Севера были вовлечены тягловые наделы, лесные, «билетные», покупные и оброчные угодья. Тягловые земли включали в себя те пашенные, сенокосные, выгонные и усадебные участки, которыми крестьяне пользовались «от века», будучи еще дворцовыми. По мысли законодателя, доходы от тягловых угодий должны были составлять основу существования крестьянских хозяйств. Наличие угодий служило поводом для обложения крестьян различными податями и повинностями.

Первые сведения о тягловых землях удельных крестьян Севера относятся к концу XVIII — началу XIX в. В 1798 г. было начато и в 1800 г. завершено составление так называемого камерального описания удельных имений⁵. Данные для него были взяты из описных книг XVIII в.⁶, в которых фиксировались число ревизских душ и количество земли по каждому селению. По материалам книг в 1799 г. были составлены и так называемые краткие табели принятым имениям (табл. 1). Сведения о тягловой земле в указанных источниках расходятся незначительно, однако количество сенокосов в них явно преуменьшено. Это, в частности, отмечается в описных книгах и объясняется большим разбросом сенокосных угодий по лесам, не позволявшим вести их точный учет.

В 1829 и 1834 гг. удельные чиновники Архангельской и Вологодской контор составили еще один документ — так называемые генеральные листы (см. табл. 1). В них представлены сведения о тягловых угодьях в Архангельской губернии, взятые из документов комиссии министерства финансов, которая действовала в 1804 — 1808 гг. и рассматривала вопрос о наделении лесными угодьями удельных крестьян Архангельской губернии. Так, в 1809 г. им было отделено около 477 тыс. дес. леса «в единственное временное пользование» и 611 тыс. дес. «в общее пользование» с казенными и экономическими крестьянами⁷. При этом часть тягловых земель удельных крестьян оказалась внутри лесных дач общего пользования и была засчитана комиссией как находящаяся в общем пользовании. В результате в Великониколаевском приказе в единственном владении крестьян было показано 0,26 дес. пашни и

Таблица 1

Площадь тягловой земли в удельной деревне Севера в 1799 — 1869 гг.

Источник, год	Тягловая земля, дес. абс.			Тягловая земля, дес. на одну ревизскую душу		
	Пашня	Покос	Всего*	Пашня	Покос	Всего*
<i>Архангельская губерния</i>						
Краткий табель принятому имению, 1799 г.	18 196	12 400	32 759	0,93	0,64	1,68
Генеральные листы, 1829 г.	13 651	11 933	26 059	0,70	0,61	1,33
Табель поземельного сбора, 1840 г.	21 608	17 614	39 845	0,98	0,80	1,80
Табель поземельного сбора, 1857 г.	21 429	17 925	40 146	0,87	0,73	1,63
Уставные грамоты, 1869 г.	27 678	34 096	62 721	1,12	1,38	2,54
<i>Вологодская губерния</i>						
Краткий табель принятому имению, 1799 г.	28 491	14 994	45 025	1,22	0,64	1,93
Генеральные листы, 1829 г.	51 441	26 590	79 582	1,93	1,00	2,98
Табель поземельного сбора, 1840 г.	44 929	26 900	74 169	1,43	0,86	2,36
Табель поземельного сбора, 1857 г.:						
на 37 624 души (100 %)	44 423	26 658	73 424	1,18	0,71	1,95
на 28 401 душу (76 %)	35 087	19 342	55 032	1,24	0,68	1,94
Уставные грамоты, 1869 г.:						
на 37 624 души (100 %)		—	124 430		—	3,31
на 28 401 душу (76 %)	44 933	42 973	89 199	1,58	1,51	3,14

*Включая усадебные и прочие удобные угодья.

Составлена по: РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 67 ; Оп. 10. Д. 3877 ; Оп. 34. Д. 128 ; Оп. 71. Д. 2001, 2003, 2179, 2181, 2218 ; Оп. 74. Д. 86 — 99.

0,32 дес. покоса на одну ревизскую душу; в Благовещенском приказе их совсем не зафиксировали⁸. Генеральные листы по Вологодской конторе были составлены на основе показаний о землепользовании самих крестьян, сделанных еще в 1816 — 1817 гг.⁹ Здесь размеры тягловой пашни, в отличие от Архангельской конторы, были учтены, вероятно, более точно (см. табл. 1).

В конце 1830-х гг. в удельной деревне взамен подушной и оброчной податей был введен так называемый поземельный сбор. Его размер исчислялся от доходности тягловой земли. Однако и в этом случае измерения угодий не производились. Они определялись по-прежнему примерно. Более того, в удельной деревне Архангельской губернии площадь пашни (абсолютно и на одну душу), учтенная в табелях поземельного сбора в 1857 г., была меньше площади пашни, показанной в 1840 г. По Вологодской губернии такое наблюдалось по всем категориям земель, что дополнительно подтверждает сомнения в точности цифр табелей поземельного сбора (см. табл. 1).

Достаточно объективную количественную сторону крестьянского землепользования отражало инструментальное измерение (специальная съемка земель). Оно проводилось на Севере в 1840 — начале 1860-х гг., и сведения о нем имеются лишь по отдельным приказам и волостям Архангельской и Вологодской контор. Итоговые данные инструментального измерения тягловых угодий приводятся в уставных грамотах, составление которых в северной удельной деревне завершилось только в

1869 г. Сопоставление данных таблиц поземельного сбора и уставных грамот, составленных примерно в одно время, свидетельствует, что площадь тягловой земли по табелям поземельного сбора 1857 г. была меньше, чем по инструментальному измерению: в Архангельской губернии — на 36 % (по приказам — на 21,4 — 43,8 %), в Вологодской — на 41 % (по приказам — на 23,0 — 54,3 %) (см. табл. 1).

По сведениям источников, обобщенных в табл. 1, удельные крестьяне Севера были плохо обеспечены тягловой землей. Ее общие наделы в расчете на одну ревизскую душу составляли от 1,33 до 2,54 дес. в Архангельской губернии и от 1,93 до 3,14 дес. — в Вологодской. Между приказами и волостями земля распределялась неравномерно. Так, по камеральным описаниям, на одну ревизскую душу в Ромашевском приказе Вологодской губернии приходилось около 1,2 дес. тягловой земли, в Верховском, Борецком и Спасском — 2,2 дес.¹⁰ По табелям поземельного сбора от 1857 г., в Устьяжском приказе Архангельской конторы душевой надел составлял 1,4 дес., в Благовещенском — 1,8 дес.¹¹ Накануне реформы 1863 г. в Архангельской губернии менее 3 дес. земли на одну ревизскую душу имели 84,2 % удельных крестьян, от 3 до 3,5 дес. — 14,3 % и свыше 3,5 дес. — всего 1,5 % крестьян; в Вологодской губернии в это же время надел менее 3 дес. имели 43,0 % крестьян, от 3 до 4 дес. — 36,4 %, от 4 до 5 дес. — 16,5 % и свыше 5 дес. — 4,1 % крестьян¹².

Подавляющая часть тягловых угодий приходилась на пашню и сенокос. Их соотношение в начале 1860-х гг. было следующим: в Архангельской губернии — 1:1,23, в Вологодской — 1:0,87 (см. табл. 1).

Основную ценность в удельной деревне Севера представляла пашня, наделы которой были невелики. По разным источникам, в Архангельской губернии они составляли в от 0,70 до 1,12 дес. на одну ревизскую душу и несколько больше в Вологодской — от 1,18 до 1,93 дес. (см. табл. 1). Основываясь на материалах о посевах зерновых за 1799 — 1863 гг., можно предположить, что при увеличении общей площади пашни в эти годы душевые наделы удельных крестьян Севера оставались примерно на одном уровне.

Правда, качество северной пашни было невысокое: преобладал серопесчаный, суглинистый и желтопесчаный грунт, однако встречались небольшие участки чернозема. Материалы табл. 2 показывают, что в 1843 г. в 5 приказах Архангельской удельной конторы к 3-му сорту относилась почти половина пашни, к 1-му — немного более 20 %. Еще более худшие по качеству угодья находились в Великониколаевском и Предтеченском приказах.

Таблица 2
Качество пашенных угодий по приказам Архангельской удельной конторы в 1843 г.

Приказы	Пашенные угодья*						
	Всего, дес.	1-го сорта		2-го сорта		3-го сорта	
		дес.	%	дес.	%	дес.	%
1	2	3	4	5	6	7	8
Благовещенский	4 661	1 375	29,5	1 204	25,8	2 082	44,7
Устьпаденский	3 845	830	21,6	1 566	40,7	1 449	37,7
Великониколаевский	4 111	692	16,8	1 568	38,1	1 851	45,0

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Предтеченский	3 380	510	15,1	1 070	31,6	1 800	53,3
Кургоминский	2 563	888	34,7	595	23,2	1 080	42,1
Итого	18 560	4 295	23,2	6 003	32,3	8 262	44,5

* К 1-му сорту относился черноземный, серопесчаный и глинистый грунт, ко 2-му — песчаный, к 3-му сорту — суглинистый и желтопесчаный грунт.

Составлена по: РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 4298. Л. 1 — 127.

Сокращение тягловой пашни в удельной деревне Севера произошло с введением общественной запашки, под которую в 1828 — 1829 гг. была выделена лучшая часть крестьянской тягловой пашни¹³. Например, в Архангельском имении на общественных полях 56,7 % занимали земли 1-го сорта, 16,1 % — 2-го сорта и 17,2 % — 3 сорта¹⁴. Качественные показатели тягловой пашни крестьян заметно уступали им (см. табл. 2). Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности. Одна доля собранного зерна сыпалась в так называемые запасные хлебные магазины (на случай неурожайных лет), другая — продавалась, а полученная сумма распределялась между чиновниками в виде вознаграждения. После отмены общественной запашки в 1861 г. эти угодья были включены в удельные оброчные статьи¹⁵. Таким образом, накануне реформы 1863 г. удельные крестьяне Архангельской губернии потеряли 1 842 дес. качественной пашни, Вологодской — 2 586 дес.¹⁶

В условиях малоземелья и низкого качества земельных угодий удельные крестьяне Севера стремились к справедливому перераспределению пашни, в чем их поддерживала и администрация. На Севере общинные переделы, правда, в отношении только спорных земель и в отдельных волостях, отмечались уже в XVI — XVIII вв.¹⁷ С переходом в XVIII в. к подушному обложению начал вводиться принцип перераспределения тягловых угодий между крестьянами внутри сельских общин по числу ревизских душ. По мнению В. В. Воронцова, крестьяне Вологодской губернии усвоили порядок общинного владения сразу после их перехода в удельное ведомство, крестьяне Архангельской губернии — через 15 — 20 лет¹⁸. Действительно, в Архангельском имении только в 1811 — 1816 гг. «уравнение» тягловой пашни по числу ревизских душ стало обязательным и всеобщим¹⁹.

Переделы в северной удельной деревне осуществлялись внутри крупных общин и общин-волостей, за малым исключением по Вологодской губернии (в ее южных уездах практиковались переделы также по отдельным селениям). В подавляющей массе переделы среди удельных крестьян Севера сводились к следующей процедуре: вначале определялся средний надел на ревизскую душу по всей общине и по отдельным селениям, затем те селения, где душевой надел был ниже среднего по общине, получали пашню при тех деревнях, где он превышал средние показатели по общине.

Характерным являлось перераспределение тягловой пашни в 1839 г. по волостям Устьпаденского приказа Архангельской удельной конторы. Здесь при «многоземельных» деревнях приказа было выделено 309,5 душевых наделов на 8,7 % ревизских душ (по волостям цифра колебалась от 3,5 до 11,9 %), на расстоянии до 18 верст

(табл. 3). Заметим, что иногда недостаток земли определялся не в целых, а в половинных пропорциях надела.

Таблица 3

**Переделы тягловой пашни внутри общин-волостей
Устьпаденского приказа Архангельской удельной конторы в 1839 г.**

Волость	Кол-во душевых наделов			Расстояние, версты
	по числу душ VIII ревизии, всего	выделенных при «многоземельных» деревнях	%	
Паденская	534	53,5	10,0	0,5 — 16,0
Устьпаденская	540	40,5	7,5	0,5 — 18,0
Верхопаденская	332	21,0	6,3	0,5 — 6,5
Верхосуланская	390	45,0	11,5	0,5 — 6,0
Суланская	523	62,0	11,9	0,5 — 8,0
Крюкова деревень	114	4,0	3,5	1,5 — 8,0
Устьпуйская	407	41,0	10,1	1,0 — 9,0
Шеренская	361	25,0	6,9	0,5 — 12,0
Федоровская боярщина	360	16,5	4,6	1,0 — 6,0
Всего по приказу	3 561	309,5	8,7	0,5 — 18,0

Составлена по: РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 806. Л. 21 — 22 об.

Земельные переделы, конечно, усложняли землепользование, так как участки, выделяемые «малоземельным» деревням, нередко находились не только на значительном расстоянии от них, но и при нескольких селениях. Типичным служит пример с «малоземельной» деревней Наволоцкой Паденской волости Устьпаденского приказа, в которой в 1839 г. числилось 26 ревизских душ. Однако «по недостатку» пашня при ней была поделена только на 19 душевых наделов, которые соответствовали средним наделам по общине-волости. Недостающие душевые наделы для крестьян д. Наволоцкой были выделены: 1 — при д. Леваковской (на расстоянии 0,5 версты), 2 — при д. Остахинской (1,5 версты), 1 — при д. Кривоноговской (13,0 верст), 2 — при д. Тетюневской (14,5 версты) и 1 — при д. Фоминской (16,0 верст)²⁰. Естественно, бытовала и другая, прямо противоположная описанному случаю, ситуация. Так, в д. Остахинской Паденской волости в 1839 г. значилось 27 ревизских душ. Пашня же здесь разделялась на 38 душ, из которых 11 были «приписаны» из других деревень: 2 — из д. Наволоцкой, 3 — из д. Подсосенной, 1 — из д. Погорельской и 5 — из д. Юрьевской²¹.

Процедура общинных переделов не ограничивалась лишь количественным уравнением земли на волостном уровне. Она имела продолжение внутри отдельных селений. Вначале крестьяне учитывали качество пашенных угодий в паровом, яровом и озимом полях. В каждом из них в разных по качеству почвы местах на один душевой надел отводилась полоса земли. Так, в Селецкой волости Кургоминского приказа в 1839 г. душевой надел включал: в 1-м поле — от 4 до 8 полос земли, во 2-м — от 5 до 14 и в 3-м поле — от 7 до 18. В Кицкой волости Предтеченского приказа наблюдалась еще более сложная обстановка. Здесь душевой надел содержал: в 1-м поле — от 13 до 15 полос пашни, во 2-м — от 7 до 30 и в 3-м поле — от 5 до 21. В целом

по Архангельской конторе в этом году на душевой надел приходилось соответственно от 3 до 36, от 2 до 39 и от 3 до 46 полос земли²². Трудно представить, но в удельной деревне Севера реальными являлись ситуации, когда один душевой надел по всем 3 полям заключал в себе десятки небольших участков пашни в разных местах. Иными словами, душевой надел не представлял единого земельного массива, что усугубляло чересполосицу и приводило к другим негативным последствиям.

Внутри селений тягловая пашня распределялась между крестьянами с учетом трудоспособных членов семьи, количества скота, инвентаря и других условий, т. е. с учетом реальных возможностей хозяйства. Под «душами» крестьяне чаще всего понимали не число ревизских душ в конкретном дворе, а количество выделенных двору душевых наделов. Подати и повинности между крестьянами распределялись по числу «душ» именно в этом смысле, т. е. по количеству тягловой земли в хозяйстве²³.

Переделы очень редко затрагивали сенокосные угодья, которые подразделялись на лесные (сбор сена от 15 до 50 пуд. с 1 дес.), полевые и луговые (от 40 до 160 пуд. с 1 дес.). По разным источникам, в первой половине XIX в. в Архангельской удельной конторе сенокосов на одну ревизскую душу приходилось от 0,61 до 1,38 дес., в Вологодской — от 0,64 до 1,51 дес. (см. табл. 1). Правда, в отношении оценки обеспеченности покосами нужно быть осторожным, так как учет сенокосов на Севере затруднялся размещением многих из них в лесах. Часть сена крестьяне косили на небольших полянах и болотах, не считая эти угодья сенокосными землями. При более точном учете земель их и выявляли больше, чем других угодий. Так, по инструментальному измерению площадь покосов была значительно больше, чем по табелям поземельного сбора 1857 г. в Архангельской губернии на 47,4 %, тогда как пашни — на 22,6 %, в Вологодской — соответственно на 55,0 и 21,9 % (см. табл. 1).

На территории некоторых приказов в лесах располагалась довольно значительная часть сенокосных угодий. Они находились, как правило, вдали от селений (в 5 — 25 верстах) и составляли, например, в Устьпаденском приказе Архангельского имения 37,8 %, в Благовещенском — 45,0 %²⁴. Удельные крестьяне ощущали заметный недостаток в покосах, за исключением Афанасьевского, Верхотоемского приказов и частично Кузнецовского отделения Вологодской конторы, Кургоминского и Устьяжского приказов Архангельской конторы, т. е. тех приказов, которые были расположены в поймах р. Вага и Северная Двина²⁵.

Усадьбы и огороды в северной удельной деревне охватывали небольшую часть тягловых угодий и составляли, по разным источникам, от 0,02 до 0,04 дес. на одну ревизскую душу. Правда, по кратким табелям принятым имениям 1799 г. их было учтено значительно больше: в Архангельской губернии — до 0,11 дес. на душу, в Вологодской — до 0,07 дес.²⁶ Выгонов в полном смысле этого слова тоже имелось мало. В тех селениях, где они были, их использовали только для выпаса молодняка и мелкого скота. В качестве пастбищ крестьяне Севера использовали в основном леса²⁷.

Общая площадь тягловых угодий с течением времени увеличивалась. Известно, что с 1840 по 1849 г. в Архангельском имении под пашню и сенокос было осушено болот 2 109 дес., в Вологодском — свыше 1 тыс. дес. Осушение болотистых мест проводилось и для травосеяния²⁸. В северной удельной деревне наблюдались также случаи самовольного расширения тягловых владений. Так, в середине 1820-х гг. 11 крестьян д. Якушевская Завельской сотни Вологодской удельной конторы «сделали

подсеки» в лесу. В 1834 г. на этом месте они без оформления каких-либо документов разработали 1 дес. 304 саж. пашни, за что были оштрафованы на 34 руб. 40 коп. Затем эта пашня была отнесена к тягловым угодьям и по результатам ревизии включена в общинный передел²⁹.

Удельные и государственные крестьяне Севера были обеспечены тягловыми землями по-разному. Судя по камеральным описаниям конца XVIII в., на одну ревизскую душу в удельной деревне Архангельской губернии приходилось 0,93 дес. пашни и 0,64 дес. сенокоса, а в казенной — соответственно 0,63 и 0,85 дес., т. е. удельные крестьяне имели больше пашни, а государственные — сенокоса. В Вологодской губернии казенные крестьяне располагали большим наделом, чем удельные³⁰. Эта разница между казенными и удельными крестьянами Севера в обеспеченности тягловой землей сохранялась на всем протяжении первой половины XIX в.³¹

Таким образом, данные источников о землепользовании не позволяют с полной уверенностью показать динамику обеспеченности землей удельных крестьян Севера. Однако все они говорят о том, что тягловых угодий крестьяне имели очень мало. Тягловая пашня была невысокого качества и лучшие ее участки в 1828 — 1829 гг. отмежевывались под общественную запашку.

Тягловые земли распределились между приказами и волостями северной удельной деревни неравномерно. Несмотря на принципы общинного перераспределения тягловых участков, полной нивелировки в обеспеченности землей крестьянских дворов не было. Земля распределялась сельскими обществами исходя из экономических возможностей хозяйств. Однако общинные переделы лишь усугубляли малоземелье крестьян, приводя к усилению чересполосицы и севообороту. Кроме того, они затрудняли использование агротехнических новшеств и сужали возможности расширения и улучшения полевого хозяйства.

Темпы прироста тягловых земель в удельной деревне Севера не отвечали реальным потребностям крестьянских хозяйств и позволяли лишь поддерживать примерно на одном уровне среднестатистические посевы зерновых культур и соответствующее количество скота. Большого не позволяла политика удельного ведомства, которая отражала господствовавшие в стране феодально-крепостнические порядки.

Библиографические ссылки

¹ См.: История северного крестьянства : в 2 т. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 200 — 207, 290 — 292 ; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 274 — 287.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 87. Л. 2 — 12 ; Оп. 1. Д. 70. Л. 228 об.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года : в 45 т. СПб., 1830. Т. 24, № 17906 (Далее ПСЗ).

⁴ Там же. Т. 25, № 18423 ; Т. 30. № 23020 ; Т. 33, № 33861.

⁵ РГИА. Оп. 10. Д. 658. Л. 92 — 98 об.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 7. Л. 6 — 306.

⁷ Там же. Оп. 34. Д. 80. Л. 127, 166 об. ; ГА АО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 2362. Л. 13.

⁸ РГИА. Оп. 71. Д. 2001. Л. 1 — 26.

⁹ Там же. Оп. 16. Д. 133. Л. 179 — 181.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 207 об. — 208.

¹¹ Там же. Оп. 71. Д. 2218. Л. 1 об. — 2.

¹² Там же. Оп. 74. Д. 86 — 99 (уставные грамоты).

- ¹³ См.: ПСЗ. Т. 2, № 1406.
- ¹⁴ РГИА. Оп. 16. Д. 807. Л. 1 — 132; Оп. 12. Д. 2518. Л. 245 — 249.
- ¹⁵ См.: ПСЗ. Т. 36, № 36712; РГИА. Оп. 12. Д. 2518, 2548.
- ¹⁶ РГИА. Оп. 12. Д. 2421. Л. 42 — 43.
- ¹⁷ См.: **Власова И. В.** Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири XVII — XVIII вв. М., 1984. С. 83 — 94.
- ¹⁸ См.: **Воронцов В. В.** Простая община удельных крестьян // Рус. мысль. 1899. № 7. С. 103.
- ¹⁹ РГИА. Оп. 16. Д. 806. Л. 17 — 20.
- ²⁰ Там же. Л. 21.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Д. 807. Л. 1 — 127.
- ²³ Там же. Оп. 12. Д. 1242. Л. 2 — 3; Д. 2079. Л. 111 об.
- ²⁴ Там же. Оп. 10. Д. 4298. Л. 1 — 4, 41 — 47.
- ²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 72. Л. 174; Оп. 15. Д. 2267. Л. 93.
- ²⁶ Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 207 об. — 208.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 50, 52, 56, 70, 72; Оп. 10. Д. 2001, 2218; Оп. 15. Д. 2267; Оп. 34. Д. 80; Оп. 74. Д. 86 — 99.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 22 об.; Д. 52. Л. 26 об.; Д. 56. Л. 56 об.; Арханг. губерн. ведомости. 1850. № 12.
- ²⁹ РГИА. Оп. 10. Д. 1171. Л. 4 — 5.
- ³⁰ См.: **Колесников П. А.** Указ. соч. С. 313 — 391; РГИА. Оп. 10. Д. 658. Л. 92 — 98 об.
- ³¹ См.: Вологод. губерн. ведомости. 1858. № 17; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: в 25 т. СПб., 1865. Т. 1. С. 138.

Поступила 07.12.2011 г.

УДК 94(470):323.317

М. А. Бибин
M. A. Bibin

**ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТА ОБЪЕДИНЕННОГО ДВОРЯНСТВА
И ВЫРАБОТКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КУРСА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XX в.**

**FORMATION OF THE UNITED NOBILITY COUNCIL
AND THE DEVELOPMENT OF GOVERNMENT POLICY
OF THE RUSSIAN STATE IN THE EARLY XX CENTURY**

Ключевые слова: сословие, дворянство, объединенное дворянство, Совет объединенного дворянства, съезд уполномоченных губернских дворянских обществ, губернский предводитель дворянства, уездный предводитель дворянства, царизм, самодержавие.

В статье анализируются процессы, приведшие к возникновению Совета объединенного дворянства; рассматривается отношение дворянской организации к вопросам внутренней и внешней политики царского правительства.

Key words: class, the nobility, the united nobility, the Council of the United Nobility, Congress of the representatives of the provincial noble societies, the province marshal of the nobility, the uyezd marshal of the nobility, tsarism, the autocracy.

The processes that caused the formation of the Council of the United Nobility are analyzed in the article; the attitude of the organization of the nobility toward the domestic and foreign policy of the tsarist government is also considered.

Российское дворянство, законодательно провозглашенное высшим сословием и «первейшей опорой престола», фактически вплоть до начала XX в. не имело ни общесословной организации, ни всероссийского представительства. Его корпоративные интересы выражали губернские дворянские собрания, имевшие право обсуждать внутрисословные дела, а также обращаться к царю с петициями по вопросам местного управления.

Долгое время такое положение вполне устраивало дворян, однако в связи с начавшимися в 60 — 70-х гг. XIX в. преобразованиями в обществе они ощутили потребность в общесословном представительстве. Дворянские собрания ряда губерний обращались к верховной власти с соответствующими ходатайствами, но все их попытки создания единой организации в том или ином виде оставались безуспешными. Лишь в 1896 г., с образованием Особого совещания по делам дворянского сословия, «монаршей милостью» им было разрешено созвать совещание губернских предводителей дворянства для обсуждения нужд сословия. Впоследствии такие совещания-«беседы», обычно под председательством московского губернского предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого, стали проходить ежегодно и даже несколько раз в год. Состав их не был постоянным, сами «беседы» носили совещательный, консультативный характер и касались главным образом сословных проблем. Однако иногда они выходили за узкосословные рамки и затрагивали кардинальные вопросы правительственной политики — в основном социально-экономические. Заключение совещаний-«бесед» для дворянских обществ имели информационное, в лучшем случае рекомендательное, значение. Участники этих встреч, в свою очередь, не были подотчетны дворянским собраниям. Более того, нередко мнения предводителей дворянства расходились с мнениями большинства членов дворянских собраний¹. Все же такие совещания были первым шагом на пути к объединению дворянства.

Нарастание на рубеже веков в российском обществе оппозиционных и радикальных настроений затронуло и высшее сословие. Самые активные его представители вошли в различные партии и организации как радикально-революционного, так и умеренно оппозиционного толка, участвовали в нелегальных и полулегальных общеземских съездах. Основная же часть дворянского сословия оставалась политически пассивной, не готовой к общественной деятельности. Причинами этого были традиционная законопослушность и отсутствие навыков самостоятельных организованных действий. Более мобильным оказалось либеральное крыло дворянства: оно быстрее организовалось и попыталось возглавить общеземские съезды. Правоконсервативные силы организовались позже, и их объединения (Русское собрание, Русская монархическая партия и Отечественный союз), скорее, можно отнести к клубам или кружкам салонного типа, чем к политическим партиям. Даже всколыхнувшие всю страну революционные события 1905 г. не сразу отразились на дворянских собраниях, отреагировавших на нарастание крестьянских волнений прежде всего слезными жалобами в адрес правительства на бездействие и бессилие местных властей.

Заметную активность проявляли только совещания предводителей дворянства, на которых дворянские лидеры старались выработать политическую платформу и наметить линию политического поведения сословия. Так, в 1905 г. состоялись четыре совещания-«беседы», имевших целью обсуждение насущных политических вопросов: рескрипта 18 февраля, обещавшего созыв народного представительства, закона о выборах в Думу от 6 августа и Манифеста от 17 октября, провозгласившего гражданские и политические свободы².

На совещаниях 10 — 15 марта и 24 — 28 апреля рассматривалась внутривнутриполитическая обстановка, возникшая в стране в связи с изданием рескрипта 18 февраля, была предпринята попытка найти для дворянства собственную политическую нишу в нарастающем общественном движении. Участники совещаний отметили, что в обществе создаются, кроме революционного лагеря, два политических течения — ультраконсервативное, ненавидящее саму идею представительного правления, и «чисто конституционное», стремящееся ограничить самодержавие и создать в России конституционное правление по образцу западноевропейских стран. Дворянство же ни к одному из этих направлений примкнуть не может. На почве принятия рескрипта оно должно объединиться со всеми «благочестивыми» членами общества. Губернские предводители дворянства высказались за сохранение самодержавия как формы правления, считая, что в России с ее экономической, политической и культурной отсталостью, нерешенным национальным вопросом инициатором и гарантом реформ может быть только неограниченный монарх. Таким образом они продемонстрировали сословную верноподданность, лояльность к престолу и династии. В то же время участники совещаний пришли к выводу, что народному представительству должно быть предоставлено право не только обсуждения законопроектов, но и законодательной инициативы, запросов министрам, контроля за исполнением государственного бюджета, что даст ему возможность успешно противостоять произволу бюрократии, по вине которой началась революция.

Однако ожидания предводителей дворянства, получить поддержку «сторонников законности и порядка» не оправдались: записка по итогам этих совещаний, разосланная губернским дворянским обществам, вызвала лишь резко отрицательную реакцию правого крыла сословия. На обращение предводителей дворянства откликнулись только 19 из 39 дворянских обществ, причем 4 общества высказались категорически против идеи народного представительства. По мнению историка А. П. Корелина, именно эта акция послужила поводом для активизации правых³.

Основные аргументы правого крыла сословия против идеи о народном представительстве и его компетенции, выраженные в специальных контрзаписках, сводились к тому, что эти идеи были несовместимы с самодержавием и являлись по существу конституционными. Создание самостоятельного народного представительства неизбежно привело бы «к борьбе с правительством, к конституции, к народовластию, от которых да избавит Бог Россию»⁴. Кроме того, это осложнило бы ситуацию в стране и не послужило бы основой для объединения общественных сил. Правые неоднократно добивались аудиенции у императора, который выслушивал их с вниманием⁵.

Таким образом, в дворянской среде стали складываться два основных политических направления — умеренно консервативное с элементами либерализма, близкое к октябризму, и правоконсервативное, стремившееся идейно и организационно к сотрудничеству с прямым охранительством. Постепенно конфронтация между

двумя течениями нарастала. На прошедшем с 12 по 16 июня 1905 г. в г. Петербурге очередном совещании предводителей дворянства было поддержано заявление городских и земских общественных деятелей о необходимости скорейшего созыва народного представительства. Размежевание теперь признавалось необходимым лишь с революционными элементами, с организованной социал-демократией. После июньского совещания шаг за шагом вырисовывалась картина развала существовавшего государственного строя, который сумел восстановить против себя всю страну.

Предводители дворянства были озабочены «несоответствием между торжественно вознесенными общими началами и целями правительства и целым рядом мероприятий последнего времени»⁶. Нарушение данных обещаний, предупреждали они царя, может иметь катастрофические последствия. «Каждый час дорог», — напоминали они ему, рекомендуя «немедленно приступить к созыву народных представителей»⁷. Царь принял делегацию предводителей дворянства и князь П. Н. Трубецкой довел до его сведения ситуацию в стране и путях выхода из кризиса, которые заключались в ускорении реализации обещанных преобразований и укреплении на этой основе «союза Царя и старшего сословия, слитого с земщиной»⁸.

Выступление П. Н. Трубецкого вновь вызвало резко негативную оценку со стороны правой консервативной части дворянства. В печати были опубликованы открытые письма, в которых его резко критиковали за поддержку идеи народного представительства и солидарность с общественными деятелями. При этом подчеркивалось, что его заявление не отражает мнения дворянства и он не имеет никакого права делать такие заявления от имени всего сословия. «Считая создание народного представительства у нас мерой вредной и опасной, — заявляли оппоненты П. Н. Трубецкого, — мы полагаем, что такая реформа не вызывается действительными преобразованиями нашей жизни»⁹. Они также доказывали, что «требования о созыве представительного собрания с решающим голосом по всем важнейшим государственным делам не совместимо с убеждением о необходимости сохранить и укрепить самодержавную Царскую власть»¹⁰.

В июне 1905 г. последовало выступление группы дворян, возглавляемой братьями Ф. Д. и А. Д. Самаринными. В записке на имя царя, датированной 18 июня, они упрекали правительство в том, что «оно при таких обстоятельствах хочет исполнить сразу в несколько месяцев то, на что требуются годы, и ведет одновременно работы по преобразованию чуть ли не всего нашего государственного строя». В это же время царю внушалась противоположная мысль, что «народу чужды все домогательства перемен, и он... горой стоит за самодержавие»¹¹. Несмотря на то что идейные расхождения в дворянской среде все более углублялись, разрастающаяся революция, крестьянские волнения и аграрные беспорядки, а также нависшая над дворянским сословием угроза существованию настойчиво требовали объединения.

Первые шаги к созданию общедворянской организации предприняло правое крыло дворянства. В мае 1905 г. один из лидеров Русской монархической партии В. Н. Ознобишин опубликовал открытое письмо к губернским предводителям дворянства, в котором прозвучал призыв к сплочению разрозненных дворянских сил¹².

17 октября 1905 г. состоялся учредительный съезд Всероссийского союза земельных собственников, в который вошли региональные помещичьи организации. Политическая программа союза заключалась в защите идейных принципов старого режима, среди которых главными были самодержавие, православие и народность. Эко-

номическая же программа союза предусматривала отстаивание незыблемости частной собственности и противодействие принудительному отчуждению частновладельческих земель. Именно в недрах этой организации, по мнению А. П. Корелина, была наиболее полно разработана аграрная программа дворянства, основные компоненты которой (разрушение общины, создание частного крестьянского землевладения, насаждение индивидуальных крестьянских хозяйств и т. д.) предвосхитили известную правительственную программу П. А. Столыпина¹³. Съезд потребовал созыва общедворянского форума.

На очередном совещании губернских предводителей дворянства, состоявшемся 5 — 6 марта 1906 г., вновь проявились разногласия внутри сословия. На разосланные П. Н. Трубецким запросы о созыве съезда было получено 20 ответов, большинство которых были положительными. Однако дворянские собрания снова не смогли договориться ни о сроках созыва съезда, ни о его программе, а многие предводители вновь высказались против спешки с созданием общедворянского представительства¹⁴. Постепенно инициатива в этом вопросе перешла к правому крылу сословия, выступавшему за немедленный созыв съезда. Большую активность в этом проявляли Тамбовское, Курское, Саратовское и Самарское дворянские собрания, на которых в январе 1906 г. был возбужден и утвердительно разрешен вопрос о созыве 1-го Всероссийского дворянского съезда. Съезд должен был стать законным выразителем взглядов русского дворянства на текущие события политической жизни страны¹⁵. Губернские предводители вышеназванных дворянских обществ занимали лидирующие позиции в Союзе землевладельцев. В феврале 1906 г. состоялся 2-й съезд союза, который вновь выступил за скорейший созыв общедворянского форума¹⁶.

22 апреля 1906 г. накануне открытия 1-й сессии Государственной думы в г. Москве состоялся съезд «Кружка дворян, верных присяге», близко стоявшего к Русской монархической партии. Его участники высказывались за признание земельной собственности дворян «заповедной», за совещательный характер Думы, выступали против амнистии; царю была направлена телеграмма о необходимости введения военной диктатуры и принято обращение ко всем дворянским обществам с призывом объединиться на общедворянском съезде¹⁷.

Вскоре последовали практические меры по созданию общедворянской организации. На прошедшем в г. Москве 20 — 23 апреля 1906 г. заседании подготовительной комиссии по созыву съезда уполномоченных дворянских обществ было сформировано организационное бюро, в состав которого вошли по два представителя от каждой губернии. Председателем бюро был избран князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, вице-председателями — князь Д. Н. Цертелев и М. С. Волконский. Граф В. Ф. Доррер, курский предводитель дворянства, известный своими ультраправыми взглядами, разработал программу съезда, обсуждение которой состоялось на заседании совета по проведению съезда 16 — 20 мая 1906 г. Во время заседания были также рассмотрены организационные принципы создаваемого объединения, сформированы комиссии для подготовки докладов и проектов резолюций.

Для того чтобы удержать руководящую роль дворянского сословия в новых обстоятельствах, на проводившихся заседаниях была сделана попытка выработать политическую линию поведения дворянства. Так, граф Д. А. Олсуфьев предложил «объединить под руководством предводителей дворянства все охранительные течения на местах в форме не только сословно-дворянских организаций, но и объединений

социально-экономических (Союз землевладельцев. — *М. Б.*) или политических (Русская народная партия, Монархическая партия, Союз правого порядка, Союз 17 октября и др. — *М. Б.*)»¹⁸. В то же время много внимания было уделено предложениям о привлечении на свою сторону крестьянства, представлявшего дворянство защитником и выразителем его интересов: «Желательно поставить на очередь, — говорил А. А. Нарышкин, — вопрос об организации общего с крестьянским и прочим населением консервативного союза»¹⁹.

Первый съезд уполномоченных губернских дворянских обществ состоялся в г. Петербурге 21 мая 1906 г. Самым главным в его работе было организационное оформление объединенного дворянства. Согласно проекту устава, «съезды уполномоченных губернских дворянских собраний имеют целью объединить дворянские общества, сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов, интереса общегосударственного, а равно сословного»²⁰. Съезды уполномоченных, избираемых на 3 года, должны были проводиться ежегодно. Изначально количество их участников не ограничивалось, но при голосовании на съезде каждая губерния имела один голос. Исполнительным органом организации становился Постоянный совет. Он состоял из председателя, 2 его заместителей (товарищей) и 10 членов (с 1907 г. — 12), выбиравшихся съездом на 3 года. Допускалось участие в работе Совета губернских предводителей дворянства, в первое время с правом совещательного голоса. На открытие съезда прибыли 114 участников из 29 губерний. Среди приглашенных, обладавших правом совещательного голоса, были члены Государственного совета, губернские и уездные предводители дворянства, представители Союза землевладельцев и «Кружка дворян, верных присяге», известные государственные деятели, в частности графы А. А. Бобринский, К. Ф. Головин, С. С. Бехтеев, А. А. Киреев, В. И. Гурко, С. Ф. Шарапов, А. С. Стишинский и др. Из числа приглашенных избрали первого председателя съезда — землевладельца и аристократа графа А. А. Бобринского (это было направлено против руководителей предводительских совещаний князя П. Н. Трубецкого и графа В. В. Гудовича, претендовавших на роль лидера общесословной организации). Более того, некоторые представители правых обвинили губернских предводителей дворянства в том, что они «спокойно, по барски проводили время»²¹ и ничего не делали для спасения и объединения гибнувшего сословия. Однако затем по требованию большинства участников съезда и его председателя заявившие это принесли П. Н. Трубецкому и В. В. Гудовичу извинения. Тем не менее в записке Постоянного совета «Об условиях возникновения и деятельности Объединенного дворянства», изданной уже после съезда, вновь отмечалось, что предводители дворянства, «не получив достаточных полномочий говорить от имени собраний, провозгласили в ряде совещаний весной 1905 г. свои личные взгляды, которые, к сожалению, были приняты правительством как взгляды дворянства»²². Предложение графа В. В. Гудовича «представить всем губернским предводителям дворянства *ex officio* право решающего голоса» участники съезда не поддержали, и только на следующий день князь П. Н. Трубецкой с большим трудом (большинством в 2 голоса) сумел отстоять компромиссное решение о приглашении предводителей дворянства с совещательным голосом (при условии присутствия членов Государственного совета от дворянства)²³.

Содержание записки Постоянного совета свидетельствует о сдвигах в сознании дворянства, обусловленных революционными событиями и рядом вынужденных пре-

образований в политической сфере. В записке, в частности, указывалось, что мысль об объединении «всего российского земельного дворянства в один сословный и политический союз» давно уже витала в воздухе, что в дворянстве нужно видеть «не замкнутые по губерниям корпорации, живущие лишь своей обособленной губернской жизнью с узкосословными ее интересами, а ту культурную силу страны, которой предопределено историей занимать передовое место хранителя интересов государства и защитника ее закономерно поступательного роста»²⁴. Авторы записки, не затрагивая верховную власть, обвинили правительство в том, что оно, «подавляя всякое сопротивление общественного сознания в области общегосударственной политики, замыкало в круг лишь местных интересов общественную, и в том числе дворянскую деятельность», не позволяло дворянству, «вопреки прямо указанному в законе праву его, вступать на более широкий путь борьбы с несовершенствами государственного устройства»²⁵.

Внутренние и внешние события кардинальным образом изменили политическую ситуацию в государстве: «старый порядок утратил свой прежний авторитет, и свободно и сильно заговорила общественная мысль»²⁶. Критикуя правительство за уступки требованиям народных масс, руководители объединенного дворянства в то же время подчеркивали, что именно новый закон о свободе собраний и союзов дал дворянству возможность «собираться на съезды для обсуждения как своих частных, так и государственных дел», а также «заговорить иным языком и предъявить свои политические права на историческое служение государству»²⁷. Причиной появления объединенного дворянства в записке назывался тот «хаос безвластия, смешения понятий о гражданских и политических правах и полного простора для всякого произвола»²⁸, который возник в результате неправильно истолкованного массами Манифеста от 17 октября, а также необходимость для сословия занять свою нишу в новом государственном устройстве.

Дискуссия, развернувшаяся на съезде по основным программным вопросам, показала, что единства в среде сословия практически нет. Ориентиром стала правительственная декларация кабинета И. Л. Горемыкина, заменившего ненавистного дворянству С. Ю. Витте. Собственные программные положения съезд изложил в традиционном верноподданническом адресе царю. В этом важном документе, особенно в его политической части, вновь указывалось на сохранявшуюся угрозу целостности государства, превозносилась роль дворянства в сохранении незыблемости самодержавия, являвшегося залогом «оздоровления русской жизни и дальнейшего ее развития»²⁹. За этими словами стояла острая полемика о сущности самодержавной власти и о судьбе народного представительства. Представители умеренно-консервативного направления предлагали упразднить Думу и вернуться к существовавшему до 17 октября 1905 г. положению. Однако большинство депутатов не поддержало их, при этом одни ссылались на то, что выступать против учреждения, созданного самим царем, некорректно, другие утверждали, что Дума «умрет» естественной смертью, третьи призывали сотрудничать с ней и использовать в своих интересах, добившись изменения избирательного закона.

В организационных вопросах, так же как и в других, было несколько мнений и отсутствовало какое-либо единство. Одни участники съезда считали, что вновь созданная организация умаляет статус дворянских собраний, определенный законодательно, и предлагали рассматривать решения и постановления съездов и Совета как не

имевшие обязательного характера для дворянских обществ. Другие протестовали против придания объединению политического значения. Третьи настаивали на создании иерархической организационной структуры, указывая, что в противном случае съезды превратятся в простую «говорильню». В конечном счете было решено оставить за съездами право «возбуждать ходатайства и представлять свои заключения в надлежащие учреждения»³⁰. Таким образом, 1-й съезд уполномоченных дворянских обществ завершился созданием Совета объединенного дворянства, определением основных положений его политической платформы, разработкой тактических мер по сохранению и усилению позиций дворянского сословия в российском обществе.

В первое время Совет объединенного дворянства представлял собой влиятельную силу, став центром притяжения право- и умеренно консервативных дворянских кругов. Его представители участвовали с ряде съездов монархических партий и помещичьих организаций. Вместе с тем Совет объединенного дворянства дистанцировался от наиболее одиозных ультраправых организаций типа «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», хотя их лидерами были одни из наиболее активных участников съездов уполномоченных дворянских обществ (Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич и др.). В свой актив Совет объединенного дворянства относил и проведение в 1907 — 1908 гг. земских съездов, завершившихся победой консервативных сил³¹.

В числе основных вопросов, рассматривавшихся на 1-м съезде, был земельный. Подавляющее большинство участников съезда сошлось во мнении о необходимости проведения в деревне капитальных изменений. Это отвлекло бы крестьянство от продолжения борьбы, сбilo его боевой настрой и примирило в конечном счете с дворянством. Достигнуть этого предполагалось, идя уже проторенной дорогой — за счет разрушения общины, на развалинах которой должен был появиться новый крестьянин-собственник. В дальнейшем, следуя логике нового положения, он превратился бы (в этом заключался главный смысл плана) в союзника дворянства. «Община, — говорил на съезде К. Н. Grimm, — это то болото, в которое увязает все, что могло бы выйти на простор... благодаря ей нашему крестьянству чуждо понятие о праве собственности. Уничтожение общины было бы благотельным шагом для крестьянства. Государство должно идти именно по этому пути, если оно хочет положить предел социализму. Мы имеем в среде крестьянской также собственников мелких участков, которые будут наши крепкие союзники, если мы скажем, что мы хлопочем о сохранении права собственности вообще»³².

Съезд воспринял разработанную его предшественниками программу, объективно означавшую перевод деревни на путь скорейшего буржуазного развития, поскольку теперь, чтобы привлечь на свою сторону собственнические элементы среди крестьянства, дворянство делало основную ставку на скорейшее преобразование всей крестьянской массы на основе индивидуального владения землей с неограниченным правом распоряжения ею по своему усмотрению. Ожидалось, что такое «превращение» сделает стомиллионное крестьянство неодолимой преградой на пути революции.

На съезде постоянно раздавались громкие панегирики собственности, которая, становясь основным началом жизни деревни, коренным образом меняла положение в пользу дворянства. С тем же пылом превозносился «свободный крестьянский труд», которому власть должна была открыть неограниченное поле деятельности: «Мы, земельные дворяне, — заявил на съезде Н. А. Павлов, — знаем ход теперешней народной болезни — неустройство... борьба с социализмом ясна, орудие против

него одно — собственность, и мы должны честно определить эту болезнь и указать лечение»³³. «Мы должны выступить с программой, — говорил барон А. А. Пиллар фон Пильхау, — мы хотим дать крестьянам полную свободу в пользовании землей как собственникам земли. Это очень выгодная позиция и единственный способ, с которым нам в настоящее время можно выступить в борьбе»³⁴. «Собственность неприкосновенна, и она есть та плотина, которая остановит социальное движение», — подчеркивал князь В. М. Урусов³⁵. Слышались и сочувственные слова о сложности положения крестьянства. Высказывались удивление его долготерпению и упреки в адрес правительства за многолетнее злостное пренебрежение его нуждами³⁶. Позднее, на 3-м съезде уполномоченных дворянских обществ, князь П. А. Ухтомский сказал: «Пройдет год, когда закон этот (от 9 ноября 1906 г. — М. Б.) будет осуществлен, и мы будем иметь дело с совершенно с другой Россией. Может быть, русская революция будет раздавлена мужицким сапогом, как революция 1848 г.»³⁷.

При голосовании правительственной программы по пунктам вопрос о хуторах и отрубях не вызвал больших прений, ибо он мало интересовал дворян. Главные их заботы сводились к тому, чтобы закрыть вопрос о крестьянском малоземелье и избавиться от общины. Правительство предложило раздробить ее при помощи хуторов и отрубов, и дворянство с этим охотно согласилось. Правда, 29 уполномоченных во главе с графом Д. А. Олсуфьевым высказали особое мнение, содержащее предостережение от «схематически-шаблонного, однообразно-демагогического решения в центральных учреждениях аграрного вопроса без достаточного внимания ко всем разнообразным бытовым, племенным, географическим и другим особенностям отдельных местностей России»³⁸.

Таким образом, начиная с 1-го съезда Совет объединенного дворянства общими усилиями постепенно вырабатывал программу для решения крестьянского вопроса, наметив путь, по которому вскоре предстояло двигаться: сохранение дворянского землевладения с предоставлением крестьянству земли в индивидуальную собственность за счет как общинного фонда, так и широкого развития переселения, а вместе с тем и приобретения земли Крестьянским банком у помещиков с последующей продажей крестьянам. «В сущности, — писал историк Ю. Б. Соловьев, — вся столыпинская программа в ее главных чертах уже была подробно обоснована и развита. То, что было сказано и сделано Столыпиным, говорилось и предлагалось сделать на дворянских съездах»³⁹.

«Особые положения по аграрному вопросу», выработанные на съезде, явились предвестником Столыпинской аграрной реформы. По мнению Совета объединенных дворян, «за последнее время никакого реального основания для огульного наделения крестьян землей вновь не возникало...»⁴⁰. Были необходимы лишь «дальнейшие мероприятия» по улучшению крестьянского быта, которые предполагалось осуществить следующим образом: «В селениях, достаточно обеспеченных землей, — лучшее и более полное использование современной наделной площади; для селений действительно малоземельных — переселение и покупка частновладельческих земель. Способы к улучшению и более полному использованию наделной площади должны заключаться в переходе крестьян к многопольному хозяйству, лучшей обработке и удобрению земли, укреплении прав отдельных крестьян на наделную землю и в приближении пахаря к пашне (переход от общинной к личной собственности, расселение крупных деревень, уничтожение внутринадельной чресполосности, переход

к хуторской системе). Крестьянам, малоземельным, должно быть представлено на выбор: 1. или получить на выкуп от Крестьянского банка, или приобрести при его содействии участок земли в пределах Европейской России, 2. или переселиться на свободные казенные земли»⁴¹. Были обоснованы также главные методы и средства проведения этого проекта в жизнь: «Инициатива по введению улучшений в крестьянском хозяйстве должна составить предмет главнейших забот государства и земства. Следует отрешиться от мысли, что, когда наступит время к переходу к иной более культурной системе хозяйства, то крестьяне перейдут к ней по собственной инициативе. Во всем мире переход крестьян к улучшенным системам хозяйства происходит при сильном давлении сверху»⁴².

Особые усилия объединенное дворянство приложило к внушению правительству мысли о невозможности даже малейших уступок в вопросе принудительного отчуждения частновладельческих земель, ибо это поколеблет один из наиболее твердых устоев государственной жизни — неприкосновенность права собственности, узаконит возможность нарушения права на всякое другое движимое и недвижимое имущество и будет грозить неисчислимыми осложнениями в жизни страны⁴³.

Очевидно, что аграрная политика правительства была близка к программе, которая проектировалась на 1-м съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и являлась следствием правительственного сообщения от 20 июня 1906 г., последовавшего за высказанными в адресе государю взглядами дворянства⁴⁴.

Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ проводились ежегодно вплоть до конца 1916 г. (в 1906 г. состоялось 2 съезда). Постоянный совет собирался также регулярно, традиционно информируя царя и правительство о своих решениях, доводя до них мнение дворянства по обсуждавшимся вопросам. В трудное для самодержавия время Совет объединенного дворянства поддержал жесткий правительственный курс на подавление революции 1905 г., разгон 1-й и 2-й Государственных дум, изменение избирательного закона и т. п.⁴⁵ Первоначально безоговорочно была поддержана и Столыпинская аграрная реформа⁴⁶. Однако вскоре программные заявления главы правительства, изложенные им в выступлениях перед Думой, встревожили дворянские собрания. Совет дворянства настороженно, а в дальнейшем откровенно враждебно встретил заявления П. А. Столыпина о необходимости провести реорганизацию местного управления, самоуправления и суда⁴⁷. С крайним возмущением и нескрываемым недовольством уполномоченные общедворянских съездов отреагировали на намерение главы правительства заменить уездных предводителей дворянства, фактически восполнявших отсутствовавшее уездное административное звено, начальниками уездов; упразднить институт земских начальников, назначавшихся по рекомендации дворянских обществ; ввести в качестве низшего административно-общественного звена всеобщую земскую волость и ликвидировать волостные крестьянские суды. Дворянство единодушно усмотрело в этом не только посягательство на права и преимущества своего сословия, но и вообще подрыв сословного начала, на котором, по его мнению, базировалось все государственное устройство империи и без которого не мог существовать монархический режим⁴⁸.

Для осуществления своих целей Совет объединенного дворянства использовал Государственную думу и Государственный совет, а также созданный при Министерстве внутренних дел Совет по делам местного хозяйства, где обсуждались подготовленные правительством законопроекты⁴⁹. Однако наиболее эффективным

средством воздействия на власть были традиционные встречи руководителей Совета дворянства с царем, во время которых удавалось заручиться поддержкой монарха и добиться пересмотра некоторых представленных законопроектов. В результате намеченная реформа местного управления, а также почти вся программа правительственных преобразований не были осуществлены. Основной довод Совета объединенного дворянства заключался в том, что страна не подготовлена к проведению реформ, при этом указывалось на слабость материальной базы и отсутствие финансовых возможностей⁵⁰. Однако было бы преувеличением считать, что поворот правительства к свертыванию реформ был вызван только деятельностью Совета. Скорее всего, произошло совпадение стремлений и взглядов объединенных дворян с антиреформаторской настроенностью существовавшего режима, обусловленной близостью их социальной природы⁵¹. Тем не менее не подлежит сомнению, что роль Совета объединенного дворянства как консервативной силы была чрезвычайно велика. Смирившись с существованием представительных учреждений и ощутив при этом возможности их использования для защиты собственных интересов, Совет дворян продолжал отстаивать старую политическую формулу «Самодержавие, православию, народность», видя в ней единственно возможную гарантию сохранения сословного строя и своего первенствующего места в нем⁵².

Таким образом, возникновение Совета объединенного дворянства явилось отражением тенденции к политической консолидации российского дворянства. Верность историческим устоям — самодержавию, православию и народности составляли основу дворянской организации. Несмотря на то что Совету дворянства были доступны все наиболее действенные средства и методы воздействия на правительственную политику, включая возможность влияния на крупнейших государственных деятелей и на самого царя, ему не удалось выработать целостную и комплексную программу действий. Программные документы организации отличались критической направленностью в адрес правительства, а их позитивная часть была расплывчата и неконструктивна.

Библиографические ссылки

¹ См.: Объединенное дворянство : Съезды уполномоч. губерн. дворян. о-в. 1906 — 1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 6.

² ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 440. Л. 158 — 175.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902 — 1907 гг. Л., 1981. С. 168.

⁷ Там же.

⁸ Объединенное дворянство. С. 8.

⁹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 63. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 10. об.

¹¹ Там же. Д. 62. Л. 1 — 1 об.

¹² См.: Моск. ведомости. 1905. 3 мая.

¹³ См.: Объединенное дворянство. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ См.: Записка об условиях возникновения и деятельности Объединенного дворянства. СПб., 1907. С. 9.

¹⁶ См.: Объединенное дворянство. С. 11.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 52.
- ²⁰ Устав съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. [Б. м., б. г.]. С. 1.
- ²¹ Объединенное дворянство. С. 140.
- ²² Записка об условиях возникновения и деятельности Объединенного дворянства. С. 6.
- ²³ См.: Тр. I съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1910. С. 153.
- ²⁴ Записка об условиях возникновения и деятельности Объединенного дворянства. С. 7.
- ²⁵ Там же. С. 8.
- ²⁶ Там же. С. 9.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Там же. С. 11.
- ²⁹ Объединенное дворянство. С. 143 — 146.
- ³⁰ Объединенное дворянство. С. 11.
- ³¹ См.: **Корелин А. П.** На закате дворянского консерватизма // Отечественная история. 2001. № 3. С. 128.
- ³² Объединенное дворянство. С. 80.
- ³³ Там же. С. 81, 83.
- ³⁴ Там же. С. 87.
- ³⁵ Там же. С. 115.
- ³⁶ См.: **Соловьев Ю. Б.** Указ. соч. С. 224.
- ³⁷ Там же. С. 474.
- ³⁸ Там же. С. 152 — 154.
- ³⁹ **Соловьев Ю. Б.** Указ. соч. С. 226.
- ⁴⁰ Объединенное дворянство. С. 149.
- ⁴¹ Там же. С. 152.
- ⁴² Там же. С. 151 — 152.
- ⁴³ Там же. С. 150 — 152.
- ⁴⁴ См.: **Аврех А. Я.** Царизм и IV Дума : 1912 — 1914 гг. М., 1981. С. 248.
- ⁴⁵ См.: Объединенное дворянство. С. 48, 109, 110 — 115, 120 — 121, 200 — 215, 258 — 259 ; Свод постановлений I — X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ : 1906 — 1914 гг. Пг., 1915. С. 13 ; **Зырянов П. Н.** Петр Аркадьевич Столыпин // Вопр. истории. 1990. № 6. С. 61, 66 ; **Крыжановский С. Е.** Воспоминания. Петрополис, [Б. г.]. С. 108 ; **Давидович А. М.** Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 296, 301 ; **Дякин В. С.** Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 — 1911 гг. Л., 1984. С. 21, 24.
- ⁴⁶ См.: **Аврех А. Я.** Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 195 ; **Бородин А. П.** Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопр. истории. 1993. № 9. С. 33, 38 ; **Дякин В. С.** Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 349 — 350 ; **Соловьев Ю. Б.** Указ. соч. С. 226 ; **Черменский Е. Д.** История СССР : Период империализма. М., 1974. С. 190 — 191, 214 ; **Пасхалов К. Н., Шарапов С. Ф.** Землеустройство или землеразорение? М., 1909. С. 85 ; **Чернышев И. В.** Община после 9 ноября 1906 г. : в 2 ч. Пг., 1917. Ч. 2. С. 68.
- ⁴⁷ См.: **Зырянов П. Н.** Петр Столыпин : Полит. портрет. М., 1992. С. 100 — 101 ; **Дякин В. С.** Столыпин и дворянство : (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 246 ; **Шанин Т.** Революция как момент истины: Россия 1905-1907 — 1917-1922 гг. М., 1997. С. 374 — 375.
- ⁴⁸ См.: **Катков М. А.** Роль уездных предводителей дворянства в государственном управлении России // Учен. зап. Император. лицея в память цесаревича Николая. М., 1915. Вып. 9. С. 50 — 58 ; **Ковалевский М. М.** Чем Россия обязана Союзу объединенного дворянства? СПб., 1914. С. 43 — 47 ; **Его же.** Спасательный тормоз или гибельная запруда? // Вестн. Европы. 1914. № 4. С. 115 — 121 ; Объединенное дворянство. С. 305 — 306, 309, 317 — 318, 564 — 593, 605 — 609, 629 — 673 ; Тр. IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1908. С. 140 — 145, 151 — 164, 183, 196, 217, 218, 221, 223, 225, 230, 242, 313 — 320 ; Краткий обзор трудов IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 17 — 25 ;

Тр. VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. 1910. С. 163 — 165, 178 — 180; Тр. VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 246 — 257, 263 — 277, 281, 284 — 285, 285 — 293; Записка комиссии, избранной 3-м съездом уполномоченных дворянских обществ по поводу законопроекта правительства о поселковом управлении. СПб., 1907. С. 3, 5, 13, 31 — 32.

⁴⁹ См.: **Аврех А. Я.** Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 319; **Бородин А. П.** Государственный Совет России (1906 — 1917). Киров, 1999. Гл. 5. С. 169 — 234; **Дякин В. С.** Столыпин и дворянство. С. 238 — 272; **Зырянов П. Н.** Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 51 — 60; **Корелин А. П.** На закате дворянского консерватизма. С. 129.

⁵⁰ См.: **Головин К. Ф.** Предположенные административные реформы. СПб., 1909. С. 7 — 8; **Его же.** Финансовое положение России в связи с приходно-расходную сметой на 1909 год. СПб., 1909. С. 3, 6, 9; **Гурко В. И.** Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 31 — 32, 79 — 80, 121; **Пасхалов К. Н., Шарапов С. Ф.** Указ. соч. С. 9, 11 — 12.

⁵¹ См.: **Корелин А. П.** На закате дворянского консерватизма. С. 129.

⁵² Там же.

Поступила 15.02.2012 г.

УДК 94(470.4/.5):37

Г. А. Куршева, В. Н. Варламенков
G. A. Kursheva, V. N. Varlamenkov

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 20-е гг. XX в. (Историографический обзор)*

FORMATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE VOLGA REGION IN THE 20S OF THE XX CENTURY (Historiographical review)

Ключевые слова: общество, власть, образование, российская провинция, школа, учительство.

В статье дается историографический обзор складывания системы образования в Поволжье в 20-е гг. XX в.

Key words: society, authority, education, the Russian province, school, the teachers.

A historiographical overview of the formation of educational system in the Volga Region in the 20s of the XX century is given in the article.

Процессы в сфере образования, происходящие в современном российском обществе, свидетельствуют о необходимости использования исторически накопленного педагогического опыта, в том числе периода 20-х гг. XX в., с учетом новых методов и методологии, выработанных исследователями.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-13012 а/В.

Историко-педагогические работы первого этапа (1917 — 1930-е гг.) одинаково правомерно можно причислить и к источникам, и к исследованиям. Это относится к работам как рядовых работников просвещения, так и тех, кто определял и направлял образовательную политику, возглавляя государственные и партийные органы. Именно партийные деятели, а не профессиональные историки, являлись авторами первых работ по данной тематике. Сразу после Октябрьского переворота перестройка народного просвещения потребовала от власти новых идеологических и организационных подходов. Статья В. И. Ленина «О работе Наркомпроса»¹ стала теоретической основой и методологическим ориентиром в реорганизации центрального руководящего органа народного образования в стране. Причины, осложнявшие работу Наркомпроса, В. И. Ленин видел в недостатке деловитости и практичности, слабостью учета накопленного опыта, отсутствии систематичности в его использовании, а также в преобладании общих рассуждений и абстрактных лозунгов². При этом он выдвигал два непеременных условия: «спецы»-некоммунисты должны работать под контролем коммунистов; содержание обучения (особенно философия, общественные науки и коммунистическое воспитание) должно определяться только коммунистами³. А. П. Пинкевич, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская⁴ и другие теоретики идеологии просвещения уже не выходили за границы, очерченные В. И. Лениным. К особенностям историко-педагогических исследований послереволюционного десятилетия следует отнести изучение проблемы школы в общественном и революционном движении⁵.

Ценность систематического указателя советской историко-педагогической литературы⁶ выражается в анализе государственной и партийной деятельности в области культуры, и в частности образования.

Работы первого периода носили теоретический характер, в них недостаточно использовались источники (примером служит работа Л. Л. Авербаха)⁷. В этом отношении вызывают интерес воспоминания представителей самарской интеллигенции (заведующего губоно В. А. Тронина⁸, профессора СамГУ М. Н. Тихомирова⁹), наиболее полно осветившие первые и самые драматичные сюжеты становления взаимоотношений между властью, в лице губернского отдела просвещения, и различными социальными группами населения Поволжья. Взаимодействие и согласованность управленческих звеньев власти, в частности Наркомпроса и Союза работников просвещения, с позиций выработки единых подходов в отношении народного просвещения отражены в сборнике документов, составленном И. Ф. Заколкиным¹⁰.

Из исследований русского зарубежья заслуживает внимания работа Г. Ганса и С. Гессена, в которой ученые на основе архивных источников, вывезенных за рубеж, сделали расчеты финансовой и материальной обеспеченности сферы образования в СССР¹¹. При этом авторы подвергли жесткой критике деятельность органов управления образованием, а также профсоюза как общественно-политической организации, уделявшей недостаточное внимание защите интересов трудящихся.

Работы первого периода имели практическую цель — ознакомить народ с директивными указаниями партии и правительства, показать улучшение положения в образовательной сфере при новой власти и принизить значимость накопленного дореволюционного опыта. Авторы не дали в них обстоятельного анализа положения в народном образовании, отметив только успехи в этой области и положительную роль государственных и партийных органов, не раскрыли ошибки и недостатки, допущенные

при организации народного просвещения. В настоящее время многие оценки авторов в значительной мере устарели и требуют критического подхода.

Второй этап изучения относится к 40 — 60-м гг. XX в. В это время были созданы труды обобщающего характера, раскрывающие взаимоотношения государства и средней школы. Это прежде всего фундаментальные исследования Н. А. Константинова и Е. Н. Медынского¹², в которых отражены вопросы становления и развития советского образования, а также раскрыты противоречия, возникшие в первое послереволюционное десятилетие. Детальная характеристика коренных преобразований школьного дела, охватывающих переходный период, дается в обстоятельных исследованиях Ф. Ф. Королева¹³ и З. И. Равкина¹⁴. В них раскрываются организация народного образования, система подготовки и повышения квалификации педагогических кадров, развитие сети педагогических институтов и училищ, а также обеспечение учебно-материальной базы учебных заведений. Недостатком этих работ, на наш взгляд, является отсутствие принципов подготовки педагогических кадров.

На региональном уровне ученые А. В. Просвирин¹⁵, С.С. Тизанов¹⁶, Н. П. Жуган¹⁷, К. Я. Наякшин¹⁸ и Н. А. Скворцов¹⁹ стремились доказать, что история советской школы есть история грандиозных достижений: советская образовательная система по сравнению с дореволюционной школой и школами Западной Европы и Америки показывала явные преимущества в организации и управлении. Однако за комплиментарными оценками как на центральном, так и на местном уровне трудности, противоречия и ошибки в выстраивании отношений между властью, обществом и системой образования подробно не освещались вследствие идеологических соображений, оставляя тем самым поле для рассуждений, анализа и более критического взгляда последующим исследователям. Говоря о смене старого государственного аппарата и формировании новых органов управления образованием, исследователи отмечали излишнюю централизацию Наркомпроса и слабую связь между вертикальными структурами²⁰.

Анализ финансового обеспечения нужд народного образования содержится в статьях Я. И. Либермана²¹, Н. А. Милютина²² и Е. В. Полудова²³, в монографии К. И. Субботиной²⁴. В исследованиях отмечено влияние нестабильного экономического политического положения в стране на соотношения финансирования образования через «единый госбюджет», «государственный» и «местный». Авторами объективно признавалось, что непоследовательность дотационно-субсидированного финансирования связывалась с недостатком профессионализма и компетентности властных структур, вследствие преувеличенных надежд на местные средства, а также отсутствия общего законодательного подхода к пенсионному обеспечению педагогов.

Проблему влияния образования на развитие экономики страны в 20-х гг. XX в. исследовал С. Т. Штымов²⁵, сосредоточивший внимание на популяризации культурных достижений советского народа, сравнив количественные показатели в образовании дореволюционного и советского времени. Автор перечислил мероприятия, проводимые Коммунистической партией по «приспособлению» государственных возможностей к образовательным потребностям рабочего класса, а также переходу к массовому профессионально-техническому образованию. Не приводя данных о практических результатах влияния образования на развитие экономики, исследователь лишь вскользь указал на недостаточную подготовленность учащихся, оканчивавших школу 2-й степени для поступления в вузы.

Новый уровень в изучении вопросов культуры, в том числе в сфере образования, наметился в 70 — 80-е гг. XX в. В возобновившихся дискуссиях по многим проблемам ее развития первоочередное внимание уделялось связи истории с современностью. Комплексный подход к изучению вопросов культуры отражает работа Ф. Г. Паначина²⁶. В традиционно преобладавших позитивных оценках культурно-исторического опыта в научный оборот дозированно вводились факты, позволявшие проникнуть в суть исторических явлений. Социально-экономический пресс 20-х гг. на сферу образования отражен в работе «Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917 — 1941 гг.)»²⁷. Приведенные в ней статистические данные роста количественных показателей образовательных учреждений и учащихся в сопоставлении с показателями республик и регионов контрастировали с фактами недостаточного обеспечения приемлемых условий для организации учебного процесса, что, как следствие, влияло на уровень грамотности населения. В работе Н. Ф. Шабаровой²⁸ зафиксирован накопленный историко-педагогический опыт и определены тенденции совокупного подхода к решению вопросов обеспечения сферы образования. В труде «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917 — 1927 гг.»²⁹ отмечены трудности проведения политики самообложения и договорной системы, которая связывалась с медленным изменением материальных и культурных потребностей населения, что соответствовало реальности. При этом всесторонне не анализировались причины, приведшие к такой политике. В монографии С. И. Штамма³⁰ представлены изменения в системе руководства народным образованием на протяжении первых двух десятилетий XX в. Большинство исследователей, занимавшихся проблемой привлечения большевиками дореволюционного учительства, не затрагивали вопрос о несправедливом притеснении этой категории интеллигенции, имевшей иные взгляды. Подобная тенденция отражена в историографических работах Л. М. Зака³¹. Период кратковременной вынужденной нэповской либерализации в экономике диктовал идеологическое разнообразие в теории культурного строительства. Усиление идеологического диктата с применением мер административного воздействия отразила работа С. А. Федюкина³², в которой широко перечисляются различные кампании, собрания и конференции проводимые партией, но мало содержится фактов обратной связи с населением. При характеристике новых педагогических кадров первоочередное внимание уделялось их социальной принадлежности и количественному росту и вторично рассматривалось качество профессиональной подготовки. В обобщающих исследованиях содержится большой практический материал, позволяющий выявить определенную социально-классовую тенденцию кадровых проблем³³.

Заслуживают внимания диссертационные исследования Л. И. Бергера, В. Д. Гомжина, М. В. Швеца, В. Г. Тищенко, Т. В. Дорофеевой, Т. Н. Карташовой, Л. А. Ляшенко, С. А. Житковой и Г. А. Куршевой³⁴. В них затрагиваются вопросы ликвидации неграмотности на региональном уровне в сравнении с всероссийскими показателями, факты численного роста общеобразовательной школы, формы контроля и помощи партийных комитетов. Эти работы вызывают интерес в первую очередь с точки зрения накопления исторических фактов. Так, в них приведены сведения об организации всеобщего обучения среди населения (представлена работа особых комиссий по ликвидации неграмотности, комитетов всеобуча, комиссий по содействию всеобучу). При этом исследователи рассматривали проблемы исходя из выбранных целей

и задач и поэтому, концентрируясь на одних вопросах, недостаточно полно освещались другие.

В 1990 — начале 2000-х гг. позиции комплексной проблематики взаимоотношений власти, общества и образования отображены в работах С. А. Галина, Р. Б. Вендровской, М. В. Богуславского, Н. Н. Смирнова, Э. Д. Днепров, В. П. Булдакова, Е. М. Балашова и А. Н. Шевелева³⁵.

Многообразие проблем, стоящих перед современной исторической наукой в областях теории истории, эпистемологии, исторической синергетики, междисциплинарности и интеллектуальной истории отражены в монографиях М. Г. Вандалковской³⁶, К. В. Хвостовой³⁷, Л. П. Репиной³⁸ и др.

Важную роль в социальной защите учительства играли профсоюзы. Являясь общественной организацией, успешно решавшей правовые, финансовые и материальные проблемы учительства, профсоюз исполнял роль «сита», выведившего за пределы модели «власть — общество — образование», непродуманные материально-правовые и финансовые решения властей федерального и местного уровней и регулировавшего баланс государственной системы. Наиболее полно роль профсоюзной организации отражена в диссертационных исследованиях Н. П. Зубцовой, С. Г. Басина и др.³⁹

Исследовательский интерес представляют публикации Г. С. Шерстневой⁴⁰. Автор систематизировала источники по общепринятому видовому признаку, выявила основные задачи, стоявшие перед школой, формы и способы руководства Советов в осуществлении образовательной политики. Статья этого же автора о материально-правовом положении учительства, а также статья Н. А. Бегуновой⁴¹ дают разносторонний архивно-статистический материал о сельской школе Самарской губернии в первые годы советской власти.

Объектом анализа исследователей данного вопроса стала также поддержка в большевистской печати идеи сосредоточения школьного дела в органах самоуправления⁴². Особое внимание здесь уделялось созданию единой школы в качестве проблемы не только педагогической, но и социальной. При этом не затрагивался вопрос долговременных взаимоотношений между властью, обществом и образованием.

Таким образом, в изучении процесса формирования системы образования в Поволжье в 20-е гг. XX в. выделяется несколько этапов. Первый характеризуется недостаточным использованием источников и теоретической направленностью работ. Их практическая цель заключалась в ознакомлении народных масс с директивными указаниями партии, в демонстрации преимуществ советского образования по сравнению с дореволюционным педагогическим опытом. Работы второго этапа носят обобщающий характер и раскрывают взаимоотношения государства и средней школы. Третий этап отличают возобновившиеся дискуссии по проблемам развития образовательной сферы с первоочередным вниманием к связи истории с современностью.

Библиографические ссылки

¹ См.: Ленин В. И. О работе Наркомпроса // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 42. С. 315 — 320.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 320.

⁴ См.: Пинкевич А. П. Советская педагогика за десять лет (1917 — 1927 гг.). М., 1927. 146 с. ; Бухарин Н. И. Ленинизм и проблемы культурной революции. М. ; Л., 1928. 46 с. ; Луначарский А. В.

Ленин и народное образование. М., 1960. 165 с. ; **Его же**. Просвещение и революция : сб. ст. М., 1926. С. 118 — 120 ; **Его же**. По Среднему Поволжью. Л., 1929. 69 с. ; **Крупская Н. К.** Вопросы народного образования. М. ; Пг., 1918. 286 с. ; **Ее же**. Народное образование и демократия. М. ; Пг., 1919. 132 с. ; **Ее же**. Заветы Ленина в области народного образования. М., 1925. 31 с. ; **Ее же**. Об учителе : избр. ст., речи и письма. М., 1960. 360 с. ; **Ее же**. Н. К. Крупская об участии трудящихся в народном образовании : сб. ст. Ростов н/Д, 1973. С. 24 — 30.

⁵ См.: **Днепров Э. Д.** Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России 1918 — 1977 : библиогр. указ. М., 1979. 446 с.

⁶ См.: **Пискунов А. И.** Советская историко-педагогическая литература: 1918 — 1957 : сист. указ. М., 1960. С. 559.

⁷ См.: **Авербах Л. Л.** На путях культурной революции. М., 1924. 198 с. ; **Его же**. Спорные вопросы культурной революции. М., 1929. 217 с.

⁸ См.: **Тронин В. А.** Доклад деятельности Самарского губернского революционного комитета. Самара, 1919. 24 с.

⁹ См.: **Тихомиров М. Н.** Самара в моей жизни (1919 — 1923 гг.). Самара, 1994. 108 с.

¹⁰ См.: ВКП(б), Советская власть, комсомол и профсоюзы о культурном строительстве : сб. док. М., 1930. 608 с.

¹¹ См.: **Hans N., Hessen S.** Educational Policy in Soviet Russia. London, 1930. 234 s.

¹² См.: **Константинов Н. А., Медынский Е. Н.** Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. 264 с. ; **Медынский Е. Н.** Народное образование в СССР. М., 1952. 360 с.

¹³ См.: **Королев Ф. Ф.** Успехи народного образования в СССР за 40 лет. М., 1957. 47 с. ; **Его же**. Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917 — 1920 гг. М., 1958. 551 с. ; **Его же**. Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959. 320 с. ; **Его же**. Народное хозяйство и народное образование в СССР. М., 1961. 48 с.

¹⁴ См.: **Равкин З. И.** Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 — 1925 гг. М., 1959. 275 с.

¹⁵ См.: **Просвирин А. В.** Ульяновская область : (Бюджетная сеть и аппарат губоно) // Нар. просвещение. 1925. № 3. С. 129 — 136.

¹⁶ См.: **Тизанов С. С., Скворцов Н. А.** Всеобщее обучение в Средневожском крае. М.; Самара, 1930. 189 с.

¹⁷ См.: **Жуган Н.** 14 лет культурного строительства на Средней Волге // Коммунист. [Самара]. 1931. № 18 — 19. С. 22 — 24.

¹⁸ См.: **Наякшин К. Я.** Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет : Цифры и факты в помощь агитатору. Куйбышев, 1947. 28 с.

¹⁹ См.: **Скворцов Н. А.** Народное образование в Куйбышевской области. Куйбышев, 1950. 67 с.

²⁰ См.: **Беляева А.** Становление советского государственного аппарата по народному образованию // Нар. образование. 1957. № 6. С. 8 — 12 ; **Кирим-Маркус М. Б.** Государственное руководство культурой: строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 г.). М., 1980. 65 с. ; **Титкова С. С.** Наркомпрос и становление советской школы // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 62 — 67.

²¹ См.: **Либерман Я.** Субсидирования местных бюджетов в текущем 1923 — 1924 году // Власть Советов. 1924. № 1. С. 49 — 52.

²² См.: **Милютин Н.** Положение и задачи дела финансового обеспечения РСФСР // Там же. 1924. № 2. С. 82 — 90.

²³ См.: **Полудов Е.** Задачи в области строительства местных финансистов // Там же. 1924. № 2. С. 33 — 39 ; **Его же**. Еще о местных финансах // Там же. 1926. № 10. С. 1 — 4.

²⁴ См.: **Субботина К. И.** Народное образование и бюджет. М., 1965. 143 с.

²⁵ См.: **Штымов С. Т.** Народное образование как фактор, влияющий на развитие экономики СССР. Челябинск, 1966. 88 с. ; **Его же**. Очерки о взаимосвязи народного образования с народным хозяйством в СССР: (1917 — 1967). Томск, 1968. 426 с.

²⁶ См.: **Паначин Ф. Г.** Управление просвещением в СССР. М., 1977. 208 с. ; **Его же**. Педагогическое образование в России : ист.-пед. очерки. М., 1979. 216 с.

²⁷ См.: Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР: (1917 — 1941 гг.). М., 1980. 383 с.

²⁸ См.: **Шабаева Н. Ф.** История педагогики. М., 1982. 195 с.

²⁹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917 — 1927 гг. М., 1985. 526 с.

³⁰ См.: **Штамм С. И.** Управление народным образованием в СССР: (1917 — 1936 гг.). М., 1985. 283 с.

³¹ См.: **Зак Л. М., Лельчук В. С.** Строительство социализма в СССР : историограф. очерк. М., 1971. 318 с. ; **Его же.** История изучения советской культуры. М., 1981. 176 с.

³² См.: **Федюкин С. А.** Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972. 216 с. ; **Его же.** Борьба с буржуазной идеологией в условиях НЭПа. М., 1977. 64 с. ; **Его же.** Октябрьская революционная интеллигенция // История СССР. 1977. № 5. С. 69 — 89.

³³ См.: Интеллигенция и социалистическая культурная революция : сб. науч. тр. Л., 1975. 168 с. ; Измерения социальной структуры советского общества: 1921 — середина 30-х гг. М., 1979. 348 с.

³⁴ См.: **Бергер Л. И.** Культурное строительство на Средней Волге в годы первой пятилетки: (1928 — 1932 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Куйбышев, 1966. 25 с. ; **Гомзин В. Д.** Культурно-просветительная работа на селе Среднего Поволжья в годы первой пятилетки: (1928 — 1937 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Куйбышев, 1975. 24 с. ; **Швец М. В.** Деятельность культурно-просветительных учреждений Среднего Поволжья в 1921 — 1927 гг. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1992. 216 с. ; **Тищенко В. Г.** Партийно-государственная политика подготовки педагогических кадров в РСФСР: (1928 — 1937) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1993. 24 с. ; **Дорофеева Т. В.** Формирование школьной системы обучения в Советской России: (1917 — начало 30-х гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Воронеж, 1994. 24 с. ; **Каргашова Т. Н.** Культурное строительство в Среднем Поволжье в 1917 — 1920 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1994. 22 с. ; **Ляшенко Л. А.** Создание и развитие системы национального школьного образования в Симбирской (Ульяновской) губернии в начальный период Советской власти: (начало 1918 — 1921 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. 25 с. ; **Житкова С. А.** Государственная политика в сфере народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 1928 — 1941 гг. : (На материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Астрахань, 2007. 26 с. ; **Куршева Г. А.** Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. : (На примере Мордовского края) : автореф. дис. д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 47 с.

³⁵ См.: **Галин С. А.** Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти: (1917 — 1925). М., 1990. 143 с. ; **Вендровская Р. Б.** Общественно-педагогическое движение в СССР: 1917 — 1991 гг. М., 1993. 45 с. ; **Ее же.** Школа 20-х гг.: поиски и результаты. М., 1993. 81 с. ; **Ее же.** Отечественная школа 20-х гг. : (В поисках пед. идеала). М., 1996. 103 с. ; **Богуславский М. В.** Развитие общего среднего образования: проблемы и решения : Из истории отечеств. педагогики 20-х гг. XX в. М., 1994. 253 с. ; **Его же.** XX век Российского образования. М., 2002. 336 с. ; **Смирнов Н. Н.** На переломе: российское учительство в дни революции 1917 года. СПб., 1994. 410 с. ; **Днепров Э. Д.** Современная школьная реформа в России. М., 1998. 464 с. ; **Его же.** Социально-экономические тупики образовательной политики. М., 1999. 46 с. ; **Его же.** Образование и политика: новейшая политическая история Российского образования : в 2 т. М., 2006. Т. 1. 533 с. ; Т. 2. 520 с. ; **Буддаков В. П.** Массы и культура: воспитание и образование // Россия нэповская. М., 2002. С. 230 — 278 ; **Балашов Е. М.** Школа в российском обществе: 1917 — 1927 : Становление нового человека. СПб., 2003. 238 с. ; **Шевелев А. Н.** Отечественная школа: история и современные проблемы. СПб., 2003. 432 с.

³⁶ См.: **Вандалковская М. Г.** П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285 с.

³⁷ См.: **Хвостова К. В.** Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. 256 с.

³⁸ См.: **Репина Л. П.** «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. 282 с.

³⁹ См.: **Зубцова Н. П.** Самарское профессиональное движение 1917 — 1918 гг. Самара, 1927 ; **Басин С. Г.** Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1967 ; Профсоюзное движение в Поволжье 1917 — 1928 гг. Ульяновск, 1981.

⁴⁰ См.: **Шерстнева Г. С.** Обзор архивных источников по истории народного образования Среднего Поволжья в 1921 — 1925 гг. // Государственному Архивному фонду России — 80 лет : материалы науч.-практ. конф., 3 июня 1998 г. Самара, 1998. С. 107 — 111 ; **Ее же.** Материально-правовое положение учительства в 1917 — 1920 гг. : (На материалах Самар. губернии) // Самарский край в контексте российской истории : сб. ст. Самара, 2001. С. 167 — 171.

⁴¹ См.: **Бегунова Н. А.** Сельская школа Самарской губернии в первые годы Советской власти // Крестьянство Поволжья в Октябрьской революции и гражданской войне. Куйбышев, 1983. С. 111 — 118.

⁴² См.: Большевицкая печать в борьбе за демократизацию образования: начало XX века. М., 1990. 263 с.

Поступила 25.01.2012 г.

УДК 338.436(470.343/.345)

Е. Н. Бикейкин

E. N. Vikeyin

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1970-х гг.
(По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

**AGROINDUSTRIAL INTEGRATION AND THE DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE 1970s
(Based on materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)**

Ключевые слова: межхозяйственная кооперация, агропромышленная интеграция, межколхозное производственное объединение, животноводство, растениеводство, сельскохозяйственное производство.

В статье анализируется эффективность деятельности межхозяйственных объединений, а также развитие растениеводства и животноводства в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1970-е гг.

Key words: inter-farm cooperation, agroindustrial integration, inter-kolkhoz industrial association, animal husbandry, crop production, agricultural production.

The effectiveness of activity of the inter-farm associations, as well as the development of crop production and animal husbandry in the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Republics in the 1970s is analyzed in the article.

В 1970-е гг. реальностью жизни села стали межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция, вобравшие в себя не только тенденцию укрупнения и специализации производства, но и стремление повысить эффективность отраслей

сельского хозяйства в условиях трудно разрешимых проблем, накопившихся к этому времени.

Первые межхозяйственные объединения в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР появились в начале 1970-х гг. Однако реальная работа по их созданию развернулась во второй половине 1970-х гг., после принятого в мае 1976 г. постановления ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной и агропромышленной интеграции»¹. В Мордовской АССР с инициативой их создания выступил Ромодановский район, где в 1970 г. было организовано межрайонное объединение, членами-пайщиками которого стали 28 колхозов и совхозов². В апреле 1971 г. это начинание поддержало бюро Мордовского областного комитета КПСС, которое в постановлении «Об организации межколхозного откорма крупного рогатого скота» призвало партийных, советских и хозяйственных работников изучать местные природно-экономические условия для создания межхозяйственных объединений³. За год была проделана существенная работа, в результате которой к концу 1977 г. в Мордовии функционировали следующие межхозяйственные предприятия: 23 — по доращиванию и откорму КРС, 13 — производству свинины, 16 — направленному выращиванию нетелей и высокопродуктивных коров, 25 — производству молока, 11 — искусственному осеменению сельскохозяйственных животных и 8 — по производству яиц⁴.

В Марийской АССР перевод животноводства на промышленную основу начался со строительства в 1968 г. двух животноводческих комплексов: молочного — в совхозе «Семеновский» Медведковского района и свиноводческого — в колхозе им. Ульянова Звениговского района. В 1969 г. вошли в строй еще 13 животноводческих комплексов. На 1 января 1975 г. в республике действовали 118 животноводческих комплексов и птицефабрик⁵.

В январе 1972 г. Марийский обком КПСС принял постановление «О строительстве комбикормовых предприятий и производстве комбикормов в колхозах и совхозах в 1972 — 1975 гг.», на основании которого было запланировано строительство 17 цехов и заводов⁶. Особое внимание уделялось строительству межколхозных и межхозяйственных комбикормовых заводов. Только в последнем году пятилетки совместными усилиями колхозов им. Чапаева, Ленина, Ухтомского, «Дружба», «Победитель» и «Новая жизнь» был построен и введен в эксплуатацию завод мощностью 30 т комбикормов в смену. В том же году Марийский обком КПСС принял постановление о мерах по завершению строительства межхозяйственных комбикормовых заводов в колхозах «Новый путь» Моркинского района, «Рассвет» — Советского, «Прогресс» — Новоторъяльского и «Правда» — Горномарийского района, а также в совхозах им. К. Маркса Звениговского района, «Восход» — Мари-Турекского и «Семеновский» — Медведковского района республики⁷. Всего за пятилетку сдали в эксплуатацию комбикормовых предприятий общей мощностью 239 тыс. т в смену⁸.

Первое межхозяйственное свиноводческое объединение, включавшее 37 колхозов, в Марийской АССР было создано в конце 1973 г. В 1974 г. на базе совхоза «Алексеевский» и колхоза «Родина» была создана государственно-кооперативная фирма по производству племенных свиней. В это же время были построены 122 животноводческих комплекса с полной механизацией производственных процессов, 7 птицефабрик яичного направления и 3 птицефабрики (мощностью 900 — 1 300 т каждая) по производству мяса уток и индеек. К концу девятой пятилетки комплексы вырабатывали

53 % от общего производства молока, 98 % — свинины, 31 % — говядины, 73 % — шерсти и 100 % — яиц и мяса птицы. О преимуществах таких комплексов можно судить по следующим цифрам: за 1974 г. надой на одну корову в среднем по республике составил 3 011 кг молока с выработкой на каждого работника 24 т, а в комплексах соответственно 3 791 и 63. На комплексах на 1 ц привеса было затрачено 17 чел.-ч, при этом уровень рентабельности производства свинины достиг 58 %, тогда как в целом по республике — 49 чел.-ч при уровне рентабельности 17 %. В молочных комплексах производство молока в расчете на одну доярку составило 97 т, или в 2 раза больше, чем в среднем по республике. При этом затраты труда на 1 ц продукции сократились против среднереспубликанских в 3 раза⁹.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», принятым в 1974 г., в Марийской АССР преимущественное развитие получили молочно-мясное скотоводство и шубное овцеводство, продолжилась специализация птицеводства. Так, в 1974 г. с организацией объединения «Марий Эл», в состав которого вошли 15 животноводческих хозяйств, была начата специализация овцеводства; в 1975 г. 845 тыс. кур были сосредоточены на 8 фабриках треста «Птицепром»; мясо птицы производилось также на фабриках «Озерная», «Акашевская» и «Горномарийская», в совхозе «Куженерский» и др.; к 1980 г. были построены 42 свиноводческих комплекса, созданы племенные хозяйства (одно из них — племсовхоз «Семеновский» занимался выведением черно-пестрой породы КРС)¹⁰.

В Чувашской АССР к концу 1970-х гг. действовали 102 животноводческих комплекса. Так, в 1977 г. в республике функционировали 2 межхозяйственных, 6 кролиководческих комплексов и ферм промышленного типа; в 1979 г. были введены в действие межхозяйственные комплексы по производству говядины в Алатырском, Комсомольском и Красночетайском районах, рассчитанные на 7 900 голов откормочного КРС¹¹. В межхозяйственных свиноводческих комплексах производилось 40 % свинины. Результаты деятельности отдельных из них свидетельствовали об их эффективности по сравнению с обычными фермами. Так, в 1979 г. в межхозяйственных свиноводческих комплексах «Дружба» Канашского района, «Коммунар» — Цивильского, «Ходарский» — Шумерлинского и «Южный» — Батыревского района среднесуточный привес был в 1,3 — 1,5 раза выше, а затраты кормов на 1 ц привеса в 1,5 — 1,7 раза меньше. Затраты труда на 1 ц продукции, а также ее себестоимость были в 1,7 — 2,2 раза ниже, чем в среднем по Чувашской АССР¹². К концу десятилетия в республике завершилась специализация птицеводства. В хозяйствах треста «Птицепром» производился весь ассортимент товарной продукции. К началу 1980-х гг. в республике действовали 30 молочных комплексов, 150 механизированных молочно-товарных ферм, 13 межхозяйственных комплексов по производству свинины и говядины на промышленной основе¹³. В 1980 г. специализированные хозяйства Чувашии произвели 70 % хмеля и овощей, 33 % свинины; межхозяйственные предприятия на промышленной основе реализовали 9,8 тыс. т свинины; хозяйства треста «Птицепром» производили весь ассортимент товарной продукции¹⁴.

Концентрация и специализация сельскохозяйственного производства на основе межхозяйственной кооперации способствовали росту экономической эффективности производства продукции. Так, на межхозяйственном предприятии «Южный» Батыревского района Чувашии в 1980 г. себестоимость 1 ц привеса свиней по сравнению

со средними показателями колхозов района была ниже почти в 2 раза, затраты труда на единицу продукции — в 3 раза, затраты кормов – в 1,5 раза¹⁵.

В то же время курс на создание и развитие межхозяйственных объединений не решил вставших перед сельским хозяйством проблем. Соотношение показателей отдельных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий рассматриваемых республик отражено в табл. 1.

Таблица 1

**Государственные закупки продуктов сельского хозяйства
в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в хозяйствах всех категорий в 1970-е гг.,
тыс. т на конец года**

С.-х. продукты	Марийская АССР			Мордовская АССР			Чувашская АССР		
	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Зерно	52	90	50	294	130	180	150	152	114
Скот и птица (живая масса)	34	58	54	60	88	62	65	99	70
Молоко	116	168	167	221	310	263	164	230	202

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. : стат. ежегод. М., 1981. С. 181 — 182, 185.

Как видно из табл. 1, за период 1970-х гг. в исследуемых республиках происходило значительное снижение государственных закупок продуктов сельского хозяйства, которое в 1980 г. по сравнению с уровнем 1970 г. составило 96,2 % (уменьшение на 2 тыс. т) в Марийской АССР, 61,2 % (уменьшение на 114 тыс. т) — в Мордовской АССР и 76,0 % (уменьшение на 36 тыс. т) — в Чувашской АССР. При этом показательно, что вплоть до середины 1970-х гг. в Марийской и Чувашской республиках происходил рост государственных закупок, составлявший в 1975 г. от уровня 1970 г. соответственно 173,0 % (увеличение на 38 тыс. т) и 101,3 % (увеличение на 2 тыс. т), тогда как в Мордовской республике был значительный спад — 44,2 % (уменьшение на 164 тыс. т).

Через пять лет сложилась противоположная тенденция. Так, в 1980 г. по сравнению с уровнем 1975 г. рост данного показателя в Мордовской АССР составил 138,4 % (увеличение на 50 тыс. т), что, однако, все равно было гораздо меньше государственных закупок 1970 г.; в Чувашской и Марийской АССР происходил явный спад: соответственно 55,5 % (уменьшение на 40 тыс. т) и 75,0 % (уменьшение на 38 тыс. т).

Неоднозначной была динамика показателя государственных закупок скота и птицы. Сопоставление данных 1980 и 1970 гг. свидетельствуют о росте закупок в исследуемых республиках: на 158,8 % (увеличение на 20 тыс. т) — в Марийской АССР, 103,3 % (увеличение на 2 тыс. т) — в Мордовской АССР и 107,6 % (увеличение на 5 тыс. т) — в Чувашской АССР. Еще больше этот показатель вырос в середине 1970-х гг., составив в 1975 г. по сравнению с уровнем 1970 г. соответственно 170,5 % (увеличение на 24 тыс. т), 146,6 % (увеличение на 28 тыс. т) и 152,3 % (увеличение на 34 тыс. т). Однако во второй половине 1970-х гг. тенденция роста изменилась на противоположную. В 1980 г. произошло падение показателя по сравнению с уровнем 1975 г. во всех трех республиках и составило соответственно 93,1 (уменьшение на 4 тыс. т), 70,4 % (уменьшение на 26 тыс. т) и 70,7 % (уменьшение на 29 тыс. т).

Аналогичная динамика наблюдалась в сфере государственных закупок молока во всех трех автономиях. Так, в 1980 г. от уровня 1970 г. рост данного показателя составил 143,9 % (увеличение на 51 тыс. т) в Марийской АССР, 119 % (увеличение на 42 тыс. т) — в Мордовской АССР и 123,1 % (увеличение на 38 тыс. т) — в Чувашской АССР, тогда как в 1975 г. (от уровня 1970 г.) он был значительно выше, составляя соответственно 144,8 (увеличение на 52 тыс. т), 140,2 % (увеличение на 89 тыс. т) и 140,2 % (увеличение на 66 тыс. т). Однако закупки молока, так же, как и в случае с государственными закупками скота и птицы, были сокращены к началу 1980-х гг. во всех трех республиках, составив в 1980 г. от уровня 1975 г. 99,4 % (уменьшение на 1 тыс. т) в Марийской автономии, 84,8 % (уменьшение на 47 тыс. т) — в Мордовской АССР и 87,8 % (уменьшение на 28 тыс. т) — в Чувашской АССР.

Таким образом, в 1970 — 1980 гг. динамика показателей государственных закупок продуктов сельского хозяйства в рассматриваемых республиках была неустойчивой, и их рост чередовался со спадом.

Одной из основных причин ухудшения показателей в производстве растениеводческих продуктов являлось сокращение посевных площадей и несовершенство их структуры (табл. 2).

Таблица 2

**Посевная площадь сельскохозяйственных культур в Марийской,
Мордовской и Чувашской АССР в хозяйствах всех категорий в 1970-е гг., тыс. га**

С.-х. культуры	Марийская АССР			Мордовская АССР			Чувашская АССР		
	1970 г.	1975 г.	1979 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Всего	590,5	633,9	637,5	1 170,9	1 220,2	1 223,1	807,5	818,2	825,2
В том числе:									
зерновые	352,2	370,9	395,1	738,1	772,1	760,1	468,2	456,7	462,0
технические	6,4	14,7	6,7	32,2	31,5	25,7	4,5	3,2	1,7
картофель и овощи	57,0	56,7	52,5	88,3	82,8	78,6	95,2	97,7	83,2

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : юбилейн. стат. сб. Йошкар-Ола, 1980. С. 36 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Саранск, 1981. С. 72 — 73 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 43 — 44.

Как видно из табл. 2, на протяжении 1970-х гг. в исследуемых республиках наблюдался незначительный рост посевных площадей всех сельскохозяйственных культур. Наиболее интенсивным он был в первой половине десятилетия, составив в 1979 г. от уровня 1970 г. 107,9 % (увеличение на 47 тыс. га) в Марийской АССР, 104,4 % (увеличение на 52,2 тыс. га) — в Мордовской АССР и 102,1 % (увеличение на 17,7 тыс. га) — в Чувашской АССР.

Незначительность роста посевных площадей более заметна при сопоставлении динамики отдельных видов сельскохозяйственных культур. Так, к 1979 г. площади зерновых были существенно расширены в Марийской АССР, составив 121,1 % от уровня 1970 г. (увеличение на 42,9 тыс. га); в Мордовской АССР рост посевных площадей был значительно меньше — 102,9 % (увеличение на 32 тыс. га); в Чувашской АССР происходило снижение данного показателя — 98,6 % (уменьшение

на 6,2 тыс. га). Так, А. М. Шорников, анализируя сокращение посевных площадей в Чувашской АССР, особо отметил недостатки в структуре посевов: «...необоснованным следует считать уменьшение площадей озимых зерновых культур за пятилетие (1976 — 1980 гг. — *Е. Б.*) на 20,2 тыс. га. В 1980 г., например, озимая рожь занимала всего лишь 78,6 тыс. против 139,0 тыс. га в 1970 г. (в 1965 г. под рожь отводилось 225,0 тыс. га). Многолетняя история возделывания озимой ржи убедительно свидетельствует, что она является одной из урожайных и устойчивых культур в республике. Хотя она по урожайности на 2 — 3 ц с га уступает озимой пшенице, но дает больше соломы в 2 раза. При этом ржаная солома по питательности и поедаемости значительно превосходит солому пшеничную. Для 1970-х гг. в организации зернового хозяйства было характерно не вполне оправданное увлечение расширением площадей под ячменем»¹⁶.

Еще более сложная ситуация складывалась в Марийской АССР. Площадь озимых зерновых здесь сократилась на 90,7 тыс. га и составила в 1979 г. всего 104,9 тыс. га, при этом площадь под озимой рожью сократилась на 94,6 тыс. га и составила только 75,2 тыс. га, тогда как площадь под яровым ячменем увеличилась на 150,6 тыс. га и составила в том же году 173,3 тыс. га¹⁷. В результате в среднем за десятую пятилетку площадь озимой ржи составила 14,0 % от площади зерновых, озимой пшеницы — 5,1 % и ярового ячменя — 20,4 %¹⁸.

Что касается технических культур, то в 1979 г. по сравнению с 1970 г. их площади в Мордовской и Чувашской АССР сократились, составив соответственно 79,8 % (уменьшение на 6,5 тыс. га) и 37,7 % (уменьшение на 2,8 тыс. га). Лишь в Марийской АССР отмечался небольшой рост этого показателя — 104,6 % (увеличение на 0,3 тыс. га).

Примечательно, что в течение 1970-х гг. во всех трех республиках значительно уменьшились площади, отводимые под картофель и овощи. В 1979 г. по сравнению с 1970 г. они составляли 92,1 % (уменьшение на 4,5 тыс. га) в Марийской АССР, 89 % (уменьшение на 9,7 тыс. га) — в Мордовской АССР и 87,3 % (уменьшение на 12 тыс. га) — в Чувашской АССР.

Сокращение посевных площадей сельскохозяйственных культур происходило под видом внедрения в севообороты чистых паров, необходимых для борьбы на полях с сорной растительностью. Однако практика показала, что чистые пары во многих случаях не оправдали себя и в целом засоренность полей даже увеличилась. Так, результаты обследования чистоты посевов в Чувашской АССР в конце 1970-х гг. показали, что 52,6 % посевов засорены в средней и сильной степени. В республике более 100 тыс. га площадей были засорены овсюгом¹⁹.

В 1970-х гг., особенно во второй половине десятилетия, в рассматриваемых республиках крайне неустойчивой была урожайность сельскохозяйственных культур. Как видно из табл. 3, урожайность зерновых за период 1970-х гг. существенно снизилась в Мордовской и Чувашской АССР, составив в 1979 г. соответственно 66,6 % (уменьшение на 4,4 ц/га) и 72 % (уменьшение на 5,4 ц/га) от уровня 1970 г. Только в Марийской АССР произошел некоторый рост урожайности зерновых — 113,2 % (увеличение на 1,6 ц/га) по сравнению с уровнем 1970 г. Однако следует отметить его неравномерность: этот показатель в 1975 г. по сравнению с 1970 г. был на 0,9 ц/га меньше, поэтому говорить о повышении урожайности в Марийской АССР как стабильной тенденции нельзя.

Таблица 3

**Урожайность сельскохозяйственных культур в Марийской,
Мордовской и Чувашской АССР в хозяйствах всех категорий в 1970-е гг., ц/га**

С.-х. культуры	Марийская АССР			Мордовская АССР			Чувашская АССР		
	1970 г.	1975 г.	1979 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Зерновые	12,1	11,2	13,7	13,2	9,0	8,8	19,3	15,3	13,9
Льноволокно*, тыс. ц	2,3	0,3	2,5	—	—	—	5,4	4,2	1,7
Сахарная свекла (фабричная)	—	—	—	89,0	139,0	83,0	—	—	—
Картофель	134,0	150,0	131,0	93,0	96,0	102,0	144,0	147,0	119,0

* В Чувашской АССР — конопля-волокно.

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 43 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки... С.79 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 50 ; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 52. Д. 209. Л. 8 — 10 ; Ф. Р-872. Оп. 23. Д. 571. Л. 1 — 34.

Особенно неурожайными были 1979 и 1980 гг., когда, например, в Чувашской АССР было собрано по 13,9 и 17,3 ц/га. Так, хозяйства Аликовского и Алатырского районов в 1979 г. получили соответственно лишь по 10,9 и 11,6 ц/га. Кроме того, следует отметить, что в эти годы валовой сбор зерна и его урожайность значительно выросли за счет так называемого бункерного урожая. Дело в том, что урожайность зерновых культур устанавливалась не по амбарной (отсортированной и высушенной) массе, а по валовому сбору зерна в бункерной массе, т. е. до очистки зерна от сорняков и доведения его до стандартной влажности. Например, в колхозах Чувашской АССР в 1970 г. сбор зерна в первоначально оприходованной массе составил 719,6 тыс. т, а после доработки — лишь 660,1 тыс. т, т. е. на 95,5 тыс. т, или на 8,3 % меньше; в 1980 г. картина ухудшилась еще больше: первоначальная масса зерна составила 524,9 тыс. т, после доработки — 441,1 тыс. т, т. е. меньше на 83,8 тыс. т, или на 16,0 %²⁰.

Более сложная ситуация наблюдается при анализе урожайности картофеля в исследуемых республиках. Так, из трех автономий последовательный рост данного показателя обнаруживается только в Мордовской АССР. В 1979 г. он составил 109,6 % (увеличение на 9 ц/га) от уровня 1970 г. В Марийской и Чувашской республиках урожайность картофеля в 1979 г. к уровню 1970 г. составляла соответственно 97,7 % (уменьшение на 3 ц/га) и 82,6 % (уменьшение на 25 ц/га).

Весьма неравномерными были показатели урожайности льноволокна (конопли-волокна). Их определенный рост в 1979 г. отмечен в Марийской АССР — 108,6 % (увеличение на 0,2 тыс. ц) от уровня 1970 г.; в Чувашской АССР, напротив, происходило снижение показателей, которые в 1979 г. составили всего 31,4 % (уменьшение на 3,7 тыс. ц) от уровня 1970 г.

Неравномерность показателей урожайности наблюдалась в производстве сахарной свеклы. Характерно, что в первой половине 1970-х гг., когда застойные тенденции еще не набрали силу, в Мордовской АССР отмечался существенный рост данного показателя. В 1975 г. по сравнению с уровнем 1970 г. он составлял 156,1 % (увеличение на 50 ц/га). Однако во второй половине 1970-х гг. отмечалась противоположная ситуация. Так, в 1979 г. урожайность сахарной свеклы в Мордовской АССР

составила уже 59,7 % (уменьшение на 56 ц/га) от уровня 1975 г. и 93,2 % (уменьшение на 6 ц/га) от уровня 1970 г.

В то же время отдельные хозяйства при тех же природно-климатических условиях получали значительные урожаи. Например, общая урожайность по Краснослободскому району Мордовской АССР в 1971 — 1975 гг. составила 14 ц/га зерновых, в том числе 14 ц/га озимой и яровой пшеницы, 13 ц/га озимой ржи, 17 ц/га ячменя, 11 ц/га гороха и вики, 6 ц/га конопли, 82 ц/га картофеля, 102 ц/га овощей, 192 ц/га кормовых культур, 156 ц/га кукурузы, 25 ц/га многолетних трав и 39 ц/га однолетних трав²¹. Ряду хозяйств республики удалось добиться сравнительно высоких результатов. Даже в неблагоприятном 1972 г. урожайность зерновых культур в колхозе «Свободный труд» составила 15,4 ц/га, «Восход» — 14,7, им. Калинина — 13, им. XX партсъезда — 12 ц/га. Отдельные бригады получили более высокий урожай: бригада М. С. Фомина из колхоза «Свободный труд» вырастила 23 ц/га озимой пшеницы «Мионовская», в том числе на участке площадью 70 га — 33 ц/га, бригада А. А. Ермакова из артели «Восход» — 29,5 ц/га озимой пшеницы и 25 ц/га ячменя²². В 1975 г. высокий урожай зерновых получила Новоусадская тракторная бригада колхоза «Свободный труд» (бригадир — Н. Ф. Волков), где урожай ячменя составил 32,3 ц/га, яровой пшеницы — 24 ц/га²³. Бригадир тракторной бригады Кользвановского отделения колхоза им. Калинина А. Г. Ярочкин получил озимой ржи 24 ц/га, озимой пшеницы — 21 ц/га. Средняя урожайность зерновых по отделению составила 17 ц/га, что было значительно выше среднерайонного показателя²⁴. Механизированное звено М. И. Настюшкина из артели «Дружба» получило кормовой свеклы 510 ц/га, картофеля — 170 ц/га; звено Бухарцева из колхоза «Свободный труд» вырастило 160 ц/га картофеля; звено В. С. Сивцова из артели им. Калинина — 305 ц/га зеленой массы кукурузы²⁵. Высокий урожай овощей вырастило овощеводческое звено Е. П. Савиной из колхоза «Свободный труд»: на площади 17 га было получено 285 ц помидоров, 211 ц огурцов, 515 ц моркови и 600 ц капусты²⁶.

В каждом отдельном районе республики показатели урожайности существенно варьировались. Как видно из табл. 4, урожайность зерновых в хозяйствах Краснослободского района Мордовской АССР колебалась от 30 ц/га (колхоз «Свободный труд») до 6 — 7 ц/га (совхозы «Старосиндровский» и «Краснослободский»).

Таблица 4

**Урожайность зерновых в колхозах и совхозах
Краснослободского района Мордовской АССР в 1976 – 1978 гг., ц/га**

Хоз-во	1976	1977	1978
Колхоз «Свободный труд»	28,3	26,4	30,0
Колхоз «Путь к коммунизму»	18,5	14,3	16,2
Колхоз им. Ленина	14,8	14,4	16,0
Колхоз «Красный пахарь»	18,3	14,7	16,1
Колхоз «Дружба»	20,5	17,8	16,3
Колхоз «Советская Россия»	16,4	13,1	17,5
Колхоз им. Ворошилова	15,4	10,3	14,5
Совхоз «Старосиндровский»	9,3	7,0	6,7
Совхоз «Краснослободский»	6,3	6,0	7,6

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. 609. Оп. 16. Д. 5. Л. 15 — 20 ; Д. 6. Л. 10 ; Оп.17. Д. 6. Л. 5.

Одной из причин снижения урожайности стало падение показателей улучшения земель. Набравшие к началу 1970-х гг. обороты орошение, осушение земель и проведение разнообразных культурно-технических работ к концу 1970-х гг. значительно снизились. Ярким примером является ситуация, сложившаяся в Марийской АССР (табл. 5).

Таблица 5

**Улучшение земель за счет капитальных вложений государства,
колхозов и межколхозных организаций в Марийской АССР в 1970-е гг., тыс. га**

Период	Орошение земель	Осушение земель	Культурно-технические работы
1970 — 1975 гг.	25,8	7,8	51,4
В том числе в 1975 г.	11,2	2,7	15,3
1976 — 1979 гг.	18,4	2,5	34,0
В том числе в 1976 г.	2,7	0,1	9,7
1977 г.	5,4	1,3	9,2
1979 г.	7,1	0,6	6,0

Составлена по: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 40.

Как видно из табл. 5, в Марийской АССР работы по улучшению земель достигли максимума к середине 1970-х гг. С этого же времени началось снижение их интенсивности, о чем говорит сравнение показателей 1975 и 1976 гг., согласно которому объем ежегодно орошаемых земель снизился на 8,5 тыс. га, объем ежегодно осушаемых земель — на 2,6 тыс. га, ежегодные культурно-технические работы уменьшились на 5,6 тыс. га. Правда, в 1977 — 1979 гг. можно говорить о возобновлении роста данных показателей (в сравнении с 1976 г.), однако они уже не достигали максимума 1975 г.

Кроме того, в годы десятой пятилетки наблюдалось снижение эффективности применения удобрений. Так, в Чувашской АССР в этот период на каждый гектар пашни в среднем за год было внесено по 129 кг (в пересчете на 100 % питательных веществ) минеральных удобрений против 104 кг в предыдущей пятилетке, т. е. внесение удобрений в почву увеличилось на 24 %. Однако в десятой пятилетке в расчете на 1 ц внесенных питательных веществ (азота, фосфора и калия) было получено лишь по 1,9 ц прибавки зерна с 1 га против 4,5 ц по научно обоснованным нормам. В Алатырском, Вурнарском, Ибресинском, Канашском, Козловском, Красночетайском, Порецком и Урмарском районах использование минеральных удобрений прибавки зерна совсем не дало²⁷. Недостаточная эффективность использования минеральных удобрений объяснялась многими причинами, одной из которых было низкое качество удобрений, нередко вызванное нарушениями правил хранения, несоблюдением системы внесения их в почву и т. д.

Одновременно из-за недостатков в строительстве и использовании гидротехнических сооружений была низкой эффективность использования орошаемых и осушенных земель. В частности, в Чувашской АССР средняя урожайность зерновых на орошаемых площадях за десятую пятилетку составила 22,2 ц/га, т. е. превысила средний показатель лишь на 0,8 ц/га, картофеля соответственно 109,0 и 5,0, а овощей — 126,0 и 2,0 ц/га²⁸. Официально это объяснялось тем, что «в ряде районов значительные площа-

ди орошаемых земель не поливались, а часть осушенных сельскохозяйственных угодий не использовалась. Имели место недостатки в эксплуатации насосных станций, дождевальной техники, надзора за состоянием орошаемых и осушенных земель»²⁹.

Большой урон плодородию почвы и урожайности сельскохозяйственных культур наносила водная эрозия почв. Особенно остро эта проблема стояла в Чувашской АССР. Для ее решения был разработан план противоэрозийных мероприятий, определены объемы работ. Активно пропагандировался опыт работы колхоза «Ленинская искра» Ядринского района по организации борьбы с водной эрозией почв. Здесь по склонам и вершинам балок и оврагов на площади 56 га были произведены лесопосадки, силами колхозов сооружено 18 простейших противоэрозийных прудов и водоемов, овражно-балочная сеть была залужена многолетними травами, ежегодно на площади 300 — 350 га проводилось улучшение пахотного слоя. Уже в 1973 г. колхоз собрал с каждого гектара по 24 ц зерна, с улучшенных эродированных угодий получил по 40 — 45 ц сена³⁰. В целом, несмотря на то что в республике ежегодно выполнялся большой объем противоэрозийных работ, проводимые меры не дали ожидаемых результатов. Так, в 1976 — 1980 гг. было построено 850 оврагоукрепительных сооружений, в том числе 180 противоэрозийных плотин. На склонах оврагов, в балках, на песках и других неудобных землях было посажено 4,8 тыс. га почвозащитных лесных полос и создано 0,8 тыс. га полезащитных лесных полос³¹. Тем не менее площади смытых земель даже увеличились, достигнув 87 %. Овраги и балки в республике составляли 98 тыс. га. Особенно интенсивно овраги росли в Канашском, Козловском, Красноармейском, Урмарском, Чебоксарском, Цивильском и Янтиковском районах Чувашской АССР³². Таким образом, несмотря на значительную эрозию почв, планы по строительству гидротехнических сооружений, осушению земель и проведению культурно-технических работ в республике не выполнялись.

Основной генподрядной организацией по выполнению мелиоративных работ в Чувашской АССР, в том числе противоэрозийных, являлось объединение «Чувашмелиорация», в состав которого входили 9 межрайонных ПМК. Существенную помощь в этот период в строительстве водохозяйственных объектов оказывала республике созданная в 1977 г. ПМК-36 треста «Душанбеводстрой» Министерства водного хозяйства Таджикской ССР. Однако объединение «Чувашмелиорация» и его подразделения не справлялись с выполнением планов подрядных работ по противоэрозийному строительству. За четыре года десятой пятилетки бюджетные ассигнования не были освоены на 2,5 млн руб. Только за 1979 г. в республике не было введено более 40 запланированных объектов³³. Отмечались факты некачественного строительства и растягивания сроков, в результате чего многие гидросооружения преждевременно приходили в негодность. Так, за 1976 — 1979 гг. 18 плотин из 90 вышли из строя в первый же год эксплуатации³⁴.

В результате этих и других причин намеченные пятилетним планом задания по производству продуктов растениеводства остались невыполненными. Например, план производства зерна на 1976 — 1980 гг. в Чувашской АССР был выполнен на 86 %, картофеля — на 61, овощей — на 68 и хмеля — на 60 %. Только один Яльчикский район обеспечил выполнение пятилетнего плана по зерну³⁵.

В то же время в республиках не прекращалась работа ученых-агрономов по повышению эффективности освоения системы земледелия. Следует отметить положительные результаты в этом направлении в Марийской АССР (табл. 6).

Таблица 6

**Урожайность основных сельскохозяйственных культур на Волжском сортоучастке
и в колхозе «За коммунизм» Марийской АССР в 1970-е гг., ц/га**

С.-х. культуры	Волжский сортоучасток			Колхоз «За коммунизм»		
	1966 — 1970 гг.	1971 — 1975 гг.	1976 — 1980 гг.	1966 — 1970 гг.	1971 — 1975 гг.	1976 — 1980 гг.
Зерновые и зернобобовые, всего	18,9	22,4	26,3	14,3	17,6	24,1
В том числе						
озимая рожь	21,2	27,1	24,9	15,8	20,7	23,9
Ячмень	24,5	20,4	29,3	24,5	17,5	25,2
Овес	20,3	18,2	22,0	15,9	15,2	21,0
Картофель	233,0	221,0	200,0	131,0	145,0	127,0
Овощи	—	—	—	186,0	161,0	193,0
Многолетние травы (сено)	24,5	35,0	60,6	15,9	21,6	27,5

Составлена по: **Федоров В. Г.** Основы экономики земледелия Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1992. С. 80.

Освоение системы земледелия позволило колхозу «За коммунизм» получать почти два колоса там, где раньше рос один. Вот как оценивали специалисты опыт работы колхоза: «По размерам получаемого с каждого га зерна, картофеля и других продуктов растениеводства хозяйство опережало остальные хозяйства республики примерно на 10 — 15 лет. Здесь почти в 1,5 раза меньше вносится органических удобрений в расчете на 1 га пашни, чем на полях Волжского сортоучастка (16 — 17 т); тем не менее по величине урожайности колхоз находится по ряду культур на уровне сортоучастка»³⁶. Однако освоение научной системы земледелия в большинстве хозяйств республики не произошло.

Во второй половине 1970-х гг. в рассматриваемых республиках все явственнее становились негативные явления в животноводстве, основными их причинами, по мнению специалистов, были «...недостаточное использование в производстве интенсивных, научно обоснованных методов ведения животноводства. Это сказалось, прежде всего, на продуктивности животных»³⁷.

В 1970-е гг. произошло существенное замедление темпов роста поголовья скота в рассматриваемых республиках. Данные табл. 7 говорят об устойчивом росте поголовья КРС в этот период во всех исследуемых республиках. Так, в 1980 г. по сравнению с уровнем 1970 г. он составил 123 % (увеличение на 58 тыс. голов) в Марийской АССР, 120,1 % (увеличение на 106 тыс. голов) — в Мордовской АССР и 117,6 % (увеличение на 76 тыс. голов) — в Чувашской АССР. При этом следует отметить, что основной рост данного показателя приходился на период до середины 70-х гг. В 1975 г. от уровня 1970 г. он составлял 122,2 % (увеличение на 56 тыс. голов) в Марийской республике, 117,2 % (увеличение на 91 тыс. голов) — в Мордовской АССР и 115,7 % (увеличение на 66 тыс. голов) — в Чувашской АССР, тогда как в 1980 г. от уровня 1975 г. он равнялся 100,6 % (увеличение на 2 тыс. голов) в Марийской АССР, 102,4 % (увеличение на 15 тыс. голов) — в Мордовской АССР и 101,6 % (увеличение на 8 тыс. голов) — в Чувашской АССР. Таким образом, во второй половине 1970-х гг.

Таблица 7

**Поголовье скота в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР
в хозяйствах всех категорий в 1970-е гг., тыс. голов на конец года**

Скот	Марийская АССР			Мордовская АССР			Чувашская АССР		
	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
КРС	252,0	308,0	310,0	527,0	618,0	633,0	431,0	499,0	507,0
В том числе									
коровы	116,0	116,0	126,0	234,0	235,0	240,0	206,0	214,0	220,0
Свиньи	186,0	261,0	289,0	297,0	280,0	318,0	476,0	469,0	516,0
Овцы и козы	224,0	211,0	179,0	590,0	505,0	429,0	551,0	483,0	406,0
Птица*	907,4	1 770,4	2 837,9	1 041,6	1 232,4	1 840,4	1 029,0	1 097,5	2 194,6

* В колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах.

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 181 — 182, 185 ; Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 46 ; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы десятой пятилетки... С. 98 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 50.

во всех трех исследуемых республиках происходило значительное замедление темпов роста поголовья КРС. Аналогичная ситуация в республиках сложилась с поголовьем свиней, овец и коз.

Особняком в общем контексте данных стоит значительный рост показателя поголовья птиц в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах исследуемых республик. Он был непрерывным на протяжении всего периода 1970-х гг. В 1980 г. по сравнению с 1970 г. он составил 312,7 % (увеличение на 1 930,5 тыс. голов) в Марийской АССР, 176,6 % (увеличение на 798,8 тыс. голов) — в Мордовской АССР и 213,2 % (увеличение на 1 165,6 тыс. голов) — в Чувашской АССР. Это объясняется попыткой за счет развития данной отрасли компенсировать спад или нестабильность в других отраслях животноводства.

Одними из факторов, сдерживавших развитие животноводства в республиках, являлись высокая заболеваемость и падеж общественного скота. К середине 1970-х гг. несмотря на значительные финансовые вливания в ветеринарные службы падеж скота не уменьшился и остался на высоком уровне. Типичным примером этого является Чувашская АССР (табл. 8).

Таблица 8

**Падеж сельскохозяйственных животных
в Чувашской АССР в первой половине 1970- х гг.**

Скот	1971		1972		1973		1974		1975	
	Всего голов	%	Всего голов	%	Всего голов	%	Всего голов	%	Всего голов	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
КРС	7 599	2,0	8 082	2,1	6 782	1,7	7 070	1,7	7 187	1,6
В том числе										
телята	6 092	6,4	6 158	6,8	5 256	5,2	5 663	5,4	5 658	4,9
Свиньи	31 328	4,1	31 501	4,1	24 880	3,0	23 422	2,7	25 960	2,8

Окончание табл. 8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В том числе										
поросята	22 825	5,5	23 139	5,8	17 420	3,8	16 033	3,3	18 833	4,0
Овцы	4 166	2,1	5 519	2,9	3 938	2,0	4 429	2,2	3 702	1,8
В том числе										
ягнята	2 398	3,4	2 698	4,6	2 147	3,2	2 496	3,5	2 023	2,8

Составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 179. Л. 3 — 6.

Согласно табл. 8, в целом по Чувашской республике ежегодно гибло от 35 до 40 тыс. голов КРС, свиней и овец. Особенно большой падеж скота происходил в хозяйствах Алатырского, Ибресинского, Порецкого, Шемуршинского и Яльчикского районов. Большую часть падежа составлял молодняк. Так, в 1975 г. погибло 78,6 % телят, 72,4 % поросят и 54,6 % ягнят. В основном гибли телята до 10-дневного возраста от поражения органов пищеварения, поросята — в 2 — 4-месячном возрасте в период отъема из-за нарушений технологий кормления, ягнята — в возрасте 2 — 3 месяцев в ранние весенние месяцы вследствие нарушения обмена веществ. Гибель молодняка в хозяйствах Алатырского, Ибресинского, Порецкого и Шемуршинского районов в 1,5 — 2,0 раза была выше, чем в среднем по республике. Гибель животных наносила серьезный ущерб экономике хозяйств. Например, в 1974 г. колхозы и совхозы республики потерпели убыток от падежа в сумме 2 млн 155 тыс. руб. На закупку медикаментов для лечения заболевших животных было израсходовано 900 тыс. руб. Таким образом, только прямые потери от болезней падежа ежегодно составляли более 3 млн руб., не считая потерь от снижения продуктивности скота и птицы. В результате проверок были выявлены следующие причины болезней и падежа животных: неудовлетворительное кормление; скученное содержание; размещение в сырых, холодных, без достаточной вентиляции помещениях; отравление ядохимикатами и недоброкачественными кормами, зараженными токсичными полевыми грибами³⁸.

Таким образом, межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция стали существенными факторами интенсификации сельскохозяйственного производства в 1970-е гг. Приведенные нами данные показали, что отдельные задачи, связанные с повышением эффективности производства были отчасти решены, однако устранить вставшие перед сельским хозяйством проблемы межхозяйственные объединения так и не смогли. Это происходило на фоне того, что в растениеводстве и животноводстве, особенно во второй половине 1970-х гг., как по объективным, так и по субъективным причинам наметилась устойчивая тенденция снижения темпов роста производства.

Библиографические ссылки

¹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1973. Т. 12. С. 278.

² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2318. Л. 20 — 21.

³ Там же. Ф. П-269. Оп. 8. Д. 12. Л. 122.

⁴ См.: Совет. Мордовия. 1977. 24 нояб.

⁵ См.: История Марийской АССР : в 2 т. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2. С. 254.

⁶ ГА РМЭ. Ф. 1-П. Оп. 37. Д. 24. Л. 34.

- ⁷ Там же. Ф. Р-781. Оп. 20. Д. 5. Л. 63 ; Оп. 41. Д. 36. Л. 154.
- ⁸ См.: **Петров А. Г.** Руководство Марийской областной организации КПСС сельским строительством в 1971 — 1975 гг. // Вопросы аграрной истории Марийской АССР : сб. Йошкар-Ола, 1984. С. 94.
- ⁹ См.: **Сухин В. И.** Сельское хозяйство Марийской АССР в годы девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.) // Там же. С. 77.
- ¹⁰ См.: История Марийской АССР. С. 257 — 258.
- ¹¹ См.: **Верхеев И. Е.** Анализ производственной деятельности межхозяйственных свиноводческих комплексов Чувашской АССР // Вопросы интенсификации сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1980. С. 126 — 127.
- ¹² См.: **Орлов В. В.** Проблемы развития животноводства в деятельности Чувашской областной партийной организации в период между XXIV и XXVI съездами КПСС // Исследования по аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 61.
- ¹³ См.: **Прокопьев И. П.** XXVI съезд КПСС и основные проблемы развития сельского хозяйства Чувашской АССР // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма : сб. ст. Чебоксары, 1982. С. 11.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ См.: **Кудряшов Г. С.** Основные формы и направления обобществления сельскохозяйственного труда и производства в Чувашской АССР // Там же. С. 71.
- ¹⁶ **Шорников А. М.** Застойные явления в развитии сельского хозяйства Чувашии в 70-х гг. // Исследования по аграрной истории Чувашии. С. 72.
- ¹⁷ См.: Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : юбилейн. стат. сб. Йошкар-Ола, 1980. С. 36.
- ¹⁸ См.: **Федоров В. Г.** Основы экономики земледелия Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1992. С. 18 — 19.
- ¹⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 50. Д. 5. Л. 12.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 52. Д. 1160. Л. 18.
- ²¹ Архив отдела статистики Краснослободского района. («Динамические ряды по учету посевных площадей, валовому сбору по колхозам и совхозам Краснослободского района с 1971 — 1980 гг.»).
- ²² ЦГА РМ. Ф. 609. Оп. 11. Д. 2. Л. 13.
- ²³ Там же. Оп. 13. Д. 1. Л. 10 — 11.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 12.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: Совет. Чувашия. 1981. 7 февр.
- ²⁸ См.: Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 55 — 57.
- ²⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 40. Д. 70. Л. 14.
- ³⁰ Там же. Оп. 37. Д. 50. Л. 19.
- ³¹ Там же. Оп. 49. Д. 53. Л. 44 — 45.
- ³² См.: Совет. Чувашия. 1984. 19 апр.
- ³³ ГАСИ ЧР. Ф. 1-П. Оп. 49. Д. 53. Л. 45.
- ³⁴ См.: Совет. Чувашия. 1980. 20 февр.
- ³⁵ НА ЧГИГН. Отд. X. Д. 925. Л. 10, 13, 16.
- ³⁶ **Федоров В. Г.** Указ. соч. С. 79.
- ³⁷ **Шорников А. М.** Указ. соч. С. 75.
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 179. Л. 3 — 5.

Поступила 28.02.2011 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.152

А. В. Чернов, А. Н. Келина, Л. А. Гурьянова
A. V. Chernov, A. N. Kelina, L. A. Guryanova

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ОБЩИЕ ИТОГИ ОПРОСА 2008 г.*

FUNCTIONING OF MORDOVIAN LANGUAGES UNDER MODERN CONDITIONS: GENERAL RESULTS OF THE QUESTIONING OF 2008

Ключевые слова: анкетирование, мордовские языки, языковая ситуация, Республика Мордовия, сфера употребления, среда функционирования, потенциал, языковое строительство.

В статье раскрываются особенности современного функционирования мордовских языков в Республике Мордовия на основе анализа данных опроса, проведенного НИИГН в 2008 г. в рамках комплексной социолингвистической экспедиции.

Key words: questioning, Mordovian languages, linguistic situation, the Republic of Mordovia, field of application, sphere of functioning, potential, linguistic building.

The special features of the Mordovian languages present-day functioning in the Republic of Mordovia are revealed in the article on basis of the analysis of questioning data, collected in 2008 during the complex sociolinguistic expedition.

На современном этапе развития Республика Мордовия переживает значительные перемены, обусловленные воздействием целого комплекса экономических, социокультурных и этнических факторов. Эти изменения находят отражение в разнообразных этнографических и этноязыковых процессах, происходящих в регионе. Следует отметить, что Республика Мордовия практически никогда не была объектом специального социолингвистического исследования, а анализ этноязыковых процессов как аспекта языковой ситуации отчасти проводился лишь в рамках комплексных этнографических и этносоциологических исследований, направленных на изучение истории, культуры и традиций мордовского народа, проживающего как на территории республики, так и за ее пределами. При этом социолингвистическая информация имеет большое значение для разработки практических мер по решению вопросов, относящихся к области языковой политики. Языковое планирование

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-14-13004 а/В.

требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных регионов, где вопросы соотношения языков по их коммуникативным функциям и использованию в различных сферах социальной жизни тесно связаны с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности. В связи с этим основной целью опроса, проведенного НИИГН в 2008 г. в рамках комплексной социолингвистической экспедиции в районы Республики Мордовия*, стал сбор данных о современных особенностях бытования мордовских языков в различных областях общественной деятельности на территории Республики Мордовия. Перед исследователями стояла задача выявить сферы практического употребления и функционирования мокшанского и эрзянского языков, проанализировать общественные функции, выполняемые ими в различных социальных условиях и определить их потенциал.

Опрос проводился с использованием анкеты, разработанной отделом языкознания НИИГН. Она включала 78 вопросов, по каждому из которых респонденты должны были выбрать удовлетворяющий их вариант ответа. Число предлагаемых вариантов ответа на вопрос варьировалось от 2 до 13. Количество ответов не ограничивалось, и в некоторых случаях допускался выбор более одного ответа как, например, на вопросы «Какие периодические издания на мокшанском или эрзянском языке Вы читаете?», «Какие телепередачи на мокшанском или эрзянском языке Вы преимущественно смотрите?» и т. п. В таких вопросах, как «На каком языке Вы преимущественно общаетесь в кругу семьи?», «Какой язык Вы также используете при общении с друзьями?» и т. п., с целью установления особенностей функционирования в одном случае родного, в другом — «второго» языка предполагался выбор одного из 5 — 6 вариантов ответа. Всего анкета насчитывала 377 возможных вариантов ответа. По форме анкетирование имело закрытый характер. Однако значительное количество вопросов, направленных на высказывание мнения респондентов по тем или иным проблемам, предусматривало в качестве одного из ответов альтернативные варианты «затрудняюсь ответить» или «другой» с последующей конкретизацией выбора.

Исследование проводилось во всех районах Республики Мордовия. Всего в опросе принял участие 2 031 чел. В ходе исследования внимание акцентировалось на представителях мордовской национальности, что и обусловило результат: мордва составила 69,5 % опрошенных респондентов, из них 28,2 % — мордва-мокша и 35,1 % — мордва-эрзя. Кроме того, 6,2 % респондентов определили себя как мордвин/мордовка без конкретизации своей субэтнической принадлежности (табл. 1).

Из общего числа опрошенных 64,6 % составили женщины и 35,4 % — мужчины. Анкетированием были охвачены все возрастные группы жителей республики. При этом на количество респондентов в возрасте от 16 до 59 лет пришлось 92,2 % опрошенных. Наиболее многочисленными стали группы респондентов в возрасте от 20 до 24 лет — 10,5 %, от 40 до 44 — 11,5, от 45 до 49 — 12,7 и от 50 до 54 лет — 12,6 %. Самой малочисленной оказалась возрастная группа респондентов от 70 лет и старше — 1,9 %.

* Проведена в соответствии с Программой действий Правительства Республики Мордовия на 2008 г. по реализации Послания Главы Республики Мордовия Государственному собранию Республики Мордовия.

Таблица 1

Национальный состав респондентов

Район	Кол-во опрошенных респондентов, чел.							
	Всего	В том числе по национальному составу						Не указали национальность
		мордвин(-овка)-мокша	мордвин(-овка)-эрзя	мордвин(-овка)	русский (-ая)	татарин (-ка)	другая национальность	
Ардатовский	75	15	13	7	26	9	2	3
Атюрьевский	86	57	4	9	9	4	0	3
Атяшевский	79	2	73	0	4	0	0	0
Большеберезниковский	68	13	35	0	20	0	0	0
Большеигнатовский	77	2	57	4	13	0	0	1
Дубенский	78	6	57	7	7	0	0	0
Ельниковский	84	35	0	0	40	9	0	0
Зубово-Полянский	77	20	0	11	42	4	0	0
Инсарский	73	13	0	4	55	0	0	1
Ичалковский	75	11	35	7	22	0	0	0
Кадошкинский	88	55	0	4	11	18	0	0
Ковылкинский	84	29	2	2	51	0	0	0
Кочкуровский	73	4	68	0	0	0	0	1
Краснослободский	86	59	7	7	11	0	0	2
Лямбирский	59	2	9	0	17	31	0	0
Ромодановский	75	7	20	2	33	13	0	0
Рузаевский	70	26	15	11	15	2	0	1
Старшайговский	83	68	2	9	4	0	0	0
Темниковский	101	33	7	13	46	0	2	0
Теньгушевский	88	0	88	0	0	0	0	0
Торбеевский	83	26	11	18	22	0	6	0
Чамзинский	66	0	62	0	4	0	0	0
г.о. Саранск	304	90	147	11	46	2	4	4
Итого	2 031	573	712	126	498	92	14	16

Среди всех опрошенных 37,4 % имели высшее образование, 24,0 — среднее профессиональное, 13,8 — среднее, 12,2 % — неоконченное высшее, т. е. они продолжали обучение в образовательных учреждениях высшего профессионального образования; 3,0 % лиц, принявших участие в анкетировании, имели ученую степень кандидата или доктора наук. Кроме того, 5,9 % респондентов определили свой уровень образования как «неполное среднее», а 1,2 % опрошенных обозначили себя как «неграмотные» или имеющие только начальное образование.

Уровню образования соответствуют полученные данные о текущем социальном положении респондентов. Так, 22,5 % опрошенных составили специалисты умственного труда высшей квалификации, 17,9 — специалисты умственного труда средней квалификации. 14,2 % респондентов являлись учащимися старших классов общеобразовательных учреждений или учреждений начального и среднего профессионального образования, а также студентами высших учебных заведений.

13,0 % опрошенных отнесли себя к категории «прочее», 12,0 % респондентов указали, что являются служащими на должностях, не требующих специального образования. Около 9 % лиц, принявших участие в анкетировании, имели рабочие профессии различной степени квалификации в сельском хозяйстве и немного более 7 % — в промышленности.

Абсолютное большинство опрошенных (69,8 %) проживали в сельской местности. 28,7 % являлись жителями городов Республики Мордовия (Саранск, Ардатов, Инсар, Ковылкино, Краснослободск, Рузаевка и Темников).

Собственно анализ данных о функционировании мордовских (мокшанского и эрзянского) языков следует начать с ответов на вопрос «Какой язык Вы считаете родным?». Как известно, язык является одним из основных признаков этнической идентификации человека. Определяя свою национальную принадлежность, он осознает себя носителем не столько материальной культуры своего этноса, сколько его языка. В связи с этим язык своего этноса традиционно признается родным. Как свидетельствуют результаты опроса, мокшанский язык назвали родным 29,0 % респондентов, эрзянский — 33,6, русский — 33,1, татарский — около 4,0 и другой язык — 0,7 % (табл. 2). Из соотнесения количества полученных ответов с общим числом опрошенных следует, что 0,4 % из них считают родным два языка.

Сравнивая данные табл. 2 с приведенными выше о национальном составе респондентов (см. табл. 1), можно сделать вывод о том, что 90,1 % респондентов, обозначивших свою национальную принадлежность к мордве (мордвин-мокша, мордвин-эрзя, мордвин), назвали родным язык своей национальности. Среди них около 8,0 % лиц мордовской национальности считают родным языком помимо мордовских (мокшанского или эрзянского) также русский. Полученный показатель совокупной доли мордвы с родным языком своей национальности превысил соответствующие данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. (88,5 %), Всероссийской переписи населения 2002 г. (84,6 %)* и данные опроса 2007 г. среди мордвы Республики Мордовия (68,8 %)**.

С целью получения сведений об уровне знания родного языка респондентам было предложено оценить свое владение им. Опрашиваемым предлагалось 5 вариантов ответа, включавших различный набор сформированных навыков и умений по основным видам речевой деятельности (табл. 3).

Таблица 2

**Ответы на вопрос
«Какой язык Вы считаете родным?»**

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанский	589
Эрзянский	682
Русский	672
Татарский	81
Другой	15

* Приведенный показатель получен из соотношения общего числа мордвы, владеющей мордовским, мордовским-мокша и мордовским-эрзя языками, и числа мордвы, зарегистрированной в Республике Мордовия по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. (см.: Национальный состав населения Республики Мордовия : Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. Саранск, 2005. С. 6, 16).

** Проведен в рамках финляндско-российского проекта «О положении финно-угорских народов Российской Федерации» (см.: Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 158).

Таблица 3

**Ответы на вопрос «Оцените уровень
Вашего владения родным языком?»**

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Владею свободно (понимаю, говорю, умею читать и писать)	1 377
Владею хорошо (понимаю, говорю и умею читать)	341
Владею на бытовом уровне (понимаю и говорю)	162
Владею плохо (понимаю, но не говорю)	37
Не владею	12

В результате уровень языковой компетенции лиц, принявших участие в опросе, следует признать высоким, поскольку абсолютное большинство свободно или хорошо владеют родным языком (соответственно 67,8 и 16,8 %) (см. табл. 3). При этом 82,5 % респондентов указали на то, что изучали свой родной язык (табл. 4).

Полученные ответы на вопрос «Каким еще языком Вы владеете?» свидетельствуют о том, что 84,3 % опрошенных помимо родного языка владеют другим — преимущественно русским (64,6 %). Мокшанским языком пользуются как вторым по частотности после родного языка 12,4 % респондентов, а эрзянским — 8,0 % опрошенных (табл. 5).

Уровень владения респондентами вторым языком следует признать выше среднего, поскольку в целом 68,4 % опрошенных людей указывают, что свободно или хорошо владеют им (табл. 6).

Однако анализ данных табл. 6 показал, что мокшанским языком как вторым свободно владеют 20,5 % респондентов, владеют хорошо (понимают, говорят и умеют читать) — 21,3, владеют на

бытовом уровне (понимают и говорят) — 30,0 % опрошенных. Показатели владения эрзянским языком как вторым соответственно 17,8, 11,6 и 46,0 %. Таким образом, владение респондентами мордовскими языками в качестве второго языка находится на уровне ниже среднего, лишь 37 % опрошенных оценивает его как «свободно» или «хорошо». Интересным представляется и тот факт, что в дальнейшем изучать именно мордовские языки предполагают лишь около 9 % опрошенных и еще 5,3 % респондентов утвердительно ответили на вопрос об изучении в будущем одного из национальных языков Республики Мордовия (табл. 7).

**Ответы на вопрос
«Изучали ли Вы родной язык?»**

Таблица 4

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Да	1 675
Нет	339

**Ответы на вопрос
«Каким еще языком Вы владеете?»**

Таблица 5

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанским	253
Эрзянским	163
Русским	1 313
Татарским	24
Другими	82
Никаким	319

Таблица 6

Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете уровень своего владения вторым языком?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
<i>Мокшанским языком</i>	
Владею свободно	52
Владею хорошо	54
Владею на бытовом уровне	76
<i>Эрзянским языком</i>	
Владею свободно	29
Владею хорошо	19
Владею на бытовом уровне	75
<i>Русским языком</i>	
Владею свободно	1 117
Владею хорошо	109
Владею на бытовом уровне	28
<i>Татарским языком</i>	
Владею свободно	6
Владею хорошо	4
Владею на бытовом уровне	12

Таблица 7

Ответы на вопрос «Если Вы не владеете мокшанским/эрзянским/татарским языком, предполагаете ли изучать какой-нибудь из них в будущем?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанский	88
Эрзянский	41
Мордовские	51
Татарский	37
Все	17
Да	107
Нет	1 049
Затрудняюсь ответить	275

Кроме того, следует отметить, что при обращении к респондентам с вопросом на мокшанском языке на нем же ответили бы 30,4 % опрошенных (табл. 8). Если сопоставить это количество полученных ответов с числом респондентов, назвавших мокшанский язык родным (см. табл. 2), то 4,5 % опрошенных воспользуются мокшанским языком несмотря на то, что он не является для них родным. Сходная ситуация наблюдалась с эрзянским языком: из 36,4 % респондентов для 7,7 % эрзянский язык не является родным (табл. 9).

Таблица 8

Ответы на вопрос «При обращении к Вам с вопросом на мокшанском языке, на каком языке Вы преимущественно отвечаете?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На мокшанском	617
На эрзянском	173
На русском	1 196
На татарском	4
На другом (укажите каком)	8

Таблица 9

Ответы на вопрос «При обращении к Вам с вопросом на эрзянском языке, на каком языке Вы преимущественно отвечаете?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На эрзянском	739
На мокшанском	128
На русском	1 083
На татарском	4
На другом (укажите каком)	0

При письме мордовскими языками пользуются лишь 5,6 % респондентов (табл. 10). Если соотнести полученные количественные данные с числом лиц, указавших при опросе на свою принадлежность к мордовской национальности, то обоб-

щенный показатель преимущественного использования мордовских языков при письме составит лишь 8,0 %. Несколько шире мокшанский и эрзянский языки используются при письме в качестве второго языка (соответственно 33,6 и 15,2 %; 36,6 и 18,4 %) после русского (табл. 11).

Основной областью использования письменных национальных языков является личная переписка с адресатом, владеющим данным языком (21,1 %) и ведение личных записей (11,4 %). При этом национальные языки практически не используются респондентами в деловой переписке и официальном делопроизводстве (2,4 %; табл. 12).

Для исследования употребления мордовских языков в различных сферах его функционирования в анкете было предложено ответить на вопросы о языке, на котором осуществляется общение в семье, с друзьями и знакомыми, а также на работе. Результаты опроса показали, что 21,1 % из респондентов в кругу семьи преимущественно общаются на мокшанском языке, 25,5 — на эрзянском и 53,4 % — на русском языке (табл. 13). При этом почти 27,0 % респондентов, назвавших родным языком мокшанский, и 24,2 % — эрзянский, не пользуются ими при общении с членами своей семьи. В то же время 3,7 % опрошенных в кругу семьи в равной мере пользуются двумя языками (национальным и русским) и более. Тем не менее мордовские языки в целом являются основными языками общения опрошенных людей мордовской национальности с членами их семьи (67,1 %).

Таблица 10

Ответы на вопрос «Каким языком Вы преимущественно пользуетесь при письме?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанским	58
Эрзянским	55
Русским	1 946
Татарским	0
Другим	0

Таблица 11

Ответы на вопрос «Каким еще языком Вы пользуетесь при письме?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанским	309
Эрзянским	373
Русским	483
Татарским	35
Другим	26

Таблица 12

Ответы на вопрос «В каких случаях Вы пользуетесь при письме мокшанским/эрзянским/татарским языком?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Всегда пользуюсь	88
При ведении личных записей	231
В личной переписке, если адресат владеет языком	429
В деловой переписке	12
При заполнении бланков документов, анкет и т. п.	34
При написании заявлений, служебных записок и т. п.	2
Никогда не пользуюсь	1 089
В других случаях (укажите каких)	62

Сравнение полученных данных с соответствующими данными опроса, проведенного в 2007 г., свидетельствует о том, что показатели опроса 2008 г. являются значительно более оптимистичными (табл. 14). Следует отметить, что мы не ставили задачу определить долю респондентов, в равной степени пользующихся в семейной среде мордовскими и русским языками.

Таблица 13
Ответы на вопрос «На каком языке Вы преимущественно общаетесь в кругу семьи?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На мокшанском	430
На эрзянском	517
На русском	1 085
На татарском	62
На другом (укажите каком)	13

Таблица 14
Ответы на вопрос «На каком языке Вы общаетесь в кругу семьи?»,
 % от общего числа опрошенной мордвы

Вариант ответа	Опрос 2007*	Опрос 2008
На мордовских языках	24,3	67,1
В равной степени на мордовских и русском	12,7	—
На русском языке	61,6	22,9

* Данные приведены по: Финно-угорские народы России... С. 174.

В общении с друзьями мордовскими языками пользуются 41,7 % респондентов: мокшанским — 19,4 %, эрзянским — 22,3 % (табл. 15). Сопоставляя количество полученных ответов с общим числом опрошенных, получаем, что 8,0 % респондентов к основным языкам общения в кругу друзей относят более одного языка. В то же время 33,1 % респондентов, назвавших родным языком мокшанский и 33,7 % — эрзянский, не пользуются ими в процессе общения со своими друзьями и знакомыми.

Таким образом, для практически 60 % мордвы, принявшей участие в опросе, мордовские языки являются основным средством общения с друзьями и знакомыми. Полученные данные вновь значительно разнятся с результатами опроса 2007 г., свидетельствуя в пользу более широкого использования мордвой своего родного языка в среде общения с друзьями (табл. 16). При этом в опросе 2008 г. также не ставилась цель определить долю респондентов, в равной степени пользующихся в общении с друзьями и знакомыми мордовскими и русским языками.

Данные исследования показали, что основным языком профессиональной деятельности является русский (76,9 %). Мордовскими языками на работе пользуются лишь 23,9 % респондентов (табл. 17). Таким образом, почти 70 % респондентов, указавших, что родным языком для них является мокшанский, и более половины лиц,

Таблица 15
Ответы на вопрос «На каком языке Вы преимущественно общаетесь с друзьями?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На мокшанском	394
На эрзянском	452
На русском	1 318
На татарском	26
На другом (укажите каком)	4

Таблица 16

Ответы на вопрос «На каком языке Вы общаетесь с друзьями и знакомыми?», % от общего числа опрошенной мордвы

Вариант ответа	Опрос 2007*	Опрос 2008
На мордовских языках	13,8	59,9
В равной степени на мордовских и русском	20,2	—
На русском языке	65,2	40,1

* Данные приведены по: Финно-угорские народы России... С. 173.

для которых родной — эрзянский язык, не пользуются ими в качестве средства общения на работе.

Следует добавить, что положительный ответ на вопрос об использовании национальных языков при обсуждении профессиональных вопросов и ведении деловых переговоров дали 6,7 % опрошенных, 5,4 % ответили, что всегда пользуются национальными языками, 9,3 — пользуются часто и 19,0 % — пользуются редко.

Из сравнительного анализа данных, полученных в ходе опросов 2008 и 2007 гг., следует, что в целом при существующих объективных сложностях преимущественного употребления мордовских языков в профессиональной деятельности доля мордвы, пользующейся родным языком в данной среде, оказалась намного больше таковой в финляндско-российском исследовании (табл. 18).

Таблица 17

Ответы на вопрос «Каким языком Вы преимущественно пользуетесь на работе?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
Мокшанским	189
Эрзянским	296
Русским	1 563
Татарским	7
Другим (укажите каким)	0

Таблица 18

Ответы на вопрос «Каким языком Вы пользуетесь на работе?», % от общего числа опрошенной мордвы

Вариант ответа	Опрос 2007*	Опрос 2008
На мордовских языках	5,8	34,4
В равной степени на мордовских и русском	13,3	—
На русском языке	78,7	65,6

* Данные приведены по: Финно-угорские народы России... С. 172.

Абсолютное большинство опрошенных людей при общении с представителем другой национальности, а также дальнего и ближнего зарубежья преимущественно пользуются русским языком (соответственно 92,9 и 92,8 %), что подтверждает традиционный статус русского языка для граждан Российской Федерации как языка межнационального общения. Эти данные также согласуются с тем, что при обращении к респондентам с вопросом на мокшанском языке на русском языке преимущественно ответили бы 58,9 % опрошенных (см. табл. 8), при

обращении на эрзянском языке — 53,3 (см. табл. 9), а при обращении на русском языке — 97,1 % респондентов (табл. 19).

Анализируя полученные данные о сферах использования языков Республики Мордовия, отметим, что лишь 5,9 % респондентов при чтении художественной литературы отдают предпочтение мокшанскому языку и около 5,0 % — эрзянскому (табл. 20). Из общего числа участников опроса 3,9 % в равной мере используют национальный и русский языки при чтении художественной литературы.

Однако если рассматривать использование мордовских языков для чтения художественных произведений теми респондентами, для которых эти языки являются родными, то в таком случае мокшанским языком пользуются 20,4 % опрошенных, а эрзянским — 14,8 %.

Анализ читательских предпочтений респондентов показал, что лишь немного более 1 % опрошенных преимущественно читают мокшанскую или эрзянскую литературу. Совместно русской и мокшанской литературе отдают предпочтение 7,2 % опрошенных, русской и эрзянской — 7,8 %. При этом в целом зарубежную литературу, литературу народов России, русскую и мокшанскую литературу предпочитают 9,8 % респондентов, и зарубежную литературу, литературу народов России, русскую и эрзянскую литературу — 11,7 %. В связи с этим следует отметить, что издание произведений художественной зарубежной, русской литературы и литературы народов России в переводе на мокшанский и эрзянский языки заинтересовало бы 34,8 % опрошенных. Сопоставимая часть респондентов (35,7 %) имеет в домашней библиотеке книги на мордовских языках. Около 23,0 % опрошенных считают достаточным количество произведений художественной литературы на мокшанском и эрзянском языках, издаваемых в Республике Мордовия, и почти половина опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Более 90 % респондентов предпочитают читать печатные средства массовой информации на русском языке (табл. 21). Можно также отметить, что в целом около 5 % опрошенных в равной мере используют

Таблица 19

Ответы на вопрос «При обращении к Вам с вопросом на русском языке, на каком языке Вы преимущественно отвечаете?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На русском	1 973
На мокшанском	12
На эрзянском	35
На татарском	0
На другом (укажите каком)	2

Таблица 20

Ответы на вопрос «На каком языке Вы преимущественно читаете художественную литературу?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На мокшанском	120
На эрзянском	101
На русском	1 885
На татарском	4
На другом (укажите каком)	0

Таблица 21

Ответы на вопрос «На каком языке Вы преимущественно читаете прессу?»

Вариант ответа	Кол-во полученных ответов
На мокшанском	120
На эрзянском	87
На русском	1 909
На татарском	6
На другом (укажите каком)	4

национальные и русский языки при чтении периодических изданий, если соотнести количество полученных ответов с общим числом респондентов. Вместе с тем на мокшанском языке читают прессу 20,4 % респондентов, для которых он является родным, а на эрзянском — 12,7 % соответствующей категории лиц. Иллюстрируя предпочтения в периодических изданиях на мокшанском и эрзянском языках, отметим, что газету «Мокшень правда» читают 22,8 % опрошенных, «Эрзянь правда» — 19,6, журнал «Мокша» — 10,3, «Сятко» — 14,6 % респондентов. Лишь 11,2 % опрошенных отметили, что их дети читают детские периодические издания на мокшанском или эрзянском языке.

71,3 % респондентов регулярно или иногда смотрят телепередачи на национальном языке. При этом основное внимание уделяется информационным выпускам новостей (58,3 % опрошенных), еще 41,2 % смотрят культурные и музыкальные телевизионные программы на мокшанском или эрзянском языке. Этим же жанрам телепередач на мордовских языках готовы отдать предпочтение 89,1 % опрошенных. Просмотр популярных художественных и мультипликационных фильмов с дублированием на мокшанском и эрзянском языках не вызвал бы особого интереса у респондентов, поскольку утвердительные и отрицательные ответы разделились практически поровну (соответственно 35,8 и 37,9 %). Отвечая на вопрос о достаточном количестве телепередач на мокшанском и эрзянском языках в республиканском телевизионном эфире, утвердительный ответ дали лишь 35,0 % респондентов. Остальная часть ответила отрицательно или затруднилась ответить.

Говоря об использовании мордовских языков в сфере образования, 41,6 % опрошенных указали на необходимость обязательного изучения мокшанского и эрзянского языков как учебного предмета в школах республики, а 28,1 % отметили необходимость этого только при наличии соответствующего желания. В то же время на вопрос о необходимости изучения в школах мокшанского языка мордвой-эрзей и эрзянского языка мордвой-мокшей утвердительно ответили лишь 24,7 % опрошенных. Несмотря на подчеркиваемое отсутствие такой необходимости, разными мокшанский и эрзянский языки признают 73,8 % опрошенных. В связи с этим 59,1 % респондентов не считают необходимым создание единого мордовского языка, а 31,2 % затруднились ответить. При этом в случае обращения с вопросом на мокшанском языке ответ на эрзянском предпочтут дать 8,5 % опрошенных, а при обращении на эрзянском языке ответят на мокшанском 6,3 % респондентов (см. табл. 8, 9).

46 % респондентов считают, что в Республике Мордовия необходимо создавать условия для получения дошкольного и общего образования на родном языке. Сопоставимая часть опрошенных людей (44,7 %) воспользовалась бы такой возможностью для своих детей. Что касается получения профессионального образования на мокшанском или эрзянском языке, то более половины респондентов (52,5 %) не видят необходимости в предоставлении жителям республики такой возможности. Исходя из этого, лишь 16,9 % опрошенных воспользовались бы возможностью получить профессиональное образование на мокшанском или эрзянском языке сами, и 17,0 % предоставили бы такую возможность своим детям.

Обращаясь к ответам, полученным на вопросы, которые раскрывают особенности языковой ситуации в Республике Мордовия и проводимой в связи с этим языковой политики, следует отметить, что 57,8 % респондентов считают, что в целом в регионе в большей или меньшей степени уделяется внимание сохранению мордовских

(мокшанского и эрзянского) языков. При этом, говоря о распространенности мордовских языков, более 65,0 % опрошенных людей указали, что стали слышать мордовскую речь в общественных местах часто или значительно чаще, чем ранее.

Таким образом, в сложившихся условиях представляется необходимым продолжение политики, направленной на дальнейшее развитие мокшанского и эрзянского языков, совершенствование их нормативной базы, расширение функционального потенциала в среде производственного и внутринационального общения. Важно при этом обратить пристальное внимание и на активизацию письменной формы общения на мордовских языках.

Поступила 29.01.2012 г.

УДК 811.511.152.1'35

М. В. Мосин
M. V. Mosin

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭРЗЯНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

FROM THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ERZYA ORTHOGRAPHY

Ключевые слова: орфография, литературный язык, правило, орфографический словарь, морфологический принцип.

В статье рассматривается процесс совершенствования орфографии эрзянского литературного языка и утверждения морфологического принципа правописания. Дается описание орфографических словарей, опубликованных в разное время.

Key words: orthography, literary language, rule, spelling dictionary, morphological principle.

The process of improving the orthography of the Erzya literary language and the adoption of the morphological principle of spelling is considered in the article. A description of spelling dictionaries, published at different times, is given as well.

А. П. Феоктистов, исследовавший процессы формирования мордовских письменно-литературных языков, отмечал, что в результате многолетних поисков в архивах и отделах редкой книги библиотек нашей страны, а также Венгрии и Финляндии ему «удалось установить наличие довольно большого количества мордовских рукописей, а также старопечатных книг, в которых имеются текстовые и словарные материалы на различных диалектах мордовских языков»¹. Диалектный характер носили также тексты первых газет, издаваемых в 20-е гг. XX в. на эрзянском языке («Чинь стямо» — «Восход солнца», «Якстере сокиця» — «Красный пахарь» и «Якстере теште» — «Красная звезда»). Каждый элементарно грамотный писал на том

говоре или диалекте, на котором говорил он сам и окружающие его. В названных газетах наряду с вопросами организации обучения, его обеспечения учебно-методической литературой и изучения родного языка освещалось общественное мнение о выборе и совершенствовании языка. Так, в 1922 г. в статье «Эрзянь-мокшонь эсь кельца сёрмадуманть кувалма» («По поводу письма на эрзянско-мокшанском языке») известный этнограф М. Т. Маркелов первым поставил вопрос о создании литературного языка: «...минень ней уле вйяке покш тьявь: эряве пуромомо вйяке таркас кажный губерниясто и думамс, кода тьяме миньдянинь вйяке кель, конань эйса минь кармалининь и сермадума и думама — вя валцо меремс — миндяникь эряве тьяме сермадума кель, конанинь рузкс мерсть „литературный кель“»² («...у нас теперь имеется одно большое дело: нужно собраться в одно место из каждой губернии и подумать, как сделать нам один язык, на котором мы начали бы и писать и думать — одним словом — нам нужно сделать письменный язык, который по-русски назвали „литературный язык“»).

Некоторую определенность в решение вопроса о выборе диалектной основы мордовских языков внесло Всемордовское собрание учителей, состоявшееся в 1924 г., где по предложению М. Е. Евсевьева в качестве основы эрзянского литературного языка были рекомендованы ардатовские и алатырские говоры. Ф. М. Чесноков писал по поводу этого собрания следующее: «Минек эрямо пингева эщо арасель вейкеяк истямо промкс. Те промксонтень пурнавкшность учительть покш темень тееме, сынь арсесть (думасть), кода седе курук ладямс парсте тонавтума темень эрзя-мокшо ютксо. Тевесь покш ды эрявикс»³ («В наш век еще не было ни одного такого собрания. На это собрание собрались учителя для большого дела, они думали, как можно быстрее поставить на хорошую основу образование среди эрзян и мокшан. Дело большое и нужное»).

Несмотря на ряд мероприятий (совещания, конференции, съезды) и выработанных на них теоретических обоснований, во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. выбор диалектной основы мордовских языков оставался предварительным. Вследствие этого данный вопрос обсуждался на четырех языковых конференциях, состоявшихся с марта 1933 г. по апрель 1938 г. Основными проблемами, выдвинутыми и рассмотренными на них, были: окончательное определение диалектов, положенных в основу эрзянского и мокшанского литературных языков; выработка норм их орфографии; создание терминологической и грамматической систем мордовских языков⁴. Содержание стенограмм и решения языковых конференций были неоднозначными, предлагались разные способы создания литературных норм эрзянского и мокшанского языков. По многим вопросам мнения не только существенно расходились, но и нередко были противоположными.

Как известно, уже на первой языковой конференции, где рассматривались вопросы орфографии мордовских языков, А. П. Рябов выступил как автор и принципиальный сторонник неизменяемости основы слова. По его мнению, «одним их спецификумов эрзянской (в частности морфологической) системы, характерной особенностью ее словоизменительных рядов, является неизменяемость основы. Эту особенность мы берем за основу, за исходный пункт при построении эрзянской орфографии. Неизменяемость основы в словоизменительном ряде по отношению к именам может быть доказана и проиллюстрирована бесконечным количеством примеров»⁵. В результате разразившейся дискуссии позиция А. П. Рябова была принята частично,

в отдельных случаях был сохранен фонетический принцип правописания. Вместе с тем позиция А. П. Рябова нашла подтверждение при разработке правил современной орфографии, на посвященных этому вопросу конференциях 1938, 1955, 1993 и 2008 гг., а также в орфографических словарях (1939, 1955, 1978).

В 1937 г. в постановлении ЦИК МАССР «Мокшонь дя эрзянь литературной кельтнень (орфографиянь, терминологиянь ды грамматической системанть) строительствань практикадонть» («О практике строительства мокшанского и эрзянского литературных языков (орфографии, терминологии и грамматической системы)») предложения А. П. Рябова и его сторонников по вопросам орфографии, терминологии и грамматической системы, рассмотренные на трех языковых конференциях (1933 — 1935) были подвергнуты резкой критике, например: «Ловомс, што мокшонь ды эрзянь литературной кельтнень строительствань практикасонть вредительской тев кода терминологиянь коряс, истя жо орфографиянь коряскак, кона аштесь:

а) овси а чарькодевикс, явна националистической терминтнэнь теemasонть...

б) 1935 ды 1936 иетнестэ МАССР-нь Наркомпросонть ёндо мокшонь келенть коряс орфографиянь зяряя правилатнень теemasонть...»⁶

(«Считать, что в практике строительства мокшанского и эрзянского литературного языков было вредительское дело как по терминологии, так и по орфографии, которое заключалось в следующем:

а) совсем необъяснимое создание явно националистических терминов...

б) в 1935 и 1936 годы со стороны Наркомпроса МАССР в создании нескольких правил по орфографии мокшанского языка...»).

В 1938 г. состоялась четвертая языковая конференция. В предисловии материалов данной конференции было отмечено, что «она [конференция] нанесла сокрушительный удар по буржуазно-националистической „теоретике“ о неизменности основы в эрзя и мокша языках»⁷. Участники конференции при разработке орфографии падежных окончаний, правописании личных окончаний глагола и суффиксов сказуемости неглагола придерживались морфолого-фонетического принципа, приближающего орфографию мордовских языков к орфографии русского. Были приняты следующие новые решения в области эрзянской орфографии:

— во всех случаях слова, типа **вень перть** ‘ночью, в течение всей ночи’, **телен перть** ‘зимой, всю зиму’ принято писать отдельно;

— переход звонких согласных в глухие и наоборот признать только при словообразовании, например: **недь** ‘ручка’ > **нетькс** ‘стебель’, но **недькс** ‘за ручку’, **виздемс** ‘стесняться, стыдиться’ > **виськс** ‘стыд’, но **виздсть** ‘стыдились (они)’ и т. д.;

— выпадение конечных звуков **о** и **е** во всех словах определенного типа при словообразовании, а также конечного **н** существительных при образовании множественного числа отразить в орфографии, например: **очко** ‘корыто’ > **очкт** ‘корыта’, **ломань** ‘человек’ > **ломать** ‘люди’ и т. д.;

— при письме большинства русских заимствований придерживаться написания их основ в орфографии русского языка, например: **книга**, **социализма** и т. д. Исключение составляют только те слова, в которых произошли фонетические изменения, например: **бык** — **бука**, **калач** — **калаця**⁸.

В дальнейшем практика и научное осмысление многих решений показали, что не все проблемы мордовских языков были разрешены на четвертой языковой конференции. Однако следует отметить, что до 1993 г. орфографическая система эрзянского

литературного языка основывалась на фонетико-морфологическом принципе, принятом на языковой конференции 1938 г. На наш взгляд, эти правила были несовершенными. Использующие литературный язык были вынуждены в одних и тех же случаях применять противоречащие правила, заключающиеся в выборе фонетического или морфологического принципа. Так, по этим правилам до 1995 г. в глагольных формах словоизменения использовался морфологический принцип, а при словообразовании — фонетический, например: **сёрмадомс** 'писать' — **сёрмадсь** 'он писал', **нельземс** 'отнять, вырвать' — **нельсь** 'отнимал, вырывал', но **сёрмац-томс** 'подписаться', **нельксемс** 'отнимать, вырывать'; в именах существительных, оканчивающихся на сочетания **-до, -то, -де, -те, -го, -ко, -ге, -ке**, а также в отдельных словах на **-ме, -мо, -не** гласный звук основы опускался только в формах номинатива множественного числа, инессива, элатива и иллатива единственного числа, в остальных падежах сохранялся.

Учитывая двойственный подход к отмеченным формам глаголов и имен существительных, орфографическая комиссия в 1993 г. сочла нужным применить во всех этих случаях единый морфологический принцип, заключающийся в сохранении целостности основы слова, и с 1995 г. он был введен в правописание⁹. Таким образом, предложение А. П. Рябова относительно сохранения основы при создании эрзянской орфографии было введено в действие ровно через 60 лет.

В 1939 г. был издан орфографический словарь¹⁰, ставший первым лексикографическим справочником, в котором была упорядочена лексика эрзянского литературного языка. В предисловии впервые в мордовском языкознании были даны разработанные правила орфографии. Словарь включает 19 500 слов и словоформ, из которых 12 341 (69,5 %) — собственно эрзянские, 7 159 слов (30,5 %) — заимствования из русского языка или через него — интернационализмы. Причинами такого соотношения, на наш взгляд, явились следующие факторы: во-первых, исконная эрзянская лексика оставалась не выявленной из фольклорных или малодоступных религиозных источников; во-вторых, в эрзянский язык, как и в языки других малочисленных народов, хлынули заимствования из русского языка.

Через 16 лет согласно решению научной сессии по вопросам мордовского языкознания 1952 г. вышел второй орфографический словарь эрзянского литературного языка¹¹. Он мало чем отличался от своего предшественника. В абсолютном большинстве иллюстративный материал был идентичен. Правда, увеличился объем словаря: в него вошло 25 600 слов, из них 16 451 (64,3 %) — собственно эрзянское, 9 149 (35,7 %) — заимствования. Лексическое содержание словарей показывает, что количество заимствований в эрзянском литературном языке увеличилось на 5,2 %. В орфографическом словаре 1955 г. было введено сохранение **н** или **нь** в конце слова перед показателем множественного числа **-т** или **-ть** как в заимствованиях, например: **план** — **плант** 'планы', **район** — **районт** 'районы', так и в собственно эрзянских словах, например: **вакан** 'блюдо' — **вакант** 'блюда', **ломань** 'человек' — **ломанть** 'люди'. Следует отметить, что это условие не было оформлено в виде правила, а содержалось в самих словоформах. Согласно морфологическому принципу, в глаголах вместо вариантов **-гано, -тяно / -дано, -дяно** для 1-го лица множественного числа признавались только **-гано, -тяно**, для второго лица — **-тадо, -тядо**, например: **ловномс** 'читать' — **ловнотано** 'читаем', **ловнотадо** 'читаете'; **меремс** 'сказать' — **мертяно** 'скажем', **мертядо** 'скажете'.

В 1978 г. увидел свет очередной орфографический словарь эрзянского литературного языка¹². Он содержит 33 600 слов: из них 25 146 (74,8 %) — собственно эрзянские и 8 454 (25,2 %) — заимствования. По сравнению с первыми изданиями (1939, 1955) в него были внесены следующие изменения: а) увеличено число эрзянских слов и лексикализованных словосочетаний; б) не включены некоторые устаревшие заимствования и их формы; в) более наглядно представлено разграничение лексикализованных словосочетаний и составных слов; г) введены формы, при написании которых допускались ошибки (некоторые падежные формы существительных во множественном числе, формы 3-го лица прошедшего времени, повелительного наклонения и отрицательные формы глаголов).

Следует отметить, что в различных публикациях 1970-х гг. часто встречаются слова, написание которых имеет расхождение с правилами, представленными в орфографическом словаре 1978 г. Так, словосочетания типа **веле пе** 'околица', **ве лув** (нареч.) 'дружно вместе', **икеле пелев** (нареч.) 'вперед', **кедь енкс** 'орудие, средство' пишутся традиционно раздельно, однако встречается и слитное написание: **велепе, велув, икелепелев, кедьенкс**.

На наш взгляд, такая тенденция правописания сложных образований возникла из-за того, что в правилах и в изданных орфографических словарях не представлено их единообразное написание. Приведем пример двойного подхода к орфографии из словаря 1978 г.: **вальмалкс** 'палисадник, место перед домом', но **вальма пря** 'верхняя поперечная планка оконной коробки, карниз'; **вирь баран** (зоол.) 'козодой', **вирь гулька** 'лесной голубь', но **вирьгал** (зоол.) 'язь (рыба)', **вирятякш** 'тетерев' и т. д.

С целью устранения двойственного подхода в орфографии в 2002 г. группа лингвистов МГУ им. Н. П. Огарева опубликовала экспериментальный словарь сложных слов и словосочетаний, в котором в очередной раз была поддержана идея А. П. Рябова о неизменности основы¹³. Для апробации новых предложений по орфографии эрзянского и мокшанского языков в ноябре 2008 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, на которой были внесены изменения в правила орфографии. Они касаются прежде всего установления единого принципа написания в мордовских языках. Этим принципом стал морфологический. С учетом наличия общемордовской основы расширение его действия в мордовских языках является фактором сближения мокшанского и эрзянского языков. Это касается прежде всего написания: 1) слов, образованных с помощью суффиксов: э. **недькс, саразке**; м. **саразкя** (было **сараскя**), **пансемс** (было **панцемс**); 2) слов, образованных с помощью аффиксоидов: э. **килейпуло, инзейпуло, кузтемпе**; м. **кудпря, ярхцампяль**; 3) сложных слов: э. **эйсуро, толпандя**; м. **ведьгьрва, ласькомпачк**. Исключением является правописание сложных числительных в эрзянском языке, которые по новым правилам пишутся по фонетическому принципу, а также правописание некоторых сложных слов, фонетический облик компонентов которых существенно изменился, например: э. **Инерка, калмазырь, пиненьбабст, покштя, одирьва** и др.¹⁴

В правилах, рекомендованных участниками данной конференции, в эрзянской орфографии более четко обозначены критерии разграничения сложных слов и составных терминов, сформированных в экспериментальном словаре сложных слов и словосочетаний. Кроме того, введено новое правило, касающееся правописания суффиксов **-не/-нэ (-тне/-тнэ)** существительных множественного числа указательного склонения. По этим правилам, если слово оканчивается на твердый парный

согласный, пишется суффикс **-тнэ**: **кал — калтнэ, мастор — мастортнэ, верь-гиз — верьгизтнэ, сараз — саразтнэ, тарад — тарадтнэ, прявт — прявттнэ, пикс — пикстнэ** и т. д. В остальных случаях используется суффикс **-тне**: **эйкакш — эйкакштне, кев — кевтне, ош — оштне, пакся — паксятне, пизэ — пизэтне, кудо — кудотне; кедь — кедтне, килей — килейтне; кенкш — кенкштне** и т. д.

Правила орфографии, рассмотренные и рекомендованные на научно-практической конференции 2008 г., утверждены постановлением Правительства Республики Мордовия от 1 ноября 2010 г.¹⁵

Итак, материалы и решения языковедческих конференций и правила, принятые на их основе, свидетельствуют, что история разработки и совершенствования орфографии эрзянского литературного языка шли в сторону расширения и утверждения морфологического принципа правописания.

Библиографические ссылки

- ¹ **Феоктистов А. П.** Истоки мордовской письменности. М., 1968. С. 5.
- ² Якстере сокиця. 1922. № 10.
- ³ Якстере теште. 1924. № 27.
- ⁴ См.: Стенограммы мордовской языковой научной конференции (г. Саранск, 27 марта — 3 апреля 1933 года). Саранск, 1934. 268 с.
- ⁵ Там же. С. 132.
- ⁶ См.: Эрзянь коммуна. 1937. № 217.
- ⁷ Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. Саранск, 1938. С. 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Эрзянь кельсэ сёрмадомань, кортамонь, пунктуациянь лувтне. Саранск, 1995. 63 с.
- ¹⁰ См.: **Сульдин Ф. В., Коляденков М. Н., Тарасов Л. П.** Эрзянь кельень орфографической словарь. М., 1939. 269 с.
- ¹¹ См.: Эрзянь кельень орфографической словарь / сост.: М. Н. Коляденков, П. Г. Балакин. Саранск, 1955. 338 с.
- ¹² См.: Эрзянь кельень орфографической словарь / сост.: Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина. Саранск, 1978. 440 с.
- ¹³ См.: Вейсэ, башка, тешкс вельде : валкс. Саранск, 2002. 143 с.
- ¹⁴ См.: Современные мордовские литературные языки : нормы, проблемы, перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею извест. лингвиста, финно-угроведа, проф. А. П. Феоктистова (г. Саранск, 21 нояб. 2008 г.). Саранск, 2009. 208 с.
- ¹⁵ См.: Изв. Мордовии. 2010. 3 нояб.

Поступила 21.12.2011 г.

УДК 811.511.152.2'367

В. Ф. Рогожина

V. F. Rogozhina

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОКШАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ON SOME FEATURES OF THE MOKSHA SPOKEN LANGUAGE

Ключевые слова: термин, разговорная речь, фонетика, морфология, синтаксис, любая устная речь, бытовая речь, стиль, признак, особенности.

В статье рассматриваются фонетические, морфологические и синтаксические особенности разговорной речи.

Key words: : term, spoken language, phonetics, morphology, syntax, any speech, everyday speech, style, sign, peculiarities.

The article deals with the phonetic, morphological and syntactic features of the spoken language.

Исследованию разговорной речи, языковой и словообразовательной нормы в различных аспектах посвящен целый ряд работ таких авторов, как Т. Г. Винокур¹, О. Б. Сиротинина², О. А. Лаптева³, М. М. Бахтин⁴, Е. А. Земская⁵, Н. И. Жинкин⁶, Е. В. Красильникова⁷. Анализ работ этих авторов позволил сделать вывод о том, что языковые формации, обслуживающие сферу непринужденного общения литературно говорящих жителей города, существуют во всех развитых языках. Между этими языковыми формациями имеется известная и довольно значительная общность, которая определяется экстралингвистическими условиями их функционирования, прежде всего такими факторами, как непринужденность, неподготовленность и тесная связь с контекстом и устной формой, что позволяет говорить об универсальных характеристиках разговорной речи в разных языках.

В современной лингвистической литературе термин «разговорная речь» трактуют по-разному. Основные объекты, которые им называют, следующие: 1) любая речь, проявляющаяся в устной форме (научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие и территориальные диалекты); 2) любая устная речь городского населения; 3) бытовая речь городского и сельского населения; 4) непринужденная речь носителей литературного языка.

Разговорная речь представляет собой стилистически однородную, обособленную функциональную систему. Она характеризуется следующими условиями функционирования: отсутствие предварительного обдумывания высказывания и связанное с этим отсутствие предварительного отбора языкового материала; непосредственность речевого общения между его участниками; непринужденность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях между ними и в самом характере высказывания. Разговорная речь — особая функциональная разновидность литературного языка. Если язык художественной литературы и функциональные

стили имеют единую кодифицированную основу, то разговорная речь противопоставляется им как некодифицированная сфера общения. Кодификация — это фиксация в разного рода словарях и грамматике тех норм и правил, которые должны соблюдаться при создании текстов кодифицированных функциональных разновидностей. Нормы и правила разговорного общения не фиксируются. Например:

- *Тон виденц Якстерь Полянень районцта?* («Ты из района Красная Поляна?»)
- *Станя, кода сёрматф...* («Так, как написано...»)
- *А маштат карень кодама?* («А умеешь лапти плести?»)
- *А кода мле! Алязе тонафтмань* («А как же? Папа научил»).

Разговорной речи свойственна экспрессивность как в лексическом плане, так и в синтаксическом. Например, отрицательный ответ на вопрос *Кенерьхтяма поезди?* («Успеем к поезду?») чаще всего оформляется следующими вариантами: *Коса кенерьхтяма?* («Где там успеем!»), *Коса тоса кенерьхтяма?* («Куда там успеем!»), *Кодама тоса кенерьхтяма* («Какое там успеем!») и весьма редко — *Аф, аф кенерьхтяма* («Нет, мы не успеем»).

Л. В. Щерба называл разговорную речь кузницей, в которой куются словесные новшества, со временем входящие во всеобщее употребление⁸. Таким образом происходит обогащение книжного стиля новыми словами, оборотами и конструкциями.

Взаимодействие разговорной речи и книжного стиля — один из главных процессов развития мокшанского литературного языка. Разговорная речь как особая функциональная разновидность языка и соответственно особый объект лингвистического исследования характеризуется тремя экстралингвистическими, внешними по отношению к языку, признаками. Первый и основной признак разговорной речи — ее неподготовленность. Спонтанное создание разговорного текста объясняет, почему ни лингвисты, ни тем более просто носители языка не замечали его больших отличий от кодифицированных текстов: языковые разговорные особенности не осознаются, не фиксируются сознанием в отличие от кодифицированных языковых показателей. Второй отличительный признак разговорной речи состоит в том, что разговорное общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими. Наконец, третий признак может реализоваться только при непосредственном участии говорящих. В коммуникации это очевидно не только при диалогическом общении, но и в случае, когда говорит в основном один из собеседников, а другой, в отличие от условий реализации монологической официальной речи, постоянно «вмешивается» в коммуникацию, соглашаясь или не соглашаясь со сказанным в форме реплик: **да**, **конешна** «конечно», **цебярь** «хорошо», **аф** «нет», **ну тя** «ну это», **станя** «так» либо просто демонстрируя свое участие в коммуникации посредством междометий типа **аха**, **ахать** «ага, угу», реальное звучание которых трудно передать на письме.

Особую роль в разговорном общении играет прагматический фактор — условия общения, которые включают определенные, влияющие на языковую структуру коммуникации характеристики адресанта (говорящий, пишущий), адресата (слушающий, читающий) и ситуации. Разговорное неофициальное общение с непосредственным участием говорящих осуществляется обычно между хорошо знающими друг друга людьми в конкретной ситуации и соответственно имеющими определенный общий запас знаний, называемых фоновыми. Именно фоновые знания позволяют строить в разговорном общении такие редуцированные высказывания,

которые вне этих фоновых знаний совершенно непонятны. Например: родные знают, что вы пошли на собеседование по поводу работы, и волнуются за вас; вернувшись после собеседования домой, вы можете сказать одно слово: *сявомазь* («Они меня приняли») — и всем все будет предельно ясно. Такое же влияние на языковое оформление разговорного высказывания может оказывать ситуация.

Спонтанность разговорной речи и ее отличия от кодифицированной речи ведут к тому, что зафиксированные на письме разговорные тексты воспринимаются носителями языка как речевая небрежность или ошибка. Это происходит именно потому, что разговорная речь оценивается с позиций кодифицированных предписаний. На самом же деле она имеет свои особенности, которые не могут и не должны оцениваться как ненормативные. Разговорные особенности регулярно и последовательно проявляют себя в речи носителей языка, которые безупречно владеют кодифицированными нормами и функциональными разновидностями литературного языка. Исходя из вышесказанного следует, что разговорная речь — одна из полноправных литературных разновидностей языка.

Что же такое мокшанская разговорная норма? Нормой в разговорной речи признается то, что постоянно употребляется в речи носителей литературного языка и не осознается при спонтанном восприятии речи как ошибка, т. е. не режет слуха. Например, в мокшанской разговорной речи часто встречается произношение **козы** (вместо кодифицированного **коза** «куда») и это является орфоэпической разговорной нормой. В разговорной речи более чем обычно особая морфологическая форма обращения — удлинённый именительный падеж личных имен, иногда с повтором, например: **Валугай, Валугай-а-Валугай**. В некоторых случаях вместо суффикса **-гай** используется суффикс **-ч**: **Танеч-а-Танеч**. Это морфологическая разговорная норма. В разговорной речи именительный падеж существительного последовательно употребляется там, где в кодифицированных текстах возможен только косвенный падеж, например: *Университетсь / кода пачкодемс?* («Университет / как доехать?») вместо «*Кода пачкодемс университету?*» («Как доехать до университета?»). Это синтаксическая разговорная норма. Таким образом, разговорная речь — это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения.

Языковые особенности разговорной речи столь существенны, что породили гипотезу, согласно которой в ее основе лежит особая система, не сводимая к системе кодифицированного языка и не выводимая из нее. Поэтому во многих исследованиях разговорную речь называют разговорным языком. Эту гипотезу можно принимать или не принимать. Во всех случаях верным остается то, что мокшанская разговорная речь по сравнению с кодифицированным языком имеет свои особенности. Рассмотрим основные из них.

Фонетика. В мокшанской разговорной речи, особенно при быстром темпе произношения, возможна более сильная, чем в кодифицированном языке, редукция гласных звуков, вплоть до полного их выпадения. Редукция гласных — это наиболее частая разговорная деформация звуков. Редуцированные гласные в мокшанской речи встречаются в безударных слогах. Звуки, произносимые в первом предупредительном слоге, рассматриваются как звуки полного образования, другие — как редуцированные, например: **про[въл]ка** — проволока, **[фтакартъчкат]** — фотокарточка; **ушьдъмс** — ушедомс.

В области согласных в мокшанской разговорной речи выделяются следующие особенности: 1) упрощение групп согласных, например: [студ'энка] — студентка; [вас'эчн'ьмс] — васетькшнемс «встречаться»; 2) прогрессивная ассимиляция, например: [тун'гуду] — тунь куду «пошла домой»; 3) регрессивная ассимиляция, например: [с'ин'ьм] — сенем «синий» > [с'ин'ьпт'ьмс] — сенептемс «сделать синим»; 4) аффрикатизация, например: [ун джа] — унжа «жук»; [ардзя] — арзя «сундук».

Многие фонетические особенности разговорной речи действуют в совокупности, создавая весьма «экзотический» фонетический облик слов и словосочетаний, особенно частотных, например: [кълан] — кулан; [кълънда] — кизонда; [съвак] — сувак; [ав вис'т' вас'чн'ьс' къламат' маРть] — Аф вестъ васетькшесь куломатъ мархта («Не раз встречался со смертью»).

В мокшанской разговорной речи глухой заднеязычный щелевой **х** отсутствует, на месте этой фонемы произносится глухой **к**, например: **кромой** «хромой».

Морфология. Из всего многообразия имен действия, существовавших когда-то в мордовских языках, качество действия сохранили только имена с **м**-овой суффиксацией. В мокшанском языке формальным отличием их от прочих имен служит словообразовательный суффикс **-ма**. Мордовским **м**-овым именам действия в русском языке соответствуют отглагольные существительные на **-ание, -ение, -нье (анье, -енье), -ство** и др. Однако в русском языке эти формы от многих глаголов не образуются. В русском языке нет таких имен, которые обозначали бы кладение, плакание, кричание и т. д. В современном мокшанском языке это типичное явление.

По семантике **м**-овые имена действия в мокшанском языке делятся на пять групп:

1. **М**-овые имена действия, обозначающие процесс действия, например: имена действия в номинативе определенного склонения единственного числа: *Эрямась* — *аф пнякуд ингольге шаромась*⁹ («Жить — это не печку топить»).

2. Имена действия, обозначающие названия физических и психических состояний, действий и других проявлений деятельности человеческого организма. В мокшанской разговорной речи встречаются случаи, когда имена действия снабжены лично-притяжательными суффиксами: а) лично-притяжательным суффиксом **-зе**, например: *Аськолян тяфта и сяшкава сась симомазе*¹⁰ («Иду, и так захотелось пить (букв.: питье мое пришло)»); б) лично-притяжательным суффиксом **-зе** + усиленная частица **-вок**, например: *Эряфсь, маряк, мезьге ни аф кази. Най кирашкт, най кизефкт — Кода? Ков? Сяда ламос аяш учемиказевок*¹¹ («Жизнь, наверное, ничего уже не подарит. Всегда одни только пути-перепутья, всегда вопросы — Как? Куда? Больше нет никаких сил ждать (букв.: моих ожиданий)»); в) лично-притяжательным суффиксом **-це**, например: *Ломань обжат — удомаце явай* [Азыркина, с. 106] («Обидишь человека — сон (букв.: твой сон потеряется) свой потеряешь»); г) лично-притяжательным суффиксом — **ц**, например: *Кода ита сатнесь кирдемикац*¹² («Как же ему хватало терпенья?»).

3. Имена действия на **-ма**, обозначающие средство или орудие действия, например: *Вятемась аф кодама ульсь, сьсы тевсь осалонди лиссь*¹³ («Уздечка была не очень хорошая, поэтому и дело обернулось так»).

4. Имена действия на **-ма**, существительные названия места, например: *Ши валгомась якстергодсь* («Закат побагровел»).

5. Имена действия, обозначающие время суток, например: *Стирня, стирня — якстерня. Акша иляназонь таргаиня. Таргась, таргась изь таргав, шоподемась*

*самозе*¹⁴ («Девушка — красавица. Белый лен ты вытаскиваешь. Белый лен вытаскивала, темнота ее застала»).

В мокшанской разговорной речи крайне редко встречаются причастные и деепричастные обороты. Они характеризуются как сугубо книжные. В устной речи возможны причастия или деепричастия, выполняющие функции обычных прилагательных или наречий, например: **Содай ломатть** «знающие люди», **корхтай апак арьсек** «говорит не задумываясь». Следует отметить, что отношения, которые в кодифицированном языке передаются деепричастием и деепричастным оборотом, в разговорной речи оформляются совершенно не терпимой в кодифицированном языке конструкцией с двойными неоднородными глаголами, например: *И эсь лацонь шиц ули / ярхцай и мезевок аф урядай туй* («Свои особенности у него есть / покушает и, ничего не убрав, уходит») сравнить кодифицированное — *Туй, мезевок апак урядак* («Уходит, ничего не убрав»).

Синтаксис. В этой части грамматики разговорные особенности проявляют себя наиболее ярко, последовательно и разнообразно. В зависимости от содержания высказывания, ситуации и уровня языкового развития участников речевого общения используемые в разговорной речи синтаксические структуры существенно варьируются: в основном между конкретными преобладающими моделями и характерными чертами литературно-разговорного синтаксиса. Однако они могут приобретать и индивидуальный характер.

Характерные черты разговорного синтаксиса можно обнаружить прежде всего в области связи слов и частей сложного предложения (предикативных конструкций). В кодифицированном языке эти связи обычно выражены союзами и союзными словами. В разговорной речи роль данных синтаксических средств не столь велика. В ней смысловые отношения между словами и предикативными конструкциями могут устанавливаться на основе лексической семантики соединяемых компонентов (например, именительный падеж существительного может употребляться на месте многих косвенных падежей). Языки с явно выраженными синтаксическими связями называются синтетическими; языки, в которых связи между компонентами устанавливаются с опорой на лексико-семантические показатели компонентов, называются аналитическими. Мокшанский язык относится к агглютинативным языкам, однако ему не чужды и некоторые элементы аналитизма. Именно тенденция к аналитизму представляет собой одно из важных отличий разговорного синтаксиса от кодифицированного. Иллюстрациями такой тенденции являются следующие разговорные синтаксические структуры:

1. Высказывания с именительным падежом существительного в тех позициях, в которых в кодифицированном языке может находиться существительное только в косвенных падежах:

— высказывания с существительным в именительном падеже при глаголе. Это существительное часто выделяется интонационно в отдельную синтагму, но вполне типично и без интонационного выделения: *Панарсь тя сатинонь / няфтесть тейне* / («Покажите мне эту сатиновую рубашку»);

— отрицательные эквиваленты бытийных предложений, в которых именительный падеж существительного основного склонения выступает на месте кодифицированного именительного падежа притяжательного склонения, например: *Куярхне улихть?* — *Куярхт аш / ванды кандан* («Огурцы есть — огурцов нет — завтра принесу»);

— высказывания с существительным в именительном падеже в функции определения при другом существительном, например: *Сон пущь куд / эчке пичень* («Он поставил дом из толстой сосны»);

— высказывания с существительным в именительном падеже в функции подлежащего при сказуемых — предикативных наречиях на **-а**, например: *Авбъчкяй крепкай чайсь / вредна* («Слишком крепкий чай — вредно»). Это высказывание не имеет прямого эквивалента в кодифицированном языке, а смысл можно придать следующим образом: «Вредно пить слишком крепкий чай».

2. Высказывания с инфинитивом, обозначающим целевое назначение предмета, названного существительным, например: *Эряви рамамс пеелем / тише лядемс* («Нужно купить косу, траву косить»).

3. Высказывания с разговорными номинациями. В разговорной речи существуют особые способы обозначения предметов, лиц и т. д., т. е. особые способы номинации. К ним относятся следующие: относительное местоимение + инфинитив, например: *Ули мезе щамс?* («Есть что надеть?»); местоимение + глагол в личной форме, например: *Эй, кие тоса ули живой, тинь васьфтеда инжи!*¹⁵ («Эй, кто есть там живой, встречайте гостей»). В разговорной речи номинации такого типа без каких-либо специальных синтаксических средств включаются в высказывание в роли любого, присущего номинации-существительному члена предложения, например: *Дай тейне ков пущомс (марамс)* («Дай мне куда положить»). В кодифицированном языке такие номинации могут функционировать не на аналитической, а только на синтетической основе, оформляясь специальными синтаксическими средствами, например: *Макст тейне кодамовок кяскав, штоба марамс модамарьхть* («Дай мне какой-нибудь мешок, чтобы насыпать картофель»).

4. Высказывания в форме бессоюзного сложного предложения. В сложном предложении устанавливаются определенные смысловые отношения между составляющими этого предложения — предикативными конструкциями. В союзном сложном предложении эти отношения выражаются специальными синтаксическими средствами (сочинительными или подчинительными союзами или союзными словами), например: *Суван лавкав, штоба рамамс киши* («Зайду в магазин, чтобы купить хлеб»). В бессоюзном сложном предложении эти отношения устанавливаются на основе лексико-семантического содержания соединяемых предикативных конструкций: *Зайду в магазин / хлеб мне нужен*, где причиненные отношения нам становятся понятны из семантики слов **магазин** — место, где продают продукты, и **хлеб** — один из продуктов. Таким образом, разговорная речь является основной сферой употребления бессоюзных сложных предложений.

Кроме аналитических конструкций «синтаксическое лицо» разговорной речи во многом определяет то, что в традиционных грамматиках называется неполными предложениями. Такие предложения характерны для разговорной речи, например:

— *Мес ламос? — кизефтезе мирденц* («Почему долго? — спрашивает мужа?»).

— *Тячи урокта ламоль* («Сегодня уроков было много»).

— *Кодама урокт?* («Каких уроков?»)

— *Литература, физика, история....* («Литература, физика, история...»).

Существует мнение о том, что в разговорной речи вообще нет полных предложений.

Наконец, еще один ряд синтаксических особенностей разговорной речи — это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении наиболее важных для понимания его смысла компонентов. Для этих целей используются:

— особый разговорный порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами, например: *Равжа рамак / пожалуйста / крем кямонди* / («Черный купи, пожалуйста, крем для сапог»);

— специальные слова — актуализаторы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы), например: *Мезьса каземазь / ся монне* («Чем наградили, то мое»); *Сон кизонда / аф / пялонк сай* («Он летом — нет — к нам придет?»);

— повтор актуальных компонентов, например: *Минь ванды тутама вели / Ванды* («Мы завтра поедем в деревню. Завтра»);

— использование различных по значению вводных слов и словосочетаний, например: *Да. Киза и кафтошка ков, матри, аф сатни ?* [Пьянзин, с. 49] («Да. Одного года и приблизительно двух месяцев, наверное, не хватает?»). В данном предложении разговорное вводное слово *матри* синонимично литературному вводному слову *улема* «наверное»;

— использование присоединительных конструкций, представляющих собой дополнительное высказывание, возникшее после того, как основное высказывание было уже сформулировано, например: *Главнайсь вов мезе: Пинтюшкинонь колга предложениять мон сембе сяка лувса. Вандыкизя... А пади, омботь... Выходной-ста*¹⁶ («Главное вот что: предложение о Пинтюшкине я все равно прочитаю. Завтра же... А может быть, послезавтра... В выходной»).

Итак, характерными особенностями литературно-разговорного синтаксиса мокшанского языка являются преимущественное использование формы диалога; преобладание простых предложений среди сложных (чаще используются сложносочиненные и бессоюзные); широкое использование вопросительных и восклицательных предложений; употребление слов-предложений (утвердительных, отрицательных, побудительных и др.); использование в широком масштабе неполных предложений (в диалоге), различных по значению вводных слов и словосочетаний, а также присоединительных конструкций, представляющих собой дополнительное высказывание, возникшее после того как основное было уже сформулировано.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Винокур Т. Г.** Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968. 231 с.

² См.: **Сиротинина О. Б.** Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974. 144 с.

³ См.: **Лаптева О. А.** Русский разговорный синтаксис. М., 1976. 399 с.

⁴ См.: **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

⁵ См.: **Земская Е. А.** Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 239 с.

⁶ См.: **Жинкин Н. И.** Речь как проводник информации. М., 1982. 159 с.

⁷ См.: **Красильникова Е. В.** Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990. 123 с.

⁸ См.: **Щерба Л. В.** Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 188 с.

⁹ См.: Мордовские пословицы и загадки. Саранск, 1959. С. 47.

¹⁰ **Моисеев М. С.** Атёкшень шонгарям : юмористическая рассказ и сценкат эстраданди. Саранск, 1984. С. 12.

¹¹ Азыркина Е. Видешиса эрямась пяк стака... // Мокша. 2001. № 8. С. 105. Далее ссылки в тексте: [Азыркина, с.].

¹² Мокшони А. И. Монцень янозе : повесть. Саранск, 1998. С. 74.

¹³ Черапкин И. Г. Мокшень кяль : Лафчста сёрмас содаеньди тонафнема книга. М., 1936. С. 96.

¹⁴ Карпунов Г. Мокшень стирь мельге руз кудат якайхть... // Мокша. 2001. № 8. С. 109.

¹⁵ Пьянзин Ф. Ф. Мук эряфса вастцень : повесть. Саранск, 1986. С. 22. Далее ссылки в тексте: [Пьянзин, с.].

¹⁶ Левин В. Ялга ётка // Мокша. 2009. № 10. С. 134.

Поступила 06.12.2011.

УДК 811.161.1'282.2'37

Т. И. Мочалова

T. I. Mochalova

СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ*

SPECIFIC CHARACTER OF COLOUR TERMS IN RUSSIAN DIALECTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: диалект, цветообозначение, общерусский, лексика, фразеология, языковая картина мира, номинация, семантика.

В статье анализируются способы репрезентации явления цвета в диалектной языковой картине мира. Рассматриваются особенности освоения общерусских цветообозначений в говорах Республики Мордовия.

Key words: dialect, color terms, all-Russian, vocabulary, phraseology, linguistic picture of the world, nomination, semantics.

The methods of representation of the phenomenon of color in the dialect linguistic picture of the world are analyzed in the article. The peculiarities of mastering all-Russian color terms in the dialects of the Republic of Mordovia are considered as well.

В процессе восприятия человеком окружающего мира одним из основных средств познания становится визуальная оценка формы, размера и цвета того или иного предмета. Особую роль при этом играет цветовой признак, который позволяет человеку ориентироваться в мире, сигнализирует об опасности, предупреждает о возможных изменениях в природе, поэтому даже эмоциональные состояния нередко окрашиваются в определенную цветовую гамму. Цветонаименования составляют своеобразную группу в лексической системе любого языка, поскольку «слова со значением цвета характеризуются изменчивостью своей семантики, ее необыкновенной емкостью,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Республики Мордовия и РГНФ (№ 11-14-13003 а/В).

способностью к абстрагированию и развитию символических оттенков (метафорический регистр)»¹.

Формирование корпуса колористической лексики в русском языке осуществляется с древних времен, на изменения ее состава и структурно-семантических признаков оказали влияние не только языковые факторы, но и культурно-исторические события, религиозные и мифологические представления этноса. Как отмечают исследователи, если в древне-русском искусстве и языке различались только основные тона: белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый и некоторые оттенки синего («зекрый») и желтого («плавый»), а также некоторые смешанные цвета (сизый, серый, рыжий), то в дальнейшем количество зафиксированных цветообозначений увеличилось². С. В. Кезина подчеркивает, что «цветовая лексика русского языка, как и любого другого, представляет собой закодированную на семантическом уровне информацию об эволюции цветового видения»³.

В диалектном социуме цветовой признак является одним из основных в восприятии и оценке предметов окружающего мира, что проявляется в обилии и разнообразии цветоименований. Рассмотрим своеобразие системы цветообозначений в русских говорах Республики Мордовия⁴.

В исследуемых говорах функционируют общенародные названия цветов и оттенков со свойственными им значениями (**белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый, коричневый, сизый, серый, рыжий** и др.). Кроме того, в диалектной среде общенародные слова могут развивать новые смысловые оттенки, у них появляются территориальные эквиваленты — собственно диалектные слова. Так, для номинации белого цвета и его оттенков, кроме общерусского прилагательного **белый**, в говорах Мордовии употребляются различные образования: **молодичевый, молочновый** ‘молочного цвета’, **белесовый** в 1-м значении ‘беловатый’, **кипельный** в 1-м значении, **кипелевый, кипневый** ‘очень белый’, например: *Ни знаш, какой кипиливый? Белый-белый. Вот рубахкь кипиливь* [с. Енгальчево Дубенского района]. Лексема **кипельный** имеет в говорах еще одно значение — ‘бледный, светлый’, например: *Из бальницы вышль — лицо кипильнь былъ, а щас апать румянь сталь* [с. Паньжа Ковылкинского района]. Следует отметить, что в художественной литературе прилагательное **кипельный** достаточно часто встречается со значением ‘чисто-белый с голубым оттенком’, например: кипельные облака, кипельно-белые весенние сады, кипельные простыни и т. д.⁵

Прилагательное **красный**, кроме традиционного названия цвета, может обозначать в говорах ‘очень хороший, добротный’, например: *Дом красный таперь у ей* [с. Селищи Краснослободского района]. В «Словаре русских говоров» зафиксировано также субстантивированное прилагательное **красное**, называющее ткань фабричного изготовления и одежду из этой ткани. В семантическое поле красного цвета входят такие наименования оттенков, как ‘ярко-красный, цвета кумача’, например: **кумачный, огняный** в 3-м значении: *Зайдёт в лес — полянки-ть фсе кумасныи от ягът* [с. Тарханово Ичалковского района]. К этой цветовой гамме примыкает и розовый цвет, считающийся светло-красным. Любопытно, что в говорах для его обозначения употребляются лексемы **кукшоный** и **кашемифовый**. Если прилагательное **кукшоный** является собственно лексическим диалектизмом и имеет непроемный характер, то лексема **кашемифовый** представляет собой семантическое преобразование общенародного слова, ср.: **кашемифовый**

‘сделанный из кашемира, т. е. тонкой шерстяной или полушерстяной ткани’⁶. В говорах же это прилагательное называет цвет предмета, а не материал, из которого он изготовлен: *У ней мулины фсякѣй полно: и жолтѣй, и краснѣй, и кѣшмирѣ-вѣй, толькѣ вышивай* [с. Ведянцы Ичалковского района].

Общерусское прилагательное **коричневый** претерпевает в диалектной среде фонетическую трансформацию: наблюдается мена шипящих согласных звуков [ч] и [ш] и утрата согласного [н'] — **кориѣшевый**. Никаких изменений в семантике слова при этом не наблюдается, например: *На празник каришѣвый платок надену, он у миня наряднѣй, с кистями* [с. Ишейки Темниковского района].

Кроме традиционного цветообозначения **синий**, в говорах зафиксированы следующие наименования, относящиеся к этой цветовой гамме: **небесновый**, **поднебесовый** ‘светло-голубой’, **сининаѣ** ‘синева’, **сизоѣвый** ‘темно-синий’, например: *Мне бы пѣтемней какой платок-ѣт, небеснѣвѣй-тѣ больнѣ моркѣй* [с. Суподеевка Ардатовского района].

Прилагательное **черный**, наряду с обозначением цвета, может приобретать концептуальное символическое значение, употребляться для оценки различных явлений и состояний человека. С черным цветом в сознании диалектоносителей ассоциируются болезни, тяжелое физическое или психическое состояние, поэтому можно говорить, что прилагательное **черный** в переносном употреблении входит в состав сложных слов (**чернонемошный** ‘больной эпилепсией’) и фразеологических единиц (♦ **кидѣть в черную нѣмочь** ‘о тяжелом физическом и душевном состоянии’; ♦ **черное челѣ** ‘синяк’; ♦ **черная нѣмочь** ‘болезнь эпилепсия’), например: *Чорнѣ немѣч — это болезнь така. Нѣчынаѣцѣ приступ, чѣловеѣ ломат, он ничавѣ не помнит. Так хлышчѣт чѣловеѣ, дѣ пѣтолѣка пѣдымат* [Там же]. Нездоровый, болезненный внешний вид человека соотносится также с зеленым цветом, что можно увидеть на примере фразеосочетания ♦ **стать зеленѣй дѣрева** ‘очень похудеть’, например: *Што с ней случилось, сталѣ зилиней дѣрева* [с. Ожга 1-я Старошайговского района].

В диалектном социуме в черной цветовой гамме воспринимается также состояние нищеты, крайней нужды (♦ **жить по-чѣрному** ‘нуждаться, бедствовать’), а также злоупотребление спиртным (♦ **пить по-черному** ‘пьянствовать’). Светлые тона в ментальном пространстве носителей диалекта, напротив, соотносятся с положительными качествами какого-либо предмета или явления, ср.: ♦ **как в светлицѣ** ‘тщательно, до блеска (вымыть, вычистить)’, ♦ **светлѣе кочергиѣ** ‘лучше всех’.

Прилагательное **черный** встречается в составе фразеологической единицы, обозначающей временные отрезки: ♦ **чѣрные сумиѣрки** ‘поздний вечер’. Однокоренное прилагательное **чернильный** как компонент фразеосочетания ♦ **чернислѣный квас** употребляется для наименования черной краски, изготовленной из коры ольхи, например: *Тады такой кушын был, туды нѣливали из муки квас, мелѣ ламали кару и тяжолую жылеску пушшали туды, зѣпчатывали крепѣ и ставили на пич ф темнѣ местѣ. Анасля кипитили, чырнильный квас пѣлучалси, и зипун чырнили* [с. Никольское Торбеевского района].

Кроме того, прилагательное **черный** имеет в частной диалектной системе эквивалент **смолянойѣ** со значением ‘черный, жирный’ и используется для качественной характеристики земли, например: *Зимля у нас тут смѣляная, дѣ работѣтъ некѣму* [с. Горяйновка Октябрьского района г. Саранска РМ]. Лексема **смоляной** употребляется и в общенародном языке, например со значением ‘черный и блестящий

(о волосах)⁷. В говорах прилагательное **смоляной** встречается и в составе фразеосочетания **♦ смоляной тебе!**, употребляющегося в качестве пожелания плохого, недоброго: *А смьяной тебе за едьки праделки!* [с. Новоямская Слобода Ельнинского района].

Цветообозначение **серый** зафиксировано в составе лишь одного устойчивого оборота: > *сѣрое мыѣто* 'хозяйственное мыло'.

К группе цветообозначений примыкают слова, характеризующие особенности окраски того или иного предмета, однородную или пеструю расцветку. Здесь можно выделить следующие наименования:

1) **светной** 'цветной, окрашенный'. В фонетическом облике которого отразились результаты отсутствия в говорах аффрикаты [ц]: *Бель билье ат святновѣ асобѣ пѣлажы* [с. Кочелаево Ковылкинского района];

2) **перепелесенький** и **перепелесый** 'пестрый, разноцветный'. Можно предположить, что по своему происхождению эти языковые единицы связаны с наименованием птицы — перепела, который сверху окрашен в желтовато-бурый цвет с многочисленными темными и светлыми пестринками. Относительным синонимом является прилагательное **разношефстный** ('пестрый, разного цвета (о волосах)'), которое имеет более узкую лексическую сочетаемость, поскольку семантически ограничено, например: *У маей сасетки вольсы рѣзнашѣрсныи: прятъ чернѣя, прятъ жолтѣя, наверхнѣ, модѣ така* [с. Белотроицкий Лямбирского района]. Как видим, сема 'разный цвет' приводит к появлению в диалектной среде у общенародного слова нового лексического значения, ср.: **разношефстный** в 1-м значении 'различающийся по цвету шерсти, с шерстью разного цвета; разномастный'⁸;

3) **цветный** 'яркий (о цвете)' и **нецветный** 'неяркой расцветки (о тканях)'. Прилагательные представляют оппозицию по цветовому признаку и степени его интенсивности. Заметим, что прилагательное **нецветный** имеет менее емкую смысловую структуру, поскольку связано с характеристикой только тканей;

4) **селезневый** 'атласный, с сизым отливом', например: *У Нюрки селизневый платок больнѣ харошый* [с. Булаево Темниковского района]. В основе номинации признака лежит внешнее сходство с птицей, поскольку у селезней окраска головы темно-серая с блестящим зеленым отливом.

Общерусские прилагательные со значением цвета активно включаются в словообразовательный строй русских говоров, что объясняет существование в диалектной системе большого пласта производных слов, называющих предмет или действие по данному признаку. «Лексика этой зоны обладает огромной значимостью для человека и представляет собой легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы»⁹. Так, большая часть наименований явлений и предметов окружающего мира, представителей флоры и фауны в диалектной системе имеет производный характер, прозрачную внутреннюю форму, отражающую оценочный опыт человека. Это связано с тем, что познание мира человеком начинается с освоения непосредственной среды проживания, животного и растительного мира, при этом в их номинации отражается мотивировочный признак, положенный в основу названия реальных мира.

Диалектоносители прежде всего отмечают изменения, происходящие в атмосфере, так как от этого зависит их трудовая и хозяйственная деятельность, выращенный урожай. На базе прилагательного **синий** или производного от него глагола **синить** в

русских говорах Мордовии образуются диалектизмы, называющие явления природы. Здесь можно отметить отглагольные дериваты **засиФивать**, **засиниФь** ‘заволакиваться тучами, облаками’, слово категории состояния **синё** ‘покрыто тучами, облаками’, существительное **синяФк** ‘туча’. В результате лексико-семантического словообразования общенародная лексема **синить** на основе семы ‘делать синим’ приобретает в диалектной среде новое значение ‘заволакиваться тучами’, например: *Синит што-ть, навернь, дощ пальет* [с. Горайновка Октябрьского района г. Саранска РМ].

Для диалектной системы характерно также наименование земли по цветовому признаку. Диалектизм **чернозеФь** ‘чернозем’ образуется аналогично общенародному слову чернозем, но имеет некоторые фонематические отличия (качество ударного гласного и конечного согласного). Прилагательное **черный** употребляется также в составе фразеосочетания, называющего незасаженный участок земли: ♦ **черный пар** ‘земля, которую оставили незасаженной’.

По мнению В. Б. Колосовой, «в качестве причины, лежащей в основе символизации растения и формирования его семиотического статуса, рассматриваются объективные признаки растений: их цвет, запах, вкус, место произрастания, форма отдельных органов и т. д.»¹⁰. Так, в русских говорах Мордовии большую группу составляют наименования грибов, в основу которых положен именно цветовой признак, например: **беляФка** в 1-м значении, **беляФк** ‘пластинчатый белый гриб из семейства груздей’; **чернуФх**, **черныФш** ‘черный груздь’. В смысловой структуре некоторых слов актуализована сема ‘цвет шляпки’: ³**синюФшка**, ¹**синяФвка** в 3-м значении ‘гриб сыроежка с синей или серой шляпкой’; **красавФка**, **красавФчик**, **краснуФха**, **краснуФшка**, **красуФлька**, **краснаФвка** ‘гриб сыроежка с красной шляпкой’. Ф. В. Караулова и Т. И. Ядрова отметили, что «некоторые грибы получили свое название по окраске шляпки. Если гриб с синеватой шляпкой, то он называется **синяФвка**, **синюФшка**. Если же шляпка розовая, то он называется **красавФчик**, **краснуФшка**, **красавФка**»¹¹. Из вышесказанного следует, что общенародные прилагательные **красный**, **синий**, **белый**, **черный** послужили производящей базой для образования подобных слов. Кроме того, здесь встречаются случаи первичной и вторичной мотивации, ср.: **чернуФх**, **черныФш** ‘черный груздь’ и **монаФх**, **монаФшка** ‘пластинчатый черный гриб из семейства груздей, чернушка’. Если в первом случае производные слова образуются непосредственно от прилагательного со значением цвета **черный**, то во втором случае номинация дается по одежде черного цвета, в которую одеты монахи, например: *Монахи — этъ чорныи грузди* [с. Редкодубье Ардатовского района].

Общерусские цветковые прилагательные **белый**, **зеленый**, **красный**, **синий** и **черный** используются также в процессе номинации других реалий растительного мира. Здесь можно выделить несколько групп в зависимости от того, какое прилагательное становится производящей базой. Так, на основе прилагательного **белый** образуются диалектные наименования растений по характерной окраске соцветия: **белоголоФец**, **белоголоФник** ‘растение *Achillea millefolium* L.; тысячелистник обыкновенный’, на это указывает приводимый в «Словаре русских говоров» иллюстративный материал: *Цветет билъгаловиц белым цветом* [с. Михайловское Ковылкинского района].

Зафиксированы многочисленные образования от прилагательного **зеленый**: **зеленка** ‘любая однолетняя культура, которую сеют на корм скоту’, **зеленяФ** ‘всходы

озимых хлебов', **зелепуџа**, **зелепуџи**, **зелепуџка**, **зелепуџок**, **зельнопуџок** 'завязь плодов, овощей, ягод'.

На базе прилагательного **красный** образуются диалектные наименования растения *Amaranthus retroflexus* L. — щирицы колосистой: **краснопер**, **краснокофник**, **красноперка**, примыкает к ним устойчивое сочетание с компонентом **красный** < **красная трава**. Именно цветовой признак лежит в основе номинации данного растения: *Кръснаперкъ долгъ стаит краснѣя. Никак енту къръснаперку ни сломши* [с. Софьино Ельниковского района].

В исследуемых говорах от прилагательного **синий** образуются такие дериваты, как **синюџник**, **синеглаџка**, а также устойчивое сочетание < **синий цветок**, называющие светло-синий полевой цветок василек: *Выйдиш биваль ф поля — адны синигласки, аш глас радуицѣ* [с. Булгаково Кочкуровского района]. Номинация по цвету дается и растению **синесѣльник** 'сирень'.

Черный цвет плода послужил основой для номинации ягоды: **черниџа** 'черника'. С прилагательным **черный** в его прямом или отвлеченном значении по своему образованию связаны и другие диалектные наименования растительного мира: 1) **чернуџка**, **черныџка**, **чернышоџ** 'лук-сеянец и его семена', например: *Нынчы чырнуику полоть буду, чырнуикъ хърошо взошла* [с. Куракино Ардатовского района]; 2) **чернолесџка**, **чернолесѣе** — 'смешанный лес', например: *Липь, клен, бирезь, сасна — чирналесѣим завем* [с. Ожга 2-я Старошайговского района]; 3) **чернобыџь** — 'растение *Artemisia vulgaris* L.; чернобыльник': *Энтѣт чирнабыџь та кой горький, как палынь, яво на веники хърашо* [с. Новая Резеповка Ковылкинского района]. Прилагательное **черный** со значением 'плохой, некачественный, болезненный' используется для образования таких фитонимов, как **черногуџка** 'капуста, пораженная болезнью', **чернотаџ** 'спорынья', например: *Како былъ зирно! А щас адна чирната. Вот уражай! Чирната дѣ и толькъ* [с. Старая Карачиха Ромодановского района].

Общепринятое прилагательное **лазоревый** употребляется со значением 'светло-синий, голубой', в донских говорах обозначает красный цвет¹². В исследуемых нами говорах наблюдается использование слова **лазоревый** для номинации цветов ярко-желтого цвета — 'растения *Trollius europaeus* L.; купальницы европейской'. Так, на базе прилагательного **лазоревый** образуется существительное **лазоџевка**, которое входит в состав фразеологической единицы ♦ **лазореџый цветџк** в 1-м значении. Данное фразеосочетание может употребляться и в качестве ласкового обращения к девочке, девушке, например: *Ах ты, лазоривый цветџок, как жѣ ты вырѣсла!* [с. Новая Александровка Большеигнатовского района]. Цветообозначение в этом случае утрачивается, а на основе потенциальной семы 'яркий, красивый' в говорах формируется новое семиотическое значение.

Особо следует отметить названия ²**пеструџка**, ²**пестряџ** 'растение *Equisetum arvense* L.; хвощ полевой', которые получили наименование из-за пестрой окраски растения: *Пяструиџкъ пално пад беригѣм растет. Када токѣ полѣ вада сайдет, тада ане и палезут* [с. Вичкидеево Теньгушевского района].

В исследуемых говорах встречаются названия представителей фауны, номинация которых диалектоносителями осуществляется по особенностям окраски и масти животного. Зафиксированы следующие подобные наименования: 1) рыб (**красноглаџка** 'рыба красноперка', ²**синяџка** 'небольшая рыбка с синеватой

чешуей'); 2) птиц (¹**пестряк** в 1-м значении 'промысловая птица рябчик'); 3) диких и домашних животных (¹**пестряк** во 2-м значении 'суслик', **рыжонка** в 1-м значении 'корова рыжей масти') и т. д.

Немногочисленную группу составляют слова, характеризующие человека по особенностям внешности и характерным чертам (**белесовый** во 2-м значении 'с очень светлыми волосами, бровями, ресницами', ²**синюха** 'пьяница', **рыжонка** 'веснушка'). Практически утрачена соотнесенность с цветовым прилагательным у существительного **рыжонка** во 2-м переносном значении 'громкоголосая женщина', например: *Этъ **рыжонк** тольк и арет на фсах* [с. Лаврентьево Темниковского района]. Общепринятое прилагательное **черный** кладется в основу негативно оцениваемого сельскими жителями речевого поведения человека, например: **чернить** 'браниться, выражать свое недовольство в резких, грубых словах': *А мы, бываль, начнем **чирнить** друк другъ разными славами* [с. Трофимовщина Ромодановского района].

Единичными оказались наименования человека, профессиональная деятельность которого связана с распространением краски или крашением одежды, поэтому в основу номинации кладется цветовой признак: **пунцовка** в 1-м значении 'женщина, продающая краску', (устар.) **синесльник** 'человек, который занимался крашением ткани, одежды'. Встречаются глагольные лексемы, обозначающие характерные действия человека — окрашивать, делать какого-либо цвета: **ожелтисть** 'окрасить в желтый цвет', **осинеслить** 'пропитать краской, покрасить'. Заметим, что структурно-семантическая соотнесенность глагола **осинеслить** с прилагательным **синий** является формальной, а семантическая связь нивелировалась, поскольку в данном случае не конкретизируется, в какой цвет окрашиваются предметы. Аналогично обстоит дело и с однокоренными словами (ср.: устаревшее слово **синисльня** 'красильня', ¹**синесльник** 'человек, который занимался крашением ткани, одежды'), и с существительным **пунцовка** в 1-м значении. Подобные явления можно наблюдать и в общепринятом языке (ср.: существительное **чернила** 'красящая жидкость для писания').

В исследуемых говорах представлены многочисленные наименования материи, различных тканей по цветовому признаку, а также изделий из них. Как показало исследование, в крестьянской среде наиболее распространенными в одежде являются белый, красный, синий и черный цвета, например: **белистка** 'онуча из отбеленного холста', **синесльня** 'окрашенная в синий цвет пряжа', ¹**синюшка**, ¹**синявка** в 1-м значении 'домотканая ткань в синюю клетку или полоску', ¹**синюха**, ¹**синявка** во 2-м значении 'головной платок из ткани в синюю клетку или полоску', **чернодубка** 'шуба из овчины черного цвета', **чернодубок** 'полушубок из овчины черного цвета' и др. Диалектизм ²**малинка** называет хлопчатобумажную ткань домашнего изготовления из красных и синих ниток и образуется в результате метафорического переноса по цвету наименования с одного предмета на другой, например: *Нъ рубашки ишишо ткали **малинку**. Этъ синя с краснъй ниткъй* [с. Куракино Ардатовского района].

Самой многочисленной группой являются названия материи красного цвета, а также женских изделий из нее, например: **кумачник** в 1-м значении, **пунец** в 1-м значении 'хлопчатобумажная ткань красного цвета, кумач'; **кумажник**, **кумач**, **кумачка** в 1-м значении, **кумачник** во 2-м значении 'сарафан красного или бордового цвета, часто на подкладке и с различными украшениями'; **кумачник** в 3-м значении

‘широкая, в сборку, юбка из ткани красного или бордового цвета, часто на подкладке’; **кумаФник** в 4-м значении ‘женский жакет красного цвета’; **кумаФка** во 2-м значении ‘платье красного цвета’; **пунцоФка** во 2-м значении ‘кофта из кумача’.

Праздничная женская одежда была отделана красной тканью, например: **кумаФница** ‘белая женская рубашка с красной отделкой’ или сшита из разноцветного полотна, например: **белоглаФка** ‘домотканое полотно в красно-белую и бело-голубую клетку’, **голубоглаФка** ‘ткань домашнего изготовления в голубую и красную клетку’. В последних примерах, особенности цвета полотна нашли отражение в его номинации: производные существительные образованы морфологическим сложносuffixальным способом на базе цветowych прилагательных **белый, голубой** и существительного **глаза**. Аналогично образуются существительные, называющие праздничные платки, которые были отделаны по краям каймой другого цвета, например: **белокраФка, белокроФма** ‘большой платок с белыми краями и цветной серединой’, **золотокраФка** ‘шелковый платок с широкой каймой золотистого цвета’, **чернокраФка** ‘красный платок с черной каймой’.

Ткань домашнего изготовления в клетку или полоску считалась диалектоносителями пестрой, в связи с этим в говорах многочисленны образования от прилагательного **пестрый** или глагола **пестреть**, называющие как материал такой расцветки, так и изделия из него, например: **пестреть, пестретье, пестри, пестрик** в 1-м значении, **пестрика, пестрица, пестричка, пестрица** в 1-м значении, **пеструшка, пеструца** ‘льняная или хлопчатобумажная ткань домашнего изготовления в клетку или полоску’, **пестреть** ‘подкладка юбки из такой ткани’, **пестрица** во 2-м значении ‘мужская рубашка из пестрицы’.

В русских говорах Мордовии встречаются редкие случаи наименований посуды и емкостей, употребляемых в быту, которые структурно-семантически соотносятся с цветowymi прилагательными. Возможно, это связано с тем, что посуда в крестьянском обиходе не отличалась цветowym разнообразием, а номинация, в первую очередь, осуществлялась по назначению, функции в быту, а не по внешнему виду. Кроме того, в зафиксированных наименованиях сохраняется только формальная соотнесенность с цветообозначением, а в их смысловой структуре цветовой компонент не содержится, например: **синюшка** ‘глиняный горшок для молока’, устаревший субстантиват **черная** ‘кадушка’.

В рассматриваемых говорах единичными оказались наименования кушаний по цветowym особенностям. Здесь можно отметить следующие: **краснодер** ‘кушанье из кваса с квашеной капустой и свеклой’; устойчивые сочетания с колористическим компонентом, которые обозначают пищевой продукт (< **зеленый хлеб** ‘хлеб с добавлением лебеды или другой травы’, > **черная капуста** ‘квашеная капуста, приготовленная из верхних зеленых листьев вилка’) или процесс приготовления пищи (> **прибелисть тесто** — ‘подбить тесто, добавив в него муки, сдобы и т. п.’). От диалектного глагола **прибелисть**, содержащего в своей смысловой структуре цветовой компонент значения, образуются существительные со значением ‘закваска для теста’ безаффиксным способом (**прибеси**) или в результате суффиксации (**прибеска**).

Итак, в русских говорах Мордовии можно выделить три группы цветообозначений. Первую составляют собственно диалектные наименования, которые в зависимости от структурно-семантических особенностей могут быть непроизводными и нечленимыми. Вторая группа представлена общенародными прилагательными,

которые могут претерпевать в диалектной среде изменения фонетического, или морфологического плана и приобретать специфический диалектный характер. Третью группу составляют диалектные слова, образованные из основ и аффиксов общенародного языка, при этом данная группа является наиболее распространенной. В качестве производящей базы здесь могут использоваться общерусские цветочные прилагательные или существительные, называющие предмет, который является носителем данного цветового признака. При этом общерусские цветообозначения активно включаются в словообразовательный строй русских говоров, на их базе образуются слова разных частей речи. Наиболее продуктивным способом является суффиксация, реже встречаются приставочно-суффиксальные и сложно-суффиксальные образования, единичные случаи безаффиксного словообразования. В ряде случаев соотносимость с цветообозначением в диалекте может полностью утрачиваться или становиться формальной. Многие цветочные прилагательные и их дериваты приобретают символическое значение.

Библиографические ссылки

- ¹ **Брыкина Е. В.** Особенности цветообозначений в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров : (материалы и исследования). СПб., 2007. С. 91 — 92.
- ² См.: **Бахилина Н. Б.** История цветообозначений в русском языке. М., 1975. С. 23 ; **Зольникова Ю. В.** Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков // Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 35. С. 88. (Вестн. Челябин. гос. ун-та ; № 30).
- ³ **Кезина С. В.** Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. С. 11.
- ⁴ См.: **Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия.** Саранск, 1978 — 2006. Т. 1 — 8 ; **Семенкова Р. В.** Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007. 332 с.
- ⁵ Непривычные обозначения цветов и оттенков. Ч. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://astra-scorpion.livejournal.com/53538.html> (дата обращения 28.11.2011).
- ⁶ См.: **Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой :** в 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 54.
- ⁷ Там же. 1988. Т. 4. С. 157.
- ⁸ Там же. 1987. Т. 3. С. 621 — 622.
- ⁹ **Зольникова Ю. В.** Указ. соч. С. 88.
- ¹⁰ **Колосова В. Б.** Растительный код традиционной культуры (этнолингвистический и лингвогеографический аспект) // **Славянские языки и культуры в современном мире : междунар. науч. симпозиум.** М., 2009. С. 269.
- ¹¹ **Караулова Ф. В., Ядрова Т. И.** Лексико-семантическая характеристика слов-названий фитонимов в русских говорах на территории Мордовии // **Материалы докладов конференции молодых ученых Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.** Саранск, 2000. С. 66.
- ¹² См.: **Брыкина Е. В.** Указ. соч. С. 98 — 99.

Поступила 1.12.2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.152:801.6

А. М. Каторова
A. M. Katorova

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА МОРДОВСКОГО СТИХА

TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGINALITY OF CULTURAL PHENOMENON OF A MORDOVIAN VERSE

Ключевые слова: версификация, стихосложение, система стихосложения, силлабический стих, силлабо-тонический стих, мордовский стих, метрика, ритмика, слог, стихотворный размер, ударение, цезура.

В статье рассматривается феномен мордовской стихотворной культуры на уровне метрики и ритмики, впитавшей в себя традиции русской версификации и собственно народной школы (смешанного типа музыкально-речевого и речевого стихосложения), обусловленной в целом просодическими закономерностями мордовских (мокшанского и эрзянского) языков.

Key words: versification, prosody, the system of versification, syllabic verse, accentual-syllabic verse, Mordovian verse, metric, rhythmic, syllable, metrical foot, stress, caesura.

The phenomenon of Mordovian poetic culture at the level of metric and rhythmic, which having absorbed the traditions of Russian versification and folk school proper (mixed type of musical-vocal and vocal prosody), caused in general by prosodic regularities of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages, is considered in the article.

Художественная система мордовского стиха, его метрические, ритмические, строфические и фонические форманты, несмотря на наличие специальных работ¹, требуют серьезного исследования с учетом современного уровня развития литературоведческой науки. В качестве основного довода в пользу целесообразности изучения феномена мордовского стиха приведем устоявшуюся в региональном литературоведении XX в. неправомерную точку зрения о преобладании в профессиональной национальной литературе силлабо-тонической системы стихосложения. Анализ структуры большого количества стихотворных текстов мордовских авторов свидетельствует о весьма специфической организации их метрики и ритмики, представляющей собой некий симбиоз силлабики и силлаботоники, что мы и попытаемся показать в статье.

В настоящее время можно лишь высказать предположение о том, по какому пути стало развиваться стихосложение в мордовской литературе, если бы литературо-

веды, в частности Ф. И. Петербургский², затем и другие, на этапе становления профессионального художественного творчества не убеждали авторов в приемлемости размеров русского силлабо-тонического стихосложения. Несомненно, в этом процессе важную роль сыграл и тот факт, что мордовские поэты учились искусству стихотворчества прежде всего у русских авторов. Вместе с тем особенности мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, заключающиеся в том, что в них ни гласные, ни ударение не являются релевантными фонологическими признаками (ударение не имеет смысловозначительного значения и тяготеет к первому слогу, а в эрзянском языке оно беглое, т. е. может ставиться на любой слог), обуславливают использование силлабической системы стихосложения, метрический стержень которой основан на количественном соотношении слогов в стихотворных строках: либо на тождестве, либо на закономерном чередовании. Предрасположенность эрзянского и мокшанского языков к силлабике обусловлена также выравненностью в звучании ударных и безударных слогов, осязаемостью на слух слогового состава стиха и декламацией своеобразным речитативом, нараспев.

Следует отметить, что первые попытки осмысления специфики мордовского стихосложения на фольклорном материале предпринимались филологами с мировым именем — Х. Паасоненом³, Н. С. Трубецким⁴ и Р. О. Якобсоном⁵. Финский ученый Х. Паасонен констатировал силлабический строй мордовского народного стиха, который обусловлен метрическими закономерностями мокшанского и эрзянского языков⁶. Подобной точки зрения придерживались и русские филологи Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон. Так, Н. С. Трубецкой на основе анализа народных песен разных жанров, вошедших в «Мордовский этнографический сборник», составленный А. А. Шахматовым (СПб., 1910), пришел к выводу, что «метрика мордовской народной поэзии основана на слоговом счете»; «стиховой размер встречается с одной, двумя и тремя цезурами»⁷. Среди выявленных ученым размеров — 7 — 15-сложники с разными вариантами цезур⁸. По поводу оригинальности мордовской народной системы стихосложения Р. О. Якобсон писал: «Правила, сформулированные для мордовской метрической системы, предстоит сравнить прежде всего с метрическими системами языков, генетически родственных или географически смежных мордовскому языку. В выборе метров в мордовской народной поэзии проявляется столь однородная и строгая внутренняя закономерность, что вряд ли можно признать убедительными предположения Паасонена... и Трубецкого... о том, что некоторые из этих метров были заимствованы у восточных славян»⁹.

Известные мордовские ученые, в разное время занимавшиеся вопросами мордовского стихосложения, о силлабической версификации высказывались достаточно осторожно и, как правило, в отношении фольклорных произведений. Так, А. И. Маскаев констатировал силлабический характер некоторых народных песен¹⁰; М. Ф. Ватанина пыталась выявить особенности силлабической и тонической систем стихосложения в мордовских исторических песнях¹¹. Стоит отметить, что некоторые литературоведы (Ф. И. Петербургский и А. Г. Самошкин) в свое время предпринимали попытку доказать целесообразность использования мордовскими поэтами тонической системы стихосложения¹².

В. В. Горбунов утверждал, что в 1920-е гг. мордовские поэты применяли различные системы стихосложения: использовали образцы русского классического силлабо-тонического стиха, пытались усвоить ударную тоническую метрику В. Маяковского,

были примеры и свободного стиха (верлибра). Однако преобладающей являлась метрика традиционного народного стиха, с детства знакомого им на слух и легче всего воспринимаемого народом. Характеризуя стихотворную систему устно-поэтического творчества мордовского народа, ученый относил ее к смешанному типу музыкально-речевого и речевого стихосложения. По его мнению, мордовская народная система стихосложения, в отличие от чисто музыкально-речевого стихосложения, «имела относительно строгую звуковую организацию стихов с ритмом, основывающимся на одинаковом количестве слогов; широко пользовалась парной рифмой, иногда прибегала к перекрестной, обхватной и даже моноритму, когда вся песня строилась на созвучии последних слогов слов, завершающих каждую строку»¹³. Кроме того, ученый отмечал, что в середине 1920-х гг. мордовские поэты (З. Ф. Дорофеев, Ф. И. Завалишин, И. П. Кривошеев, Я. П. Григошин) предпринимали попытки выработать новый тип звуковой организации стиха на основе слияния традиционных народных приемов с некоторыми нормами русской классической поэтики. Как справедливо писал В. В. Горбунов, мордовская лирика в те годы испытывала на себе воздействие трех направлений в поэтике стиха: «...собственно народной школы, русской классической (силлабо-тонической) поэзии и тонического стиха В. Маяковского. Питаясь названными тремя источниками, мордовская поэзия постепенно приобретала свое лицо, вырабатывала собственную поэтику»¹⁴. Далее ученый указал, что переход к силлабо-тонической системе стихосложения осуществили поэты М. И. Безбородов и А. Моро. Высказанная точка зрения о преобладающем функционировании в мордовской поэзии силлабо-тонической системы стихосложения получила всестороннюю поддержку среди литературоведов, приобрела статус общепринятой и в этом качестве (без оговорок) вошла в школьные и вузовские учебники по мордовской литературе.

Более подробно проблемы мордовского стихосложения разрабатывались М. И. Малькиной¹⁵. Она проанализировала метрико-фонетическую структуру мордовского стиха в ее функциональных связях с художественной образностью поэзии. Ритмические и звуковые особенности народно-песенного, народно-речевого и литературного стихов автор рассматривает через закономерности языка, способы исполнения и художественные традиции.

Исследователь отметила, что «метрика мордовской литературной поэзии создавалась на двух основах — на просодических закономерностях языка и ритмических традициях фольклора. Определенное воздействие оказывала русская поэтическая школа. Освоение силлабо-тонической системы способствовало освобождению из-под музыкально-речевой ритмики фольклорной поэзии»¹⁶. При этом в становлении мордовской литературной силлабо-тонической системы стихосложения, по мнению М. И. Малькиной, основную роль сыграли фонетические и морфолого-синтаксические особенности родного языка. Так, мокша-мордовские народные речевые стихи в абсолютном большинстве созданы в размере хорея. «Этот размер имеет обоснование в фонетических закономерностях стиха: в мокшанском языке ударение тяготеет к первому слогу слова. Если в речи каждый из двух слогов ударный, а ударение тяготеет к первому слогу, то такая речь лучше всего укладывается в хореический размер. Эрзянские стихи, как и мокшанские, представляют собой в абсолютном большинстве сочетание двусложных стоп или двусложных с трехсложными. Метрическое ударение падает, в основном, на первые слоги»¹⁷.

Характеризуя силлабо-тонические стихи мордовских поэтов, М. И. Малькина констатировала, что они тоже имеют свою специфику, обусловленную национальными особенностями эрзянского и мокшанского языков. Она утверждала, что «мордовский хорей более отягчен метрическими ударениями, в нем меньше, чем в русском хорее, пиррихийев, поэтому и более напорист в интонационной поступи»¹⁸. Исследователь отметила и особенности стихов, написанных трехсложными размерами, которые часто значительно отличаются от классических ввиду несоблюдения равномерности в чередовании ударных и безударных слогов. Наряду с этим М. И. Малькина большое внимание уделила анализу рифм, утверждая, что мордовская (особенно мокшанская) литературная рифма в основном неточная. Кроме того, «метрическая и звуковая структуры литературных стихов взаимообусловлены и образуют единую метрико-фонетическую систему. В эрзянских стихах рифма может обусловить выбор определенного метра, а в зависимости от метра сама рифма из разряда точной может перейти в разряд неточной, либо, наоборот»¹⁹. М. И. Малькина в процессе своих размышлений пришла к выводу, что «мордовский литературный стих имеет большие метрико-фонетические возможности. Силлабо-тоническая система, несколько канонизированная в поэзии, не может препятствовать поиску новых форм стиха — тонического, белого, свободного и других»²⁰.

Таким образом, силлабическая система стихосложения, наиболее характерная для мордовских языков, исследователем не рассматривается даже в перспективе. Кроме того, она ошибочно, на наш взгляд, утверждает, что «мордовское литературное стихосложение с самых первых своих шагов развивается в русле силлабо-тоники и тоники, хотя соотношение между двумя этими системами сложилось в основном как преобладание силлабо-тоники»²¹. В подтверждение правильности своей позиции приведем отрывок из стиха эрзянского поэта П. Кириллова, метрику которого анализирует М. И. Малькина:

— Мазыйка тейтерь, // раужо черь, Ков истя капшат? // Вал монень мерть.	— Девушка-красавица, черная коса, Куда спешишь? Скажи мне хоть слово.
Панжить, тейтерне, // турват цецякс, — Ужо, од цера, // ков тон эцят? ²²	Раскрой, девчушка, свои уста цветком, — Молодой человек, зачем пристаешь?*

Звучание данного четверостишия на языке оригинала мелодичное, стихи читаются легко, быстро запоминаются. Их отличает, с одной стороны, легкий юмор, с другой — глубина выраженного любовного чувства. Весьма интересен метрический рисунок произведения. Ввиду того, что эрзянскому языку, на котором написано стихотворение, свойственна подвижность ударения, оно может читаться следующим образом:

1-й вариант

— Ма́зыйка те́йтерь, ра́ужо че́рь,	-vv/-v// -vv/-
Ко́в истя ка́пшат? Ва́л монень ме́рть.	-vv/-v// -vv/-
Па́нжить, тейте́рне, ту́рват цеця́кс,	-vv/-v// -vv/-
— У́жо, од це́ра, ко́в тон эця́т?	-vv/-v// -vv/-

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

2-й вариант

— Мазы́йка те́йтерь, рау́жо че́рь,	v-/v-/v//v-/v-
Ков и́стя ка́пшат? Вал мо́нень ме́рть.	v-/v-/v//v-/v-
Панжи́ть, тейте́рне, турва́т цеця́кс,	v-/v-/v//v-/v-
— Ужо́, од це́ра, ков то́н эця́т?	v-/v-/v//v-/v-

Оба варианта чтения благозвучны, ничуть не противоречат правилам произношения и соответственно имеют одинаковое право на существование. Вместе с тем первый вариант чтения более мелодичный и способствует передаче глубины любовного чувства, второй — придает выражаемому чувству любви больший характер игривости. В контексте силлабо-тонической системы стихосложения в зависимости от чтения выступают разные стихотворные размеры. В первом случае можно выделить стопу дактиля, во втором — стопу ямба. Однако однозначно отнести данное стихотворение к силлабо-тонической системе стихосложения и определить стихотворный размер как дактиль²³ нет оснований, поскольку перед нами силлабический 9-сложник с цезурой посередине (5+4).

Говоря о специфике мордовского стиха, целесообразно констатировать его певучесть, отчетливое выделение каждого слога, как ударного, так и безударного, которые выстраиваются в стройные соразмерные ряды. Главными при создании стихов, по признанию поэтов, являются три основных условия: членение речевого потока на отдельные, графически обособленные строки; приравнивание их тем самым друг другу и подбор рифмы как очевидного регулятора их корреляции. Ни о системе стихосложения, ни о стихотворных размерах в процессе сложения стихов поэты, как правило, не думают. На первом плане — достижение эффектности звучания, глубины мыслей и яркости выражаемых эмоций. Вместе с тем метрическое своеобразие стихов определяется такими значимыми факторами, как природные данные мордовских (мокшанского и эрзянского) языков и сложившиеся литературные традиции. Сочетание силлабической системы стихосложения, обусловленной закономерностями мордовских языков, и силлабо-тонической, характерной для русского стихосложения, через которое постигали азы стихотворчества первые мордовские поэты, определило неповторимость, национальное своеобразие и феномен мордовского стиха.

Обратимся к анализу практического материала, к стихам эрзя-мордовских поэтов, созданным на протяжении XX — начала XXI в. Для удобства восприятия полученные данные представим в виде таблиц. Начнем с лирических произведений известного эрзянского поэта, одного из основоположников мордовской литературы И. П. Кривошеева, на творчество которого делает ссылку В. В. Горбунов, говоря о «новом типе звуковой организации стиха на основе слияния традиционных народных приемов с некоторыми нормами русской классической поэтики»²⁴. Рассмотрим его сборник стихов и поэм, который вообрал в себя 116 произведений, написанных поэтом на протяжении 35 лет (1923 — 1958)²⁵ (табл. 1).

Результаты анализа метрики стихов И. П. Кривошеева красноречиво демонстрируют силлабическую систему стихосложения, поскольку ни в одном из 116 стихотворных произведений (включая поэмы) не нарушается главный признак силлабики —

Таблица 1

Метрический рисунок стихотворений И. П. Кривошеева

Силлабические размеры	Кол-во	Варианты выделяемых силлабо-тонических размеров*	Примечания
4-сложник	7	хорей / ямб	
Чередование 4-сложника с 3-сложником	2	хорей / ямб; хорей	1 случай; 1 случай
5-сложник	15	хорей / ямб; амфибрахий / хорей	14 случаев; 1 случай
6-сложник	7	хорей / ямб; дактиль / хорей; дактиль / ямб; хорей / анапест; дактиль/хорей/ямб	2 случая; 2 случая; 1 случай; 1 случай; 1 случай
Чередование 6-сложника с 5-сложником	15	хорей / ямб; хорей	14 случаев; 1 случай
Чередование 6-сложника с 4-сложником	7	хорей / ямб; дактиль / ямб	4 случая; 3 случая
Чередование 6-сложника с 4-сложником и 3-сложником	1	дактиль/амфибрахий	Смежное чередование стрóf (6:4 — 2 стрóфы; 6:3 — 3)
7-сложник	7	хорей / ямб; хорей / анапест; хорей	5 случаев; 1 случай; 1 случай
Чередование 7-сложника с 6-сложником	2	ямб / хорей; ямб	1 случай; 1 случай
8-сложник	21	хорей / ямб; хорей; ямб	19 случаев; 1 случай; 1 случай
Чередование 8-сложника с 9-сложником	1	хорей	
Чередование 8-сложника с 7-сложником	9	хорей / ямб; хорей	8 случаев; 1 случай
Чередование 8-сложника с 6-сложником	3	хорей / ямб	
Чередование 8-сложника с 5-сложником	4	хорей	
9-сложник	2	дактиль / амфибрахий; ямб	1 случай; 1 случай
Чередование 9-сложника с 8-сложником	6	ямб; хорей; дактиль / ямб; амфибрахий/дактиль	3 случая; 1 случай; 1 случай; 1 случай
10-сложник	3	— хорей / ямб	2 случая; 1 случай
Чередование 10-сложника с 8-сложником	1	—	
11-сложник	1	хорей / ямб	
Чередование 11-сложника с 10-сложником	1	—	
12-сложник	1	дактиль / хорей	

* Через косую черту представлены размеры, выделяемые при разных вариантах чтения в зависимости от расстановки ударений.

количественное соотношение слогов (тождество или закономерное чередование). В пользу силлабической системы стихосложения говорит и тот факт, что в 95 случаях (83 %) в зависимости от расстановки ударения выступают два разных силлабо-тонических стихотворных размера (хорей / ямб или хорей / анапест, или амфибрахий / дактиль, или др.), а в 4 случаях силлабо-тонический размер вообще не выделяется. Приведем два самых эффектных примера, когда в одном стихотворении в зависимости от вариантов чтения (расстановки ударения) выступают 3 силлабо-тонических размера. Так, в произведении «Мир-нармунь» («Птица Мира»), написанном силлабическим 6-сложником, можно выделить два 2-сложных размера (ямб и хорей) и один 3-сложный (дактиль):

Мир-нармунь — Мирэнь вий!
 Чачить тон Московсо,
 Мирэнтъ кис ливтямо
 Лисить тон Кремлясто.
 Ливтнеме туить тон
 Маторонтъ келева:
 Мир виентъ кандомо
 Оштнева, велева [Кривошеев, с. 166].

Птица Мира — сила Мира!
 Родилась ты в Москве,
 Оберегать мир
 Ты вышла из Кремля.
 Летать пустилась ты
 По всей земле:
 Нести силу Мира
 В города и села.

Мир-на'рмунь — Ми'рэнь ви'й!
 Чачи'ть тон Мо'сковсо,
 Мирэ'нтъ кис ли'втямо
 Лиси'ть тон Кре'млясто.
 Ливтне'ме ту'ить то'н
 Масто'ронть ке'лева:
 Мир ви'ентъ ка'ндомо
 Оштне'ва, ве'лева.

v-/v-/v-
 v-/v-/vv
 v-/v-/vv
 v-/v-/vv
 v-/v-/v-
 v-/v-/vv
 v-/v-/vv
 v-/v-/vv
 v-/v-/vv
ямб, осложненный пиррихием;

Ми'р-нармунь — Ми'рэнь вий!
 Ча'чить тон Мо'сковсо,
 Ми'рэнтъ кис ли'втямо
 Ли'ситель тон Кре'млясто.
 Ли'втнеме ту'ить тон
 Ма'сторонтъ ке'лева:
 Ми'р виентъ ка'ндомо
 О'штнева, ве'лева.

-vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
 -vv/-vv
дактиль;

Мир-нарму'нь — Мирэ'нь вий!
 Ча'чить то'н Моско'всо,
 Ми'рэнтъ ки'с ливтя'мо
 Ли'ситель то'н Кремля'сто.
 Ли'втнеме туи'ть тон
 Ма'сторонтъ келе'ва:

vv/-v/-v
 -v/-v/-v
 -v/-v/-v
 -v/-v/-v
 -v/vv/-v
 -v/vv/-v

Ми́р вие́нть кандо́мо	-v/-v/-v
О́штгнева, веле́ва	-v/vv/-v

хорей, осложненный пиррихием.

Следует отметить, что стихи во всех вариациях звучат вполне естественно и мелодично. В стихотворении «Народонь вайгель» («Голос народа»), написанном чередующимися 9 и 8-сложником, в зависимости от расстановки ударений выступают два 3-сложных силлабо-тонических стихотворных размера (дактиль и амфибрахий) и один 2-сложный (ямб, осложненный пиррихием):

Мольтяно фашистнэнь громамо! Сейсынек бандитнэнь кеде́ст, Карвот прок кармить сынь ёмамо, Сюдомакс кадовить лемест [Там же, с. 113].	Пойдем громить фашистов! Оторвем бандитам руки, Будут гибнуть они, словно мухи, Проклятыми останутся их имена.

Мо́льтяно фа́шистнэнь гро́мамо! Се́йсынек ба́ндитнэнь ке́дест, Ка́рвот прок ка́рмить сынь ё́мамо, Сю́домакс ка́довить ле́мест.	-vv/-vv/-vv -vv/-vv/-v -vv/-vv/-vv -vv/-vv/-v

дактиль;

Мо́льтяно фа́шистнэнь гро́мамо! Се́йсынек банди́тнэнь кеде́ст, Карво́т прок карми́ть сынь ёма́мо, Сюдо́макс кадо́вить леме́ст.	v-v/v-v/v-v v-v/v-v/v- v-v/v-v/v-v v-v/v-v/v-

амфибрахий;

Мо́льтяно фа́шистнэнь гро́мамо! Се́йсынек ба́ндитнэнь кеде́ст, Карво́т прок ка́рмить сынь ёма́мо, Сюдо́макс ка́довить леме́ст.	v-/v-/vv/v-/v v-/v-/vv/v- v-/v-/vv/v-/v v-/v-/vv/v-

ямб.

В сборнике есть и другие, с точки зрения метрики, казусы. Так, достаточно благозвучно читается стихотворение «Зорине, зорине» («Зоренька, зоренька»), состоящее из 5 катренов (четверостиший), в которых наблюдается разное чередование: в трех из них 6-сложник чередуется с 3-сложником, в двух — с 4-сложником, при этом в 3-сложных строках все слоги ударные, например:

Пря́вельксэнь ме́нельксэсь	Над моей головой небо	-vv/-vv
Сэ́нь, сэ́нь, сэ́нь.	Голубое, голубое, голубое.	---
Кру́гомган ве́нельксэсь	Вокруг меня мгла	-vv/-vv
Ве́нь, ве́нь, ве́нь [Там же, с. 34].	Ночная, ночная, ночная.	---

Таким образом, стихи И. П. Кривошеева в анализируемом сборнике написаны в силлабической системе стихосложения. Самым излюбленным размером поэта

выступает 8-сложник, которым написано более трети стихов (21 случай — 18 %) + разные варианты чередования 8-сложника с 9, 7, 6 и 5-сложником (23 случая — 20 %). На втором месте по частотности употребления — 5-сложник и чередование 6-сложника с 5-сложником (15 случаев — 26 %). «Чистые» силлабические размеры (4 — 12-сложники) составляют 64 случая (55 %), при этом предпочтение отдается коротким стихам — 57 случаев из 64 (89 %); длинных стихов (от 9 до 12 слогов) всего 7 случаев (11 %): два 9-сложника, три 10-сложника, по одному 11-сложнику и 12-сложнику (см. табл.1).

Вполне естественно, что приведенные нами примеры — своего рода «шедевры» — в классической силлабо-тонической системе стихосложения не могут существовать по определению. В классической силлабической системе стихосложения, характерной для языков, где ударение закреплено за определенными слогами в слове, не может быть и разных вариантов чтения. Это феномен эрзя-мордовского стиха, специфические признаки которого еще предстоит выявлять, дискутируя с мнением признанных литературоведов, в том числе о «неоправданной „вольности“ в расстановке ударений» (В. В. Горбунов) в эрзянских литературных стихах.

Факты наглядно свидетельствуют, что переход к силлабо-тонической системе стихосложения, констатируемый литературоведами²⁶, эрзя-мордовскими поэтами с учетом языковых особенностей в 1920-е гг. не был осуществлен.

Обратимся к стихотворным произведениям другого эрзя-мордовского поэта — А. К. Мартынова, вошедшим в его юбилейный сборник²⁷ (табл. 2).

Таблица 2

Метрический рисунок стихотворений А. К. Мартынова

Силлабические размеры	Кол-во	Варианты выделяемых силлабо-тонических размеров*	Примечания
1	2	3	4
Чередование 4-сложника с 5-сложником	1	хорей / ямб	
Чередование 4-сложника с 3-сложником	1	хорей / ямб	
6-сложник	3	хорей / ямб	
Чередование 6-сложника с 5-сложником	3	хорей; хорей / ямб	2 случая; 1 случай
7-сложник	2	хорей / ямб	
Чередование 7-сложника с 8-сложником	8	хорей / ямб; хорей	4 случая; 4 случая
Чередование 7-сложника с 6-сложником	3	хорей / ямб; ямб; хорей	1 случай; 1 случай; 1 случай
Чередование 7-сложника с 5-сложником	2	хорей / ямб	
8-сложник	17	хорей / ямб; хорей; ямб	14 случаев; 2 случая; 1 случай
Чередование 8-сложника с 9-сложником	2	ямб	

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Чередование 8-сложника с 7-сложником	13	хорей / ямб; хорей	9 случаев; 4 случая
Чередование 8-сложника с 6-сложником	2	хорей / ямб	
Чередование 8-сложника с 5-сложником	4	хорей	
9-сложник	5	ямб / хорей; ямб	3 случая; 2 случая
Чередование 9-сложника с 10-сложником	5	хорей / ямб; хорей	2 случая; 3 случая
Чередование 9-сложника с 8-сложником	11	ямб; ямб / хорей; ямб / амфибрахий	7 случаев; 2 случая; 2 случая
10-сложник	6	хорей / ямб; хорей	4 случая; 2 случая
Чередование 10-сложника с 9-сложником	25	хорей / ямб; хорей	12 случаев; 13 случаев
Чередование 10-сложника с 7-сложником	1	хорей	
Чередование 10-сложника с 5-сложником	1	хорей	
Чередование 11-сложника с 10-сложником	2	ямб	
Чередование 11-сложника с 9-сложником	2	ямб	
Чередование 12-сложника с 11-сложником	1	амфибрахий	

* Через косую черту представлены размеры, выделяемые при разных вариантах чтения в зависимости от расстановки ударений.

Следует отметить, что метрика стихов А. К. Мартынова по сравнению с произведениями И. П. Кривошеева несколько иная: здесь нет такого разнообразия вариантов чтения, соответственно меньше выделяемых силлабо-тонических стихотворных размеров. Из 115 стихотворных произведений в 55 случаях (48 %) четко просматривается лишь один силлабо-тонический размер — хорей или ямб. Более половины стихов допускают разные варианты чтения, однако они не столь бесспорны, как у предыдущего поэта, при этом сами стихи менее музыкальны. А. К. Мартынов явно не стремился овладеть 3-сложными размерами силлабо-тоники (в анализируемом сборнике лишь в 2 стихотворениях можно выделить амфибрахий). Различаются предпочтения поэта и относительно размера стихов: 59 произведений (51 %) написаны 9 — 11-сложниками в разных вариантах закономерных чередований. Целесообразно подчеркнуть, что у А. К. Мартынова стихов с одинаковым количеством слогов в стихотворных строках (тождеством) гораздо меньше (29 %), чем стихов с закономерным чередованием (33 %). Излюбленными размерами поэта выступают 8-сложник (17 случаев — 15 %), а также разные варианты чередования 8-сложника с 9, 7, 6 и 5-сложником (32 случая — 28 %) и 10-сложник, особенно

чередующийся с 9-сложником (в сумме 35 случаев — 30 %; см. табл. 2). В целом метрика стихов А. К. Мартынова силлабическая, вместе с тем в его творчестве наблюдается симбиоз силлабики и силлабо-тоники, поскольку в половине стихов равномерно чередуются ударные и безударные слоги (без разных вариантов чтения).

Из современной эрзянской поэзии проанализируем сборник А. В. Арапова, содержащий 168 стихотворений²⁸. Следует отметить, что 11 стихотворений (6,5 %) не имеют отношения к силлабической системе стихосложения: 5 написаны силлабо-тоническим ямбом, 6 — верлибром (свободным стихом), поэтому они не включены в метрический рисунок (табл. 3).

Таблица 3

Метрический рисунок стихотворений А. В. Арапова

Силлабические размеры	Кол-во	Варианты выделяемых силлабо-тонических размеров*	Примечания
1	2	3	4
Чередование 4-сложника с 6-сложником	1	хорей	
5-сложник	4	хорей / ямб; дактиль / ямб; ямб	2 случая; 1 случай; 1 случай
6-сложник	3	хорей / ямб	
Чередование 6-сложника с 7-сложником	3	ямб; хорей	2 случая; 1 случай
Чередование 6-сложника с 5-сложником	3	— хорей	1 случай; 2 случая
7-сложник	5	хорей / ямб; ямб	4 случая; 1 случай
Чередование 7-сложника с 8-сложником	5	хорей	
Чередование 7-сложника с 6-сложником	4	хорей; хорей / ямб; ямб	2 случая; 1 случай; 1 случай
Чередование 7-сложника с 5-сложником	2	хорей	
8-сложник	12	хорей / ямб; хорей; ямб	6 случаев; 4 случая; 2 случая
Чередование 8-сложника с 9-сложником	6	ямб; ямб / хорей	5 случаев; 1 случай
Чередование 8-сложника с 7-сложником	9	хорей; хорей / ямб	7 случаев; 2 случая
Чередование 8-сложника с 6-сложником	1	ямб	
Чередование 8-сложника с 4-сложником	1	хорей / ямб	
9-сложник	8	ямб	
Чередование 9-сложника с 10-сложником	12	— хорей	1 случай; 11 случаев
Чередование 9-сложника с 8-сложником	6	ямб	

Окончание табл. 3

1	2	3	4
10-сложник	20	хорей; хорей / ямб; ямб	13 случаев; 5 случаев; 2 случая
Чередование 10-сложника с 11-сложником	9	ямб	
Чередование 10-сложника с 9-сложником	24	хорей; хорей / ямб; — ямб	20 случаев; 2 случая; 1 случай; 1 случай
11-сложник	11	ямб	
Чередование 11-сложника с 10-сложником	6	ямб	
Чередование 12-сложника с 9-сложником	1	хорей	
Чередование 13-сложника с 9-сложником	1	ямб	

* Через косую черту представлены размеры, выделяемые при разных вариантах чтения в зависимости от расстановки ударений.

Из табл. 3 видно, что тождественными силлабическими размерами (строками с одинаковым количеством слогов) написано 63 (40 %) из 157 произведений. А. Арапов отдавал предпочтение 10-сложнику, на втором месте — 8-сложник, далее — 11-сложник. В 87 стихотворениях (55 %) наблюдается равномерное чередование силлабических размеров в разных вариациях, различающихся количественно, как правило, одним слогом. По частотности выделяется сочетание 10-сложника с 9-сложником — 36 случаев (23 %), при этом чередование (первая строка 10-сложная, следующая — 9-сложная) встречается в два раза чаще, соответственно 12 и 24, например:

Кодат ульнесть сёлмтне одт ды виевь!	Какие были крылья молодые и сильные!
Кодат ульнесть кемематне покшт!	Какие большие были надежды!
Тошначинтень оймесь эзь лепия, —	В тоске душа не задохнулась, —
Тензэ сатотсь кода-бути кошт [Арапов, с. 56].	Ей как-то хватило воздуха.

На втором месте по частотности находится чередование 10-сложника с 11-сложником — 15 случаев (8,9 % от общего количества стихов). Как и в предыдущем случае, чередование, при котором первая строка 10-сложная, следующая за ней 11-сложная, в полтора раза более частое. Эти факты также доказывают предпочтение поэтом 10-сложника, например:

Хоть лайшек — потсот сзредьксэсь кишти,	Хоть плачь, боль не проходит,
Ды кодак а матравтови пштиксэсь,	Никак не уходит острота,
Зярд — пижнек иля пижне — туи,	Когда — кричи не кричи — уходит,
Туи эйтэть лиянень вечкевиксэсь [Там же, с. 170].	Уходит к другому любимая.

Третьим по частотности употребления является чередование 8-сложника с 7-сложником — 14 случаев (8,3 %), при этом эпизодов, когда первая строка 8-сложная, в два раза больше соответственно 9 и 5.

Закономерное чередование других силлабических размеров выглядит следующим образом: 8-сложник с 9-сложником — 9 случаев; 7-сложник с 6-сложником — 5; 6-сложник с 5-сложником — 3 случая.

Вместе с тем, хотя и редко, встречается чередование размеров, отличающихся друг от друга большим количеством слогов: 2 случая чередования 7-сложника с 5-сложником; по одному случаю чередования 8-сложника с 4-сложником, 9-сложника с 5-сложником, 12-сложника с 9-сложником и 13-сложника с 9-сложником. Вот как выглядит чередование 8-сложника с 4-сложником:

Ушось авардсь-авардсь — лоткась,
Таго кармась...
Вачкодсь вальмас — мезе ёвтась
Кельме вармась? [Там же, с.14].

Улица плакала-плакала — перестала,
Снова принялась...
Постучался в окно — что произнес
Холодный ветер?

В заключение обратимся к сборнику стихов Л. А. Рябовой, состоящему из 43 произведений²⁹ (табл. 4).

Таблица 4

Метрический рисунок стихотворений Л. А. Рябовой

Силлабические размеры	Кол-во	Варианты выделяемых силлабо-тонических размеров*	Примечания
1	2	3	4
5-сложник	1	дактиль / ямб	
Чередование 5-сложника с 6-сложником	1	хорей	
6-сложник	3	хорей / ямб; хорей; ямб	1 случай; 1 случай; 1 случай
Чередование 6-сложника с 5-сложником	1	хорей / ямб	
8-сложник	5	хорей / ямб; хорей; ямб	3 случая; 1 случай; 1 случай
Чередование 8-сложника с 9-сложником	6	ямб	
Чередование 8-сложника с 7-сложником	2	хорей	
Чередование 8-сложника с 3-сложником	1	хорей	
9-сложник	4	хорей / ямб; ямб; хорей	1 случай; 2 случая; 1 случай
Чередование 9-сложника с 10-сложником	4	хорей	

Окончание табл. 4

1	2	3	4
Чередование 9-сложника с 8-сложником	3	ямб	
Чередование 9-сложника с 5-сложником	1	дактиль / ямб	
10-сложник	5	хорей; ямб; хорей / ямб	3 случая; 1 случай; 1 случай
Чередование 10-сложника с 9-сложником	2	хорей	
Чередование 10-сложника с 8-сложником	1	—	
11-сложник	1	ямб	
Чередование 11-сложника с 10-сложником	1	ямб	

* Через косую черту представлены размеры, выделяемые при разных вариантах чтения в зависимости от расстановки ударений.

Из 43 представленных стихотворений лишь одно не имеет отношения к силлабической системе стихосложения. Оно написано ямбом, осложненным пиррихием. Девятнадцать стихотворений (44 %) написаны классическими силлабическими размерами: 5, 6, 8 и 9, 10 и 11-сложниками. В двадцати других стихотворениях наблюдается чередование 5 и 6-сложников, 7 и 8-сложников, 8 и 9-сложников, 9 и 10-сложников, 10 и 11-сложников. Причем это сочетание может быть самым причудливым. Чаще всего чередование смежное, но может быть и парное:

парное чередование 8 и 9-сложников:

Мейле иля пеняця, вант, Алты кияк тень сырнень пандт. Муян рузонь вечкиця аля, Оршан венчамонь ашо паля [Рябова, с. 34].	Потом не жалуйся, смотри, Пообещает кто-то золотые горы. Найду любящего русского мужчину, Надену свадебный белый наряд;

смежное чередование:

Мон кельме вановтсо варштан Сельмтнес, козонь ваясь кемемам. Нартемксэнь сэпедэ корштан Ды домка латке ёртса вечкемам [Там же, с. 28].	Я холодным взглядом посмотрю В глаза, где утонула надежда. Глотну горечи полыни И в глубокий овраг закину любовь.

Примерно пятая часть стихов Л. А. Рябовой (9 — 21 %) в зависимости от расстановки ударений допускает два варианта чтения, при этом определяются разные размеры силлабо-тонической системы стихосложения. Приведем пример 6-сложника:

Прить, ко́льгить се́льведеть, Прок се́ксень пи́земе.	Льются, падают слезы, Словно дождь осенний.	v-v-vv v-v-vv

Нардни́ть э́йсэ́ст кеде́ть Вийте́ме, ме́льтеме.	Выгирают их руки Без сил и желанья.	v-v-v- v-v-vv (ямб, осложненный пиррихием);
Пры́ть, кольги́ть сельве́деть, Прок се́ксе́нь пизе́ме. На́рднить э́йсэ́ст ке́деть Ви́йтеме, мельте́ме.		-v-v-v vv-v-v -vvv-v -vvv-v (хорей, осложненный пиррихием).

В целом метрика стихов А. В. Арапова и Л. А. Рябовой силлабическая, однако в их творчестве налицо симбиоз силлабики и силлабо-тоники, поскольку в преобладающем количестве стихов (около 80 %) ударные и безударные слоги чередуются равномерно (без разных вариантов чтения).

В зависимости от творческой манеры у рассмотренных нами поэтов наблюдаются разные предпочтения в выборе ими силлабических размеров: одни (И. П. Кривошеев) склонны писать короткими размерами, другие (А. К. Мартынов) — длинными, третьи (А. П. Рябова) выбирают нечто среднее. В целях наглядного представления предпочтений поэтов объединим полученные данные (табл. 5).

Таблица 5

Частотность использования силлабических размеров мордовскими поэтами

Силлабические размеры	Криво- шеев И. П.	Марты- нов А. К.	Арапов А. В.	Рябова Л. А.	Итого
1	2	3	4	5	6
4-сложник	7	—	—	—	7
Чередование 4-сложника с 6-сложником	—	—	1	—	1
Чередование 4-сложника с 5-сложником	—	1	—	—	1
Чередование 4-сложника с 3-сложником	2	1	—	—	3
5-сложник	15	—	4	1	20
Чередование 5-сложника с 6-сложником	—	—	—	1	1
6-сложник	7	5	3	3	18
Чередование 6-сложника с 5-сложником	15	3	3	1	22
Чередование 6-сложника с 4-сложником	7	—	—	—	7
Чередование 6-сложника с 4-сложником и 3-сложником	1	—	—	—	1
7-сложник	7	2	5	—	14
Чередование 7-сложника с 8-сложником	—	8	5	—	13
Чередование 7-сложника с 6-сложником	2	3	4	—	9
Чередование 7-сложника с 5-сложником	—	2	2	—	4

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6
8-сложник	21	17	12	5	55
Чередование 8-сложника с 9-сложником	1	2	6	6	15
Чередование 8-сложника с 7-сложником	9	13	9	2	33
Чередование 8-сложника с 6-сложником	3	2	1	—	6
Чередование 8-сложника с 5-сложником	4	4	—	—	8
Чередование 8-сложника с 4-сложником	—	—	1	—	1
Чередование 8-сложника с 3-сложником	—	—	—	1	1
9-сложник	2	5	8	4	19
Чередование 9-сложника с 10-сложником	—	5	12	4	21
Чередование 9-сложника с 8-сложником	6	11	6	3	26
Чередование 9-сложника с 5-сложником	—	—	—	1	1
10-сложник	3	6	20	5	34
Чередование 10-сложника с 11-сложником	—	—	9	—	9
Чередование 10-сложника с 9-сложником	—	25	24	2	51
Чередование 10-сложника с 8-сложником	1	—	—	1	2
Чередование 10-сложника с 7-сложником	—	1	—	—	1
Чередование 10-сложника с 5-сложником	—	1	—	—	1
11-сложник	1	—	11	1	13
Чередование 11-сложника с 10-сложником	1	2	6	—	9
Чередование 11-сложника с 9-сложником	—	2	—	—	2
12-сложник	1	—	—	—	1
Чередование 12-сложника с 11-сложником	—	1	—	—	1
Чередование 12-сложника с 9-сложником	—	—	1	—	1
Чередование 13-сложника с 9-сложником	—	—	1	—	1

Из табл. 5 видно, что эрзя-мордовские поэты при создании стихов отдают приоритет 8-сложнику (55 случаев) и его чередованию с 7-сложником (33), с 9-сложником (15 + 26); на втором месте — 10-сложник (34) и его чередование с 9-сложником (51 + 21). Короткие стихи менее предпочтительны, из них на первом месте находится 5-сложник (20), на втором — 6-сложник (18) и варианты их чередования (22).

Итак, приведенный метрический анализ стихов позволяет сделать следующие выводы:

силлабическая версификация на эрзянском языке имеет ярко выраженную специфику, обусловленную национальными особенностями языка и сложившимися традициями;

главной особенностью силлабических стихов мордовских поэтов является то, что в них, за редким исключением, упорядочено чередование ударных и безударных слогов, поэтому их можно отнести к силлабо-тонической системе стихосложения;

беглость ударения в эрзя-мордовском языке обуславливает разные варианты чтения и возможность установления в одном стихе разных стихотворных размеров (двусложных и трехсложных), что отдаляет мордовский стих от силлабо-тонической системы стихосложения;

симбиоз силлабики с силлабо-тоникой обусловлен значительным влиянием на национальное стихосложение русскоязычной поэзии, успешно развивающейся в пределах Республики Мордовия, и он характерен в большей мере для современной эрзянской поэзии;

своеобразие силлабической версификации в не меньшей мере определяется преобладанием стихотворений с закономерным чередованием стихотворных строк, количественно отличающихся друг от друга соотношением слогов на единицу;

излюбленными силлабическими размерами эрзянских поэтов выступают 8-сложник, 10-сложник и варианты их закономерного (равномерного) чередования стихотворных строк, количественно отличающихся друг от друга соотношением слогов на единицу (соответственно с 7-сложником и 9-сложником).

Библиографические ссылки

¹ См.: Петербургский Ф. И. Стихонь сёрмадомать колга // Колхозонь эряф. 1935. № 8. С. 78 — 79; № 11. С. 104 — 110; Горбунов В. В. Поэзия — душа народа : О становлении, развитии и совр. состоянии мордов. поэзии. Саранск, 1973. 296 с. ; Самошкин А. Г. Стихть кинза-янонза // Мокша. 1981. № 6. С. 66 — 73; Малькина М. И. Мордовское стихосложение. Саранск, 1990. 192 с.

² См.: Петербургский Ф. И. Указ. соч.

³ См.: Raasonen H. Über den Versbau des mordwinischen Volksliedes // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; Leipzig, 1910. S. 153 — 192.

⁴ См.: Трубецкой Н. С. К структуре мордовских мелодий // Избр. тр. по филологии. М., 1987. С. 391 — 406.

⁵ См.: Якобсон Р. О. Аксиомы системы стихосложения (на примере мордовской народной песни) // Якобсон Р. О. Работы по поэтике : переводы. М., 1987. С. 133 — 139.

⁶ См.: Raasonen H. Op. cit. S. 175.

⁷ Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 404.

⁸ Там же.

⁹ Якобсон Р. О. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ См.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. 440 с.

¹¹ См.: Ватанина М. Ф. Мордовские исторические песни : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1968. 378 с.

¹² См.: Петербургский Ф. И. Указ. соч.

¹³ Горбунов В. В. Указ. соч. С. 87.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ См.: Малькина М. И. Указ. соч.

¹⁶ Там же. С. 181.

¹⁷ Там же. С. 91 — 92.

- ¹⁸ Там же. С. 182.
¹⁹ Там же. С. 183.
²⁰ Там же.
²¹ Там же. С. 103.
²² Там же. С. 144.
²³ Там же. С. 144 — 145.
²⁴ Горбунов В. В. Указ. соч. С. 89.
²⁵ См.: Кривошеев И. П. Стихъ ды поэмат. Саранск, 1958. 207 с. Далее ссылки в тексте: [Кривошеев, с.].
²⁶ См.: Горбунов В. В. Указ. соч. С. 89.
²⁷ См.: Мартынов А. К. Зорява : стихотвореният ды поэмат. Саранск, 1963. 232 с.
²⁸ См.: Арапов А. В. Мейле : стихъ. Саранск, 2006. 264 с. Далее ссылки в тексте: [Арапов, с.].
²⁹ См.: Рябова Л. А. Сиянь баягинеть : стихтъ. Саранск, 2005. 40 с. Далее ссылки в тексте: [Рябова, с.].

Поступила 28.02.2012 г.

УДК 821.511.152-141

О. И. Налдеева
O. I. Naldeeva

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ

ARTISTIC UNDERSTANDING AND THE EMBODIMENT OF RELIGIOUS MOTIVES IN MODERN MORDOVIAN POETRY

Ключевые слова: религия, православие, молитва, исповедь, художественный образ.

В статье рассматривается один из важных аспектов культуры — отражение религиозного сознания в современной мордовской поэзии. Определяются основные стилевые и жанровые особенности ее православного направления. Осуществляется аксиологический анализ художественных текстов.

Keywords: religion, orthodoxy, prayer, confession, artistic image.

The article deals with the reproduction of the religious consciousness in modern Mordovian poetry as one of the important aspects of culture. The main style and genre features of its orthodox direction are identified. The axiological analysis of literary texts are made.

Рубеж XX — XXI вв. является значительным этапом в истории человечества. Он отличается характером и масштабом изменений в социальной и духовной жизни России. Социальные, политические и культурные сдвиги, существенные перемены в области науки и философии, религиозные конфликты и духовный кризис, возникший еще в конце прошлого столетия, наложили своеобразный отпечаток на

художественное творчество. Новое восприятие действительности порождает неординарные приемы и методы ее изображения: происходят жанровая трансформация, переосмысление традиционных поэтических средств и поиск новых форм художественного выражения.

В современной мордовской лирике все чаще встречается обращение художников слова к вопросам религии в целом и к православию в частности. Стихи религиозного характера по жанрово-стилистическим особенностям максимально приближены к жанрам молитвы и исповеди. Художественные творения подобного рода стали довольно популярными в последнее десятилетие. Жанры поэтической молитвы и исповеди сложились в мордовской поэзии на основе церковных мотивов. М. Войтак отмечает, что «поэтическая молитва — это художественное высказывание, направленное к Богу, реализующее определенную жанровую схему, основанную на диалогической форме текста, его апеллятивным характере, а также на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращенного непосредственно к Абсолюту»¹. По мнению М. С. Руденко, «поэтическая молитва является особым способом выражения в форме искусства религиозных чувств; обращение к данному жанру позволяет художнику раскрыть глубинные пласты своего творческого и человеческого „я“, высказать то, что обычно относится к области несказанного»².

В современной мордовской поэзии есть произведения, жанр которых обозначен самим автором. Например В. Нестеров, Н. Ишуткин, Р. Орлова свои стихи озаглавили «Молитва». Как правило, произведения подобного характера включают просьбу, мольбу лирического героя, выражение благодарности за все то, что Всевышний ниспослал и продолжает ему посылать.

Согласно христианскому учению о молитве и в зависимости от цели выделяются просительные, благодарственные, покаянные и хвалебные молитвы³. Наиболее часто мордовские поэты обращаются к просительным молитвам. В структуре таких поэтических молитв, как и в структуре церковных, как правило, выделяется формула обращения (например, «Господи, спаси и сохрани», «Господи, помоги», «Господи, благослови», «Храни меня, Господи» и др.) и определенная просьба. В них лирический герой просит о помощи, защите, покровительстве и т. д. Так, в произведении С. Кинякина просительный характер подчеркивается уже названием «Ванфтомак, шкайнязе» («Сохрани меня, Господи»). Стихотворение построено на повторе двух основных мыслей: на фоне постоянно изменяющегося времени и человека подчеркивается постоянство Всевышнего: «*Эряфське полафни, / Ломанцьке полафни, / Аньцек аф полафнят, / Шкайнязе, тон*»⁴ («Жизнь изменяется, / И человек меняется, / Только ты не меняешься, / Боженька мой»)*; рефреном по всему произведению звучит мольба: «*Ванфтомак, Шкайнязе, / Ванфтомак!*» («Сохрани меня, Господи, / Сохрани!»). Повторяющиеся строки в начале и в конце стихотворения создают ощущение защищенности лирического героя от возможных бед.

Молитвенное обращение в стихотворениях нередко бывает сопряжено с размышлениями поэта о смысле жизни и бытия. Так, Н. Ишуткин озаглавил цикл стихотворений «Иля кадовт мельган, кеж» («Зло, не останься за мной»). Здесь наряду с частыми

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

просительными обращениями лирического героя к Богу поэт пытается осознать смысл своего существования на земле: «*Ознок пазонтень: Шкипазнэм, / Ульть монень кеме нежекс. / Свал ульть мартон, эрва разнэ, / Зярдю пупордян пежетьс*»⁵ («Молись ты Богу: Господи, / Будь Ты мне твердой опорой. / Будь во всем всегда со мной, / Когда я буду в грехе»). При этом герой предстает как истинно православный и искренне верующий человек, смиренно и благодарно уповающий на Бога: «*Паз максы: тонгак чарькодъсак / Мезекс Масторлангов сыть!*» [Ишуткин, с. 21] («Даст Бог, ты поймешь, / Зачем пришел на землю!»).

Часто в литературной просительной молитве проявляется отношение автора к религии в целом. Так, многие стихотворения Р. Орловой подчеркивают ее глубокую православную веру. Как настоящая христианка она проявляет заботу о спасении души ближнего. В стихотворении «Крвьастян штатолня» («Зажгу свечу») лирическая героиня просит Бога не только за себя, но и за других страждующих: «*Мон крвьастян фкя штатолня Шкаенди: / „Макст вень якaihненди, Шкайнай, валдоня. / Седи озафкс, Шкайнай, макст ризнайхненди. / Ванды няемс тейне макст шивалдонянь...“*»⁶ («Я зажгу одну свечку Богу: / „Дай, Господи, свет, блуждающим в ночи. / Дай, Господи, успокоение ищущим. / Дай мне увидеть завтрашний день...“»).

Согласно христианскому вероучению, молитва, в которой человек просит прощения у Бога, называется покаянной. Совершенные человеком грехи являются главным препятствием к получению Божьей милости, и в молитве человек просит Бога отпустить ему грехи, не наказывать его за них. По принципу покаянной молитвы построены многие стихотворения известной в Мордовии поэтессы П. Алешиной. По православным канонам христианин должен прощать человека, даже если тот причинил ему зло. Поэтесса следует этой заповеди в стихотворении «Простяйть, Шкабаваз» («Прости их, Господи»): «*Ётась неделя, най сяколь пря урмась, / Куйкс пупайхнень аяш шкайсна, улема. / Еряйхть валсон апак арьсек, апак пельхть / Простяйть, Шкайнай, тейне сяка синь ужьяльхть*»⁷ («Прошла неделя, заботы те же. / У злых людей, знать, Бога нет в душе. / Слова бросают необдуманно, небоязливо. / Прости их, Господи, мне все равно их жаль»). Считается, что любое обращение к Богу христианина следует начинать с покаяния⁸.

В православии постулируется, что установить взаимосвязь человека с Богом помогают святые и ангелы-хранители. Они способны вымолить у Всевышнего прощение за содеянные грехи, поэтому нередко человек обращается за помощью именно к ним. Можно привести множество таких примеров из поэтических текстов мордовских авторов, например Р. Орлова в стихотворении «Ангелозе-Ванфтызе» («Ангел-Хранитель») пишет: «*Аньцек тон, монь Ангелозе-Ванфтызе, / Монь аф макссамак стак обжамс киндиге. / Аньцек тон, монь Ангелозе-Ванфтызе, / Инксон арайсь-аралайсь Шкайтть инголе*»⁹ («Только ты, мой Ангел-Хранитель, / Не дашь меня никому в обиду. / Только ты, мой Ангел-Хранитель, / Мой заступник перед Богом»).

К церковной благодарственной молитве близко по построению стихотворение П. Алешиной «Сюкпря, мес шачень и улян» («Спасибо за то, что я есть»), в котором лирическая героиня благодарит Господа за самую большую ценность — жизнь: «*Сонць эряфсь тейне питни казне / Сюкпря, мес шачень и улян*»¹⁰ («Сама жизнь для меня — ценный подарок, / Спасибо за то, что я есть»). Проникновенный лирик мордовской поэзии И. Кудашкин благодарит Всевышнего за светлое чувство любви:

«Спасиба Шкайти, /Мес кельгома максь тьяфтама!»¹¹ («Спасибо Богу, / За то, что дал любовь такую»).

Другим жанром, наиболее ярко представляющим религиозную ветвь современной мордовской лирики, является исповедь. В русской литературе исследованием жанра исповеди занимались М. Бахтин¹², М. Михайлова¹³, В. Рабинович¹⁴, М. Уваров¹⁵ и др. Тем не менее до настоящего времени многие вопросы остаются спорными. Основная часть исследователей опирается в своих работах на определение исповеди, данное В. И. Далем. Он привел три значения этого слова: церковно-религиозный ритуал (таинство) покаяния, часть этого действия — «устное признание грехов своих перед духовником» и «искреннее и полное осознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел»¹⁶. Именно третье значение исповеди характерно для художественного творчества. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» дается следующее определение исповеди: «...произведение, в котором повествование ведется от первого лица, причем рассказчик (сам автор или его герой) впускает читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь понять „конечные истины“ о себе, своем поколении»¹⁷. В мордовском литературоведении жанр исповеди еще не подвергся предметному анализу. Вероятно, это связано с тем, что мордовская литература, в отличие от русской, не имеет достаточного опыта создания исповеди в чистом виде.

Чаще всего в исповеди подводится итог прожитой жизни, анализируется внутреннее мироощущение. Как правило, она не содержит лжи, она искренна и правдива. Это продиктовано спецификой жанра. Исповедальная манера повествования в произведениях позволяет автору, выступающему в роли лирического героя, расширить диапазон возможностей изображения собственного внутреннего мира. С одной стороны, он может более полно раскрыть перед читателем свое «я», свои мысли, поступки и чувства, вследствие чего читатель получает наиболее объективное представление об авторе. Раскрывая свой внутренний мир, художник слова может надеяться на объективную оценку своих мыслей, поступков и действий. Проанализировав отзывы, он может внести какие-то коррективы в свои действия. С другой стороны, авторские размышления, выводы могут стать неким образцом для читателя, служить своего рода примером, вызвать потребность взглянуть на себя со стороны и переоценить свое отношение к жизни.

В творчестве почти каждого писателя встречаются произведения, которые максимально приближены к исповедальному жанру. В мордовской литературе к нему обращается Н. Циликин. Один из последних сборников его стихов так и назван — «Эняльдезь виденцямат» («Исповедь»). Все произведения, вошедшие в сборник, написаны от первого лица. Уже первое стихотворение задает особый тон всему сборнику: речь в нем идет о пройденном пути, о прожитых годах, о достижениях и неудачах, подводится своего рода итог, дается оценка жизненных перипетий: «Тейне ведьгемонь топодсь... Эрь, нара, — / Кизонь эряма модать лангс тертьфан» («Мне исполнилось пятьдесят... Хорошо, — / Жизнь прожить на земле приглашен я») ¹⁸. Автор осознает, что прожита уже большая часть жизни, приобретен определенный опыт, с которым он вправе поделиться с читателем. По стихотворениям сборника легко прослеживается вся биография автора: нелегкое детство без отца, годы учебы, жизнь в городе, оторванность от села, любовные коллизии, семья, дети и внуки. Отличительной чертой литературной исповеди является

несоблюдение хронологического порядка в повествовании. Эта особенность присуща и сборнику Н. Циликина.

Любая исповедь кому-то адресована. Исповедующийся обращается к Богу, близкому, дорогому человеку, старому товарищу и др. «Объект» исповеди — это абсолютный и непререкаемый авторитет в глазах исповедующегося. Он должен обязательно верить тому, перед кем раскрывает душу. Во многих стихотворениях Н. Циликина таким адресатом является образ матери. Так, стихотворение «Сядись таколфтсы сидить» («Сердце волнуется сердцем») написано в одной из форм исповеди — форме письма. Сын читает письмо матери и искренне пытается объяснить свои поступки: *«Кельме ливозь срхкась марнек телаван, / Тяни кульхть, мезе азондан мон. / Изь юма тондейть седистон кельгомась... / Кода пандома тондейть тя парсь?»* [Циликин, 2004, с. 11] («Холодным потом покрылось мое тело, / Теперь послушай, что скажу я. / Не пропала к тебе в моем сердце любовь... / Как отплатить тебе за добро?»). Эпистолярная форма повествования способствует наиболее полному раскрытию внутреннего мира лирического героя.

Суть церковной и литературной исповеди одна — только пройдя через исповедь, можно получить отпущение греха и очищение. Герой Н. Циликина чувствует свою вину перед матерью. Без исповеди и покаяния эта ноша оказывается неподъемной для него: *«Шумуянь тейть, Тядяй, афкукс, / Стака кандомс шумонь канкссь. / И люпштай тя канкссь аф лафтус, / Кевкс прась седиезень лангс»* [Там же, с. 16] («Задолжал тебе действительно я, мама, / Тяжело нести эту ношу, / Не на плечи она давит, / Камнем упала мне на сердце»). Лирический герой верит в то, что, исповедавшись, покаявшись и испросив прощения у того, перед кем чувствует свою вину, можно освободиться от непосильной тяжести в сердце: *«Простяк, Тядяй, муворшизень, / Простяйт шумоненьге тязк / (Эздост аф азомшка сизень), / Седи лангстон кевть пачк лазк»* [Там же] («Прости, мама, за мой сложный характер, / Прости и мои долги / (Устал от них я очень), / Разбей камень на сердце моем»).

Очень часто адресатом исповеди для Н. Циликина является образ возлюбленной. Пылкое признание в любви читатель находит в стихотворении «Кельгте, кельгте, кельгомняй» («Люблю, люблю тебя, любимая»): *«Кельгте, кельгте, кельгомняй! / Кельгте, сенем сельмоняй, / Лямбоняй и кельмоняй. / Кельгте, кельгте, кельгомняй! / Кельгте, валда тяштеняй, / Нормальняй и пяштеняй»* [Там же, с. 55] («Люблю, люблю тебя, любимая! / Люблю тебя, голубоглазая, / Горячая моя и холодная. / Люблю, люблю тебя, любимая! / Люблю тебя, моя яркая звездочка, / Ягодка моя и зернышко»). Максимальная откровенность лирического героя достигнута в этом стихотворении не только посредством исповедальной манеры повествования, но и через изобразительно-выразительные средства. Практически в каждой строке автор использует повтор глагола «люблю», что, несомненно, усиливает эмоциональное звучание стихотворения.

Желание написать исповедь — свидетельство и результат важных изменений в жизни автора и глубоких раздумий. Н. Циликин пытается оценить весь жизненный путь. В своих произведениях он дает читателю возможность понять, что жизнь — это не хаотический поток различных состояний, а целенаправленное движение. Отличительной чертой стихотворений данной тематики является их жизнеутверждающий пафос, оптимистический взгляд в будущее: *«Катк шобда вийхне эсон ёлгайтть, / И еряйтть седис сялги валхт, / Но сякокс вандыень шить колга / Монь мяльне-*

арсемане валтт» [Там же, с. 49] («Пусть темные силы меня беспокоят / И бросают колющие сердце слова, / Но все равно о завтрашнем дне / Мои мысли-раздумья светлые»). Практически все стихи подобной тематики имеют дидактический характер повествования.

Страстное обращение ко всему человечеству мы встречаем в стихотворении «Ваймонь энялькс» («Просьба души»). Это открытая исповедь, адресованная каждому из нас: «Кулемасте, ломатть! / Кулемасть, мезь азан...» («Люди, услышите меня! / Услышите, что я скажу...»). Автор глубоко обеспокоен за будущее своей страны, он призывает всех людей защищать свою землю, беречь ее, любить и не причинять зла: «Кородость-ужьядьесть, / Кельгость Тядя-масторть, / Тяда канне сярятьф...»¹⁹ («Берегите-жалейте, / Любите Землю-матушку, / Не причиняйте боли...»). Эти строки насыщены глаголами повелительного наклонения, что, несомненно, усиливает значимость и актуальность авторского слова.

Потребность в исповедании рождается в тот момент, когда человек ощущает предел своей самоизолированности и это становится для него невыносимым. Причем выйти из подобной ситуации достаточно сложно. Воспоминания о прошлом, ностальгия по ушедшему и невозможность его возврата звучат в стихотворении «Эняльдезь виденцяма» («Исповедь души»): «Кизотне-тялотне эрязста ётайхть, / Лама синь полафкста эряфсон тисть. / Мелямбасть-манамбасть меки аф потайхть... / Нарыась шацема велезон кись» [Циликин, 2004, с. 12] («Годы быстро проходят, / Много изменений внесли они в мою жизнь. / Прошлое не вернется назад... / Заросла тропа в мое село»). Осознание преимущества, красоты, чистоты деревенской жизни, в отличие от городской, и невозможности возврата к первоисточнику является ведущим мотивом в творчестве Н. Циликина.

Таким образом, в современной мордовской поэзии все чаще появляются произведения, которые по жанровым признакам близки к жанрам поэтической молитвы и исповеди. В чистом виде указанные жанровые формы — достаточно редкое явление. Анализ показал, что чаще всего встречаются произведения, близкие к просительным молитвам. Психология исповеди тесно связана с психологией молитвы. Каясь в грехах, верующий молит о прощении и твердо верит, что получит его. Поэтому в произведениях исповедального характера происходит объективная оценка лирическим героем своих действий и поступков. Субъект уверен, что существует некая высшая сила, контролирующая его, поэтому он не вправе быть неискренним.

Библиографические ссылки

¹ **Войтак М.** Стереотипность и творчество в поэтической молитве // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000. С. 47.

² **Руденко М. С.** Художественное осмысление религиозных образов и мотивов в поэзии Анны Ахматовой : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1996. С. 11.

³ См. : **Скурат К. Е.** Христианское учение о молитве и ее значении в деле нравственного совершенствования. Клин, 1999. С. 44.

⁴ **Кинякин С. В.** Эряфозе, кельгомазе, пингозе. Саранск, 2007. С. 298.

⁵ **Ишуткин Н.** Иля кадовт мельган, кеж // Сятко. 2007. № 4. С. 22. Далее ссылки в тексте: [Ишуткин, с.]

⁶ **Орлова Р.** Крвьвястан штатолня // Мокша. 2008. № 3. С. 25.

⁷ **Алешина П.** Простяйтть, шкабаваз // Там же. С. 18.

⁸ См. : **Скурат К. Е.** Указ. соч. С. 44 — 45.

- ⁹ Орлова Р. Ангелозе-Ванфтыезе // Мокша. 2008. № 3. С. 27.
¹⁰ Алешина П. Азка, варма. Саранск, 2004. С. 62.
¹¹ Кудашкин И. Аф сюконакшнихть варматненди пичетне. Саранск, 1994. С. 32.
¹² См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
¹³ См.: Михайлова М. Молчание и слово (тайнство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. СПб., 1991. С. 9 — 14.
¹⁴ См.: Рабинович В. Л. Человек в исповедальном жанре // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 298 — 327.
¹⁵ См.: Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998. 256 с.
¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 54.
¹⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 320.
¹⁸ Циликкин Н. Эняльдезь виденцямат. Саранск, 2004. С. 3. Далее ссылки в тексте: [Ци-ликкин, с.].
¹⁹ Циликкин Н. Ваймонь энялькс // Мокша. 2005. № 3 — 4. С. 31.

Поступила 30.12.2011 г.

УДК 821.112.2-2

А. П. Склизкова
A. P. Sklizkova

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕКА В ТРАГИКОМЕДИИ «КРАСНЫЙ ПЕТУХ» Г. ГАУПТМАНА

PHILOSOPHY OF LIFE AND A HUMAN BEING IN TRAGICOMEDY «THE CONFLAGRATION» BY G. HAUPTMAN

Ключевые слова: монизм, невидимое, бессознательное, трагикомические противоречия, философия жизни, диалект, Ordo amoris.

В статье рассматривается история героини трагикомедии «Красный петух» Г. Гауптмана, раскрываются философские взгляды автора на жизнь и место человека в ней.

Key words: monism, invisible, unconscious, tragicomic contradictions, philosophy of life, dialect, Ordo amoris.

The history of the character of tragicomedy «The Conflagration» by G. Hauptmann is considered in the article, the philosophical views of the author on life and a human being's place in it are revealed.

Культурному миру Германии конца XIX — начала XX в. было свойственно трагикомическое мироощущение. Творческую мысль эпохи пронизывали философские раздумья о сущности и значении противоположностей. При этом трагикомедия связывалась не столько с драматическим действием, сколько с общей мыслительной философской установкой эпохи. В ней не было ничего постоянного, устойчивого, во всем наблюдались крайности, противоположности, процесс становления сменялся

процессом разрушения, смерть по сути дела была равна жизни, в глубине прогресса находился регресс. Однако именно осознание трагикомической сущности бытия способствовало выработке целостного, синтетического мировоззрения, согласно которому можно постичь, принять и философски оценить противоположности. Под пером писателей возникала глобальная картина бытия, в котором пласт трагического существует одновременно с комическим.

Немецкий драматург Г. Гауптман, подобно многим своим современникам, наблюдал в мире вечную трагикомическую драму¹. Она проистекала из той глубокой диалектики, истоком которой стали для него воззрения Я. Бёме. Он для Гауптмана являлся первым философом, заметившим трагикомические противоречия бытия. Немецкому драматургу была интересна мысль Бёме о жизни как о поле борьбы между «да» и «нет», светом и тьмой, мраком и светом. Гауптман писал, что в «да» и «нет» существуют все вещи, это две противоположности, но и две одинаковые сущности². Именно они лежат в основе драмы, в ней нет ничего устойчивого, радость и боль вступают в брак, радость от этого становится еще радостнее, боль еще больнее³. Такое грустно-радостное, по определению Гауптмана, искусство будет вечно хранить судьба.

Нечто подобное Гауптман находил в творчестве Г. фон Клейста, не случайно его произведения почитались на рубеже веков. Гауптман уловил у Клейста ощущение радости жизни, которая при этом воспринимается предельно трагично. Клейст, с точки зрения Гауптмана, радостно играет с серьезными вещами, в этом смысле произведения Клейста, Шекспира, «трагедийных комиков» древности Эсхила, Софокла и Еврипида надо рассматривать как игру духа, их творения создают неповторимую внутреннюю симфонию — «брак» грусти и радости⁴.

На основании подобных положений можно рассмотреть пьесу Гауптмана «Красный петух» (1901). Госпожа Филиц хочет поджечь свой дом, получить страховку и построить на эти деньги новое жилище. Вину за пожар она возлагает на психически больного Густава — сына бывшего жандарма Раухгаупта. Хотя «высокий» суд в лице глупого Вергана и признает Густава виновным, госпожа Филиц не выдерживает физической и моральной нагрузки, смерть настигает ее в тот момент, когда ее замыслы практически осуществились.

Следует отметить, что сам образ «красного петуха» двойствен и противоречив: он причастен и к царству жизни, и к царству смерти. «Красный петух» знаменует собой образ огня, от которого часто нет спасения. Он связан с солнцем, лучи которого приятно согревают, но могут быть и столь опасными, что приводят к смерти. Недаром в Древней Греции петух считался атрибутом Асклепия — бога медицины, воскресителя мертвых. Об Асклепии писал Павсаний. Его «Описание Эллады» Гауптман неоднократно упоминает в своих дневниковых записях. Павсаний описывает священную рощу Асклепия, спящих вокруг нее людей, которые пришли просить об исцелении. Недаром афиняне посвятили Асклепию определенный день в Элевсинских мистериях. Посвященные должны были проделать особый путь от страха и отчаяния смерти к обновлению и воскрешению⁵.

Имея в виду двойную природу «Красного петуха», образ которого как бы незримо стоит за всеми событиями в трагикомедии Гауптмана, речь можно вести об особом внутреннем движении в драме. Литературоведы видят его в плавном переходе комических эпизодов в трагические⁶. Однако здесь можно говорить не только

о трактовке текстовых эпизодов, а об общей философской установке автора. С его точки зрения человеческое бытие столь многогранно, что часто очень сложно разграничить даже самые простые вещи — смех и слезы, горе и радость. Так, жандарм в отставке Раухгаупт считает, что на свете много бед, но они могут обернуться и радостью. Например, соседство с домом Филицев Раухгаупта радует, так как тепло от горящего дома способствует росту его ананасов. Кузнец Ланггейнрих цинично заявляет, что все люди братья, но только в споре, сам он ничего не будет делать для других. Однако Ланггейнриха при этом возмущают действия некоего Дальгова, который истязал своего сына до тех пор, пока несчастный не бросился в озеро. Подмастерье Эдде рассказывает об одном человеке, который повесился от голода. Явно сочувствуя и сострадая несчастному, Эдде одновременно насмехается над собственными переживаниями, над своим нежным сердцем. Исходя из этого он делает достаточно каламбурный вывод — надо метить выше, т. е. Эдде имеет в виду высокую сосну, на которой обнаружили подмастерье, а также предыдущие слова доктора Боксера о том, что надо всегда стоять за высокий принцип.

Жизненная установка Гауптмана, связанная с мыслью о постоянно происходящей в жизни трагикомической драме, наиболее наглядно проявляется в так называемом судебном разбирательстве. Его целью является выяснение причин пожара дома Филицев. Все, кроме глупого судьи Вергана, понимают, что Филицы сами подожгли свой старый дом. По этому поводу все смеются и шутят. Верган находится в полном недоумении — у людей горе и испытание. Однако подобные речи вызывают еще большее веселье, которое с приходом Филицев становится поистине неудержимым. Госпожа Филиц горько плачет, Эдде интересуется, нет ли у кого кусочка губки, а то Филиц слезами замочит чулки. Веселье достигает апогея, когда Верган произносит финальную сбивчивую речь, которая заканчивается непонятным утверждением: «Перед Буддой мы не устоим». Густав — сумасшедший сын Раухгаупта — в конце речи Вергана издает протяжный ослиный крик: «Иа! Иа! Иа!», самым непосредственным образом подчеркивая бессмысленность витиеватых высказываний судьи. Новый взрыв хохота связан с вопросом Вергана — он интересуется, чей же это был крик. На это ему совершенно серьезно отвечает Ланггейнрих: «По-видимому, льва».

В какой-то степени понять скрытые, внутренние побуждения людей, часто непонятные им самим, позволяет философия жизни (*Philosophie des Lebens*). В противовес теодицее Г. Лейбница, согласно которой существующий мир, созданный Богом, является лучшим из всех возможных миров, сторонники философии жизни рубежа веков не разделяли эту точку зрения, т. к. по их мнению на данном основании он не может считаться хорошим. Они признавали весьма существенным пласт трагедии в этом мире, были зачарованы его многозначностью и таинственностью. Так, В. Дильтей, ведущий представитель философии жизни, сравнивал жизнь с кораблем в морской пучине. Г. Зиммель, углубляя концепцию Дильтея, пришел к выводу о жизни как о судьбе, в которой нет причинно-следственных связей⁷. М. Шелер в работе «Человек и история» выдвинул ведущий, с его точки зрения, принцип мира — *Ordo amoris*, составляющий сокровенное ядро личности⁸. Р. Штейнер, не соприкасаясь с философией жизни, тем не менее изложил высший закон для индивида — сострадание миру людей и животных, развитие чуткости, иначе сердце очерствеет, а дух притупится⁹.

Гауптман, во многом соглашаясь со своими современниками, внес в философию жизни личные коррективы. Жизнь представлялась ему в виде ковра, который невидимая рука вытаскивает из-под ног¹⁰, или в виде телеги для путешествий, которая катится вне времени и вне пространства¹¹. Людей он сравнивал с пассажирами на палубе корабля, пытающимися спастись от всемирного потопа, но они окружены им, потоп вокруг и внутри них¹². Наиболее близки Гауптману взгляды М. Шелера. Гауптман неоднократно подчеркивал, что основу его существования составляла определенная этика — любовь к людям, сострадание и сочувствие¹³. Гауптман, подобно Штейнеру, говорил о любви ко всему живому, о необходимости прощения и примирения, когда человек очищается от ненависти и злобы, тогда он свободен от внутреннего разрушения и духовно выздоравливает¹⁴. Не случайно Х. Хильдебберг отмечал особое благородство личности Гауптмана, подчеркивая, что именно оно в сочетании с высоким мастерством придало произведениям драматурга столь поразительную силу воздействия¹⁵.

Гауптман, демонстрируя мысль о жизни как о телеге для путешествий, ввел в текст образ колеса. Один из героев — доктор Боксер, медленно катит его, а оно движется назад. Кузнец Эдде, подхватывая колесо, обращается к нему как к одушевленному существу, говорит, что оно не должно так поступать, так как вся мировая история обязана идти вперед. При этом Эдде употребляет диалектное слово *Jeschichte* вместо литературного *Geschichte* «история», как бы намеренно комически принижая трагические рассуждения о сущности жизни. Диалект Гауптман причислял к внутренним формам драмы¹⁶, говорил, что в нем звучит особая музыка души¹⁷. В данном случае через диалект, через его мелодичное звучание Эдде пытается с помощью смеха спастись от «всемирного потопа» злобы и коварства, которые он наблюдает в мире. Кузнец употребляет диалектные слова бессознательно. Это бессознательное, которое столь тщательно исследовал на рубеже веков Гартман, позволил Гауптману проникнуть в таинственную суть вещей, в данном случае понять трагикомичность истории — она столь же нелепа и несурозна, как данное ей определение *Weltgeschichte* «история мира».

Подобные рассуждения о Бессознательном помогают понять и скрытые побуждения госпожи Филиц. Жизненный «ковер» трагическим образом вытолкнут из-под ее ног. Госпожа Филиц в прошлом прачка, она не в состоянии теперь по-прежнему работать, так как больна. Ей все время холодно, поэтому она постоянно кутается в платки. Однако и эта столь сложная жизненная ситуация в пьесе показана предельно комически. Госпожа Филиц, желая быть значительной, по-ученому определяет свою болезнь, называет ее «*Reissmatichtig*», от чего она лечится «*Jelektrisiertmaschine*». Жена сапожника не понимает точного значения слова и лишь догадывается о его семантике, полагаясь на его причудливое звучание. В связи с этим происходит комическое соединение слова «маразматик» и «ревматизм», от чего необходимо избавиться посредством «електризированной машины». Госпожа Филиц единственная, кто уверен, что надгробная надпись называется эпитафией. Правда, она произносит «*Zephitaph*», невольно вкладывая глубокий, внутренний смысл в само понятие смерти — она страшна, ужасна, но и комедийно-курьезна и заслуживает лишь «*Zephitaph*», а не пышных, торжественных речей. Подобно подмастерью Эдде Филиц говорит на диалекте бессознательно. Однако ее бессознательное особое — она невольно воспринимает себя как трагическую героиню, по крайней мере, желает такой казаться в

глазах окружающих. Ее кажущееся величие, благодаря диалектическому смешению модных и научных слов, смешно и примитивно. Госпожа Филиц, в отличие от подмастерья Эдде, не спасается от всемирного потопа — расколотого мира, он находится в ее душе и иногда невольно, диалектно-бессознательно выходит наружу.

Конец XIX — начало XX в. — время практицизма, когда в человеке ценились воля, необходимая для достижения желаемого, внутренняя энергия и внешняя борьба. Здесь выживает сильнейший, следуя логике естественного отбора, о котором поведал Ч. Дарвин. В воле раскрывается сущность индивида, проявляются его высшие ценности¹⁸, воля — это сердце человека, властно правящее рассудком¹⁹, энергия воли равна энергии деятельности²⁰. Г. Гауптман, как и его современники, был увлечен понятиями воли, силы и энергии²¹. Однако при всем своем восхищении драматург усматривает их пагубное воздействие на душу индивида в том случае, если воля, сила и энергия не согласуются с внутренними этическими законами личности. Героиня трагикомедии «Красный петух» госпожа Филиц служит ярким тому примером.

Она, будучи бедной прачкой, непрестанно ведет борьбу с миром за улучшение своего существования, пытается добыть больше денег любым путем — воровством или всевозможными денежными махинациями. С этой целью она использует своего шурина Шмаровского, прививает подобные принципы дочерям, руководит мужьями (первый был корабельным плотником, второй — сапожником). Госпожа Филиц философски осмысливает свою позицию: с ее точки зрения, глупость правит миром, поэтому она должна быть умной, возвыситься над обстоятельствами и выбраться из трясины нищеты. Однако, восставая против несправедливых законов мира, госпожа Филиц в то же время действует по его же правилам. «Трудолюбивая прачка», как ее называет Верган, оказывается филистеркой, ее философские принципы вполне согласуются с общей системой мышления. Филистеры подчинены господствующим отношениям, т. е. им не свойствен духовный рост, их потребности чисто материальные²². Гауптман подчеркивал, что филистера ничто не может впечатлить, он давит на других и сам находится под давлением своего времени. Филистер считает, что знает все, но блуждает в беспросветном мраке, поскольку делит жизнь на полезную и бесполезную²³.

Так осознается человек, вынужденный утверждать себя в мире практицизма, и в этом заключается глубинная сущность трагикомедии Гауптмана. Ее содержанием является власть денег, их рабами становятся сильные и значительные люди. Они мнят себя свободными, тем самым пытаются оправдать свои поступки — чтобы иметь новый дом, на строительство которого не хватает средств, надо сжечь старый, возложив вину на другого человека. Однако подобная свобода лишь формальная, поскольку выбор произведен на основании стандартного, массового мышления — любой ценой победить в борьбе, не считаясь ни с кем и ни с чем. Сила убеждения беспредельна: Филиц с трудом склоняет мужа к своему решению, причем не потому, что против этого протестует его нравственное чувство, а потому, что сапожник — человек слабый и нерешительный. Комедия мира, основанного на материальных ценностях, вершится в рамках трагической истории значительной личности. Вместо силы созидания героиня предпочла силу разрушения, которая парадоксальным образом обернулась против нее — госпожа Филиц умирает, признавая тщетность своих усилий.

Литературоведы, исследующие характер главной героини Гауптмана, занимают достаточно определенную позицию, называя ее капиталисткой-поджигательницей²⁴. Однако в данном случае не охваченным остается взгляд Гауптмана на человека, тесно связанный с его философией мира, в основе которой любовь к людям, сострадание и сочувствие им. Гауптман уверен, что каждый человек находится во власти внутренних противоречий и заблуждений, поэтому достоин жалости, а не презрения. Доказательства подобной позиции автора даны в финале пьесы. Достижение желаемого всевозможными методами приводит госпожу Филиц к усилению телесных недугов: в ремарках подчеркивается, что она худая, бледная, почти не встает с постели. Госпожа Филиц и раньше болела, но сейчас, когда ее сила и энергия были направлены на разрушение судеб других людей (Густава отправили в сумасшедший дом, его отец Раухгаупт хотел повеситься от горя), это невольно внутренне затронуло и ее здоровье. Драматически напряженная ситуация, определяемая как «миросозерцательное качество»²⁵, достигает апогея в произведении в тот момент, когда Раухгаупт каждый вечер приходит к госпоже Филиц и описывает палкой вокруг нее все более узкие круги, зловеще утверждая, что любая тайна будет обнаружена. Столь бесстрашная в прошлом прачка безумно боится бывшего жандарма. Они — непримиримые враги, победа будет за сильнейшим. Однако ситуация внезапно меняется, конфликт предельно сглаживается. Госпожа Филиц начинает жалеть Раухгаупта и сострадать ему. Она стала жить сердцем, а ранее в систему ценностей у нее входил лишь рассудок. Ее слабость оборачивается силой, но на сей раз фатальной для нее — это сила прозрения, сила души, приводит ее к внутреннему возвышению. Гауптман называет подобное восхождение *Scala d'Ogo*, подчеркивая при этом, что человек часто не знает, где находится эта высшая ступень²⁶. Не случайно в финале госпожа Филиц, поднимая руки вверх, ловит что-то над собой, пытается схватить то невидимое, что так и не смогла найти при жизни. Радость сострадания и любви лишь в последние минуты жизни озарила ее душу.

Итак, новый дом построен, выкованный кузнецом «красный петух» прикреплен к крыше. Парадоксальным образом он охраняет от пожара то жилище, сооружение которого оказалось возможным благодаря тщательно спланированному поджогу старого дома. Истинная природа «красного петуха» связанная с воскрешением и исцелением души, помогла госпоже Филиц перед смертью понять важную истину — материальное благополучие мало что значит по сравнению с душевным покоем и комфортом.

Библиографический список

- ¹ См.: **Hauptmann G.** Die Kunst des Dramas. Berlin, 1963. S. 12.
- ² См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. Frankfurt am Main, 1987. S. 219.
- ³ См.: **Hauptmann G.** Griechischer Frühling. Berlin, 1908. S. 168.
- ⁴ См.: **Hauptmann G.** Die Kunst des Dramas. S. 43, 45, 110.
- ⁵ См.: **Павсаний.** Описание Эллады. М., 1994. С. 179 — 185.
- ⁶ См.: **Lemke E. G.** Hauptmann. Leipzig, 1923. S. 239.
- ⁷ См.: **Одуев В. З.** Метаморфозы иррационализма. М., 1997. С. 12 — 20.
- ⁸ См.: **Бурханов Р. А.** Проблема человека в философии М. Шелера // Немецкая философия конца XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 139 — 141.
- ⁹ См.: **Штейнер Р.** Теософия. Познание высших миров. М., 2002. С. 145, 544.

- ¹⁰ См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 229.
¹¹ См.: **Hauptmann G.** Italienische Reise. Berlin, 1976. S. 138.
¹² См.: **Hauptmann G.** Abenteuer meiner Jugend. Berlin ; Weimer, 1980. S. 10.
¹³ См.: *Ibid.* S. 491, 537, 671.
¹⁴ См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 43, 132.
¹⁵ См.: **Хильдебанд Х. Г.** Гауптман // Литература 1901 — 1926. М., 2006. С. 248.
¹⁶ См.: **Hauptmann G.** Abenteuer meiner Jugend. S. 656.
¹⁷ См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1892 bis 1894. Frankfurt am Main, 1985. S. 103.
¹⁸ См.: **Вильдебанд В.** О свободе воли. М., 2000. С. 121.
¹⁹ См.: **Фишер К.** Воля и рассудок. СПб., 1909. С. 61.
²⁰ См.: **Липсе Т.** Философия природы. М., 1873. С. 78, 94 — 96.
²¹ См.: **Hauptmann G.** Abenteuer meiner Jugend. S. 577, 671.
²² См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 50, 360.
²³ См.: **Hauptmann G.** Italienische Reise. S. 23, 76.
²⁴ См.: **Lemke E. G.** Hauptmann. S. 298.
²⁵ См.: **Хализев В. Е.** Драма как род литературы. М., 1986. С. 109.
²⁶ См.: **Hauptmann G.** Buch der Leidenschaft. Berlin, 1978. S. 80.

Поступила 08.01.2012 г.

УДК 2-14(=511.152)

С. В. Пивкина
S. V. Pivkina

БОГИ — ПОКРОВИТЕЛИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОРДВЫ

DEITIES — THE PATRONS OF LIFE ACTIVITY OF THE MORDVINS

Ключевые слова: Бог, Норовава, Вирява, Вармава, Пурьгинепаз.

В статье рассматриваются божества, олицетворяющие явления природы, — Норовава, Вирява, Вармава и Пурьгинепаз, игравшие важную роль в хозяйственной деятельности мордвы.

Key words: the Deity, Norovava, Viryava, Varmava, Purginepaz.

The article deals with the deities, who personify natural phenomena — Norovava, Viryava, Varmava and Purginepaz, and who played an important role in the household activity of the Mordvins.

Поклонение мордвы богам организовывало ее семейно-бытовую и хозяйственную деятельность, придавало последней осмысленно-разумный характер. При этом к Верховному богу мордва обращалась довольно редко. Первостепенными для нее являлись иные сакральные силы, находившиеся ближе к человеку и более значимые для его хозяйственной жизни. Такими силами были божества, олицетворяющие явления окружающей природы, — Норовава, Вирява, Вармава и Пурьгинепаз.

Норовава (э. норов «хлеб, урожай», ава «женщина, мать») является богиней урожая. Она покровительствует плодородию всего, что произрастает на полях и лугах.

К Нороваве близка Паксява (м., э. пакся «поле», ава «женщина, мать») — покровительница поля. Иногда исследователи представляют их одним и тем же божеством¹. Норовава является одной из центральных богинь в пантеоне, которую почитал сам Верховный бог Нишкепаз². Существует две версии происхождения Норовавы. По одной из них она — вторая дочь Анге Патяй³. Во второй версии речь идет о рождении трех богинь из яйца (Норовава, Вирява, Вармава)⁴. В фольклоре Норовава представлена как олицетворенное существо, как красивая женщина в великолепной серебряной одежде⁵. Наиболее полная характеристика образа Норовавы дана в песне «Пазонь симемат-ярсамот» («Пир богов»). В ней она выступает как великая труженица, для которой превыше всего урожайность полей, которая обеспечивает безбедную жизнь народа. Ради этой цели она готова послушаться даже Нишкепаза, например:

Вай, а молян, а молян	Ой, не пойду, не пойду
Верепазнэнь симеме,	К Верепазу я пить,
Нишкепазнэнь ярсамо:	Нишкепазу есть:
Течи чизэ овторник —	Сегодня день вторник —
Ломанть лисить видеме,	Люди выйдут сеять,
Видьме коморонь каямо ⁶ .	Бросить горсть семени.

Поскольку Норовава, как уже было отмечено, помогала человеку получать хорошие урожаи, эрзяне называли ее «парочи» («добро»).

Мордва — лесной народ. Лес давал ей мед, пушнину, дичь и, что не менее важно, защиту от иноплеменных нападений, поэтому немаловажную роль в жизни мордвы играла Вирява (м., э. вирь «лес», ава «женщина, мать») — богиня леса, покровительница произрастания и сохранения растений и животных. Без ее ведома в лесу ничего не происходит. В космогонической мифологии нижегородской эрзи она считается четвертой дочерью Анге Патяй⁷. Такой высокий статус богини по происхождению подчеркивается ролью леса в жизни эрзи и мокши: ему отводилось третье место после пчеловодства и земледелия.

Эта богиня имеет антропоморфный облик: одевается как эрзянка или мокшанка; как обыкновенная женщина подвержена любовной страсти; рождает детей от человека; она способна переживать, страдать, радоваться и гневаться⁸. Иногда Вирява может предстать как женщина высокого роста, с большими, как решето глазами, издающая пугающие крики, или как худая длинноволосая женщина с переброшенными через плечи грудями, или как ничком лежащая женщина: «Ноги ее на этом берегу, руками оперлась о другой берег. Сажени три ее длина. Серьги почти на три четверти длиной»⁹.

В процессе принятия мордвой христианства произошли существенные изменения в восприятии языческих божеств. Вера в них постепенно ослабевала и прежние глубоко почитаемые божества становились нечистой силой. Так, Вирява, ранее выступавшая как покровительница леса, все чаще предстает как одна из его обитательниц, кровожадная людоедка. Человек уже не преклоняется перед ней, а борется и побеждает ее¹⁰.

Мордва поклонялась также богине ветра Вармаве (м., э. варма «ветер», ава «женщина, мать»). Она олицетворяет благотворные и разрушительные силы: в добром настроении приносит тучи на поля с благодатным дождем; в плохом — разбуше-

вавшись, вихрями и ураганами губит посевы, разрушает дома, раздувает пожары и разносит болезни. Злой нрав Вармава проявляет по отношению к тем, кто ее не почитает, не обращается к ней с молитвами¹¹. О происхождении Вармавы существует две версии: по одной из них она — не богиня, а бог — Вармапаз и родила его Вирява¹²; по другой — она родилась из яйца Иненармунь и является сестрой Вирявы и Норовавы:

Колмонинест патят-сазорт роднойнеть:
Норовава, Вармава, Вирява¹³.

Три сестры они родные:
Норовава, Вармава, Вирява.

Внешний образ Вармавы не приобрел определенные черты. Повелительница ветра не имеет ни ног, ни рук, ни крыльев, ни языка. А. М. Шаронов по этому поводу пишет: «...отсутствие в образе Вармавы антропоморфных и социально окрашенных признаков указывает на то, что эта богиня не претерпела заметной исторической трансформации вследствие того, может быть, что сила ветра не нашла хозяйственного применения»¹⁴.

Возникновение земледелия у мордвы, очевидно, породило обожествление таких атмосферных явлений, как гром и молния. Бог грома Пурьгинепаз (э. пурьгине «гром», паз «бог») занимает одно из центральных мест в пантеоне мордвы. Мокшане называют его Атямшкай. Нередко Пурьгинепаз мордва называла Пиземепаз (э. пиземе «дождь», паз «бог»). Наряду с ним в молитвах фигурирует еще одно божество — Ёндоппаз (э. ёндол «молния», паз «бог»).

По мнению А. И. Маскаева, Пурьгинепаз «является древним финским божеством грома и дождя, возникшим до разделения финских народностей на восточные и западные группы»¹⁵. А. М. Шаронов считал Пурьгинепаз «богом грома и дождя у эрзи». При этом он «изображается как небесный царь, у которого в левой руке гром, в правой — дождь»¹⁶. В фольклорных текстах он описывается как «менель лангонь инязор, колмо толонь ракшасо менель ланга ардтнят, ёндол вергеди чарыстэть, керш кедьсэть пурьгине, вить кедьсэть пиземне»¹⁷ («небесный царь, на трех огненных конях он скачет по небу, извергая из-под колес молнии, из левой руки — гром, из правой руки — дождь»).

О рождение Пурьгинепаз существует также несколько версий. П. И. Мельников писал, что Нишкенде-тейтерь (покровительница пчел и богиня судьбы) родила сына Пурьгинепаз, которого также называли Мельказо (Верги-Мучки-Мельказо, т. е. на землю сходящий дух сына грома) ¹⁸. Кроме того, существуют версии, что он сын Чампаза и Анге Патяй¹⁹; сын Инешкипаза²⁰; сын Ведявы²¹.

«Основная функция Пурьгинепаз, — отмечает А. М. Шаронов, — владычество громом и дождем, управление небесными стихиями. Конкретное понимание грома и дождя зависит от поведения людей, от отношения к ним самого громовика: любимых убивает (даруя им очищение и светлую жизнь на том свете), вызывающих его гнев побивает градом, заслуживающим сострадания посылает тихий дождь, чтобы хлебом наполнились их поля. Выполняя и ряд других функций, Пурьгинепаз выступает как бог-покровитель эрзянского народа, оказывая грозной своей силой воздействие на образ его жизни и поведение: они должны быть такими по содержанию и форме, чтобы способствовать нравственному совершенствованию человека и благотворному его труду»²². В молитвах, обращенных к Пурьгинепазу, прежде всего содержится просьба о благодатном дожде²³. Кроме того Пурьгинепаз предстает как

«непримиримый враг нечистой силы, змеборец: во время грозы разгоняет и уничтожает змей, расстреливает и сжигает молнией чертей и другую нечисть, враждебную эрзянам»²⁴. Со временем у мордвы на культ божества грома наложился культ грозного божества первых племенных дружин. В результате этих процессов Пурьгинепаз приобрел дополнительные функции. В историко-социологическом плане возникновение культа Пурьгинепаз-громовержца можно отнести ко времени, когда впервые обозначились черты военной демократии. Подтверждением этому может быть традиция произнесения молитвы уходящими на войну, в которых имеются обращения к Пурьгинепазу с просьбой о покровительстве²⁵.

Итак, поклонение мордвы божествам, олицетворявшим явления окружающей природы, способствовало организации хозяйственной деятельности народа. Среди этих божеств особо почитались Норовава (Паксява), Вирява, Вармава и Пурьгинепаз.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983. С. 210.
- ² См.: Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 71.
- ³ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 48.
- ⁴ См.: Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 142 — 143.
- ⁵ См.: Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006. С. 205.
- ⁶ Цит. по: Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1. С. 202.
- ⁷ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Указ. соч. С. 49.
- ⁸ См.: Шаронов А. М. Указ. соч. С. 74.
- ⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. С. 140.
- ¹⁰ См.: Юрченкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 49.
- ¹¹ См.: Шаронов А. М. Указ. соч. С. 73.
- ¹² См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Указ. соч. С. 49.
- ¹³ Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1. S. 68.
- ¹⁴ Шаронов А. М. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁵ Маскаев А. И. Эпические песни // Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975. С. 215.
- ¹⁶ Шаронов А. М. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷ Mordwinische Volksdichtung. Bd. 1. S. 17.
- ¹⁸ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Указ. соч. С. 48.
- ¹⁹ См.: Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. С. 134 — 135.
- ²⁰ См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von I. Zorin ; durchges. u. transkr. von H. Paasonen ; übers. von K. Heikkilä u. P. Ravila ; hrsg. von M. Kahla. Helsinki, 1977. Bd. 5. S. 38.
- ²¹ См.: Маскаев А. И. Указ. соч. С. 215.
- ²² Шаронов А. М. Указ. соч. С. 62.
- ²³ См.: Юрченкова Н. Г. Указ. соч. С. 36.
- ²⁴ Шаронов А. М. Указ. соч. С. 62.
- ²⁵ См.: Narva U. Op. cit. S. 158.

Поступила 01.02.2012 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 792(470.345)

Э. Ш. Нугаев
E. Sh. Nugaev

РЕПЕРТУАР МОРДОВСКИХ ТЕАТРОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946 — 1947)

THE REPERTOIRE OF THEATRES OF MORDOVIA IN THE EARLY POSTWAR YEARS (1946 — 1947)

Ключевые слова: идеология, культурная политика, постановление ЦК ВКП(б), репертуар театра.

В статье рассматривается влияние идеологических установок, сложившихся в первые послевоенные годы на репертуарную политику драматических театров, в свете постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению».

Key words: ideology, cultural policy, the regulation of the Central Committee of the CPSU(b), the repertoire of theater.

The impact of ideological directives of the early postwar years on the repertoire policy of theaters of drama from the standpoint of the regulation of the CPSU(b) «On the repertoire of theaters of drama and measures for its improvement», dated on August 26, 1946, is considered in the article.

В первые годы после Великой Отечественной войны в советской идеологии господствовали два направления, которые дополняли друг друга — прославление тысячелетней истории России как предыстории СССР и миф о войне¹. С одной стороны, идеологи продолжали политику обнаружения или изобретения наследия имперской России в советской истории²; с другой — победа над нацистской Германией связывалась не столько с героическим наследием, сколько с достижениями советской власти, и это в свою очередь служило неоспоримым аргументом в пользу советского государственного строительства и утверждало легитимность правления партии.

Послевоенное восстановление страны требовало большого духовного напряжения всего общества. Несмотря на расширение контактов советских ученых и деятелей культуры с западными коллегами на последнем этапе войны, ожидаемой либерализации внутреннего режима, свободы творчества и ослабления жесткого партийно-государственного контроля так и не произошло³. Вместо этого руководство страны взяло курс на усиление контроля в области культурной политики. В июне 1946 г. вышел первый номер газеты «Культура и жизнь» (орган Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)). В ней спустя полтора месяца было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», с которого

началась борьба с «безыдейными, идеологически вредными произведениями»⁴, «культивирующими несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»⁵. Вслед за этим постановлением в том же году появились два других — «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме „Большая жизнь“», выдержанные в духе первого решения. В первом постановлении, принятом 26 августа, была дана характеристика начавшегося в идеологическом плане отхода от мобилизованных пропагандой эпизодов дореволюционного прошлого⁶ к идеализации советской истории. В нем речь шла о том, что пьесы советских авторов на современные темы фактически вытеснены из репертуара крупнейших драматических театров классическими произведениями, а немногие встречающиеся в репертуарах пьесы современной тематики критикуются как «слабые, безыдейные», в которых советские люди «изображаются в уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными, с обывательскими вкусами и нравами»⁷. Большим недостатком драматических театров называлось их чрезмерное увлечение постановкой пьес на исторические темы⁸. В итоге перед драматургами и театрами была поставлена задача отражать в спектаклях «жизнь советского общества в ее непрерывном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны»⁹.

Мордовский театр, как и многие театры страны, выполняя данное постановление, сосредоточил внимание на подготовке спектаклей о современности. На Республиканской конференции работников искусств, состоявшейся 26 января 1948 г., начальник Управления по делам искусств при Совете министров МАССР Н. А. Егоров отметил, что «постановление ЦК ВКП(б) от 26-го августа 1946 года вскрыло серьезные ошибки драматургов и театров. Аполитичностью в репертуарной линии наших театров был тот факт, что современная тема была фактически вытеснена из театров Мордовской АССР, а репертуар был засорен низкопробными и даже вредными пьесами»¹⁰. Так, в 1946 г. Республиканский театр драмы поставил 12 пьес, из которых только 6 были на современную тему. Колхозно-совхозный театр (г. Ардатов) в том же году поставил 5 пьес и ни одной из них о современности [ЦГА РМ. Ф. Р-578. Оп.1. Д. 80. Л. 5]. Среди причин «игнорирования глубокой работы над пьесами советской тематики» Н. А. Егоров выделил стремление руководителей театров, выполнявших план по доходам, показывать «кассовые пьесы», в которых «идейность ошибочно противопоставляется развлекательности», а «художественность несовместима с политической тенденцией». Здесь же были приведены цифры затрат на новые постановки, которые «свидетельствуют о недооценке работы над пьесами советских авторов». Так, Республиканский театр драмы на спектакль «Раскинулось море широко» затратил около 2 тыс. руб., «Свадьба Кречинского» — 18 тыс. руб., «Маскарад» — 28 тыс. руб. При этом спектакль «Маскарад» посетили 5 тыс. чел., а советскую пьесу «Машенька» — 7 тыс. чел. [Там же. Л. 5 — 6]. По мнению Н. А. Егорова, «наиболее существенным недостатком в деле создания Мордовской национальной драматургии» является отход мордовских драматургов, призванных создавать новое социалистическое искусство, от тем современности в угоду сюжетам из исторического прошлого. Однако он тут же оговорился, что «экскурсы в историческое прошлое имеют свое положительное качество», и привел в качестве примера произведения «Литова» и «Несмеян и Ламзурь», заметив при этом, что данные произведения

являются характерной чертой творчества выдающегося мордовского композитора Л. П. Кирюкова, но отнюдь не мордовских драматургов [Там же. Л. 6].

Среди пьес советской тематики были аполитичные и «малохудожественные безыдейные пьесы» («Окно в лесу», «Поединок», «Кому подчиняется время», «Лгунья», «Не ваша профессия», «Три мушкетера» и «Дама-невидимка») [Там же. Д. 63. Л. 27 ; Д. 66. Л. 1 ; Д. 80. Л. 5, 48]. Для ясности картины приведем пример репертуара театров до постановления 1946 г.: театр драмы — «Поединок», «Окно в лесу», «Кому подчиняется время», «Дама-невидимка», «Мнимое равнодушие», «Три мушкетера», «Пигмалион», «Маскарад», «Так и будет», «Машенька», «Раскинулось море широко», «На дне» и «Свадьба Кречинского»; колхозно-совхозный театр — «Лгунья», «Хозяйка гостиницы», «На бойком месте», «Без вины не виноватые» и «Поздняя любовь»; кукольный театр — «Золотой ключик», «Три поросенка», «Гусенок», «Цветы мести», «По щучьему велению», «Солдат Иван», «Не ваша профессия» и «Сказка о мертвой царевне»; театр оперы — «Травиата», «Флория Тоска», «Кармен», «Севильский цирюльник», «Сильва», «Демон», «Русалка», «Царская невеста», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа», «Князь Игорь» и «Риголетто» [Там же. Д. 59. Л. 5 — 6 ; Д. 63. Л. 5 ; Д. 80. Л. 5, 47].

Мордовские театры, выполняя постановление ЦК ВКП(б), весь следующий год вели «борьбу за очищение репертуара от малохудожественных, безыдейных пьес и спектаклей», «повышение качества спектаклей» и «рост политического кругозора и мастерства режиссеров, артистов, музыкантов и художников» [Там же. Д. 80. Л. 10]. Произведения советской тематики теперь занимали прочное место в репертуарах театров. Так, в колхозно-совхозном театре из 4 поставленных пьес 3 были современной тематики, в республиканском театре драмы из 8 пьес — 7. Н. А. Егоров на вышеупомянутой конференции по этому поводу заметил, что «сделав верный шаг по пути укрепления ведущих позиций Советской пьесы, театр зашел в крайнюю позицию в выборе репертуара и замкнулся в рамках только советских авторов, вытеснив русскую классику из числа новых постановок» [Там же. Л. 11].

В результате проделанной работы репертуар мордовских театров в 1947 г. стал следующим: театр драмы — «Под каштанами Праги», «Старые друзья», «За тех, кто в море», «Русский вопрос», «Ревизор» (на мордовском языке), «Встреча с юностью», «Молодая гвардия», «На дне», «Маскарад», «Свадьба Кречинского» и «Мнимое равнодушие»; колхозно-совхозный театр — «На далекой реке», «Машенька», «Младшая сестра», «Светит да не греет» и «Пути дороги»; театр кукол — «Морской охотник», «Каштанка», «Цветы мести», «По щучьему велению», «Три поросенка», «Кот в сапогах», «Конек-горбунок», «Медведь и девочка», «Сказка о мертвой царевне», «Золотой ключик» и «Гусенок»; театр оперы — «Несмеян и Ламзурь», «Бахчисарайский фонтан», «Дубровский», «Севастопольцы», «Князь Игорь», «Мазепа», «Царская невеста», «Демон», «Кармен», «Тоска», «Севильский цирюльник», «Травиата», «Риголетто» и «Фауст» [Там же. Д. 66. Л. 6, 38 — 39, 72, 99 ; Д. 80. Л. 48].

Этот период был ознаменован рядом удачных постановок, таких, как «Под каштанами Праги», «Старые друзья», «За тех, кто в море», «Русский вопрос», «Ревизор» (на мордовском языке), «Встреча с юностью», «Молодая гвардия», «Наша слава» (на мордовском языке), «Младшая сестра», «Воспитанница», «Дубровский», балет «Бахчисарайский фонтан» и опера «Севастопольцы» [Там же. Д. 80. Л. 10 — 11, 18].

Несмотря на упорную работу по претворению в жизнь постановления ЦК ВКП(б) не обошлось без трудностей. На Республиканской конференции работников искусств 26 января 1948 г. были озвучены некоторые из них. В первую очередь отмечались неудовлетворительная игра актеров (не всегда полно раскрывались образы героев), неточности в воспроизведении текста актерами, недостаточная творческая дисциплина и небрежность в гриме. Нападкам в отношении слабой дисциплины подверглись также музыканты оркестра и кордебалет. Плохое звучание оркестра связывалось с его неукомплектованностью [Там же. Л. 12 — 13, 18 — 19, 20 — 21]. Было обращено внимание на оформление спектаклей, указывалось что оно «маловыразительно», «небрежно» и «плохо помогает игре актеров», причем это относилось как к новым постановкам, так и к постановкам из текущего репертуара. Не обошли вниманием и работу режиссеров. Было отмечено, что режиссерская трактовка спектаклей страдает расплывчатостью идей и чрезмерным увлечением внешними эффектами, например «нарочитым стремлением рассмешить публику» [Там же]. Подобного рода трудности в этот период были очевидными, особенно если учесть в каких сложных идеологических и материальных условиях выполнялось это постановление.

Таким образом, в период первых послевоенных лет из-за господствовавших идеологических направлений и соответствующих постановлений в репертуарах драматических театров МАССР наблюдалась тенденция к увеличению количества постановок на советскую тематику. При этом «аполитичные и безыдейные» произведения на советские темы из репертуаров театров постепенно исчезали, а число классических постановок несколько снизилось.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Brandenberger D.** National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931 — 1956. Cambridge ; Massachusetts ; London, 2002. P. 185.

² Ibid. P. 187.

³ См.: **Зубкова Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и современность. 1945 — 1953. М., 2000. С. 181.

⁴ Власть и художественная интеллигенция : Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культур. политике. 1917 — 1953. М., 1999. С. 587.

⁵ Там же. С. 588.

⁶ См.: **Brandenberger D.** Op. cit. P. 186 — 187.

⁷ Власть и художественная интеллигенция. С. 591.

⁸ Там же. С. 592.

⁹ Там же. С. 594.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 80. Л. 5. Далее ссылки в тексте.

Поступила 8.11.2011 г.

УДК 351.85(470.345)

И. Ю. Асабин

I. Yu. Asabin

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ МАССР В СЕРЕДИНЕ 1960-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

CONTROL SYSTEM OF THE MASS CULTURE IN THE MIDDLE OF 1960s — THE FIRST HALF OF THE 1980s

Ключевые слова: культура, инфраструктура, органы власти, социокультурная сфера, министерство, коллегия, исполком.

В статье рассматривается структура и базовые элементы системы управления культурой МАССР в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Анализируется специфика ее функционирования на региональном уровне.

Key words: culture, infrastructure, the organs of authority, sociocultural sphere, ministry, board, executive committee.

The article describes the structure and basic elements of the control system of culture of the MASSR in the middle of the 1960s — the first half of the 1980s. The special features of its functioning at the regional level are analyzed.

На всем протяжении многовековой истории культура всегда выступала ключевым фактором человеческой жизни. Именно эта сложная совокупность нравственных и духовных ценностей, традиций, идеалов и обычаев людей обеспечивала устойчивость развития социальных организмов. Отсюда вполне закономерно то внимание, которое правящая элита во все времена уделяет системе управления и инфраструктуре социокультурного развития.

Руководство Мордовской АССР придавало большое значение созданию и совершенствованию аппарата управления культурой. Необходимость последнего была обоснована в тезисе о партийном и классовом характере культуры, из которого следовало, что созидательная роль народа в этой области может быть реализована лишь при условии целенаправленного и планомерного руководства со стороны КПСС и государственных органов. Культура понималась как одно из важных средств политического и духовного доминирования в обществе, что обусловило ее идеологизацию и потребность управления ею¹.

К середине 1960-х гг. в Советском Союзе сложилась и действовала система государственных и партийных органов управления культурой как в центре, так и на местах, отличавшаяся консервативностью и просуществовавшая с незначительными организационными изменениями до конца 1980-х гг. Важной чертой советской системы управления культурой являлась ее двойная структура, т. е. осуществление культурной политики велось при тесном взаимодействии партийных и государственных органов власти и управления.

Согласно Конституции МАССР высшим органом государственной власти в республике являлся Верховный Совет Мордовской АССР², который находился на вер-

шине пирамиды органов управления социокультурной сферой региона. При нем в качестве вспомогательных органов работали постоянные комиссии, которые образовывались для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению Верховного Совета МАССР. Одной из постоянных являлась комиссия, в сферу полномочий которой входили вопросы культурной политики. Со второй половины 1960-х до середины 1980-х гг. она трижды переименовывалась: Комиссия по культуре, народному образованию и здравоохранению, Комиссия по народному образованию и культуре и, наконец, Комиссия по народному образованию, науке и культуре³. Ее деятельность регулировалась Положением о постоянных комиссиях Верховного Совета МАССР от 27 декабря 1968 г.⁴ С незначительными изменениями и дополнениями данное положение сохраняло силу на протяжении всего рассматриваемого в статье периода.

Основные управленческие функции Комиссии по народному образованию, науке и культуре можно разделить на два блока: законотворческий и контрольно-ревизионный, что достаточно четко было прописано в ст. 2 Положения⁵. В целом работа постоянной Комиссии по народному образованию, науке и культуре строилась на принципах гласности и открытости. Это было закреплено, в частности, в ст. 36 Конституции МАССР: «Постоянные комиссии Верховного Совета МАССР информируют общественность о своей деятельности... Сообщения о работе постоянных комиссий публикуются в газете „Советская Мордовия“ и других республиканских газетах»⁶.

Функции высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти МАССР по управлению культурной сферой республики выполнял Совет министров МАССР, который в соответствии со ст. 39 Конституции МАССР был «ответственен перед Верховным Советом МАССР и ему подотчетен»⁷. Основными полномочиями Совета министров МАССР в области культуры являлось принятие мер по развитию и совершенствованию единой системы, народного образования, сети учреждений культуры; по охране, преумножению и широкому использованию духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня; содействие развитию профессионального искусства и народного художественного творчества; осуществление мер по охране памятников истории и культуры; участие в осуществлении мер по проведению единой политики в области науки и техники, разработка и осуществление мер по ее развитию, повышению эффективности научных исследований⁸.

Непосредственное управление культурными процессами в республике, согласно Конституции МАССР, осуществляли министерства культуры и просвещения, а также Комитет по телевидению и радиовещанию (утвержден постановлением Совета министров МАССР от 21 декабря 1973 г.⁹), Управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (утверждено постановлением Совета министров МАССР от 18 ноября 1974 г.¹⁰), Управление кинофикации (утверждено постановлением Совета министров МАССР от 16 февраля 1973 г.¹¹). Данные структуры осуществляли межотраслевое управление и несли ответственность за состояние и развитие порученной им сферы управления. Они подчинялись Совету министров МАССР и соответствующим государственным органам РСФСР. В 1978 г. данная структура была несколько изменена в связи с принятием Конституции МАССР¹². В ст. 23 и 24 закона «О Совете министров Мордовской АССР», принятого 17 августа 1979 г., были перечислены подведомственные Совету министров МАССР министерства и государственные

комитеты. По-прежнему в структуре управления культурой Совета министров остались министерства культуры и просвещения, управления получили статус государственных комитетов (Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Государственный комитет по кинофикации). Кроме того, при Совете министров с 1966 г. существовал Архивный отдел, преобразованный в последствии в Архивное управление (утвержден постановлением Совета министров МАССР от 26 февраля 1966 г.¹³). Главными его задачами являлись осуществление научного и организационно-методического руководства государственным и ведомственным архивами республики; разработка и издательство обязательных для всех учреждений, организаций и предприятий республики методических пособий по вопросам работы архивов в организации документальной части делопроизводства.

Наиболее значимыми структурными элементами в системе государственных органов управления культурой во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. были два министерства — просвещения и культуры.

Министерство просвещения МАССР было образовано в 1946 г. Его деятельность регулировалась законами СССР, РСФСР и Мордовской АССР, указами Президиума Верховного Совета СССР, РСФСР и МАССР, постановлениями и распоряжениями Совета министров СССР, РСФСР и Совета министров МАССР, приказами и указаниями Министерства просвещения СССР, Министерства просвещения РСФСР, а также Положением о Министерстве просвещения Мордовской АССР от 5 апреля 1960 г.¹⁴, которое было изменено и дополнено в 1981 г. Министерство просвещения МАССР являлось республиканским и подчинялось Совету министров МАССР и Министерству просвещения РСФСР. Стратегическим направлением работы Министерства просвещения Мордовской АССР являлось осуществление руководства общим средним образованием и дошкольным воспитанием в республике. Одной из его главных задач была подготовка квалифицированных педагогических кадров для школ, дошкольных и других учреждений народного образования и педагогических учебных заведений МАССР путем организации очного и заочного обучения молодежи в высших и средних педагогических учебных заведениях, а также организации и совершенствования системы повышения квалификации учителей, воспитателей, руководителей школ и отделов народного образования¹⁵. С целью выполнения перечисленных задач министерство просвещения руководило работой районных (городских) отделов народного образования, общеобразовательных школ, школ-интернатов, детских домов, специальных школ для детей с недостатками в умственном и физическом развитии, дошкольных и внешкольных детских учреждений. Оно разрабатывало проекты перспективных и годовых планов по сети и контингенту учащихся всех типов школ, детских садов, детских домов, внешкольных учреждений; капитального строительства и материально-технического снабжения школ и других учреждений народного образования; подготовки и переподготовки специалистов с высшим и средним педагогическим образованием, издания учебников и методической литературы для мордовских школ.

Министерство просвещения МАССР возглавлял министр, назначаемый в соответствии со ст. 104 Конституции МАССР Верховным Советом Мордовской АССР. Министром просвещения МАССР с 1960 по 1986 г. был В. В. Кирдяшкин. Он имел заместителей, назначаемых Советом министров МАССР. Распределение обязанностей между ними производилось министром просвещения МАССР¹⁶.

Важным звеном системы государственного управления культурой в Мордовии было Министерство культуры МАССР, образованное 16 мая 1953 г. путем объединения Управления кинофикации, Управления по делам искусств, Управления по делам культурно-просветительных учреждений, Комитета радиоинформации и Управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли¹⁷. Полномочия и функции созданного министерства были закреплены в соответствующем Положении 1953 г., согласно которому оно получало практически неограниченные возможности в сфере управления наукой и культурой, причем как в административном, так и в материальном отношении. В частности, министерство утверждало учебники, направляло деятельность высших учебных заведений, руководило и управляло производством кинофильмов, устанавливало порядок утверждения литературно-режиссерских сценариев, осуществляло прокат на территории региона отечественных фильмов. Министерство должно было стать, по замыслу авторов положения, государственным органом, который осуществляет руководство всеми видами искусства¹⁸. Таким образом, посредством министерства культуры, согласно принятому положению, должен был осуществляться фактически тотальный контроль в сфере культуры.

Структура министерства была подвижной и изменялась на протяжении всего исследуемого периода. Постановлением Совета министров МАССР от 1 ноября 1957 г. в связи с образованием Республиканского комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров МАССР Министерство культуры было освобождено от руководства делом радиовещания для населения республики. Далее в связи с организацией Управления кинофикации при Совете министров МАССР на основании постановления Совета Министров МАССР от 17 сентября 1963 г. из состава Министерства культуры были исключены отдел кинофикации и культремснаб. В связи с организацией Управления по печати при Совете министров МАССР на основании постановления Мордовского обкома КПСС и Совета министров МАССР от 19 ноября 1963 г. из состава Министерства культуры были исключены отдел издательств и полиграфии, книготорг, книжное издательство. Для проведения научно-реставрационных и ремонтно-восстановительных работ памятников истории и культуры с 1 ноября 1968 г. при Министерстве культуры МАССР был организован ремонтно-реставрационный участок¹⁹. Однако нужно отметить, что необоснованные перестройки руководящих органов отрицательно сказывались на их работе, порождая обстановку безответственности и нервозности²⁰.

В 1971 г. функции и обязанности Министерства культуры МАССР были откорректированы. Постановлением Совета министров МАССР от 20 января этого года было утверждено положение, согласно которому «Министерство культуры Мордовской АССР в соответствии с Конституцией Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики является республиканским Министерством и в своей деятельности подчиняется как Совету Министров Мордовской АССР, так и Министерству культуры РСФСР»²¹. Оно несло ответственность за состояние и дальнейшее повышение идейно-художественного уровня работы подведомственных учреждений культуры и искусства, улучшение учебно-воспитательной работы в средних специальных учебных заведениях, в детских музыкальных и художественных школах, а также за совершенствование культурно-просветительной работы в республике в целях коммунистического воспитания трудящихся²².

Министерство культуры МАССР осуществляло свои функции через отделы культуры исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся и непосредственно управляло учреждениями, организациями и предприятиями республиканского подчинения. Кроме того, Министерство культуры осуществляло практическую деятельность в тесном сотрудничестве с союзами писателей и художников, объединением композиторов, Мордовским отделением Всероссийского театрального общества, хоровым обществом МАССР, с профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями²³. Одним из основных направлений деятельности Министерства культуры МАССР было изучение основных тенденций развития искусства в республике, осуществление государственных заказов на создание произведений искусства, проведение конкурсов и других мероприятий²⁴.

Согласно положению Министерство культуры Мордовской АССР возглавлял министр, назначаемый в соответствии с Конституцией Мордовской АССР Верховным Советом Мордовской АССР. Он нес персональную ответственность за выполнение возложенных на министерство задач и обязанностей²⁵. Вместе с тем министр обладал весьма широкими полномочиями: определял персональный состав коллегии, утверждал положения об управлениях министерства, назначал и смещал их начальников, а также руководителей подразделений, непосредственно подчиненных министерству. Структура уровня высшего управления министерства была подвижной в течение всего рассматриваемого периода. За каждым из заместителей был закреплен тот или иной участок работы: кадры, производство, строительство и снабжение, отдельные отрасли художественной культуры²⁶. Руководителями министерства культуры МАССР в исследуемый период были: в 1956 — 1962 гг. — П. А. Кокорев; в 1962 — 1973 гг. — В. П. Бочкарев; в 1973 — 1978 гг. — Е. М. Байков; в 1978 — 1982 гг. — Н. Я. Наумкин; в 1983 — 1985 гг. — А. А. Долгачев²⁷.

Таким образом, Министерство культуры МАССР осуществляло практическое руководство развитием театрального, музыкального, хореографического, изобразительного, декоративно-прикладного, эстрадного искусства и культурно-просветительной работой в республике.

При министерствах просвещения и культуры, государственных комитетах МАССР формировались коллегии, основная цель которых сводилась к практическому осуществлению мероприятий комитетов и министерств. Постановлениями Совета министров МАССР от 2 апреля и от 22 сентября 1970 г. были образованы соответственно коллегия Министерства культуры МАССР и коллегия Министерства просвещения МАССР²⁸. Коллегии на заседаниях, которые проводились один раз в месяц, рассматривали основные вопросы практического руководства учреждениями образования, культуры, искусства и др. Принятые ими решения проводились в жизнь приказами министров²⁹. Кроме того, при министерствах создавались так называемые межведомственные советы и комиссии, контролировавшие наиболее важные направления деятельности. Так, постановлениями Совета министров МАССР от 9 марта 1965 г., от 21 июля 1971 г. были образованы соответственно Совет по народному образованию при Министерстве просвещения МАССР, от 12 мая 1973 г. — Межведомственный совет по вопросам библиотечной работы при Министерстве культуры МАССР и Межведомственная комиссия по монументально-декоративному искусству при Министерстве культуры МАССР³⁰.

В целом в административно-командной системе каждый орган государственного управления в сфере культуры имел двойное подчинение: по вертикали районные и городские отделы культуры подчинялись областному управлению культуры, оно, в свою очередь, республиканскому министерству культуры, последнее — союзному; по горизонтали — соответствующему Совету народных депутатов. Реально же структура власти была еще более сложной. Над государственными органами стояли партийные: отделы пропаганды, отделы культуры райкомов, горкомов, обкомов КПСС, наконец, отдел культуры ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, курирующий вопросы культуры, и член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, отвечающий за идеологию (как правило, он являлся вторым лицом государства). Ему, наряду с генеральным секретарем ЦК КПСС, принадлежало право формулирования высших целей государственной идеологической и культурной политики. В связи с этим, не умаляя значение государственных органов в осуществлении культурной политики, необходимо отметить, что как в идеологическом, так и в организационном плане определяющую роль в рассматриваемый период играли партийные органы управления культурой.

К середине 1980-х гг. сложилась жесткая, централизованная система партийного руководства культурой и осуществления культурной политики. В декабре 1962 г. был образован Идеологический отдел ЦК и аналогичные структуры при обкомах КПСС, которым были переданы функции упраздненных отделов пропаганды и агитации; науки, высших учебных заведений и школ; культуры. На местах партийное руководство социокультурной сферой осуществлял областной комитет КПСС. Секретари, заведующие отделами, инструкторы обкома постоянно участвовали в собраниях писателей, художников, артистов, выступали перед ними с разъяснительными докладами, знакомились с произведениями работников искусства. Считалось, что такое общение помогает лучше узнать нужды творческих коллективов, вовремя выявить и устранить их промахи и ошибки³¹. К середине 1980-х гг. в Мордовском обкоме КПСС были следующие подразделения, отвечающие за те или иные направления культурной политики: отдел пропаганды и агитации, отдел науки и учебных заведений, отдел культуры, консультпункт заочной высшей партийной школы, партийные курсы, Дом политического просвещения, университет марксизма-ленинизма.

В сельской местности управление культурой полностью находилось в руках местных Советов. Например, в 1980-х гг. в республике проводился эксперимент по централизации руководства клубными учреждениями, смысл которого сводился к объединению кадров, материальных и финансовых средств всех учреждений культуры в зоне обслуживания на территории сельского Совета. Предполагалось, что централизованные клубные системы и культурные комплексы республики (их в 1982 г. насчитывалось 196, а к 1985 г. — около 360) способны были проводить крупные комплексные мероприятия: агитационно-пропагандистские, художественно-литературные, театрализованные представления и праздники, причем не только в крупных населенных пунктах, на центральных усадьбах, но и в малых отдаленных селениях³².

XXIII съезд КПСС поставил перед партийными организациями задачу — улучшать дело расстановки и воспитания кадров народного хозяйства и культуры. В резолюции съезда было указано, что «всевозрастающие масштабы и сложность задач коммунистического строительства предъявляют более высокие требования к подбору, выдвижению и воспитанию кадров»³³. От уровня знаний и умений работников партийного и советского аппарата, принимавших важные решения, касающиеся культурной

жизни республики, в значительной степени зависело то, в каком направлении и насколько активно будет развиваться культура МАССР. Руководящие партийные, советские и хозяйственные работники обучались на постоянно действующих курсах при обкоме КПСС³⁴. Учитывая ответственную роль работников культуры в жизни республики, партийные органы Мордовии уделяли особое внимание идеологическому воспитанию специалистов. Вопросы формирования у них материалистического мировоззрения и понимания политики КПСС регулярно обсуждались на заседаниях бюро и пленумах областного комитета, городских и районных комитетов партии. Основная масса работников культуры привлекалась в ряды КПСС. К концу 1960-х гг. в партии состоял каждый третий учитель Мордовской АССР³⁵.

Отличительной особенностью советского периода истории культуры вообще и периода второй половины 1960-х — середины 1980-х гг., в частности, являлась большая роль в ее развитии партии и государства. Партия и государство установили полный контроль над духовной жизнью общества. Марксизм-ленинизм представлялся абсолютной истиной, которую должны воспринимать все, а кто с этим не согласен, того надо перевоспитывать или изолировать от общества. Государство финансировало все отрасли культуры: образование, материально-техническое обеспечение, все виды искусства, установив в то же время цензуру над литературой, театром, кинематографом, учебными заведениями и т. п. Действовала стройная система идеологической обработки населения. Средства массовой информации, будучи под полным контролем партии и государства, наряду с достоверной информацией использовали прием манипулирования сознанием населения. Народу внушалась мысль о том, что при жестком противостоянии двух систем в условиях «холодной войны», лишь полная идентификация личности с обществом, партией, государством есть в конечном счете залог устойчивости системы социализма, позиционировавшейся как «империя добра» в пику противоположной «империи зла» капитализма.

Ярким примером управления социокультурным развитием региона рассматриваемого периода являлось, на наш взгляд, взаимодействие власти и творческой интеллигенции. Начиная с середины 1960-х гг. система воздействия партийно-государственных органов на интеллигенцию обрела четкие и действенные организационные формы. При этом идеологическое воздействие осуществлялось по целому ряду направлений — воспитание поколений интеллигенции в духе господствующей идеологии; изоляция реальных и потенциальных оппонентов (в исследуемый период происходила в основном не посредством арестов, а в более утонченных и мягких формах); унификация художественных подходов (соцреализм как метод советской эстетики); функционирование специальных государственных органов политического контроля и руководства культурой, контроль за профессиональной и общественной деятельностью интеллигенции (цензура, периодическая отчетность и т. д.); дифференциация интеллигенции и коренное изменение к началу исследуемого периода ее социального происхождения (формирование ее из рабоче-крестьянской среды или среды потомственных советских интеллигентов, в полной мере отождествлявших себя с советской системой); идеологическое влияние через печать, профсоюзы, преподавание общественных наук в системе образования (пропагандистская обработка), массовый охват интеллигенции идеологической работой по декларируемому образцу; проведение бесед политического характера с участием творческой интеллигенции под контролем партийных органов; создание единых творческих союзов как каналов

проведения идеологических установок; искусственное культивирование авторитетов в творческой среде и объявление их мировоззренческими ориентирами.

Вместе с тем осуществляемый во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. партийно-государственный контроль над интеллигенцией имел не только негативные стороны. Часто он выполнял организационную, мобилизующую функцию и не всегда воспринимался интеллигенцией, воспитанной в советском духе, в качестве обузы. Во всяком случае, большинство мордовской интеллигенции (как, впрочем, и советской интеллигенции в целом) служило системе не столько за страх, сколько за совесть, будучи искренне убеждены в ее правильности и необходимости.

Примером взаимоотношений власти и интеллигенции может служить ситуация, связанная с историей издания эпической поэмы «Сияжар» В. К. Радаева, которая в 1960 г. увидела свет в сокращенном виде и вызвала большое количество положительных отзывов. Одновременно было указано на определенные недостатки, которые были устранены в ходе последующих доработок. В исправленном виде произведение было представлено в Мордовское книжное издательство, однако при этом возникли вопросы по поводу авторства. Сам В. К. Радаев писал: «Когда закончил исправления и представил в издательство для полного издания, директор издательства Московкин Я. Д. заявил, что пока не выяснен вопрос народное это произведение или авторское, издательство в план его не включит»³⁶. В 1969 г. по инициативе издательства и правления Союза писателей МАССР Мордовским обкомом КПСС и Советом министров МАССР была создана комиссия из писателей и ученых, которой было поручено определить авторство данного произведения. Комиссия признала, что «Сияжар» — эпическая поэма, написанная В. К. Радаевым по мотивам мордовского фольклора. Она рекомендовала издать поэму на русском, эрзянском и мокшанском языках в течение 1970 — 1974 гг. На этом основании 20 октября 1969 г. было вынесено соответствующее постановление Мордовского обкома КПСС и Совета министров МАССР. Однако издательство не включило поэму в план 1970 г., поэтому В. К. Радаев был вынужден в сентябре 1971 г. обратиться в правление Союза писателей МАССР с заявлением о признании его авторства и об оказании содействия в издании данной поэмы³⁷. Лишь после этого были предприняты реальные шаги и ее конечный вариант увидел свет. В данной ситуации партийные и государственные органы республики выступили в качестве своеобразных третейских судей, подтолкнувших представителей писательского сообщества к итоговому решению.

Во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. власть и творческая интеллигенция действовали в четком взаимодействии: власть продуцировала новые общественные ориентиры, давала им идеологическое обоснование, а представители интеллектуальной элиты проводили их в народ. При этом интеллигенция не имела ни возможности, ни права предлагать свой анализ новых ценностей. Власть тщательно следила не столько за созданием культурных текстов, сколько за процессом их представления интеллигенцией народным массам. Таким образом осуществлялся партийно-государственный контроль над духовной жизнью общества с целью формирования человека коммунистического типа, внедрения в массовое сознание единственной унифицированной идеологии, обосновывающей все деяния режима. Впрочем, было бы в корне неверно рисовать идеологию и режим в исключительно черных тонах (как это часто делалось в историографии 1990-х гг.), но чрезмерная опека власти в конечном счете ограничивала поле деятельности интеллектуальной элиты, чем порождала кризисные явления в духовной сфере.

Итак, с середины 1960-х гг. система управления культурой в Мордовии приобрела формы замкнутой отрасли и вписалась в общую систему управления страной, где формально полнота власти принадлежала Советам народных депутатов, которые охватывали все уровни, начиная с сельского Совета и заканчивая Верховным Советом СССР. Эта система контролировалась партийными органами всех уровней. Однако при всей ее жесткости достичь полного контроля над ситуацией было невозможно. Культурная жизнь общества сохраняла многоплановость и разнообразие.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Ерасов Б. С.** Социальная культурология. М., 2000. С. 304 — 331.
- ² См.: Сборник законов Мордовской АССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Мордовской АССР. Саранск, 1975. С. 9.
- ³ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР шестого созыва. Вторая сессия : стеногр. отчет. Саранск, 1964. С. 123 ; Заседания Верховного Совета Мордовской АССР восьмого созыва. Первая сессия : стеногр. отчет. Саранск, 1971. С. 18 ; Заседания Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва. Седьмая сессия : стеногр. отчет. Саранск, 1983. С. 5.
- ⁴ См.: Сборник законов Мордовской АССР... С. 86.
- ⁵ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1981. Т. 2, ч. 2. С. 84 — 85.
- ⁶ Там же. С. 92.
- ⁷ Сборник законов Мордовской АССР... С. 12.
- ⁸ Там же. С. 102 — 105.
- ⁹ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Т. 2, ч. 2. С. 234.
- ¹⁰ Там же. С. 217.
- ¹¹ Там же. С. 227.
- ¹² Там же. 1985. Т. 2, ч. 3. С. 98 — 116.
- ¹³ Там же. Т. 2, ч. 2. С. 172.
- ¹⁴ Там же. С. 139.
- ¹⁵ Там же. С. 140 — 141.
- ¹⁶ Там же. С. 142 — 143.
- ¹⁷ Там же. 1978. Т. 1. С. 119.
- ¹⁸ См.: **Гольдин М. М.** Опыт государственного управления искусством : Деятельность первого отечеств. М-ва культуры. М., 2006. С. 32.
- ¹⁹ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Т. 2, ч. 2. С. 189.
- ²⁰ См.: Мартковский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС : стеногр. отчет. М., 1970. С. 236.
- ²¹ Собрание действующего законодательства Мордовской АССР... Т. 2, ч. 2. С. 182.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 183.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 185 — 187.
- ²⁶ См.: **Гольдин М. М.** Указ. соч. С. 31.
- ²⁷ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 544.
- ²⁸ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Т. 2, ч. 2. С. 143, 188.
- ²⁹ См.: **Гольдин М. М.** Указ. соч. С. 30.
- ³⁰ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Т. 2, ч. 2. С. 143, 197, 203.
- ³¹ См.: **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1972. С. 138.
- ³² См.: **Наумкин Н. Я., Сыркин И. Г.** Культура преобразует село. Слово партии в массы. Саранск, 1982. С. 132.
- ³³ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 197.

³⁴ См.: Совет. Мордовия. 1969. 19 нояб.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 126. Л. 47.

³⁷ Там же. Л. 48.

Поступила 20.04.2011 г.

УДК 930:17:001

В. А. Юрченков

V. A. Yurchenkov

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ ЭТИКИ И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

PROBLEMS OF SCIENTIFIC ETHICS AND FORMS OF EXISTENCE OF REGIONAL HISTORIOGRAPHY

Ключевые слова: соавторство, региональная историография, научная этика, плагиат.

В статье поднимаются проблемы соблюдения научной этики в региональной исторической науке, рассматриваются вопросы соавторства, анализируются случаи плагиата.

Key words: co-authorship, regional historiography, scientific ethics, plagiarism.

The article touches upon the problems of the observance of scientific ethics in the regional historical science, questions of co-authorship are considered, as well as the cases of plagiarism are analyzed.

Современную историографическую ситуацию в регионах России различные авторы оценивают в зависимости от идеологических пристрастий диаметрально противоположно. Точки зрения колеблются от констатации бурного развития, показателями которого выступают инфраструктурные изменения, появление региональных научных школ, достаточно широкое книгоиздание и т. п., до указаний на серьезный кризис, связанный с отсутствием концептуальных построений, системности, слабым знанием историографии, падением уровня подготовки историков и «размыванием» профессии из-за массового прихода в нее людей, не имеющих базового образования (математиков, физиков и т. п.). Отмечая наличие элементов правоты в различных высказанных мнениях, остановимся на одном из весьма показательных историографических явлений последнего времени — соавторстве, которое можно рассматривать как одну из форм существования региональной историографии.

Соавторство в науке порождает факт создания исследовательской работы совместным творческим трудом двух лиц или более. Соавторы имеют единое авторское право на результаты исследования, как образующее одно неразрывное целое, так и состоящее из самостоятельных частей, которые могут быть использованы независимо друг от друга. В первом случае соавторство именуется нераздельным, во втором — раздельным. Неизбежность соавторства в естественных науках в современных

условиях достаточно очевидна. Так, известный химик, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Н. М. Сергеев по этому поводу пишет: «Современная наука в силу дороговизны ее материального и технического обеспечения (материалы, инструменты, вычислительная техника и др.) вынуждена строиться на коллективных началах. В связи с этим с каждым годом растет число работ с большим количеством соавторов. Возникает потребность в использовании данных других научных групп или технических исполнителей, неопубликованных сведений, почерпнутых из Интернет и других информационных систем, консультаций и т. п.»¹. Однако ситуация в гуманитарных науках принципиально иная. Как и прежде, индивидуальность, авторская концепция и оригинальная интерпретация источника весьма значимы и играют в развитии науки первостепенную роль. Академик Н. М. Дружинин пишет достаточно пафосно, но верно: «История уступает естественным наукам в точности своих методов и выводов, но она имеет перед ними другое преимущество: являясь синтезом всех гуманитарных наук, она раскрывает законы развития общества в разнообразных условиях природы и человеческой жизни, на разных уровнях материального и духовного роста, но в одном и том же направлении — к осуществлению лучших идеалов человечества»². В ситуации приоритета авторских подходов к анализу исторической реальности и роли конкретного исследователя проблема соавторства приобретает прежде всего этический характер.

Соавторство в региональной историографии стоит рассмотреть на примере клиометрической школы, функционирующей в настоящее время в Историко-социологическом институте Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Ее основателем и бессменным руководителем является член-корреспондент РАН, профессор Н. М. Арсентьев, который с 1995 г. возглавляет ИСИ. Предварительно стоит отметить, что структурирование и оформление данной школы серьезно изменило региональную историографическую ситуацию. Это было связано с ранее не характерными для провинциальной науки чертами. Их постулировал сам руководитель школы, выделив ее экспансию и агрессивность³. Отличительной чертой Н. М. Арсентьева является жесткость, переходящая порой в жестокость, которую, кстати говоря, он оправдывает: «Любой лидер, на мой взгляд, должен реагировать на поступки окружающих и жестко обрабатывать вызов. Порой не хочется быть жестоким в каких-либо делах. Но если я так поступаю, то только во имя цели. Это только способствует ее реализации»⁴. Воистину, *cum finis est licitus, etiam media sunt licita* («кому дозволена цель, тому и средства дозволены»). Для руководителя школы характерна, по-видимому, и известная доля фарисейства. Например, вот как он говорит о явлениях технократизма в обществе: «К сожалению, перемены не только позитивные. Есть и множество таких, которые заставляют профессорско-преподавательский состав ИСИ бить тревогу. Это связано с распространением в обществе технократических взглядов, и как результат — свертывание гуманитарного образования»⁵. Между тем именно под руководством Н. М. Арсентьева к работе в ИСИ активно привлекались выпускники математического факультета и ФЭТа, которые защищали диссертации по специальности «Отечественная история». В результате в ИСИ сложилась группа кандидатов исторических наук, не имеющих базового исторического образования, со слабым представлением об исторических процессах⁶. При этом естественны падение уровня преподавания и рост технократизма (хотя бы в силу полученного образования).

В 2008 г. был опубликован список научных и учебно-методических работ Н. М. Арсентьева⁷, который позволяет представить отношение руководителя школы к соавторству и проблемам, связанным с ним. Список включает 164 наименования, однако ряд позиций стоит объединить. Так, дважды упомянуты написанные в соавторстве «История Отечества в вопросах и ответах» в 2 частях (1992) и «Российская история: вопросы и ответы» (1999). По непонятным причинам как авторская работа в список попал межвузовский сборник научных трудов «Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья (дооктябрьский период)» (1989), ответственным редактором которого был профессор Н. Ф. Мокшин. Кроме того, из состава авторских работ были выведены работы, связанные с редактированием, составительством и т. п., поэтому при подсчетах были внесены соответствующие уточнения. В результате реальный список авторских работ члена-корреспондента РАН Н. М. Арсентьева составил 99 наименований (табл. 1).

Таблица 1

Список научных и учебно-методических работ Н. М. Арсентьева

Работы по жанру	Всего		Персональное авторство		Соавторство	
	кол-во работ	%	кол-во работ	%	кол-во работ	%
Монографии	9	100	1	11,1	8	88,9
Научно-популярные книги	4	100	—	—	4	100,0
Учебная литература	14	100	—	—	14	100,0
Научные статьи	57	100	18	31,5	39	68,5
Научно-популярные статьи	3	100	1	33,3	2	66,7
Введения/предисловия	4	100	1	25,0	3	75,0
Заключения	2	100	—	—	2	100,0
Рецензии/информации	6	100	—	—	6	100,0
Итого	99	100	21	21,2	78	78,8

Данные табл. 1 свидетельствуют, что подавляющее большинство авторских работ — 78 (78,8 %) написаны Н. М. Арсентьевым в соавторстве, в том числе 8 (88,9 %) из 9 монографий.

С момента назначения Н. М. Арсентьева директором ИСИ Мордовского государственного университета доля его работ в соавторстве выросла, достигнув 64 наименований из 80 (80 %). Если говорить о монографических работах, которые знаменуют персональный вклад в науку, то соавторство достигло 100 %. Конкретным примером соавторства выступает монография «Цена Победы. Хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны» (2005), материал которой представлен в двух частях. В первую вошли воспоминания 19 очевидцев и участников войны, которые долгие годы записывал доцент С. К. Котков, во вторую — монографическое исследование Л. Г. Скворцовой «Хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны», защищенное в 2004 г. в виде кандидатской диссертации. Их авторство отражено в выходных данных книги, одновременно среди авторов фигурирует и Н. М. Арсентьев, в подчинении которого они работали. Участие Н. М. Арсентьева в создании книги заключалось в организации финансирования ее издания. Кроме того, он являлся

научным руководителем диссертационного исследования Л. Г. Скворцовой и председателем диссертационного совета, в котором она защищалась. Последние факты и послужили, вероятно, основанием для включения Н. М. Арсентьева в соавторы монографии. При этом явно встает вопрос о степени творческого вклада каждого из соавторов. Однако, к сожалению, он не решается. Здесь уместно привести слова специалиста по научной этике, доктора технических наук В. И. Классена: «Мы уже притерпелись к тому, что некоторые известные ученые чуть ли не автоматически ставят свои фамилии во главе списка авторов (или подчиненные — фамилию своего начальника, что все равно), хотя личный вклад руководителя далеко не всегда бывает основным, а то и вовсе отсутствует. Так притерпелись, что даже не замечаем несправедливости такого положения дел»⁸.

Ситуация «начальник — подчиненный» заслуживает особого рассмотрения. Достаточно часто подчиненные ставят своего начальника соавтором, однако, по наблюдениям многих исследователей, гораздо чаще возникает противоположная ситуация, когда начальник, пользуясь своими полномочиями и возможностями, без согласования сам ставит себя соавтором той или иной работы. Приведу пример из собственной практики. В 2000 г. в связи с подготовкой к 70-летию Мордовского госуниверситета К. И. Шапкарин, ответственный секретарь V Сафаргалиевских научных чтений, предложил мне как специалисту по историографии подготовить обзор о развитии исторической науки в университете. Мне пришлось проанализировать вышедшие за 70 лет труды историков университета, осмыслить их творческие связи, выявить персональный вклад того или иного специалиста в развитие региональной исторической науки и т. п. В результате была написана статья «Историческая наука в университете», которая и увидела свет в материалах Сафаргалиевских научных чтений в 2001 г. При этом неожиданно для меня в числе ее авторов стояло не только мое имя⁹. Дальнейшее развитие событий позволяет выявить еще одну важную особенность, характерную для подобного вида соавторства, когда со временем соавтор-руководитель вытесняет действительного автора работы и публикует данный текст уже только под своим именем. В данном случае так и произошло. В 2004 г. Н. М. Арсентьев опубликовал статью «Развитие исторических наук в МГУ им. Н. П. Огарева»¹⁰, которая почти дословно повторяет мое исследование. Чтобы не усложнять восприятие наших рассуждений и избежать обильного цитирования, обратимся к табл. 2.

При размышлении над реальным положением дел с соавторством в региональной историографии невольно вспоминается высказывание из Евангелия от Матфея: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». Другими словами, ученый-руководитель всегда

Таблица 2

**Постраничное сопоставление текстов статей
В. А. Юрченкова и Н. М. Арсентьева**

Статья В. А. Юрченкова, 2001 г.	Статья Н. М. Арсентьева, 2004 г.
7	5
8	5, 7
9	7
10	7, 9
11	9
12 — 13	9
14	9, 11
15	11
16	11
17	11, 13
18	13

имеет возможность расширить список «своих» работ, а начинающий ученый или ученый-подчиненный имеет реальную возможность лишиться своих наработок. Здесь уместно процитировать «Принципы соавторства», принятые Комитетом по этике Гарвардского университета 17 сентября 1999 г.: «Каждый, кто перечислен в качестве автора, должен внести существенный прямой интеллектуальный вклад в работу. Например, должен внести вклад в концепцию, дизайн и/или интерпретацию результатов. „Почетное“ соавторство запрещено. Предоставление финансирования, технической поддержки, пациентов или материалов, как бы это ни было важно для работы, само по себе не является достаточным вкладом в работу для того чтобы стать соавтором. Каждый, кто внес существенный вклад в работу, должен быть соавтором. Каждый кто внес менее значительный вклад в работу должен быть перечислен в списке людей, которым выносятся благодарности в конце статьи»¹¹. В той или иной мере аналогичные подходы существуют в научных сообществах и других стран. Однако приведенные выше примеры из ситуации в Мордовском госуниверситете свидетельствуют о том, что в реальной практике эти моральные нормы не всегда действуют. Последний случай является явным примером плагиата, выразившегося в публикации под своим именем чужого произведения и чужих идей и в заимствовании фрагментов чужого произведения без указания источника заимствования. При этом налицо присвоение чужого интеллектуального имущества с целью признания в сфере исторической науки.

Суммируя вышеприведенные данные, выделим нарушения научной этики, основываясь на ее нормах, принятых 24 ноября 2000 г. Сенатом Общества М. Планка и получивших поддержку в научной среде большинства стран мира. В этом документе подчеркивается, в частности, что нарушения научной этики «подрывают веру общества в надежность научных результатов и разрушают взаимное доверие ученых, которое является важнейшим условием научной работы в наши дни, когда сотрудничество и разделение труда стали нормой»¹². В нашем случае мы имеем дело с нарушением авторского права, несанкционированным использованием авторских текстов (плагиат), присвоением идей (кража идей), узурпацией научного авторства и соавторства (необоснованное их присвоение), притязание на соавторство с другим лицом без его согласия и без должных оснований. Подобные нарушения противоречат сути науки как таковой.

Библиографические ссылки

¹ **Сергеев Н. М.** Этика соавторства и этика цитирования [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/ETHICS/SERG.HTM> (дата обращения 20.04.2012).

² **Дружинин Н. М.** Избр. тр. Кн. 4 : Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 49.

³ См.: **Зогова Е.** Профессор Арсентьев: мы нужны пока мы работаем // *Голос*. 2005. 16 февр. № 21. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: **Владиславлев А.** Николай Арсентьев: «Гуманитарии не дают личности превратиться в гастрономическое существо» // *Вечер*. Саранск. 2009. 8 июля. С. 29.

⁶ См.: **Юрченков В. А.** Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук. Чебоксары, 2006. С. 95.

⁷ См.: Информационно-аналитический бюллетень Центра экономической истории Центральной России и Среднего Поволжья Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Саранск, 2008. С. 61 — 72.

⁸ **Классен В. И.** Об этике в научной работе [Электронный ресурс]. URL: <http://omdp.narod.ru/gip/etikanauk.htm> (дата обращения 20.04.2012).

⁹ См.: **Арсентьев Н. М., Юрченков В. А.** Историческая наука в университете // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 2001. С. 7 — 18.

¹⁰ См.: **Арсентьев Н. М.** Развитие исторических наук в МГУ им. Н. П. Огарева // Гуманитарий : альманах. Саранск, 2004. № 4. С. 5 — 17 (публикация осуществлена на нечетных страницах).

¹¹ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Научная_этика (дата обращения 22.04.2012).

¹² Нормы научной этики : приняты Сенатом Общества Макса Планка 24 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=905 (дата обращения 22.04.2012).

Поступила 23.04.2012 г.

УДК 174:614.84

А. В. Захаров

A. V. Zakharov

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДЫ

PROFESSIONAL ETHICS OF THE STATE FIRE FIGHTING SERVICE AS A FACTOR OF SAFETY OF THE ENVIRONMENT

Ключевые слова: безопасная среда, пожары, Государственная противопожарная служба, профессиональная этика.

В статье рассматривается важный сегмент профессиональной среды Государственной противопожарной службы — профессиональная этика, являющаяся как ключевым фактором создания безопасной среды.

Key words: safe environment, fires, State Fire Fighting Service, professional ethics.

An important segment of the professional environment of the State Fire Fighting Service — professional ethics, which is a key factor for formation of safe environment, is considered in the article.

Безопасность является одной из главных потребностей социума и человека, а создание безопасной среды — важной миссией социального развития и прогресса. В реестре рисков одно из первых мест занимает противопожарная безопасность, мощным фактором продуцирования которой выступает Государственная противопожарная служба, а также профессиональные качества ее сотрудников.

Для большинства профессий институционализация безопасности связана прежде всего с развитием и ростом культуры безопасности, ее технологизацией и профессионализмом ее представителей. Приобретение соответствующих знаний, умений и навыков, основ безопасного предвидения рисков и культуры труда с наименьшим ущербом для среды, окружающей человека, является итогом подготовки в сфере безопасности жизнедеятельности специалиста ГПС. Однако главным гарантом эффективности такого специалиста являются его нравственная надежность и гражданская ответственность за состояние безопасности на том или ином участке.

В профессиональной среде продолжается процесс социализации личности, ее формирование во вторичной форме, связанной с интернализацией институциональных подмиров, которые имеют специфически профессионально-ролевой характер¹. Этот процесс применительно к системе ГПС состоит, с одной стороны, в освоении служащим аккумулируемых в профессиональной среде и необходимых для реализации должностных обязанностей знаний в области технических средств и технологии пожаротушения, управления, права, экономики и человековедения, а также умений и навыков, профессионального опыта, социальных ценностей и норм профессии и стереотипов одобряемого в обществе поведения.

Следуя традиции современной социальной науки², мы рассматриваем профессиональную среду ГПС как «поле» развертывания процессов идентификации личности с социально-профессиональной группой в трех плоскостях:

- когнитивной (в профессиональной среде формируется знание о принадлежности личности к группе);
- ценностной (в профессиональной среде у личности складывается и поддерживается комплекс позитивных и негативных представлений о принадлежности к данной группе);
- эмоциональной (в профессиональной среде происходит принятие личностью данной группы как «своей» или ее отторжение).

С другой стороны, в процессе профессиональной социализации активно реализуется уже накопленный сотрудником ГПС опыт служебной деятельности и общения. При этом личность как субъект деятельности активно осваивает профессиональную среду, интериоризируя ее ценностно-нормативные комплексы, «присваивает» среду через механизм социальной идентификации, т. е. самоопределяется в терминах отнесения себя к определенной социальной группе — в данном случае к группе служащих ГПС. Важное место в этом процессе принадлежит профессиональной этике сотрудников указанной службы.

Профессиональная этика в этической науке рассматривается как область этико-философского знания, изучающая систему моральных норм и принципов, действующих в специфических условиях взаимоотношений людей в сфере определенной профессии; это специфическое действие как общеэтических норм, так и особых норм профессиональной морали, носящих аналитически-рекомендательный характер, возникающих и бытующих в данной профессиональной группе (кодексы поведения, способы обоснования данных кодексов, социально-философское истолкование культурно-гуманистического назначения данной профессии и ее этоса)³. Однако профессиональная этика сотрудников ГПС принципиально отличается от этики абсолютного большинства других профессий (исключение составляют военнослужащие, медики, моряки, летчики и специалисты других профессий, работающие в условиях риска или

связанных со здоровьем и жизнью людей) преимущественно своим деонтологическим характером (от греч. *deon* — должное).

Одно из основных отличий морали от других форм общественного сознания заключается в том, что в силу своего аксиологического характера ее нормы не являются строго обязательными, т. е. предоставляют право широкого выбора, и санкционируются исключительно силой воздействия общественного мнения. Применительно к требованиям, предъявляемым к сотрудникам ГПС МЧС, эти условия оказываются во многих случаях недостаточными и этические нормы приобретают здесь строго обязательный характер и обеспечиваются административными санкциями. В качестве примера можно сослаться на Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом министра внутренних дел России № 501 от 19 ноября 1993 г.⁴, несоблюдение которого может иметь для сотрудника весьма существенные негативные последствия — вплоть до увольнения из органов внутренних дел на основании статьи 58-л Положения о службе в органах внутренних дел.

Особое значение для сотрудников ГПС МЧС имеет Кодекс чести сотрудника системы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденный приказом МЧС России № 136 от 6 марта 2006 г.⁵, который определяет моральные принципы и правила поведения каждого сотрудника ГПС. В кодексе подчеркивается, что положительную репутацию сотрудника системы МЧС России, право на доверие и поддержку граждан Российской Федерации можно заслужить только профессионализмом, порядочностью и добрыми делами. Для этого была сформулирована деонтологическая основа требований: «Долг чести сотрудника системы МЧС России — быть примером в исполнении Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации, верным гражданином и служебному долгу... присяге сотрудника органов внутренних дел (для сотрудников Государственной противопожарной службы), глубоко осознавать свою личную ответственность за добросовестное исполнение функциональных обязанностей в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах. Долг чести руководящих кадров МЧС России — умело сочетать требовательность и ответственность за создание здорового морально-психологического климата в подчиненном подразделении, формировать нравственную культуру сотрудников системы МЧС России, заботиться о подчиненных, обеспечивать их социально-правовую защищенность, окружать вниманием ветеранов, а также семьи сотрудников, погибших при исполнении служебного долга»⁶.

В плане изучения профессиональной этики ГПС как фактора создания безопасности среды представляют интерес очерки по истории Ивановского института ГПС МЧС России, где описывается опыт подготовки будущих пожарных, служащих ГПС, к профессиональной деятельности. Базовым корпоративным императивом их воспитания служит Кодекс чести офицера и курсанта Ивановского Пожарно-технического училища МВД СССР, действующий с середины 80-х гг. XX в., а также стандартизированная характеристика основных профессионально-значимых качеств (ПЗК) обучаемых, введенная в 1996 — 1997 гг.⁷

Несоблюдение требований Кодекса чести влечет общее презрение товарищей и окружающих и является несовместимым с высоким званием офицера и курсанта

училища. Данный кодекс включает следующие принципы, которыми обязан руководствоваться каждый офицер и курсант: любовь к Родине; преданность Отечеству, верность Присяге сотрудников органов внутренних дел; готовность к самопожертвованию во имя свободы и независимости советского государства, спасения жизни людей и всенародного достояния от огня; гордость за избранную профессию огнеборца; высокий профессионализм и потребность в самосовершенствовании; самоотверженное исполнение служебного долга; умение руководить и подчиняться, выдержка, самоконтроль, высокая требовательность к себе в выполнении уставов, приказов, распоряжений и правил пожарной безопасности; смелость и отвага при работе на пожарах; отеческая забота о подчиненных, товарищеская взаимовыручка; забота о чести мундира и своего подразделения, уважение к профессиональной деятельности, форме одежды, служебной символике, воинским ритуалам и церемониям, к традициям пожарной охраны; верность слову офицера, подтверждающего истинность и твердость намерений; честность и правдивость в отношениях на службе, бескорыстность; гражданское мужество и благородство; уважение к людям, дружелюбие и милосердие; возвышенно-уважительное отношение к женщине; забота о семье и детях; почтительное отношение к старшим; нравственная чистота в быту, скромность; нетерпимость к нравственным порокам (несправедливости, нечестности, стяжательству и властолюбию, трусости); высокий культурный уровень и эрудиция; тактичность, предупредительность, соблюдение чувства меры и приличия; соблюдение общепринятого и воинского этикета, манер и правил поведения⁸.

Обозначенные в кодексе деонтологические требования и императивы-требования, регламентирующие должное поведение личности в профессиональной сфере ГПС, не дают права выбора. Они заключаются в служебных документах и обеспечиваются административными санкциями.

В 1996 — 1997 гг., учитывая требования МВД России и обобщив документы ВНИИ по МВД России, психogramмы специалистов пожарной охраны и прочие материалы, сотрудники отделения воспитательной работы и группы психологического обеспечения Ивановского института ГПС МЧС России разработали новый вариант базового минимума ПЗК личности курсантов и методики их определения. Данная работа проводилась коллегиально, с учетом изучения мнения командно-преподавательского состава с последующим обсуждением на заседаниях педагогического совета и Совета училища. Были выделены следующие основные шестнадцать ПЗК, которые являлись обязательными для каждого курсанта и выпускника училища: отношение к служебному долгу, ответственность; направленность на овладение специальностью (мотивация); моральная устойчивость и дисциплинированность; командно-организаторские способности; навыки межличностного общения; объективность и принципиальность; аналитические способности и письменная речь; взаимовыручка и коллективизм; оперативность в принятии решений и быстрота реакции; способность брать на себя ответственность; физическая выносливость и способность к длительному сохранению высокой мыслительной активности; способность адекватно оценивать обстановку; стрессоустойчивость и эмоционально-волевая зрелость; смелость и способность к разумному риску; способность работать в экстремальных условиях (темнота, огонь, высота, замкнутое пространство и т. д.); объективность самооценки⁹. Каждое качество оценивалось по пяти уровням («критический», «тревожный», «удовлетворительный», «достаточный» и «высокий»), а общий уровень ПЗК личности

курсанта за учебный семестр определялся из наличия не менее двух третей (11 из 16) соответствующих характеризующих данных. При этом «тревожные» и «критические» оценки исключали «высокий» и «достаточный» уровни. Группа психологического обеспечения определяла ПЗК методом экспертных оценок и компьютерного тестирования. К работе экспертной комиссии привлекались соответствующие специалисты отдела кадров, учебного отдела, учебной пожарной части и командования курсов. Оценка уровня ПЗК курсантов производилась один раз в семестр по состоянию на 1 октября и 1 февраля учебного года. Таким образом, происходила постоянная коррекция ПЗК курсантов, позволявшая вовремя отслеживать негативные тенденции и пресекать их. Данный опыт Ивановского института ГПС МЧС России, на наш взгляд, мог бы быть применим как в других подобных учебных заведениях, так и в профессиональных коллективах сотрудников ГПС Российской Федерации.

Появление в среде специалистов ГПС факторов-показателей негативного морально-психологического климата должно вызывать тревогу у руководителя служебного коллектива и у нравственно зрелых его членов. В том случае, когда на эти факторы не обращают должного внимания и не принимают соответствующих мер к их ликвидации, начинается профессионально-нравственная деформация сначала отдельных членов, а затем служебного коллектива в целом. Среди негативных факторов-показателей морально-психологического климата в служебном коллективе выделяют следующие: скрытую критику условий труда и указаний руководства, неточное выполнение приказаний, пустую трату рабочего времени, опоздания и длительное отсутствие во время работы, уход с работы ранее положенного времени; отказ от работы в сверхурочное время, распространение слухов; небрежное обращение с оборудованием и техникой; равнодушное отношение к эстетическому оформлению условий труда и т. д.¹⁰ Знание и учет вышеприведенных факторов и показателей имеют исключительно важное значение прежде всего для руководителей и работников кадрового аппарата, а также для сотрудников, осуществляющих воспитательную работу с личным составом. Для своевременной нейтрализации и профилактики негативных факторов нравственной деформации и преступной деградации служебного коллектива необходимо учитывать основные причины их появления. В конкретном случае они зависят от действий отдельных членов служебного коллектива, что в свою очередь обусловлено объективно существующими причинами, порождаемыми как спецификой службы (внутренние причины), так и определенными условиями общественной жизни (внешние причины).

В. А. Шубин указал на то, что непопулярность профессии пожарного среди молодежи обусловлена многими факторами. Среди них заметную роль играет школа. Так, 98,3 % опрошенных курсантов Ивановского института ГПС МЧС России отметили, что в учебном заведении, которое они окончили до вуза, не проводились мероприятия, способствующие ориентации молодежи на обучение специальностям ГПС. Организацией учебно-воспитательного процесса в данном институте были не довольны 14,4 % курсантов, глубиной полученных знаний — 12,7 %, профессионализмом преподавательского состава — 16,4 %, отношением преподавателей к курсантам — 13,3 %, организацией личного времени курсантов — 20,1 %, микроклиматом курсантской среды — 14,4 % и социально-бытовыми условиями проживания и обучения курсантов — 25,5 %. При этом 44,4 % из недовольных собирались сменить специальность в системе ГПС¹¹.

Следует отметить, что современное развитие организаций все в большей степени выявляет потребность в формировании и развитии этики профессиональной среды как комплекса условий для содержательного, социально значимого труда, занимающего в жизни и системе ценностей работника центральное место для обеспечения его независимости, участия в принятии важных решений, для полной реализации способностей работника в практической деятельности. При всей своей консервативности внутриорганизационные отношения в органах ГПС также испытывают мощное влияние данной тенденции¹². В свою очередь, социальная организация ГПС, в рамках которой личность включается в процесс профессиональной деятельности, воспринимается и оценивается как некая совокупность условий, позволяющих пожарному в той или иной мере реализовать свои потребности, индивидуальная направленность и специфика которых закреплена в диспозиционной структуре его личности и выступает основанием мотивов социально-профессионального поведения человека.

Таким образом, для служащего ГПС профессиональная среда его организации представляет собой определенную композицию условий деятельности, оцениваемых с точки зрения степени удовлетворения комплекса его потребностей. От того, каким сформирован образ профессиональной среды организации в сознании человека, насколько ее условия соответствуют его потребностям, во многом зависят мотивация и цели профессиональной деятельности человека, складывание его личностной профессиональной этики.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 225.
- ² См.: Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. С. 184 ; Тихонина А. С. Профессиональная среда государственной гражданской службы : Теоретико-методол. и метод. аспекты социол. анализа. Н. Новгород, 2005. С. 111.
- ³ См.: Словарь по этике. М., 1989. С. 278.
- ⁴ URL: <http://zakon.kuban.ru/menu/menud.shtml> (дата обращения 17.10.2011).
- ⁵ URL: <http://fire-fight.ru/doc> (дата обращения 14.10.2011).
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: На рубеже веков и поколений : очерки и материалы по истории Иванов. ин-та ГПС МЧС России. Иваново, 2006. С. 96 — 107.
- ⁸ Там же. С. 99.
- ⁹ Там же. С. 97.
- ¹⁰ Там же. С. 238
- ¹¹ См.: Шубин П. А. Формирование профессионального статуса будущего офицера Государственной пожарной службы // Регионология. № 3. 2008. С. 159 — 160.
- ¹² См: Государственная служба за рубежом. Эффективность кадрового менеджмента : рефератив. бюл. М., 2002. № 4. С. 14 — 20.

Поступила 01.11.2011 г.

УДК 130.2:81

О. Н. Тарасова

O. N. Tarasova

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭПОХИ**

**LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
AS A MAIN COMPONENT FOR THE FORMATION
OF CULTURAL SPACE OF THE EPOCH**

Ключевые слова: картина мира, язык, мышление, культура, языковая картина мира.

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия языковая «картина мира», анализируются составляющие его компоненты.

Key words: picture of the world, language, thought, culture, language picture of the world.

Various approaches to the definition of the notion «language picture of the world» are considered in the article, its components are analyzed as well.

*Именно слово дает пищу для других искусств,
которые создают культурное пространство эпохи.*

В. Куприн

Эволюция картины целостного восприятия мира, его распад на объективную и субъективную составляющие нашел отражение в философии, культурологии и этике. Вопрос о картине мира активно обсуждается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Понятие «картина мира» относится к числу фундаментальных и выражает специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром и важные условия его существования в этом мире. Способствуя тесной связи и единству знания и поведения людей в обществе, оно является естественным универсальным посредником между разными сферами человеческой культуры и тем самым выступает действенным средством интеграции людей в обществе.

На вопросы «Что такое картина мира?», «Что называется в данном случае миром?» ученые дают следующие ответы: «Мир выступает космосом, природой. К миру относится и история. И все-таки... они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира, независимо от того, как мыслится ее отношение к миру»¹. «Отпечатки» картины мира можно обнаружить в языке, жестах, в изобразительном искусстве, музыке, ритуалах, этикете, вещах, мимике и в поведении людей. Картина мира формирует тип отношения человека к миру — природе, другим людям, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни»².

Многие современные лингвисты трактуют картину мира как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий суш-

ностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Картина мира как субъективный образ объективной реальности опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них. Отмечается, что картина мира имеет двойственную природу как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека и нечто объективированное в виде опредмеченных образований «следов», оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности³.

Данное понятие воспринимается и как универсальная категория, состоящая из таких частных компонентов, как социальная, научная, религиозная, языковая и художественная картины мира, которые призваны определять и рассматривать характерные для них проблемы. Последние часто могут совпадать или пересекаться. Наиболее обоснованной типологией картины мира, существующей в настоящее время, можно признать, вслед за А. Ю. Ивлевой, систему картины мира, предложенную М. Д. Ахундовым. Он выделяет три ее разновидности: картина мира как представление о множественности времен в условиях многоуровневого мира (мифологическая картина мира); система взглядов, в основу которой положено существование единого пространства и единого времени; представление единого пространства-времени, которое реализовано в логико-математической модели теории относительности⁴. Таким образом, рассматриваются научная и вненаучная картины мира. К первой можно отнести социальную и собственно научную картину мира, ко второй — религиозную, художественную и частично языковую, принадлежность которой к ненаучной картине мира спорна. Лингвистика, рассматривающая проблемы языковой картины мира, является скорее точной наукой, чем искусством⁵.

Ю. Д. Апресян называет языковую картину мира наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объему и даже содержанию. Образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира⁶. Концептуальная (научная) картина, или «модель», мира постоянно меняется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности, а отдельные фрагменты языковой картины мира еще долго сохраняют пережиточные, реликтовые представления людей о мироздании. Различия в научной и наивной (языковой) картинах мира обусловлены тем, что языковая картина мира отражает обиходные, обывательские и бытовые представления о мире, а научная — вырабатываемые в науке и выражаемые с помощью фундаментальных понятий и научных методов.

Кроме того, существует другая достаточно устойчивая тенденция — трактовать значения языковых единиц, опираясь на систему соответствующих научных понятий⁷. Это вполне объяснимо. Многие научные понятия давно вошли в речевой обиход человека. Можно сказать, что в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой. Примером служит опыт сопряжения научной и наивной систем понятий и представлений о мире по образцу некоей единой и нерасчленимой «естественной» ментальности⁸ и здесь же — поиск национально своеобразного в научной картине мира.

Необходимо отметить, что языковая картина мира тесно взаимодействует с художественной картиной мира, тем самым вписываясь в мировоззрение эпохи и проникая в нее. Это взаимодействие возникает как результат импульса художественных систем, являющихся формой конкретно-исторического художественного

развития и входящих в контекст языкового и художественного представлений о мире⁹. Е. С. Яковлева, рассматривая проблемы построения языковой картины мира, приходит к пониманию языка через систему координат: пространство, время и восприятие. Язык представляется как система знаков. Яковлева анализирует его во всеобщей картине бытия. Лингвистические проблемы исследователь трактует в свете общефилософского восприятия. Язык как система гармонично вписывается в общехудожественную картину мира¹⁰. Следовательно, язык изначально выступает не как набор отдельно взятых языковых единиц, а как одна из возможностей отображения (визуализации) художественной картины мира в целом, а также отдельно взятого индивида¹¹. Языковой компонент как составная часть универсальной картины мира тесно связан с художественной и научной картинами мира. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что универсальная картина мира включает в себя вербальные и художественные образы эпохи и научные представления о мире, принятые в обществе в конкретный исторический момент времени¹².

Проблема изучения языковой картины мира имеет давнюю историю. Одним из первых лингвистов, обративших внимание на национальное содержание языка и мышления, был В. фон Гумбольдт. Он признавал, что язык и мышление неразрывно связаны между собой, полагая, что «процесс употребления языка обусловлен требованиями, которые предъявляет мышление к языку»¹³. В природе языка есть то общее, что объединяет различные языки: язык — орган, образующий мысль, ему принадлежит ведущая роль в становлении личности, в образовании у нее системы понятий и в присвоении ей накопительного опыта¹⁴. Каждый человек имеет субъективный образ некоего предмета, который не совпадает полностью с образом того же предмета у другого человека. Объективироваться это представление может только, прокладывая «себе путь через уста во внешний мир»¹⁵. Слово несет на себе груз субъективных представлений, различия которых находятся в определенных рамках, так как их носители являются членами одного и того же языкового коллектива, обладают определенным национальным характером и сознанием. Таким образом, по Гумбольдту, на формирование систем понятий и ценностей оказывает влияние язык. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народа — носителя языка. Однако главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, в «способах выражения мыслей и чувств»¹⁶. Под формой языка Гумбольдт понимал не структуру, не лексику и грамматику, не правила словообразования и синтаксическую сочетаемость, а то, что идет от корней этого языка, что, вероятно, можно назвать принципом соединения звуковой оболочки со значением¹⁷. «Наконец, языки отличаются и представленным в них ментальным содержанием, интеллектуальной стороной». Это отличие тоже основано на национально-духовном своеобразии народа. «Фантазия и чувства вызывают индивидуальные образы, в которых отражается индивидуальный характер народа» и порождается «многообразие форм, в которые облачается одно и то же содержание»¹⁸. «Язык — это объединенная духовная энергия народа... Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...»¹⁹.

Языковая модель лежит в основе мировидения носителей языка, репрезентирующего сущностные свойства мира и являющегося результатом всей их духовной деятельности²⁰. Духовность народа, таким образом, проявляется в структуре языка.

Языковая картина мира является основным компонентом формирования культурного пространства эпохи. Язык — важная и неотъемлемая часть любой национальной культуры. Полноценное знакомство с ней предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторических, географических, экономических и прочих реалий, но и попытку проникновения в образ мышления нации, желание взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их точки зрения. Это можно сделать при помощи языка, на котором говорят представители данного культурного социума, т. е. имеется в виду способность не только решать с помощью языка определенные коммуникативные задачи, но и проникать в его сущность и семантику. Одно без другого невозможно: умение выражать свои мысли на чужом языке и понимать иностранную речь предполагает знание не только грамматического строя языка, но и его лексики. Восприятие содержательной стороны чужого языка как совокупность эквивалентов словам родного языка создает иллюзию знания того, что скрывается за, казалось бы, понятными словами. Что же нужно для адекватного восприятия такого важного компонента любой культуры, как национальный язык?

О связи культуры и языка очень точно сказал Э. Сепир: «Культуру можно определить как то, что данное общество думает и делает. Языки же есть то, как думают»²¹. Согласившись с таким определением, можно признать, что с проникновением в образ мышления нации и в ее способ видения мира происходит понимание особенностей менталитета носителей данной культуры и данного языка только через познание плана содержания этого языка. Глубинное знакомство с семантикой чужого языка, в свою очередь, предполагает овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира²². В национальном языке представителей конкретной культуры фиксируется национальный склад мышления, что является «сеткой координат, улавливающей мир», благодаря которой представители данной культуры смотрят на него и видят в этом мире ТО и только ТАК. В то же время знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будут неполными, если в поле зрения человека, обратившегося к этой культуре, не окажется такого компонента, как склад мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценки.

Языковая картина мира, по утверждению О. А. Корнилова, может быть использована двояко:

1) как «кладовая» иллюстративного лингвистического материала для подтверждения черт национального характера, которые могут а priori приписываться данному народу, считаться общепринятыми. Главное, что в этом случае языковая картина мира не рассматривается в качестве источника знания о национальном характере и складе мышления. Языковая картина мира вторична по отношению к постулируемым особенностям национального менталитета и должна их подтверждать;

2) как источник знания о национальном характере и менталитете. При таком подходе языковая картина мира — база данных, на основании исследования которых можно делать заключения об особенностях национального мировидения. В этом случае языковая картина мира приобретает гносеологическую ценность²³.

Знание языковой картины мира является необходимым фундаментом, для любых культурологических исследований.

В заключение следует сказать, что в языке фиксируется и сохраняется картина мира, свойственная тому или иному культурному сообществу («языковому коллективу»). При наличии общих содержательных компонентов «концептуальные поля истины» в различных языках и культурах имеют различные очертания, отражая разные стороны и аспекты бесконечно многообразного, объективного мира. Поэтому через познание неродных, и в частности иностранных, языков человек может непосредственно ощутить свою принадлежность к мировой истории и одновременно глубже понять свою национальную культурно-историческую уникальность.

Библиографические ссылки

- ¹ Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 69 — 104.
- ² См.: Апресян Ю. Д. Избр. тр. : в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 348 — 385.
- ³ См., напр.: Апресян Ю. Д. Указ. соч. С. 628 — 631 ; Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. М., 1988. С. 8 — 60.
- ⁴ См.: Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени : Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. 340 с.
- ⁵ См.: Ивлева А. Ю. Культурное пространство художественного текста. Саранск, 2008. С. 117.
- ⁶ См.: Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. С. 5 — 33.
- ⁷ См.: Слюсарева Н. А. Язык и речь — пространство и время // Теория языка : Англистика. Кельтология. М., 1976. С. 106 — 114.
- ⁸ См.: Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры : (Гуманитар. коммент. к естествознанию). Ростов н/Д, 2010. 318 с.
- ⁹ См.: Ивлева А. Ю. Указ. соч. С. 119.
- ¹⁰ См.: Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. 334 с.
- ¹¹ Ивлева А. Ю. Указ. соч. С. 119.
- ¹² Там же. С. 120.
- ¹³ Звягинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1960. Т. 1. 406 с.
- ¹⁴ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1984. С. 63.
- ¹⁵ Там же. С. 168.
- ¹⁶ Там же. С. 174.
- ¹⁷ Там же. С. 92.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1985. С. 349.
- ²⁰ См.: Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та. 2003. № 4. С. 2 — 12.
- ²¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 193.
- ²² См.: Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 78.
- ²³ Там же. С. 77.

Поступила 24.11.2011 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

Е

Е́ВА, в библ. сказаниях первая женщина. Образ Е. появился в религ.-мифол. картине мира мордвы после христианизации (17 — 18 вв.) и пер. отд. фрагментов Библии на мокш. и эрз. яз.

По представлениям мордвы, Е. являлась покровительницей земли, поэтому её наз. «Масторава» («Мать земли»): «Я, сюк... / Масторава Ева...» — «Ой, поклон тебе... / Мать земли, Ева...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 219); «труженица»: «...Тон тевень якавтыят, / Тон пидият-паният, / Каваницят, почувицят, / Тевень якавты якала баба...» — «...Ты делаешь дела, / Ты печёшь, варишь, / Угощаешь, погчуешь. / Труженица, якала баба...» (Там же, с. 221). К Е. обращались с просьбами помочь при *болезни*, в частности в заговорах от ушиба (см. *Заговоры лечебные*). При этом просили у неё прощения: «Паряк, Мастор ава... / Тон томбавить Петране... / <...> / Ёвтась берянь вал... / Простик и милостик!» — «Может быть, мать земли... / Ты ушиблась о Петра... / <...> / Сказал он нехорошее слово... / Прости и окажи милость!» (Там же, с. 219 — 220). Е. делали *жертвоприношение* —

по пуду муки, соли и пшена, и просили угостить всех её рабов (собаки, свиньи, чужие и т. п.).

Непременным спутником Е. является *Адам*. Отношение к Е. аналогично отношению к др. покровителям. Однако есть нюанс, свидетельствующий об инородности образа. Если в обращении, напр., к Нишкепазу и Нороваве налицо элемент уважения и даже страха, то к Е. обращались иначе: «Если, Ева, сидишь — слушай» (Там же, с. 219).

Образ Е. не получил развития и широкого распространения в представлениях мордвы. Его фиксации исследователями единичны (Х. Паасонен). В иск-ве образ Е. представлен одним. скульптурой С. Д. Эрзи (1919). Фигура Е. изваяна из белого крупнозернистого мрамора с голубовато-серой прожилкой, а сопутствующие её образу атрибуты и персонажи (дерево и змей) — из мрамора с тёмным оттенком. Следуя нар. представлениям о жен. красоте, скульптор изображает фигуру Е. массивной, но не лишённой грации. Композиц. построение скульптуры позволяет глубже раскрыть образ. Безвольно склон. голова, безмятежное выражение лица и подогнутая нога указывают на спокойствие Е. и неизвестность ей будущих перемен

* Начало в № 2, 2011 — 1, 2012.

в жизни. В то же время присутствие змея-искусителя вносит элемент тревоги и непредсказуемости.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: Юрчёнкова Н. Г. Ева // Словарь-справочник жизни и творчества С. Д. Эрзы / сост. М. И. Каргина. Саранск, 2001.

Н. Г. Юрчёнкова.*

ЕВЛЁНТЬЕВ Константин Григорьевич (1824, г. Оренбург — 1885, г. С.-Петербург), краевед. Род. в мещанской семье. Учёбу начинал в г. Оренбурге, выпускные экзамены сдавал в Казанской гимназии. Активно сотрудничал с «Оренбургскими губернскими ведомостями» и «Самарскими губернскими ведомостями». Являлся чл. Казанского экон. об-ва, в 1854 — 55 его статьи печатались в «Записках...» этого об-ва. С 1853 после соотв. аттестации работал учителем в уездных и приходских уч-щах Самарской, Казанской, Петерб., Олонецкой и Псковской губ. После 1857 преподавал рус. яз. в г. С.-Петербурге, затем в Олонецком уездном уч-ще. В 1863 коллежский секретарь Е. был переведён в Островское уч-ще, а на следующий год избран д. чл. Псковского губернского стат. к-та, т. к. проявлял склонность к науч.-аналитич. деятельности. С 1870 — архивариус суда в г. Пскове, где проработал 10 лет, показав удивительную работоспособность (подготовил к списанию 50 тыс. дел). Во время пребывания в г. Пскове в 1878 вел. кн. Сергей Александрович и

Павел Александрович в знак признательности за личное участие Е. в раскопках курганов пожаловали ему золотую булавку, украш. драгоценными камнями. Это была его единств. награда. Получая нищенскую пенсию (214 руб. годовых), Е. в 1882 переехал в г. С.-Петербург, т. к. нуждался в тщательном лечении. Умер, вероятно, в больничном приюте.

Е. изв. как собиратель мордов. фольклора, автор рукописной ст. «Этнографическое известие о мордвах». Записал предание о царе Тюште и о потере мордвой своей земли. Было время, говорится в предании, когда мордов. племя жило независимо от рус. и в добром соседстве с ним. Однако пришла пора — и русским понадобилась мордов. земля, они стали просить у мордов. инязора (см. «*Великий хозяин*») столько земли, сколько может охватить пеньковая нить, обмот. вокруг человек. головы. Мордов. царь решил исполнить просьбу своего соседа. Русские выбрали из своей среды самого сильного человека и начали обматывать его голову пеньковой нитью. В результате его голова превратилась в гору, а размот. нить охватила всю мордов. землю. Когда инязор Тюштя понял, что произошло, было уже поздно. Будучи слабее рус. царя и обладая кротким нравом, он не стал спорить с обидевшим его соседом и добровольно уступил ему свою землю. Однако, чтобы сохранить независимость и родную веру, решил уйти с подвластным ему народом за море. Подойдя к морю, Тюштя накрыл его платком, из к-рого образовался мост. По нему народ перешёл на др. берег. За последним человеком мост постепенно разрушился. Часть людей отстала от Тюштя, остановившись у реки варить кашу. Когда они подошли к морю, мост исчез, а Тюштя пропал из виду. «Кашедам» пришлось остаться на родной земле,

* Статьи Н. Г. Юрчёнковой подготовлены при поддержке РГНФ (проект № 11-11-13005 а/В).

признать господство над собой рус. племени и принять христ. веру.

Заморская мордва, говорится далее, и поныне живёт с Тюштей в полном изобилии и довольстве, податей не платит, рекрутства не знает. «Эх, братцы! Пойдёмте-ка за море искать нашего инязора! — восклицает мордва, когда у кого-нибудь случится чёрный день. — Уж то-то житьё нам будет с ним!» (цит. по: Шаронов А. М., Мордовский героический эпос: сюжеты и герои, Саранск, 2001, с. 132 — 133). Предание о Тюште, запись Е., перекликается с мифом о Мордов. царстве, рассказ. быв. матросом в с. Козловка Темниковского у. Тамбовской губ.

Соч.: Этнографическое известие о мордвах // Арх. Геогр. об-ва СССР. Разряд 53. Оп. 1. № 33. Л. 38 ; Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851 — 1854 гг. // Зап. Казан. экон. об-ва. 1854. Ч. 3, кн. 10 — 12 ; 1855. Ч. 1, кн. 2, 4 ; Заметки из поездок по Казанской губернии // Там же. 1855. Ч. 2, кн. 8 ; Прогулка в село Верхний Услон в апреле 1855 года // Там же. Ч. 3, кн. 12.

Лит.: **Иванова В. И.** Константин Григорьевич Евлентьев (1824 — 1885) // Изучение истории и культуры Псковского края в школе. Псков, 2000 ; **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001.

Е. А. Шаронова.

ЕВСЕВЬЕВ (К О Б А Е В) Мака́р Евсевьевич (18.1.1864, с. М. Кармалы Буинского у. Симбирской губ., ныне Ибресинского р-на Чувашской Республики — 11.5.1931, г. Казань), учёный, просветитель, этнограф, фольклорист. Чл. Фин.-угор. об-ва (1910), РГО (1912), ОАИЭ (1914). Род. в крест. семье. Окончил Шераутское 2-классное уч-ще (1876), Казанскую инородч. учительскую семинарию (1883). В 1892 — 93 и 1900 был вольно-

слушателем ист.-филол. ф-та Казанского ун-та. С 1883 — учитель мар., с 1884 — мордов. образцового нач. уч-ща при Казанской семинарии, в 1894 — 1919 — преподаватель приготовительного кл. этой семинарии. Обучал детей народов Поволжья рус., церк.-слав., мордов. яз., арифметике и географии. В 1920 — директор Мордов. пед. курсов в г. Казани. В 1920 — 29 — зав., науч. сотрудник этногр. отдела Центр. музея Тат. АССР. Одновременно преподавал историю и этнографию мордвы, мордов. яз. в Вост. пед. ин-те, Тат. коммунистич. ун-те и др. уч. заведениях Казани.

Е. плодотворно занимался науч. работой. На протяжении длительного времени собирал фольк.-этногр. материалы о мордве. В ходе этногр. эксп. посетил более 500 мордов. сёл и деревень Европ. части России. В материалах, запись учёным, нашли отражение история, религ. верования, крест. быт, образ мыслей и поэзия народа. В них представлены все жанры фольклора: причитания невесты, молитвы и *заклинания*, величальные и корильные песни, а также необрядовая поэзия, произв. малых прозаич. жанров.

В 1892 в ж. «Живая старина» РГО Е. опубли. подробное описание мордов. свадьбы, получившее высокую оценку науч. общественности. Он впервые обратил внимание на мифол. основу свадьбы мокши и эрзи, выделив божества, к-рые, по их мнению, покровительствуют и сопричастны к свадьбе, созданию новой семьи (Кудава, Кардаз сярко и др.), отметив наличие у мордвы символич. образов *девчества* и замужества («урексчи»), а также береговых ритуалов и действий в ходе свадебного обряда, напр. *баня девчества*. В свадебной поэзии, по мнению Е., получила отражение связь крест. жизни с миром мифол. покровителей.

Во время этногр. поездки в 1910 в Пензенскую губ. Е. изучал религ. верования мордвы. Он посещал её обществ. моления — *братчины*; делал фотографич. снимки, запечатлевшие сцены молений (озксов), приобрёл для музея родовую свечу (штатол), зажигаемую во время озксов отд. родом; интересовался, в каком виде сохранились языч. обряды и традиции у крещёной мордвы. По материалам эксп. в 1914 вышел очерк «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии», отмеч. Малой золотой медалью РГО. В нём Е. рассмотрел религ. философию и мировоззрение мордвы; её ритуально-обрядовую практику; характер языч. верований, симбиоз мордов. язычества с православием; дал представление о системе родства и принципах объединения в братчины; определил хронологич. рамки обществ. языч. молений и праздников; раскрыл содержание молитв, обращ. к небесным и земным божествам, а также к предкам; представил *богов*, покровителей («кирди») различных стихийных сил природы, и многоплановую систему взаимоотношений, возникающих между ними и людьми. Гл. «Прощённые липы» посвящена чудесным свойствам деревьев, способных отвращать гнев богов и получать от них прощение. В очерке подробно описан праздник в честь *Вермавы*. Особое внимание уделено культу предков, связ. с мифол. восприятием *загробного мира*.

В 1925 Е. опублик. очерк «Мордва Татреспублики». В нём представлен миф о стр-ве г. Казани. Кроме того, Е. охарактеризовал божества, к-рых «у мордвы было множество: все они были человекообразны, телесны, обладали способностью принимать различные виды животных, птиц и рыб» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 395). Учёный сообщал о том, что «богов эрзя

называет словом „паз“ — бог, или словом „ава“ — мать („вере-паз“ — верхний, небесный бог; „мастор-паз“ — земной бог; „керень-шочконь паз“ — бог лубка и бревна, т. е. дома; „норов-ава“ — богиня плодородия; „ведь-ава“ — богиня вод), а мокша — словом „шкай“ или... „ава“» (Там же). Е. выделил неск. разновидностей озксов в честь божеств (обществ., случайные и семейные). Особо остановился на вопросе свадебной мифологии; описал устройство свадебной ритуальной кибитки «он-ава» и полный магич. таинства обряд имянаречения молодой (м., э. лемдема).

В 1928 Е. издал сб. «Эрзянь ёвкст» («Эрзянские сказки»), в к-ром представлен богатый материал, свидетельствующий о том, что осн. сюжеты мордов. сказок развиваются в рамках нац. мифол. парадигмы.

В целом Е. подчёркивал, что в произв. мордов. фольклора отчётливо проявляется мифопоэтич. восприятие мира народом, его жизнь в тесном окружении языч. божеств, небесных и земных покровителей. Систематизация учёным пантеона, религ. обрядов и молений мордвы способствовала раскрытию сложной картины мировоззренч. представлений мордвы.

Соч.: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1 : Мокшанские песни. Казань, 1897 ; Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Живая старина. Пг., 1914. Кн. 23, вып. 1 — 2 ; Мордва Татреспублики // Материалы по изучению истории Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2 ; Мордовская свадьба. М., 1931 ; 1959 ; 1990 ; Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1961 — 1966. Т. 1 — 5.

Лит.: Шахматов А. А. О работах М. Е. Евсевьева // Отчёт Имп. Рус. геогр. об-ва за 1915 г. М., 1916 ; Беззубов В. И. Научно-педагогическая деятельность М. Е. Евсевьева. Саранск, 1960 ; Бибин М. Т., Осовский Е. Г.

М. Е. Евсевьев — первый мордовский учёный, просветитель и педагог. Саранск, 1988 ; **Жиганов М. Ф.** М. Е. Евсевьев — историк родного края. Саранск, 1990 ; **Рогачёв В. И.** Истоки : (К проблеме ист.-культур. и филол. наследия М. Е. Евсевьева). Саранск, 2002 ; **Зеткина И. А.** Национальное просветительство Поволжья: формирование и развитие. Саранск, 2003 ; **Ravila P.** Vorwort // Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

В. И. Рогачёв.

ЕДА РИТУАЛЬНАЯ, приём пищи (м. ярхцама, ярхцамбяль, э. ярасамо, ярасамопель), имеющий праздничный характер. У мордвы, как и у др. народов, еда обставлялась как своеобразный ритуал, призв. выявить внутр. структуру коллектива и утвердить солидарность его членов перед лицом высших сил.

Каждый праздник у мордвы в прошлом был не столько праздником в совр. понимании этого слова, сколько молением, исполнением того или иного комплекса религ.-магич. обрядов, посвящ. определённым *богам*. Осн. моментом всех молений являлось *жертвоприношение*. Значительное место среди жертв занимали пищевые продукты и блюда. Наиболее многочисл. у мордвы были обряды ритуального кормления домашних духов и душ предков, от расположения к-рых зависело успешное ведение хоз-ва и благополучие в *доме*. Им предназначалась первая ложка от всех праздничных или поминальных блюд, отливались напитки, откладывался первый испеч. *блин* или ломоть хлеба. Пищу размещали под столом, по углам дома, под или за печью, под порогом, клали на окно или божницу, относили на перекрёсток дорог, на могилы, бросали в огонь, в колодец, в проточную *воду*, подвешивали к дереву и т. п.

Угощение, предназнач. духам природы, относили в лес, к воде, в поле. Подношения духам регулярно делали в наиболее отв. моменты хоз. года (перед началом сева, выпаса скота, перед выходом на промысел и т. п.) или в случае пропажи скота, во время стихийных бедствий, а также при *болезни*.

В Е. р. преобладали разнообразные изделия из муки. Чаще всего это был каравай хлеба, его куски и даже крошки, а также лепёшки, пироги и др. Считалось, что магич. свойства обрядового хлеба перейдут на всех, кто получит его как часть ритуального каравая, поэтому каждый участник той или иной церемонии обязательно съедал освящ. кусок. Иногда и остальную обрядовую еду клали на хлеб.

Непрем. блюдом всех ритуальных трапез мокши и эрзи наряду с хлебом являлась каша. Обычно на всех молениях при обращении к богам просили даровать столько добра и богатства молящимся, сколько крупинок или зёрен в горшке с кашей. Каша была гл. блюдом на специальном жен. молении «бабань каша». На крестины варили молочную пшённую кашу, считавшуюся символом плодородия. Каждый участник крестин, попробовав её, поздравлял родителей с прибавлением в семье и выражал пожелание новорождённому прожить столько лет, сколько крупинок каши в горшке.

Распростран. Е. р. являлись куриные яйца. Они были в центре весенних, в частности пасхальных, обычаев. Их использовали также в обрядах, посвящ. началу посевных работ. Яйцо клали в дупло бортного дерева, чтобы лучше роились пчёлы. Одним из обязательных блюд из яиц была яичница, изготовлявшаяся из яиц, принес. участницами жен. братчин (см. *Бабья брага*). К Е. р. относились также яблоки и орехи.

В состав Е. р. мордвы непременно входили напитки. Практически на каждый праздник готовили медовое пиво и *брагу, позу*. Даже бытовали праздники, в назв. к-рых встречалось наименование того или иного напитка, напр. «Авань поза» (м.), «Авань пуре» (м., э.). Для весеннего общинного поминания предков мордва готовила хмельной медовый напиток (м., э. атянь пуре). В этот день в каждом доме пекли блины и приглашали предков на Пасху.

Своеобразным жертвоприношением богам было одаривание их т. н. первинами, или новинами, — плодами нового урожая, продуктами первого удоя молока после отёла коровы и т. п., к-рое сопровождало введение этих продуктов в рацион питания. Использованию первин предшествовали запрет на их употребление до начала сбора или доения скота, освящение и первое вкушение. После освящения первин яиц, молока и мяса следовало их ритуальное поедание.

Приготовление Е. р. обуславливалось определёнными правилами. Для обществ. молений избирались специальные люди, собиравшие продукты и готовившие из них еду. Во время приготовления и раздачи Е. р. нельзя было сердиться, ругать к.-л., девушкам не разрешалось общаться с мужчинами. Вёдра с пивом нельзя было ставить на землю, а сам напиток — проливать. Считалось, что нарушение этих правил могло рассердить богов.

Ритуальная пища готовилась особым способом, напр. свящ. хлеб пекли не в формах, а обязательно на капустных листьях и др.

Остаткам ритуальной трапезы в народе приписывали сверхъестеств. свойства: целительные, охранительные и силу плодородия. Поэтому их сохраняли в течение продолжительного времени, употребляя в особых случаях (в нача-

ле к.-л. работ, при стихийных бедствиях, болезнях людей и скота). Во время моления «бабань каша» каждая из участниц обязательно откладывала про запас свящ. кашу. Её бросали в загон перед началом сева, в воду — перед ловлей рыбы, звероловы и птицеловы кормили ею собак.

Остатки Е. р. (крошки, яичная скорлупа, кости жертв. животных) также использовали в магич. целях. Их подмешивали в корм скоту и домашней птице, чтобы увеличить их плодовитость и укрепить здоровье. Курам, напр., чтобы они лучше неслись, колядующие раскидывали в доме *зерно*, в т. ч. с полос, оставляемых после *жатвы* в дар боже-ству поля.

Лит.: Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007.

И. И. Шеянова.

ЕЛЬ (м., э. **Куз**), дерево, получившее в мифол. воззрениях мордвы неоднозначную оценку. Наряду с осиной и боярышником причислялась к группе «нечистых» деревьев, что породило множество запретов на её использование. Так, по наблюдениям ряда исследователей, даже в 19 в. старались не проводить обществ. моления под Е. В быту не допускалось стр-во жилых сооружений из Е. Нельзя было сажать Е. в огороде или рядом с *домом*, поскольку это могло привести к скорой смерти к.-л. из членов семьи. Е., близко располож. к дому, могла, по мнению мордвы, выжить из него мужчину.

Считалось не допустимым срубать Е. без особой необходимости. Вероятно, этот запрет берёт начало из

практики обрядовых воздушных захоронений и связ. с ними распростран. у фин.-угор. народов представлений о том, что деревья могут быть местом обитания душ предков. Подобные аналогии ставят Е. в один ряд с сосной, липой, дубом и т. д.

В семиотич. пространстве декоративно-прикладного творчества мордвы, располагающем огромным кол-вом знаков — символов, несущих в себе определённый заряд энергии и оберегающую силу, есть орнаменты, перекликающиеся с деревьями, в частности с Е. Так, В. Н. Белицер акцентировала внимание на таких узорах *вышивки* нар. одежды, как «куз пря» (верхушка ели), «куз покольнят» (еловые шишки), «куз тарад» (ветка ели). Разновидностью елового орнамента являлась вышивка на жен. головных уборах мордвы-эрзи Нижегородской обл. и Большеигнатовского р-на Мордовии. Здесь элементы Е. использовались, видимо, для стилизов. изображения родового дерева — признака рода и одновременно подобия оберега, защищающего женщину от возможного вреда или порчи.

В изображениях на свадебных парях часто встречался орнамент «ёлочка», трактуемый ранее как изображение лошади. Этот знаковый элемент имел определённый магич. характер, приписываемый и остальному орнаментальному комплексу паря, обладателям к-рого должны были сопутствовать *богатство*, счастье и благополучие.

Встречались редкие свидетельства использования в свадебной обрядности веток Е., к-рыми украшали верхушку свадебного пирога, обёртывая их лентами или дополняя бумажными цветами. Такие еловые цветы, употребляемые в данном случае как декоративный элемент, должны были придать пирогу ещё большую пышность, красоту и значимость.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Крюкова Т. А.** Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск, 1968 ; **Мартьянов В. Н.** Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск, 1971 ; **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М., 1973.

И. В. Зубов.

ЕФЬМОВ Иван Семёнович (11(23).2.1878, г. Москва — 7.1.1959, там же), скульптор, график. Нар. художник РСФСР (1958). Поч. чл. Междунар. союза кукольников (1958). Учился в Моск. уч-ще жив., ваяния и зодчества (1906 — 08). В 1908 — 11 работал в г. Париже (Франция), где сотрудничал с худ. В. А. Серовым. Участник Первой мировой войны. Продолжил традицию модерна с его культом гибкой, органически-всеохватной линии. Талант художника наиболее раскрылся в изысканно-декоративных образах животных, виртуозно обыгрывающих возможности разных материалов (в т. ч. фарфора, эскизы для к-рого он создавал с 1910-х гг.). В 1920-х гг. преподавал в моск. ВХУТЕМАСе — ВХУТЕИНе. Участвовал в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды (мемориальная доска «Кто не работает, пусть не ест» на быв. здании Реввоенсовета на Гоголевском бульваре в Москве, цемент, 1918). Мастер остро характерной и пластически цельной анималистич. скульптуры: монументально-декоративной (фонтан «Дельфины» на Химкинском речном вокзале в Москве, кованая медь, стекло, 1935 — 37; сквозные рельефы в санатории г. Цхалтубо в Грузии, бронза, 1950) и станковой («Петух», кованая медь, дерево, 1932, Третьяковская галерея, Москва).

Е. — иллюстратор сб. «Эрзянский эпос» (1930 — 32). Его привлекали отд. стороны нар. жизни, в первую очередь обряды, праздники, в к-рых он видел проявление исконно нац. характера и менталитета. Все произв. Е. одухотворены верой в мощь нар. духа, в его неиссякаемую силу. Серию рисунков он посвятил свадебному обряду. Центр. место в них отведено невесте — одному из гл. персонажей мордов. свадьбы. Разноплановы и пластичны фигуры, изображающие невесту в различные моменты предсвадебной и свадебной церемоний: моющейся перед девичником в *бане*, прощающейся с *домом*, двором, колодцем, подругами, девичьей красотой. В произв. устно-поэтич. творчества мордов. народа прощания невесты полны трагизма. В рисунках же Е. ярко выраж. трагичности нет, в них больше живого и свободного игрового действия. Одним из первых среди художников Е. обратился к изображению отд. мордов. мифол. образов — Нишкепаза, Литовы, Мурзы, Мазярго и др. По изобразит. языку его рисунки скупы и лаконичны: неск. штрихами, одной линией художник передаёт трепетность движений, характерность поз, жестов, элементы одежды, показывающие её принадлежность к мордов.

народу. Привлекает внимание рисунок «На облаке», изображающий Нишкепаза. Художник пытался передать величие и могущество Верховного бога, сидящего на облаке и попирающего ногами льва на фоне восходящего солнца. Внизу, на земле, большое кол-во людей возносит мольбы к небу.

В иллюстрациях, выполн. Е. к сб. «Эрзянский эпос», важное место отводится изображению коня. Одни рисунки отражают его бытовое видение («В саянах»), др. — мифопоэтич. восприятие («Бегство парня из плена на чудесном коне»).

Соч.: Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие. М., 1977; Эротические рисунки. 1914 — 1947. М., 1996.

Лит.: Выставка произведений И. С. Ефимова за 80 лет со дня рождения и художника Н. Я. Симонович-Ефимовой: каталог. М., 1959; **Матвеева А. Б.** И. С. Ефимов. М., 1965; Мордва: ист.-культур. очерки. Саранск, 1995; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.

Ё

ЁНДОЛПАЗ (м., э. ёндол «молния», тол «огонь, пламя», э. паз «бог»), бог молнии. По мнению ряда исследователей (У. Харва, Н. Ф. Мокшин), «ёндол» (jondol) — сложносоставное слово, первый компонент к-рого «ён» является забытым обозначением неба (первонач. «ёндол» означало «небесный огонь»).

По представлениям мордвы, Ё. — самостоят. божество, но, поскольку молния, как правило, сопровождается дождь и гром, Ё. отождествлялся с богом грома Пурьгинепазом или действовал заодно с ним. Мордва считала молнию стрелой бога грома, к-рой он убивает злых духов. В эрз. песне «Пазонь симемат-ярсамот» («Пир богов») говорится:

«...Кува моли [Пурьгине] — сеери... / Ёндолсонзо верьгели...» — «...Где идёт [Громовик], (там) гремит... / Молнией своей посверкивает...» (УПТМН, т. 1, с. 37, 38).

В паремич. творчестве гром и молния также выступают в одной паре, напр. в загадках: м. «Вирьста серьгеди, / Пандста врьгяти» — «Из лесу крикнет, / С горы сверкнёт», э. «Васня верьгеди, / Мейле серьгеди» — «Сперва сверкнёт, / Потом загремит» (Там же, т. 4, ч. 2, с. 33, 157).

Имя Ё. наряду с именем Пурьгинепаза встречается в молитве, к-рую проносили уходящие на *войну*.

В эрз. песнях упоминается Ёндолба — искусная целительница *болезней*.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingfors, 1894. Bd. 1, H. 2 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Д. Ф. Ильин.

Ж

ЖАВОРОНОК (м. **Жаворонка**, э. **Норовжорч**), одна из «чистых», или «божьих», птиц; птица урожая, вестник *весны*. В мифол. песнях предстаёт как один из птенцов Иненармунь (см. *Великая птица*), к-рая высидела его вторым. Прилёт Ж. мордва связывала с приходом весны: «Тундось содави норовжорчонь морамга» — «Весна узнаётся по пению жаворонка» (УПТМН, т. 9, с. 15). Ж. изображается также верным пом. пахарей и пастухов. Он скрашивает своими песнями нелёгкий труд земледельцев и вдохновляет их на созидательный труд.

Когда холмы освобождались от снега и появлялись проталины, в мордов. селениях проводили праздник встречи птиц. В этот день совершали религ.-магич. обряды, гадали. Необходимым атрибутом было выпекание из теста ритуальных пирогов в виде птиц — «жаворонков», «ласточек». Их поедание сопровождалось исполнением песен-веснянок, со-

держащих призывы весны: «Жаворонка, нармоннай, / Тундань тежда варманяй, / Лийхть тон кели паксызонк...» — «Жаворонка, птичка, / Весенний лёгкий ветерок, / Лети ты на широкое наше поле...» (Там же, т. 7, ч. 3, с. 74).

Стремясь приблизить приход тёплых дней, ускорить подготовку к весенне-полевым работам, в мордов. селениях устраивали специальные вок.-пантомимич. и танц. представления в честь Ж. — «Тундонь тердема» («Зазыв весны»). Они имеют общую функцион. направленность с рус. «веснянками», цель к-рых — ускорение прилёта птиц, являющихся провозвестниками тепла. Вок.-пантомимич. картинки «Норовжорчонь само» («Прилёт жаворонков») в с. Шокша Теньгушевского р-на Мордовии и с. Б. Толкай Похвистневского р-на Самарской обл. разыгрывали в неск. местах одновременно. «Площадкой» для представления этих картинок служили

плоские крыши-лабазы, а также первые весенние проталины, образовавшиеся на пригорках. Красочность и зрелищность представлению придавали самобытные нарядные костюмы девушек и девочек — его участниц: парчовые кокошники и телогреи; вышитые блёстками и разноцветной тесьмой рубашки; красные, малиновые, голубые и жёлтые большие шёлковые платки, с помощью которых изображали голову и крылья птиц.

Участницы представления располагались на выбранной площадке в определённом порядке. Во главе стояла одна из девочек, держа на вытянутых руках фигурки Ж. из теста. За ней вставала девушка. По обеим сторонам от неё в форме клина выстраивались остальные. Взмахами рук девушки имитировали полёт птиц. Пантомимич. сцены сопровождалась песенным диалогом двух групп, располож. на разных возвышениях. Одна группа изображала людей, зывающих птиц (ими могли быть и зрители, наблюдающие снизу за выступлением), др. — самих птиц. «Люди» протягивали к «птицам» руки, спрашивая их о местонахождении и условиях жизни. «Птицы», хлопая «крыльями», отвечали, что им живётся плохо: питаются жёлтым песком со дна старого колодца, пьют ржавую воду из протухшего ключа. «Люди» звали «птиц» к себе, хваля свои поля: «Наши земли урожайные, их орошают тёплые дожди, солнце над ними всегда в зените. Словно лесные утки ряды наших снопов, белые гуси — наши крестцы» (цит. по: Брыжинский В. С., Народный театр мордвы, Саранск, 1985, с. 101). «Птицы» летели к «людям», имитируя радостный щебет. После этого обе группы объединялись в общий хоровод. В центр круга поочередно выходили две или три девушки для исполнения специального танца, изображающего полёт и приземление птиц.

В др. селениях эрзяне и мокшане совершали иные обряды в честь встречи весны, но во всех них есть обращение к птицам, несущим тепло, оживление и радость: «Жавронканят, кулемасть, / Сяда курок няемасть! / Сяда курок лиеда, / Тундонь лямбе тиеда» — «Жаворонки, услышьте нас, / Скорее заметьте нас! / Скорее прилетите, / Весеннее тепло принесите» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 20).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982.

Лит.: Добровольский В. Н. Звукоподражание в народном языке и в народной поэзии // Этногр. обозр. 1894. № 3 ; Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; Егю же. Мордовская народная драма. Саранск, 2003.

М. Н. Салаева.

ЖАТВА (м. Нума, э. Нуема), один из периодов земледельч. цикла. В обрядовом комплексе, сопровождавшем Ж., особенно выделялись её начало и конец.

Забота об урожае была делом не только каждой крест. семьи, но и всех жителей селения. Поэтому чтобы обеспечить урожайность полей и плодovitость скота, решением общины проводили общие моления (озксы). Наибольшее их число приходилось на весенне-летний период. Именно в это время осуществлялись осн. хоз. работы, и крестьяне стремились всеми доступными средствами обезопасить себя и свой труд, полагаясь на магич. действия. Степень вмешательства общины наиболее чётко проявлялась в организации и проведении

молений перед началом сенокоса (м. лайме озкс), а также при выколашивании ржи (м., э. бука ознома).

Осенний период у мордвы отличался от др. периодов тем, что в это время почти все обряды совершали как языч. моления, сопровождаемые пением молитв. песен (пазморот) озатей. Особенно торжественно отмечали окончание Ж. Во время посвящ. этому событию трёхдневного сельского моления (м., э. велень озкс) устраивали торжеств. трапезу, на к-рой обязательно ели хлеб и кашу из зёрен нового урожая и оставляли в дар божеству поля Паксяве несжатую полосу ржи в благодарность за хороший урожай. Кроме того, по окончании Ж. проводили специальное моление серпу (м., э. тарваз озкс) в честь богинь земли — Модавы, поля — Паксявы и плодородия — Норовавы. Паксява, по воззрениям мордвы, жила во ржи. Поэтому каждый хозяин на своём участке земли связывал колосья вместе, стелил около них белое полотенце с хлебом и солью, втыкал в землю серпы, и все садились на последние снопы. Старшая из женщин-жнецов благодарила Паксяву за хороший урожай.

Лит.: Славянская мифология : энциклопедия. М., 2002 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Беляева Н. Ф. Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002.

И. И. Шеянова.

ЖЕЛЁЗО (м., э. **Кшни**), металл, один из сакральных объектов, символ прочности и силы.

Мордва начала широко использовать Ж. со 2-й четв. 2-го тыс. до н. э. Свойство этого металла противостоять значительным нагрузкам дало, видимо,

повод возвести его в круг сакральных объектов мифол. мировидения. Так, в молитве, обращ. к Верховному богу Нишкепазу, при описании его дома упоминается железный забор, за к-рый никто (в т. ч. др. божества) не может проникнуть и даже заглянуть. Образ железного забора, защищающего *дом* или двор человека от стихийных бедствий (пожары и др.), а также от недобрых людей (колдуны и др.), представлен в молитвах самарской мордвы.

Железные предметы широко использовались во время проведения молений, *заговоров* и обрядов. Исследователи отмечают апотропейные функции металлич. предметов, применявшихся мордвой в период эпизоотий и прочих массовых заболеваний, причём нередко непонятного происхождения (напр., опаживание железным плугом, сохой и т. п. как создание укрепл. линии, через к-рую *болезнь* или её дух не могут перейти).

В *заговорах от ведунов* и от осуды в качестве вербального средства исцеления выступают железные грабли, железная лопата, железный веник, железная палка и др. При этом акт исцеления обычно совершает железный старик (старуха) с железными бородой и волосами, в железной одежде и обуви. В заговоре от опухших миндалин, запись в 1936 в Большеберезниковском р-не Мордовии, с просьбой об исцелении обращаются к богу металла: «Кшни паз, ламо керят, / Ламо цюрят, чувто керят. / Кандо керят, керить шишканзо... / Цюразь цюрыть, крестазь крестыть» — «Бог металла, много режешь, / Много окружаешь, много вырубаешь. / Бревно рубишь, вырежь шишки... / Окружи их, перекрести крестом» (НА НИИГН, ф. И-29, л. 4). Здесь же в качестве исцеляющей субстанции выступает коршун с железным клювом, к-рый «каждый день

болезнь ждёт» (Там же). Сходное вербальное применение Ж. встречается и в др. *заговорах лечебных*, напр. в заговорах от боли в горле орудием излечения служит сабля, рассекающая эту боль. Большое распространение получил способ удаления наростов (шишек) или боли при помощи начертания железным ножом или др. железным предметом креста на месте источника болезн. ощущений человека.

Идею создания чрезвычайно сложного или непреодолимого препятствия реализуют в заговоре от колдунов мифологизиров. субстанции — железные яйца и железные пчёлы: «Киянь морясо, моря потмакссо кев, / Кевень потсо пачалго, / Пачалгонть лангсо колмо кшнинь алт, / Алтнэнь потсо кшнинь мекшт, / Зярдю ведунонтянь таргавить... / Знярдю саевезэ Иван» — «В Киян море на самом дне — камень, / Внутри камня сковорода, / На сковороде три железных яйца, / Внутри яиц железные пчёлы, / Когда колдун сможет их достать... / Тогда сможет взять Ивана» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 254).

Апотропейные функции Ж. отражены в свадебной обрядности мордвы. С целью охраны молодых и гостей от порчи колдунов применяли железный нож или саблю (друга обходил с ним поезд, очерчивая его). Молодым прикалывали на одежде в незаметных местах иголки или булавки, чтобы колдун не мог навредить им, незаметно прикоснувшись. Во время обряда имянаречения невесты друга использовал железный нож или топор в качестве запугивания гостей, к-рые не должны были больше называть молодую её наст. именем, в чём просматриваются отголоски инициации.

Опасения за жизнь и здоровье детей сформировали распростран. у мордвы и др. фин.-угор. народов способ обе-

рега новорождённого от колдуна или дурного глаза с помощью железных предметов. Для этого в зыбку на ночь или на время отсутствия взрослых клали нож. В Хвалынском у. Саратовской губ. после крестин в течение шести недель, чтобы колдун не съел сердце ребёнка, мать ежедневно при укладывании «три раза крестит его ножом, или же обводит три раза зыбку и затем кладёт нож под подушку ребёнка» (Саратовский сборник, Саратов, 1891, т. 1, отд. 1, с. 185). Марийцы и удмурты с этой же целью использовали нож, ножницы, железный шлак из кузницы и т. д., подкладывая их туда, где находился новорождённый первые дни жизни.

Фрагментарное использование Ж. как оберега от сглаза сохранялось у мордвы до 2-й пол. 20 в. Так, в ряде сёл Краснослободского и Атюрьевского р-нов Мордовии среди мордвы-мокши бытовал один из самых простых способов противодействия колдуну — в след, оставл., по мнению односельчан, именно им недалеко от дома, втыкали иголку. Считалось, что т. о. можно было причинить вред его здоровью или отбить у него желание возвращаться по этому маршруту.

В похоронном обряде, тесно связ. с культом предков, наблюдалось стремление близких обеспечить умершего всем необходимым для существования в *загробном мире*. Для этого с ним клали различный бытовой инвентарь из Ж., использовавшийся им при жизни. По материалам археол. изысканий, «воинов снабжали оружием и снаряжением верхового коня» (Петербургский И. М., Материальная и духовная культура мордвы VII — X вв., Саранск, 2001, с. 130).

В сюжетах песен мифол., эпич. и героич. содержания, легенд Ж. является символом прочности и силы. Так, Нишкепаз в одной из версий космог-

нич. мифа, создавая из первичного хаоса землю и всё сущее, разбил железной палицей огромный камень, из-под к-рого появился Идемевсь. Легендарный правитель Тюштя использовал в обиходе различные железные предметы, непосильные обычному человеку (соха, жезл, меч). Гиперболизацию возможностей Тюштя, свойств. большинству текстов о нём, дополняет описание самого персонажа, имевшего железные пятки и обвитые проволокой колени. В мордов. легендах первопрядки — *великаны* перебрасывали друг другу железные топоры через терр. неск. уездов.

В сказочных сюжетах Ж. или предметы из него выступают как элемент усиления образа персонажа (Солдат с железным зубом, Дед с железной бородой и др.) либо в качестве устрашения, напр.: «Едет [Баба-яга] — кочергой путь расчищает... сковородником в сковороду бьёт» (Мордовские народные сказки, Саранск, 1970, с. 52). Правда, такая трактовка функций железных предметов противоречит мифол. верованиям мордвы, согласно к-рым с помощью шума, создаваемого железными предметами, можно отогнать нечистую силу от дома.

Сходство смысловой нагрузки Ж. как элемента фин.-угор. мифологии определило способы его практич. применения, сходные с теми, что были у мордвы. Так, коми при лечебном заговоре или гадании огораживали себя от нечистой силы с помощью железного ножа: они обводили им круг, внутри к-рого был человек. Втыкая нож в пень, они могли избавиться от колдуна. Кроме того, предохранить себя от воздействия колдуна после его смерти, по мнению коми, можно было, оковав его гроб Ж.

Тексты: НА НИИГН. Ф. И-29 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа.

Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1977. Bd. 6.

Лит.: Археология Мордовского края : Каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008 ; Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000 ; **Голицын Ф.** Мордва в Хвалынском уезде // Саратовский сборник : Материалы для изучения Саратов. губ. Саратов, 1891, Т. 1, отд. 1 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

И. В. Зубов.

ЖЕНИХ (Н а р е ч ё н н ы й, с у ж е н ы й; м. **Од цёра**, э. **Однасум**), мужчина, вступающий в брак или намеревающийся жениться; мужчина, имеющий невесту; молодой человек, достигший брачного возраста; один из двух центр. персонажей свадебного обряда наряду с невестой.

Ж. является олицетворением активной стороны, от к-рой исходит инициатива брака. Это выражается в использовании применительно к Ж. и его окружению военной, охотничьей и подобной символики: в терминологии (дружка Ж. в эрз. яз. обозначается словом «уредев», состоящим, по мнению М. Е. *Евсеева*, из слов «уре» — «раб, раба» и «тев» — «дело, делатель», букв. «делатель, добыватель рабы»), в самом обряде (э. тейтерень ошонь саема «взятие девичьего города участниками свадебного поезда»), в свадебном фольклоре — мотивы полона и осады и др. «Образы участников свадьбы со стороны жениха, как правило, характеризуются в мрачном колорите. Их называют ногайцами, насильниками, чужаками, жестокими и бессердечными» (Мордовское устное народное творчество,

Саранск, 1987, с. 58). При этом и сам «образ жениха, как правило, отрицательный» (Самородов К. Т., Мордовская обрядовая поэзия, Саранск, 1980, с. 124).

Непосредств. участие Ж. в свадебном обряде скорее пассивное — он действует через посредников: свата, дружку и др. поезжан. Так, Ж. редко сватает невесту сам, обычно посылает сватов. Он присутствует с родственниками на смотринах невесты и на обручении, где только обменивается с невестой кольцами. До дня свадьбы Ж. приезжает к невесте с подарками, однако часто это делает его дружка. В процессе самой свадьбы участие Ж. ещё более пассивное. Чаще всего он — объект ритуальных действий или субъект, от лица которого действуют его заместители: его корят или величают в песнях, сводят с невестой, ему выкупают место за столом, делают подарки, тёща угощает его блинами, за него расплачиваются с подругами невесты, от его имени угощают посторонних зрителей и т. д. Ж. молчит во время угощения на девичнике накануне свадьбы и на свадебном пиру в своём доме, не разговаривает с невестой на свадьбе в её доме, по пути в церковь на венчание и обратно, чтобы не оказаться в подчинении у будущей жены.

«Жениха только условно можно назвать героем свадьбы. В отдельных уездах, — по свидетельству Евсевьева, — жених во время свадьбы даже скрывался у соседей и фактически в обряде не участвовал. Поэтому в старинной мордовской свадебной поэзии жених почти не воспевается» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 59). В некоторых местностях Ж. привозили отдельно в церковь, а после венчания он уезжал обратно и до конца свадьбы находился у соседей. «...Молодой приходит домой после окончания свадьбы поздно вечером, когда огонь в доме поту-

шен, и ложится прямо в постель» (Там же, с. 287).

Что касается возраста Ж., то он «зависит, по воззрениям народным, чисто от физического развития лица» (Майнов В. Н., Очерк юридического быта мордвы, Саранск, 2007, с. 62). В. Н. Майнов считал, что у эрзян возрастом, достаточным для вступления в брак, являлось достижение 19 лет, у мокшан — 18 — 19 лет. Иногда Ж. был моложе невесты. Отмечены случаи браков малолетних мальчиков и девушек, которые были старше них вдвое или втрое. Это объяснялось тем, что родители Ж. стремились получить рабочие руки, а родители невесты — как можно дольше удержать дочь в своём доме.

Если молодые люди не вступали в брак при жизни, они должны были сделать это в *загробном мире*. Соотв. обряд «свадьба по умершему» устраивали в день похорон. «...Весь ритуал от начала до конца был связан с игрой, перевоплощением отдельных исполнителей в женихов и невест, не успевших до смерти жениться или выйти замуж. Подобная свадьба могла устраиваться и в том случае, если кто-то из молодых был похоронен уже несколько лет назад» (Брыжинский В. С., Народный театр мордвы, Саранск, 1985, с. 36).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Брыжинский В. С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; Мордовское устное народное творчество : уч.

пособие. Саранск, 1987 ; **Девяткина Т. П.** Мокшанские свадебные обряды и песни : (В прошлом и настоящем). Саранск, 1992 ; **Федянович Т. П.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья. М., 1997.

Д. Ф. Ильин.

ЖЭ́НЩИНА (м., э. **Ава**). Наиболее ярко место и роль Ж. в социуме, истории и культуре мордов. этноса отразились в мифол. системе, отличительной особенностью к-рой на ранних этапах развития было господство жен. божеств-покровителей. Соотв. теонимы состояли из двух слов: первое обозначало объект или стихию обожествления, второе — лексема «ава» — указывало на принадлежность к жен. роду.

Воображение людей очеловечивало почитаемые божества, поэтому каждое из них имело антропоморфные признаки: телесную оболочку, особый характер, семейную жизнь, детей и т. п. (см. *Антропоморфизм*). В образцах устно-поэтич. творчества сохранились портретные характеристики нек-рых жен. божеств. *Баняву*, напр., представляли в образе голой Ж. с длинными серебристыми волосами, живущей на полке в *бане*; *Ведяву* изображали молодой Ж., сидящей на камне или пне и расчёсывающей свои шелковистые волосы, либо страшной старухой с чёрными волосами; *Вирява* в зависимости от окружающего её леса могла быть ростом с мелкий кустарник или с самое высокое дерево, с чёрными непричёс. волосами и большими грудями, перекинутыми через плечи; Кудава и Юртава ассоциировались со старухой во всём белом, причём Кудава могла быть похожа на хозяйку *дома*; Модаву наз. чёрной Ж., как сама земля.

По мнению исследователей, в мордов. мифологии ярким воплощением мн.

добродетелей Ж.-является образ *Анге Патяй* — прародительницы, праматери *богов*. Её образ вобрал в себя лучшие качества Ж.-мордовки: она — любящая мать, покровительница Ж., деторождения и плодородия; трудолюбива, олицетворяет собой идеал жен. красоты мордов. народа. В своём небесном доме Анге Патяй молода и прекрасна, когда же сходит на землю, делается старухой, но чрезвычайно сильной.

Лексема «ава» характерна для имён девушек, выступающих в качестве гл. действующего лица в различных вариантах мифол. сюжета о похищении Пургинепазом земной девушки на небо, — «Литова», «Сырява», «Азрава» (см. *Азравка*). При всех своих положительных качествах эти девушки не любимы родителями. Однако их отмечает своим вниманием Верховный бог, а также бог грома и молнии.

В религ. верованиях мордвы Ж. наделяется сакральными свойствами, позволяющими ей быть рук. домашних и обществ. молений, *жертвоприношений*, родильных, свадебных и похоронных обрядов. В отд. случаях она обладает сверхъестеств. знаниями и способностями, обеспечивающими её связь с *загробным миром* и нечистой силой. В народе таких Ж. наз. знахарками, или ведуньями. Считалось, что они могут насыщать и врачевать *болезни*, вызывать и снимать порчу, наносить вред урожаю и скоту, ворожить и знать «заговорные» слова на каждый случай жизни. Знахарками у мордвы могли быть Ж. чаще всего пожилого возраста, ведущие уединённый образ жизни, иногда имеющие физич. недостатки в виде хромоты, горба, косоглазия и др. Кроме того, им были свойственны молчаливость, угрюмость, а также манера разговаривать с др. тихо, невнятно, не глядя в глаза человеку.

Мифол. образы жен. божеств-покровителей нашли отражение в изобразит. иск-ве Мордовии. Их антропоморфные образы воссоздали в сюжетных и бессюжетных картинах худ. А. С. Алёшкин («Банява», «Ведява», «Каштомава», «Паксява»), Н. С. Макушкин («Анге Патяй», «Велява», «Вирява», «Комолява», «Масторава», «Норовава», «Паксява», «Юртава»), М. С. Шанин («Ведява», «Вирява» «Камаль-Ава. Камалаявка»), Л. Н. Колчанова-Нарбекова («Кудо-ава»), С. В. Нестерова («Банява», «Вармава», «Каштомава», «Ковава», «Комлява», «Кудава», «Масторава»), В. В. Митина («Анге Патяй», «Ведява», «Кудава», «Норовава») и др. В иллюстрациях худ. Л. В. Попова и Ю. С. Смирнова к «Мордовским народным сказкам» (1985) наряду с образами героев сказок есть антропоморфные изображения жен. мифол. персонажей: Вирявы, Ведявы и *Варды*. Эти иллюстрации содержат определённый сюжет и большинству из них присуще юмористич. начало.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Архетип Великой Матери: славянские и финно-угорские параллели // Конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» : V Чтения памяти акад. О. Н. Трубникова. Киев ; М., 2008 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Её же. Анге Патяй: персонификация архетипа материнства в мировоззрении мордвы // Центр и периферия. [Саранск]. 2011. № 3 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003 ; Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ (м. Канкс, э. Канст), обряд принесения жертвы богам. В языч. (дохрист.) традиции гл. религ. обряд мордвы. Ж. было призвано обеспечить нормальные взаимоотношения (взаимообмен) людей с миром сверхъестественного, *загробным миром*, языч. богами (затем христ. святыми), обновить и упрочить мироздание в целом. В качестве жертвы выступали *животные*, птицы и рыба. Жертв. едой и питьём могли быть хлеб, пшено, мясо, мёд, масло, кровь, пироги и лепёшки, алкогольные и безалкогольные напитки (см. *Еда ритуальная*).

В древности у мордвы практиковалось *человеч. Ж.*, отголоски к-рого в виде имитаций сохранились в молении «бабань каша». На месте, где должны были приносить в жертву кур, одна из участниц — пожилая женщина — ложилась на землю, др. проводили по её горлу неск. раз обратной стороной ножа, снимали с неё шушпан и подвешивали его к дышлу телеги, чтобы оросить её кровью курицы. Только после этого резали жертв. кур. Человеч. жертву для озксов выбирали, согласно фолькл. источникам, по жребью. Факт принесения бескровной *человеч. жертвы* нашёл отражение в песнях о Ж. под строящееся сооружение (город, храм, водяную мельницу и т. д.). Избр. девушку живо замуровывали в склеп, в стену и др. В мордов. песнях описываются сама жертва и её подготовка к данному ритуалу. В легендах о стр-ве мельницы упоминается особая *человеч. жертва*, приносимая *Ведяве* (см. *Голова*). С принятием христианства *человеч. Ж.* было запрещено, и эту важную часть озксов заменило заклатие животных и птиц. Обычно в качестве строительной жертвы мордва использовала череп лошади, к-рый закладывали под фундамент дома, а также петуха и курицу, к-рых

резали при стр-ве жилища. Кроме того, в виде жертвы у мордвы выступали деньги, особенно металлич.

Семейные (домашние) моления и Ж. обычно совершал старший мужчина в доме, в нек-рых случаях — старшая женщина. На кладбищах они же проводили обряд поминания, каждый над могилами своих предков. На обществ. (мирских, волостных) молениях обряд Ж. совершал озатя (м., э.). За три дня до обществ. моления избирали трёх человек (позанбунаведы), к-рые ходили по селениям и искали рыжего *быка* или белого барана без единого клока шерсти др. цвета для Ж. Если не находили такое животное, то покупали др. окраса, но непременно одного цвета. Позанбунаведы вводили жертв. животное в кереметь через вост. ворота и привязывали к одному из трёх столбов, находящихся у ворот. Затем проводили животное на др. конец керемети и вновь привязывали к находившемуся там столбу. После этого закалывали жертву, спускали кровь в землю под камень, снимали шкуру и, отнеся на вост. сторону, развешивали её на столбах (по Н. Ф. Мокшину, шкуру отдавали тем, кто забивал животное, или продавали, а выруч. деньги шли в общинную казну). Пока резали животное, янбеды приносили к сев. воротам в свящ. парках воду, наливали её в пивной котёл, подвеш. в поварне, и разводили под ним огонь, зажигая дрова свящ. штатолами. Очистив животное, вынув из него требуху и зарыв её в яму под камнем, клали мясо в котёл, где уже кипела вода. Когда жертв. мясо было готово, вынимали его из котла, клали на большие дерев. блюда, относили их к юж. воротам керемети, ставили на стол и разрезали мясо жертв. ножами на столько кусков, сколько людей находилось на молении. Жертв. мясо мордва наз. «волога» (по П. И. Мельникову).

Домашнее Ж. совершали или на шестке, или на загнётке (левый заулок на шестке рус. печи, куда сгребают жар), а также на камне кардо-сярко.

Обычным местом для Ж. у мордвы могло быть дерево, напр. липа, дуб (см. также *Дуб святого дня*), берёза, сосна. Здесь приносили бескровные жертвы — *зерно*, еду, питьё, ткани и др. предметы. Жертв. дерево считали свящ., и его повреждение принимали за преступление.

Во время гл. календарных праздников мордва приносила кровавые жертвы. Так, на Рождество резали свинью с особыми обрядами, а кровь спускали под камень кардо-сярко. Перед тем как резать, свинью наряжали: на шею ей повязывали полотенце, за к-рое затыкали неск. розог из распар. берёзового веника. После Ж. окровавл. розги не выбрасывали, утром на Рождество мать стегала ими сонных детей. Считалось, что чем громче они будут плакать, тем больше у них будет здоровья. Летние праздники также сопровождалась закланием жертв. животных (бык, овца, петух и др.) и общей обрядовой трапезой. Такое Ж. у мордвы наз. братчиной. Так, мокшане с. Вертелим Старошайговского р-на Мордовии в Ильин день совершали Ж. в честь божества пчёл (Нешкепаза или Нешкеперьазора). В жертву обычно приносили белого гуся. После моления собравшиеся делились по семьям (родам), и каждая семья разрезала кусок мяса, к-рый наз. молянным («озондома пяль»). Его макали в кровь, клали в маленькую посуду, сдел. из коры берёзы или липы, вешали на ветку в качестве жертвы или зарывали под корни культового дерева.

Ж. у мордвы могло быть очень многолюдным. В високосном году мордва отмечала общий праздник Ж. мн. селений, наз. «сисем велень озкс» («моление семи деревень»), на к-ром в жертву

приносили лошадей, коров, овец, свиней, коз, гусей и кур. С принятием христианства лошадь перестала быть жертв. животным.

Для каждого озкса мордва устанавливала вид жертвы (птица или домашний скот) и её цвет. Так, мокш. Верховному Богу Шкаю жертвовали белого быка, эрз. — Чипазу — рыжего без пятен, Маторпазу — чёрного, богине *Анге Патяй* — белую овцу и т. д. Жертвы адресовали не только Верховному богу, но и его супруге и их дочери Кастарго, правда, эти Ж. были более скромными. Так, в с. Степная Шентала Мелекесского у. Самарской губ. в честь Нишкеавы на Пасху варили кашу, а в честь её дочери в пасхальную субботу пекли сдобные лепёшки с мёдом.

Мордов. художники часто используют в своём творчестве мифол. образы и сюжеты. Так, Н. В. Рябов попытался осмыслить состояние героев во время языч. обряда Ж., к-рый он воссоздал в совр. условиях в одном. сюжетно-тематич. композиции.

Лит.: Петрухин В. Я. Жертва // Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Десяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского народа. Саранск, 2006 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

ЖИВОТНЫЕ (м. *Животнайть, Ракшат*, э. *Животнойть, Скотина*). Роль Ж. в мордов. мифологии определялась их значением в жизнедеятельности мордвы. Поэтому в фольклоре Ж. и птицы

рассматриваются в неразрывной связи с родом людей. Взаимоотношения Ж. в фольклоре предстают как определённая модель жизни человек. общества и природы в целом.

Этногр. материалы о мордве дают основание утверждать, что человек отождествлял себя прежде всего с теми объектами природы, к-рые особо почитал. Это невольно порождало стремление быть похожим на объект почитания или хотя бы на его часть (коготь, зуб, шерсть, шкура). По мнению исследователей, у мордвы существовали ранние формы верований, связ. с тотемистич. представлениями о зооморфных предках, в к-рых запечатлелось уходящее корнями в глубокую древность убеждение в отсутствии принципиальной разницы между человеком и Ж., вера в возможность превращения человека в Ж. и наоборот.

У мордвы, как и у др. народов, есть свои почитаемые Ж. Условно их можно разделить на две группы: тотемных — медведь (м. офта, э. овто) и ритуальных (жертв.) — свинья (м. тува, э. тувово), лошадь (м., э. алаша), овца (м. уча, э. реве), корова (м. тракс, э. скал) и *бык*. Покровительницей последних выступает богиня *Анге Патяй*. По поверью, в каждом *доме* из искр, высеч. ею, появился защитник от всякого зла живущих в доме людей и Ж. — Кардаз сярхка (м.), Кардаз сярко (э.). Свиньям, кроме богини Анге Патяй, покровительствует бог свиней Тувоньпаз.

В честь каждого Ж. в определённое время мордва устраивала моление (озкс). Оно наз. по роду жертвы, а позднее, с принятием христианства, приурочивалось к конкретным христ. праздникам. В разных нас. пунктах моление, посвящ. одному и тому же Ж., проводили в разное время. Так, в д. Кардафлей Городецского у. Пензенской губ. на *Воз-*

несение совершали моление о лошадях (м., э. алашань озкс; второе моление о лошадях устраивали обычно 31 авг., в день св. мучеников Флора и Лавра); на третий день после Вознесения Господня — моление об овцах (м. учань озкс, э. ревень озкс; второе моление об овцах проводили по окончании полевых работ, в день прп. мученицы Анастасии (11 нояб.)); в первое воскресенье после Вознесения Господня — моление о коровах (м. тракс озкс, э. скал озкс); в субботу после Троицы — моление о быках (м., э. букань озкс); в день св. апостолов Петра и Павла (12 июля) — моление о баранах (э. баранонь озкс); в день свт. Василия Великого (14 янв.) — специальное моление в честь покровителя свиней Тувоньпаза и др.

Центр. персонажами всех массовых праздничных действ, устраиваемых мордвой на Рождество, Масленицу, Пасху, Троицу, во время Проводов весны, с к-рыми крестьяне связывали надежды на благорасположение природы и на щедрость солнца, являлись конь и медведь. В «Рождественском доме» разыгрывали сцены «Снятие шкуры с барана», «Ковка лошадей» «Изгнание поросят» и др.

Театрализов. игры с участием коня и медведя широко бытовали в свадебном обряде мордвы. Особое место в нём занимал образ свиньи. Так, во 2-й пол. 20 в. в с. Б. Толкай Похвистневского р-на Самарской обл. на свадьбе можно было наблюдать импровизацию на тему «Опорос свиньи» (драматизиров. игра, в к-рой мысль об увеличении семьи связывалась с плодovitостью свиньи). Сейчас эта сцена разыгрывается «уредовом» («супоросая свинья») и детьми («поросята») в любой день свадьбы, хотя раньше, по воспоминаниям пожилых людей, это происходило в первый день свадьбы, в момент проводов молодых к брачному ложу.

Не сохранились описания обрядов, связ. с образами коровы (быка) или овец (коз), кроме озксов. Изв. только то, что с принятием христианства мордва стала приносить в жертву вместо однокопытных Ж. (лошади) парнокопытных (коровы, овцы и др.).

По нар. представлениям, *ведьма* могла принимать облик Ж., в частности свиньи, лошади, кошки и собаки.

В мордов. фольклоре особое место занимают сказки о Ж. Персонажами в них являются, как правило, медведь, лиса, волк, *заяц*, кот и др. Напр., в сказке «Зайныка» говорится о том, как из-за вмешательства жены Бога заяц потерял свой хвост. А. И. Маскаев высказал предположение, что первонач. данный сюжет воспринимался как рассказ-легенда. В эрз. сказке «Мазый Дамай» («Красавец Дамай») пом. гл. героя — охотника выступает лиса. В благодарность за избавление им от смерти она взяла на себя роль «покш-куда», т. е. старшей свахи, и женила героя на дочери Пурьгинепазы во дворце дракона Сисемгарязя.

В устном нар. творчестве мордвы есть поговорки о Ж., напр.: м. «Алашась арфтк аф локшеса, а пинемса» — «Лошадь гони не кнутом, а овсом»; м. «Траксче вача — аф няят ваи пача», э. «Скалось вачо — а неят пача» — «Корову плохо кормишь — масляного блина не увидишь»; м. «Врьгазсь — ворсь, а келазсь — прокурорсь» — «Волк — вор, а лиса — прокурор»; э. «Ривезсь ды овто вейсэ а эрить» — «Лиса и медведь вместе не живут»; м. «Сон эци келазькс, врьгоди нумолкс», э. «Эци ривезекс, оргоди нумолокс» — «Приходит лисой, удирает зайцем» (УПТМН, т. 4, ч. 1, с. 96, 97, 127, 161, 260, 283).

По поведению и окрасу домашних Ж. мордва определяла погоду. Так, если овцы сбиваются в кучу, собака купается в пыли, а кошка ест траву, будет

дождь. К ясной погоде — впереди стада идёт белая корова, к переменной — пёстрая, к дождливой — чёрная. О характере предстоящей зимы судили по упитанности зайцев: осенью заяц жирный — к суровой зиме.

В изобразит. иск-ве к образам Ж. обращался И. С. Ефимов. Его иллюстрации отражают бытовое и мифопоэтич. восприятие коня. А. С. Алёшкин дал мифол. интерпретацию образа волка («Волк-оборотень» в цикле «Куда ушли боги мордвы», 1994 — 96).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8 : Детский фольк-

лор. Саранск, 1978 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Колмачевский Л. Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882 ; Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972 ; Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003 ; Брыжинский В. С. Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006.

И. И. Шеянова.

3

ЗАВРА́ЖНОВ Тимофей Егорович (предположит. нач. 19 в., с. Нов. Тепловка Бузулукского у. Самарской губ. — дата и место смерти неизв.), мордов. крест. литератор и сказитель. В 1907, будучи уже в преклонном возрасте, в качестве довер. лица от сельчан Самарской губ. был направлен в Крестьянский поземельный банк в г. С.-Петербурге. Тогда же передал в Этногр. музей им. Петра Великого РАН старинные вещи, собр. им в эрз. селениях. В г. С.-Петербурге он впервые встретился с акад. А. А. Шахматовым, к-рый записал у него неск. эрз. песен и сказок и попросил собрать и прислать ему новый фольк. ма-

териал. В том же году З. передал Шахматову свою первую рукопись — «Мордовская история», позднее вторую — «Мордовская земля», напис. в соавт. с С. А. Ларионовым.

Соч.: Мордовская история ; Мордовская земля // Живая старина. СПб., 1909. № 2 — 3 (в соавт.); Эрзя-мокшонь история ; Мокшэрзянь мастор // Мокшэрзянь литературнь антология: XVIII — XX векне. Саранск, 2003 (в соавт.).

Лит.: Шахматов А. А. Из области новейшего народного творчества // Живая старина. СПб., 1909. № 2 — 3 ; Алёшкина С. А. Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм

мордовской книжной словесности // Аспект — 1990 : Исследования по мордов. лит-ре. Саранск, 1991 ; Мокшэрзянь литературань антология...

И. И. Шеянова.

ЗАГОВОР (м. Уфама, э. Озолма, Кортавтома), особая словесная формула, к-рой придаётся магич. сила, способная вызвать желаемые результаты, и обряд её произнесения. Неразрывно связан с трудовой практикой и бытовал как синкретич. комплекс обрядов, *заклинаний*, в к-рых отразились языч. взгляды на природу, магич. попытки воздействовать на неё, а также различные хозяйственно-бытовые заботы.

Отличительной особенностью заговорно-заклинательной поэзии является то, что в её бытовании не соблюдается общепринятое календарное время совершения обряда (семейного, обществ.). З. как акт осуществляется только в связи со случайными, необходимыми обстоятельствами (ворожба при *болезни*, вызов дождя при засухе и т. д.). Данному виду поэзии свойствен неторжеств. и тайный обрядовый ритуал исполнения — только индивидуальное, совершаемое специальным лицом (ворожея, знахарь или колдун), к-рое произносит словесные формулы шёпотом и имеет определённые проф. навыки.

Первонач. З., моление и сопутствующие им словесные формулы были неразрывно связаны, поскольку имели одни и те же функции воздействия на сверхъестеств. силы, духов-хозяев. Общность в их обрядовых действиях сводилась к тому, что они всегда совершались в определённое время, в конкретном месте (у родника, ручья, в лесу на керемети, на перекрёстке дорог, в подполе дома и т. д.), имели определённый объект обращения (*боги*, духи явлений и др.

мифич. существа) и состав участников (в З. — двое, в молениях — либо только женщины, напр. в молениях «бабань каша», «Ведаванень озкс» и др., либо только мужчины — в молениях «атянь озкс», «лишмень озкс» и др., либо все вместе). Произносимые при этом словесные формулы дополняли друг друга и содержали необходимые сведения о ходе совершения и целях данного обряда. В зависимости от вида обрядового ритуала они представляли собой молитв. песнопение или заговорное заклинание.

Композиция З. состоит из зачина, осн. части и закрепки. Зачином почти всех З. является формула-обращение к определённому божеству, мифич. существу, напр.: «Я, паштанготь, Нишке паз, / Я, паштанготь, Вере паз!» — «Ой, благослови, бог Нишке, / Ой, благослови, всевышний бог!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 217). После зачина идёт заклиательное изложение просьбы или требование в форме монолога, напр.: «Кавто кедень токаван, / Ойме коштон мон нолдан. / Шки пазонь, Нишке пазонь / Первой ломанезэ, первой опостолозо, / Раба божейне Петране... помоги!» — «Двумя руками дотронусь, / Глубокий выдох сделаю. / Родимого бога, бога Нишке / Первый человек, первый апостол, / Рабу божьему Петру помоги!» (Там же). В этой части З. часто встречаются различные худож. приёмы, напр. синонимич. параллелизм, анафора и др. поэтич. средства. Закрепка представляет собой магич. формулу, напр.: «Чинь ой-мамо илинк кадт [Маряне], / Вень удо-ма илинк кадт! / Чить куцтязь куцтядо, / Веть раздэзь раздеде! / Курцякс мендинк сэрензэ, / Комлякс костинк теланзо!» — «Днём отдохнуть не давайте [Маре], / Ночью спать не давайте! / Днём щекочите, / Ночью тревожьте! / Стан её в коромысло согните, / Тело её словно хмель засушите!» (Там же, с. 252).

Мордов. З. в отличие от молебных песен (озномы, пазморот) в худож. отношении имеет более развитую форму, а также особенности в тематике и поэтике.

По тематике и объектам воздействия различаются: *заговоры лечебные*, З., относящиеся к предохранительной (см. *Заговоры от ведунов*), любовной (см. *Заговоры-присушки*), хоз. магии и др. Соотв. по функциям воздействия З. получили назв. «кортавтома» (наговор), «сюдума» (заклятие), «эждема» (приворот), «кельмевтема» (отворот), «протиндома» (прощение) и др.

По структуре З. делятся на простые и сложные. Почти все З. построены по принципу сопоставления: мзярда (м.), зярдо (э.) (когда)... — снярда (м.), сестэ (э.) (тогда)...; кода (м., э.) (как)... — тяфта (м.), истя (э.) (так)..., напр.: «Мзярда няеви ся мешаванясь, / Снярда сявови шабась, / Аф цябярь сельмода, / Снярда етайхть-потайхть сонь урманза-тарманза» — «Когда можно увидеть эту матку, / Тогда можно взять мальчика / От плохого глаза, / Тогда пройдут-уйдут его болезни» (Там же, с. 236), «Кода се котелсонть ведесь / Лакась, чадсь... / Истя Матрянь седеезэ Митянь кис / И лаказо, и чадозо...» — «Как в том котле вода кипела, / Лилась через край... / Пусть так сердце Матри к Мите / И кипит, и льётся через край...» (Там же, с. 249 — 250).

Сложные З. состоят из зачина, эпич. части и закрепи. Зачин сложного З. сходен с зачином молебных песен и представляет собой краткое обращение к определённом мифич. существу. Во мн. сюжетно развитых З. после упоминания в зачине предмета или мифич. существа идёт эпич. часть, в к-рой изображается целая картина, как правило, подробно объясняются магич. функции мифич. существа или свойства предмета (явления). Иногда встречается трёхкратное об-

ращение к данному мифич. существу или к двум божествам и более. Напр., в заговоре-присушке, запис. Х. Паасоненом, есть обращения к двум богам: богу Земли — «Чанготь, Матор паз» («Благослови, бог Земли») и богине *воды* — «Неемак, Ведява» («Заметь меня, мать Воды»). Ворожея просит у каждого бога доброго расположения, внимания юноши к девушке или наоборот путём магич. уподобления либо противопоставления по формуле: Кода (как)... — тяфта / истя (так)... В закрежке всегда есть заклинательная часть. В мокш. З. она рифмована, напр.: «сисем, ката, вете, ниле, колма, кафта, фкя — юмаза-араза остаткаськя» («семь, шесть, пять, четыре, три, два, один — исчез бы и последний (чирий)»). Закрепка обычно заканчивается словами: «коськи чувтось, памори макшокс» («дерево засыхает и крошится»).

Произнесение лечебных З. сопровождалось массажем, элементами гипноза, больному давали пить «наговорённую» воду, др. снадобья, советовали соблюдать те или иные правила и запреты.

Язык З. образный, выразительный, богат яркими худож.-изобразит. средствами, встречаются церк.-слав. и рус. слова. В З. развита ритмика, поэтому чаще он функционирует в стихотворной форме.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: Познанский Н. Ф. Заговоры : Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917 ; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993 ; Маркелов М. Т. Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; Никонова Л. И.

Традиционные способы сохранения здоровья мордвы // Возрождение мордовского народа : материалы науч. конф. Саранск, 1995 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

М. Н. Салаева.

ЗАГОВОРЫ ЛЕЧЕБНЫЕ, наиболее древний способ лечения *болезней* и болезн. состояний, представляющий собой вербально-магич. акт.

З. от болезни селезёнки (э. **Озолмат (кортавтомат) коське чечейде**). Представлены эрз. образцами, зафиксиров. Х. Паасоненом. Отличительной особенностью большинства мордов. заговоров является наличие в них сквозных эпитетов. В данной тематич. группе с их помощью изображаются мифологизиров. персонаж, осуществляющий лечение болезни, используемое им средство, а также место, где происходит акт исцеления. Так, в одном З. от б. с. в этой функции выступает прилагательное «золотой». Здесь «золотая девушка», посланница Верховного бога Нишкепаза, с помощью «золотой травы», выращ. на «золотом огороде», выгоняет болезнь: «Нишке пазонь пельде... / <...> / Валгсь сырнень тейтерь... / <...> / Сайсь сырнень тикше, / Тусь сырнень киява. / <...> / Пачкодсь сырнень съдь лангс, / Се тикшнень иневедьсэ шлясазо, нардасазо, / Се тикшнесэнтъ юхатъсазо, яхотъсазо / Логонь шачи теластонзо...» — «От бога Нишке... / <...> / Спустилась золотая девушка... / <...> / Взяла золотую траву, / Пошла по золотой дороге. / <...> / Дошла до золотого моста, / Ту траву в большой воде вымыла, вытерла, / Этой травой махнула, / Выгнала болезнь из тела Логи...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 225, 226). Использование эпитета «золотой» обусловлено, очевидно, тем, что мордва ассоциировала *золото* со сферой божест-

венного, а также с солнцем, его жизнетворной энергией. В др. З. от б. с. в роли сквозного эпитета выступает прилагательное «сосновый». Здесь акт излечения совершает в соотв. локусе («Пичень виренть куншкасо кардазозо, / Пичень кардазонзо куншкасо пичень кудозо, / Пичень кудонь куншкасо пичень мукорезэ...» — «Посреди соснового леса сосновый двор, / Посреди соснового двора сосновый дом, / Посреди соснового дома сосновый пень...» (Там же, с. 226)) сосновый старик, к-рый дует и плюёт на болезнь селезёнки. Такая трактовка исцеляющей субстанции связана, вероятно, с тем, что мордва наделяла сосну сакральными свойствами.

В мордов. заговорах встречаются числа, к-рым издревле мордва придавала магич. значение. В З. от б. с. фигурирует, напр., число «семь»: «Логонь шачи теластонзо... / Сизьгемень сисем устастонзо...» — «Выгнала болезнь из тела Логи... / Из семидесяти семи костей...» (Там же).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995.

Л. И. Никонова, М. М. Фадеева.

З. от «водяной» болезни (в о д я н к и; э. **Озолмат (кортавтомат) нарфотте**). Представлены эрз. образцами, зафиксиров. Х. Паасоненом. Мордва считала, что, упав в воду, человек получал «водяную» болезнь. Водянка — это скопление жидкости в тканях (отёк) или в брюшной полости, что является симптомом заболевания сердца, печени, почек

и др. органов. Для лечения «водяной» болезни мордва использовала заговоры, исполняемые в случае заболевания, возникающего якобы от наваждений злых духов и гнева богов-покровителей. Происхождение первонач. форм З. от «в.» б., по-видимому, относится к глубокой древности, когда человек считал природу живой и активно действующей. Так, причиной болезни мог стать гнев хозяина (духа) воды (реки, родника) или водяного, к-рых мордва представляла реальными существами. Поэтому запрещалось загрязнять источники воды, плевать в неё, в противном случае ослушавшийся мог быть «схвачен» хозяином (духом) воды (источника) и его тело могло покрыться болячками. Магич. обряды мордвы, как и др. народов, были направлены на то, чтобы в какой-то мере повлиять на силы природы, попросить их об исцелении. При «водяной» болезни обращались к *Ведяве*, напр.: «Ведява, матушка, / Ведень кирди, корьминец... / <...> / Шумбрачинзэ велявтык, / Парочинзэ туик!» — «Богиня воды, матушка, / Хранительница воды, кормилица... / <...> / Здоровье возврати, / Доброе здоровье принеси!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 208 — 209). В З. от «в.» б. встречается также обращение к родоначальнице воды: «Ведень канн, ведень покш, / Ведень ава Мария, / Макст простямо, милостьке...» — «Родоначальница воды, старшая вода, / Мать воды, Мария, / Дай прощения, милости...» (Там же, с. 210 — 211).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1977. Bd. 6.

Лит.: Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995.

Л. И. Никонова, М. М. Фадеева.

З. от глазных болезней (м. Уфамсельмот, э. Сельмень озолмат (кортавтомат)). Наиболее многочисл. тематич. группа. Представлена мокш. и эрз. образцами, зафиксиров. начиная с кон. 19 в. Х. Паасоненом, А. А. Шахматовым, К. Т. Самородовым, Л. И. Никоновой и др. Мордва издревле наделяла воду очищающей, оплодотворяющей и целительной силой и использовала её при лечении различных заболеваний, в т. ч. глаз. Наиболее действенной в этом случае, по поверью, являлась «водяная голова». Прежде чем зачерпнуть воду из родника, ворожея обращалась к хозяйке воды с просьбой об исцелении, очищении и прощении. В З. от г. б. традиционно фигурирует Кастарго, старшая дочь Верховного бога Нишкепаза, считавшаяся целительницей: «Нишке пазонь ине покш тейтеренть / Кардаз куншкасо кичкере лепе, / Лепенть алдо лиси лисьма... / <...> / Те ашонтъ Иванонь сельмстэ шлясы...» — «У великой дочери бога Нишке / Посреди двора кривая ольха, / Из-под ольхи выходит ключ... / <...> / Он бельмо из глаз Ивана смет...» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 203 — 204). В заговоре, зафиксиров. в 1930-х гг. в Большеберезниковском р-не Мордовии, встречается обращение к зорям, к-рые наз. христ. именами (см. *Зорябаваз, Зоряпаз*), с просьбой дать исцеление.

В с. Мордов. Вечкенино ныне Ковылкинского р-на Мордовии в прошлом для лечения глазных болезней использовали ветки *берёзы*, одного из наиболее почитаемых мордвой деревьев. Вечером накануне Троицы больной, взяв с собой хмель и пшено, ходил к берёзе, где просил «земного Бога» об исцелении. При этом он произносил: «Пришёл просить милость и счастье, говорю четырёх углам земли, где стоят четыре прощальные бабки. Дайте вы милости и счастье рабу божьему (имя). Прости мои болезни,

вздоры, брани, ты, земной Бог». После этого больной ломал ветку берёзы, затем шёл домой, клал её в стакан с водой, к-рый ставил напротив печи, на следующее утро умывал лицо этой водой, а листья с ветки разбрасывал по двору и обращался к курам: «Сколько у вас пёрышек, сделайте мне столько милостей» (НА НИИГН, ф. И-147, л. 221, 222).

В одном из заговоров, зафиксирован у самарской мордвы, глаза уподобляются солнцу: «Глаза твои подобны солнцу, пусть они излечатся и также засветятся...» (ПМА: Зубрилина). Это связано с тем, что мордва соотносила части тела человека с предметами и явлениями природы.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29. Л. 38, 39; Ф. Л-85; Ф. И-147. Л. 221, 222; Ф. И-1230. Л. 61; ПМА: Зубрилина Пелагея Александровна, 1937 г. р., с. Ст. Бинарадка Красноярского р-на Самарской обл., записи 1996; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства: Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: **Самошкин А. Г.** О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 2006.

Л. И. Никонова, М. М. Фадеева.

З. от кровотечения (м. **Уфам верть шудеманц**, э. **Верень лоткавтомато озолмат (кортавтомат)**). С кон. 19 в. записано ок. 10 мокш. и эрз. образцов данной тематич. группы. Судя по сравнительно небольшому объёму и легко запоминающейся лаконичной по-

этич. форме, З. от к. использовали не только знахари, но и «непосвящённые» люди, прибегавшие к словесной магии для лечения незначительных травм членов своей семьи. На это, в частности, указывает упоминание в одном из заговорных текстов в качестве пациента «сына Васи» («цёразди Васянди»).

В З. от к., как и в большинстве мордов. заговоров, ярко выражена идея о возможности силой слова точно актуализировать некий глобальный механизм всеохватных детерминистич. связей реального и ирреального миров с целью достижения желаемого результата здесь и сейчас, в данном случае остановить кровотечение, заживить рану конкретного человека. Для этого заговаривающий без к.-л. молитв. преамбул, характерных для более поздней заговорной традиции, силой мысли и слова как бы воспроизводит фрагмент некоего полусказочного иномирья, в к-ром изображаются некие картины-аналоги или действия-аналоги, призв. символизировать успешное заживление раны в конкретной реальности. Чаще всего в З. от к. в качестве такого аналогового акта излечения в чудесном инобытии изображается процесс зашивания раны, остановки кровотечения при помощи иглы и нити. Эти действия осуществляют в характерных локусах и интерьерах иномирья («моря потмакссо, сиянь кардайсэ, сиянь стул лангсо...» — «на дне моря, на серебряном дворе, на серебряном стуле...»; «...губор прясонть кшнинь тинге, тингенть лангсо кшнинь мукорь...» — «...на той горе железный ток, на току железный пень...» и др.) железная, серебряная бабушка-старуха, серебряная, белая девушка или, вся в красном, девочка-ребёнок: «Палмань пряса стирьшабаня, / Эльсонза вер шаваня; / Мазы рюцяц прясонза, / Мазы паляц лангсонза. / Сиянь салмокс кядьсонза, / Парьхци

сюрец эсонза. / Ся салмоксть мархта стасы, / Парьхцить мархта петфтасы, / Шудемда-модемда лоткафтсы» — «На столбе девочка, / На коленях её чашка с кровью; / Красный платок на её голове, / Красная рубаха на ней. / Серебряная иголка в руках её, / Шёлковая нитка вде-та в неё. / Этой иголкой она рану сошьёт, / Шёлковой ниткой стянет, / Кровотечение остановит» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 228 — 229). В то же время зафиксированы заговоры, в к-рых в качестве орудия излечения используется наделённая высоким сакральным смыслом в мордов. фольклоре серебряная свирель. С её помощью серебряная старуха высасывает кровь из раны и высушивает её. Более опосредована и многоступенчата аналоговая символика запускаемого знахарем волшебного механизма причинно-следств. связей реального и фантастич. миров в мокш. заговоре, запис. Х. Паасоненом в с. Мамолаево Краснослободского у. Пензенской губ. (ныне Ковылкинского р-на РМ). Здесь в качестве фантомных персонажей некоего «тонкого мира» выступают четыре старика, к-рые, найдя на дороге четыре железки, ассоциирующиеся в данном контексте с причиной раны и кровотечения, посылают их на четыре стороны, наказывая не вредить ни человеку, ни животному, т. е. через устранение причины, по логике заговаривающего, происходит и устранение уже состоявшегося следствия. В отличие от большинства др. заговоров в данном значительно более ярко выражена основ. на символике *железа* и камня закрепочная формула заговорно-заклинательного акта: «Ся кшнить лаца кшниндоза, / Кевть лаца кевакодоза, / Лотказа шудемда-модемда!» — «Пусть кровь отвердеет, как это железо, / Окаменеет, как камень, / Перестанет течь, капать» (Там же, с. 229).

Отсутствие в мордов. З. от к. молитв. вступлений, упоминания персонажей библ. и христ. мифологии, а также наличие ярко выраж. эпич. начала с превалированием в нём действия даёт основание отнести их к наиболее архаич. и органичным образцам заговорного искусства мордвы. Можно также предположить, что описываемые в заговорах действия и вещный комплекс некогда составляли реальное синкретич. единство слова, магии и обряда. На это, в частности, отчётливо указывает эпизод со свирелью в упомянутом выше заговорном тексте. В прошлом этот муз. инструмент действительно использовался в заговорно-обрядовой культуре мордвы.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1941. Bd. 3; 1947. Bd. 4.

Лит.: Самошкин А. Г. О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; Мордовское устное народное творчество: уч. пособие. Саранск, 1987; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства: Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995.

С. Г. Девяткин.

З. от лихорадки (м а л я р и и; м. Уфамс маштыксть, э. Маштыкстэ озолмат (кортавтомат)). Данная тематич. группа представлена рядом весьма неоднородных по конструктивной форме и идейному замыслу мокш. и эрз. вербально-магич. текстов, запис. в осн. в кон. 19 — нач. 20 в. Х. Паасоненом.

С учётом большой опасности болезни, о к-рой идёт речь в этих заговорах (м., э. маштыкс от маштомс «убить»), её заговаривание, очевидно, было prerогативой опытных проф. знахарей, как

изв., неохотно делившихся своими знаниями с «непосвящёнными». Этим, по-видимому, можно объяснить относительно небольшое кол-во запис. вариантов 3. от л. Среди них выделяется мало похожий на традиц. заговор образец, запис. в кон. 19 в. в с. Наскафтым Кузнецкого у. Саратовской губ. (ныне Шемейского р-на Пензенской обл.). Судя по содержанию, его произносили, обращаясь к местным мифологизиров. персонажам — зачинателям кладбища деду Никите и бабе Дарье («калмонь ушедый Микита атя и Даря баба»), на кладбище, непосредственно на культовых могилах его держателей. Оформл. в виде развёрнутой языч. поминальной молитвы-мольбы, но в то же время маркиров. информантом как заговор («пувама маштыкста», букв. «обдувание от лихорадки»), данный текст явно порождён представлениями о серьёзных заболеваниях и исцелении от них как о сфере влияния предков, к-рые могли наслать либо допустить ту или иную болезнь за недостаточное почитание мёртвых живыми. В данном заговоре-молитве акцент сделан именно на выражение вины заболевшего перед держателями кладбища, а также задабривание их щедрыми съестными и денежными подарками (видимо, по принципу симпатич. магии). Лишь в финальной части, так и не назвав «имени» конкретной болезни, заговаривающий просит у деда Никиты, бабы Дарьи и Верховного бога *Верепазы*, чтобы молящиеся им вернулись домой здоровыми. Можно предположить, что данный текст с незначительными коррективами использовали при заговаривании и нек-рых др. опасных заболеваний на кладбище.

Существенно более конкретен и традиционен мокш. эпич. заговор-задувание от сухой лихорадки (коське маштыкста уфама), запис. Паасоненом в д. Нов. Пшенево Инсарского у. Пензенской гу-

бернии (ныне село в Ковылкинском р-не РМ). В нём конкретно и ярко выражен весьма характерный для заговорной традиции мордвы мотив изгнания болезни из каждой косточки больного и отсылки её в некое отдалённое полусказочное место. В данном заговоре местный мифологизиров. персонаж Матя баба (баба Матя) с хлебом-солью отсылает-проводит лихорадку на озёрный остров, где её ждут-плачут семьдесят семь товарищей (видимо, тоже лихорадок), к-рым баба Матя передаёт гостинцы-подарки («Колма вейхсот суронь цюкорхт, / Колма сядот сиянь ярмакт» — «Трижды девять пшённых печений, / Три согни серебряных монет» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 227)) и тем самым как бы задабривает болезнь, откупается от неё.

Иной стратегии придерживается знахарь в двух однотипных заговорных текстах амебейно-эпич. формы, запис. Паасоненом в Нижегородской губ. В них доминирует более поздний заговорный мотив фантомной борьбы с лихорадкой в некоем инобытии с помощью библич. персонажей и правосл. святых: Исаака, Иакова, *Богородицы*, Николая Чудотворца, к-рые, встретив лихорадку, олицетвор. в образе тринадцати девок-кровавиц или шестидесяти трёх дочерей иродовых, ведут с ними строгий диалог, разоблачают, проклинают и отсылают их дальше от людей, в гиблое болото. Учитывая значительный апокрифич. колорит этих текстов, можно предположить, что они являются органич. переложением на эрз. яз. аналогичных рус. заговоров, воспринявших апокрифич. заговорно-заклинательную традицию гораздо раньше, чем мордов. заговоры.

Тексты: НА НИИГН. Ф. И-1230. Л. 56; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Mordwinische

Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1947. Bd. 4.

Лит.: **Самошкин А. Г.** О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995.

С. Г. Десяткин.

3. от ожога (м. Уфамс пидефть, э. Пицевте озолмат (кортавтомат)). Представлены мокш. и эрз. образцами, запис. в осн. в кон. 19 — нач. 20 в. X. Пасоненом, в нач. 21 в. — Л. И. Никоновой и др. В 3. от о., как и в большинстве мордов. заговоров, с просьбой об исцелении обращались прежде всего к Верховному богу Нишкепазу (Шкабавазу). Однако, поскольку возникновение болезн. состояния, о к-ром идёт речь в этих заговорах, мордва связывала с огнём, традиц. являлось также обращение к богу и богине огня — Толпазу (Толате) и Толаве, напр.: «Сиянь сакал толатя, / Пархци шьярь толава, / Максыенть милозентень!» — «Серебробородый бог огня, / Шелковокосая богиня огня, / Окажите свою милость!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 233). Их олицетворением в заговорах, очевидно, выступают серебряный старичок, с серебряной бородой, к-рый серебряной лопатой сгребает болезнь, а серебряным мочалом стирает её, и бабушка в серебряной кофте, с белой повязкой на голове (огонь в ней), к-рая сдувает, смывает и стирает ожоги, а также синяя женщина или девушка в синем платочке, с синей палочкой в руках, к-рых просят оказать добрую помощь. Здесь синий и близкий к нему серебряный цвета символизируют огонь. Иная аналоговая символика представлена в одном из эрз. заговоров, где в качестве исцеляющей субстанции выступа-

ет красный петух в красных кафтане, рубашке, шапке и сапогах. Ожог и боль от огня он «нерьсэнзэ клюкатьсы, / Лапсонзо уцурсы, / Кенжсэнзэ коцькердысы, / И явтасы, сравтасы, и пувасы, и сельгсы» — «клювом клюнет, / Лапами смахнёт, / Ногтями соскребёт, / И отделит, разбрасает, и сдует, и сплюнет» (Там же, с. 231).

В заговорно-лечебной практике мордва использовала различные способы и средства. Так, при произнесении 3. от о. угольком обводили (окружали) место ожога. При ожоге дули огнём сначала на конопляное масло, затем на ожог и смазывали его маслом, говоря при этом: «Макар без глаз увидел, без ушей услышал, без рта поцеловал, без ног догнал, без рук поймал» (цит. по: Мокшин Н. Ф., Мифология мордвы, Саранск, 2004, с. 253). Этот заговор произносили три раза.

С введением христианства мн. заговоры мордвы приняли молитв. форму, напр. мордва Иркутской обл. при ожоге читает короткий заговор на выдохе: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа свет до зари, а заря до свету, а ожог — до слов. Во веки веков. Аминь» (ПМА: Черентаева).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29. Л. 13 ; ПМА: Черентаева Анна Васильевна, 1960 г. р., пос. Уян Куйтунского р-на Иркутской обл., записи 2008 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1947. Bd. 4.

Лит.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; **Её же.** Как лечились народы Поволжья и Приура-

ля. Саранск, 2005 ; Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010.

Л. И. Никонова, М. М. Фадеева.

3. прощения (м. Простиндамс, э. Озолмат, Коргавтомат). Представлены мокш. и эрз. образцами, зафиксированы в осн. в кон. 19 в. Х. Паасоненом. 3. п. произносили при болезни, возникшей якобы в результате обиды к.-л. человека или высшей силы (м. сярдемада, э. сэрдемадо), в целях получения прощения последней и возвращения здоровья. Представляют собой аналогию церк. исповеди или покаяния, к-рые в нар. традиции могут быть адресованы и неодушевл. предмету, напр. порогу, углу, столу и др. В одном из заговоров знахарка обращается к Верховному богу Нишкепазу с просьбой повлиять на подчинённых ему бога земли Масторпаза, богиню земли Мастораву и хранителя земли Каная, чтобы они простили больного, и пригласить к себе неизв. существа, «знающие толк», «дела делающие» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 246), чтобы отдать им болезнь, к-рую они разбросали бы по семидесяти семи полям и принесли больному здоровье. В др. заговорах просят прощения за больных у самих Масторавы, Вармавы, бога ветра Вармати, утренней зари Дарьи и вечерней зари Марьи, у всех умерших родственников. При этом всем им обещают хмель и пшено, к-рые мордва использовала для приготовления *еды ритуальной*. Знахарка говорила, что она вынесет хмель и пшено из дома, отнесёт на два перекрёстка, разбросает по семи дорогам, чтобы болезнь также разошлась, а больной стал таким же чистым, как пшено, и таким же лёгким, как хмель.

Для излечения от болезней, насл. на человека за к.-л. неосторожные действия по отношению к вышеупомянутым

божествам и стихиям, знахарка совершала с больным обряд прощения (м., э. прощенгяс). Для его проведения выбирали место, надел. сакральными функциями. Это были, как правило, почитаемые центры *дома*, перекрёсток дорог, кладбище и др. Время также было определённым — полночь, когда активизируются сверхъестеств. силы. Принес. в качестве жертвы хмель, пшено и мелкую монету бросали левой рукой через плечо. Домой возвращались, не оглядываясь, не разговаривая, не вступая в разговор со встречаемыми. К. Т. Самородов привёл следующее описание данного обряда: взяв горбушку хлеба, немного соли, коготь выдры, кусок савана и медную монету, знахарка с больным шли на перекрёсток дорог, она растилала там саван и клала на него принес. вещи. Больной кланялся земле и просил у её богини Модавы прощения, затем, поставив его на колени, знахарка скоблила над его головой медную монету и трижды прикладывала его лбом к земле, произнося заговор: «Масторонь кирди-канды, / Саик Палагань орманзо, / Стаканзо, апаронзо... / Валк кувалмонзо, / Паник кочкарязонзо» — «Хранитель, повелитель земли, / Возьми болезнь Пелагеи, / Тяжесть, муки... / Спусти вдоль спины, / Выгони к пяткам» (Там же).

В 3. п., как и в др. мордов. заговорах, встречается рус. лексика («кормилец», «мать сырая земля, матушка», «святая вода, золотая вода» и др.). Нередко наряду с мордов. словом «урма» (болезнь) употребляются как синонимы рус. слова «скорбь», «болезнь», «притча» и др. Часто используются магич. числа три, семь, семьдесят семь и сорок.

3. п. связаны с заговорами от ссоры и от ушиба. По нар. поверьям, заболевания, получаемые во время ссоры или при падении, можно было вылечить, попросив прощение у богов, предков или

даже у неодушевл. предметов, т. е. исполнить 3. п.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1947. Bd. 4.

Лит.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001.

И. И. Шеянова.

3. от рахита (м. Уфамс рахиттэ, э. Озолмат (кортавтомат) рахиттэ). Применялись в осн. при лечении детей и имели соотв. нар. назв. «идень штама-нардама» (м.), «пакшань шлямо-нардамо» (э.; букв. «умывание-вытирание малыша»). Над ребёнком, больным рахитом (по нар. терминологии — «собачья старость»), совершали обряд «перепекания». Ребёнка клали на лопату, покрытую тестом, и сверху накрывали тестом, оставив лишь отверстие для рта, затем трижды вносили его в тёплую печь, куда перед этим сажали три ржаных хлеба. После этого ребёнка просовывали через хомут, а тесто отдавали съесть собаке. Ритуал сопровождался диалогом. Мать малыша, стоящая за дверью, трижды спрашивала: «Что печёшь, что варишь?». Знахарка отвечала: «Болезнь (имя) пеку, варю, парю, собачью старость перепекаю». По поверью, болезнь не выдерживает жары и либо покидает ребёнка, либо сжигается. В др. случае в корыте замешивали тесто для хлеба и оставляли до следующего дня перед печью. На следующий день ещё раз замешивали тесто со словами: «Божий дар матушка, Ивантэ лемс-пилестиян кшит» — «Божий дар матушка, в

честь Ивана делаю хлебы» (НА НИИГН, ф. Л-52, л. 17). Утром, на заре, приносили воду, а при её черпании произносили: «Масторонь кирди Мастор ава, сиянь сакал Веды атя, парьхциень шяяр Веды ава, мать сырой земля-матушка, вода река-девица. Сизьгемонь сисем ключькя, сизьгемонь сисем родникнень вастста сайхть, вастста васедихть, милостливый родникстот сыван ведь, конань лемс пимс, мезенди сывса, сянди кондястеза» — «Держательница земли Мастор ава, серебрянобородый Веды атя, парчёвоволосая Веды ава, мать сырая земля-матушка, вода река-девица. Из семидесяти семи ключей, из семидесяти семи родников текут, а где они встретятся, возьми (воду), на чьё имя вариться, для чего беру, для того пусть пригодится» (Там же). После этого, когда затопл. печь была готова, с ребёнка снимали всю одежду и заворачивали в белую пелёнку. В печь ставили первый хлеб, а ребёнка брызгали принес. на его имя водой. Затем на лопату стелили три листа и клали на них завернутого ребёнка. Принес. водой мыли ему лицо, а также протирали хлеб. Потом трижды как бы пытались сбросить ребёнка с лопаты в печь, произнося при этом следующие слова: «Божий дар мархта паньца, нарфотьфонь, вишке осудонь пиже качама мархта нолдаса» — «С божьим даром закрю, водяную болезнь, небольшой осуд с зелёным дымом выпущу» (Там же). После этого листья выбрасывали и в печь ставили второй хлеб. Данная процедура повторялась трижды. Потом хлебное корыто перевёртывали и на дно сажали голого ребёнка. Над его головой держали косу, остриём касаясь её, а над косой — решето. В него наливали «заговорённую» воду. Когда она стекала вдоль косы на ребёнка, произносили последние слова заговора: «Кода сюфтемт, пеелемтэ лангса ведьс аф кирди, стане

сизьгемонь сисем урма тязя кирде Иванонь лангса» — «Как в решете, на косе вода не держится, так пусть семьдесят семь болезней на Иване не удержатся» (Там же). В традиц. представлениях решето воплощает идею *богатства* и плодородия, а также связано с мотивами дождя, неба и солнца. В мордов. обрядах оно используется как вместилище даров и одновременно играет роль оберега. В нар. медицине мордвы пропущ. через решето вода наделялась лечебными свойствами.

Смысл обряда, гл. целью к-рого было сжигание болезни, определялся символич. отождествлением ребёнка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребёнка на свет: его как бы возвращали в материнское чрево (печь), чтобы он родился заново.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-52. Л. 17.

Лит.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001.

В. П. Беляков, И. И. Шеянова.

3. от рожки (м. Уфамс рожать, э. Рожадо озолмат (кортавтомат)). Представлены мокш. и эрз. образцами, запис. в сер. 20 — нач. 21 в. Заговор является одним из многочисл. нар. способов лечения этого инфекц. заболевания кожи, вызывающего боль и жжение, когда на коже появляются очерч. красные пятна в виде язычков пламени. В заговорах, зафиксир. Л. И. Никоновой в 1996 в Самарской обл., перечисляются разновидности данной болезни: «Рожа, красная рожа, / Рясная рожа, стригучая рожа, / Колочая рожа, ветряная рожа, / Рассыпная рожа, рожа нарывная, / Рожа костевая, рожа мозговая, / Рожа помутная,

рожа белая, / Рожа мокрая...» (ПМА: Адаева), «Сечи, сечи язву вострополическую, / Сибирскую выбей, / Матерь колочую, болочую, ветрянную, внутреннюю, / Верховую, кровавую, жгучую...» (ПМА: Жингурова).

Широко распространен. способом лечения болезней было их «изгнание» из тела человека с помощью к.-л. предметов. В заговоре, зафиксиров. в 1947 в с. Мордов. Маскино Старосиндровского (ныне Краснослободского) р-на Мордовии, эту роль выполняют четыре коня — золотой, серебряный, медный и железный: «Сят рожань ётафтыхть, / Сят рожань потафтыхть» — «Все они рожу выгонят, / Все они рожу отгонят» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 212). Кроме того, существовал обычай «передачи» болезни на к.-л. предмет или животное. Так, в заговоре, запис. в 1979 в с. Мордов. Поляна Зубово-Полянского р-на Мордовии, говорится: «Велеть песа, горать пряса тише, мольсь букась, нолазе, рожать вастонц колазе» — «На краю села гора, на горе трава, пришёл бык, слизнул, место рожки стронул» (цит. по: Мордовское устное народное творчество, Саранск, 1987, с. 83).

В мордов. заговорах довольно редко встречается христ. терминология, напр. в 3. от р.: «...Таргозьсь рожась, вецась рожась; / Сон ётаза Крилань серьста-келеста, / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь! / Сонь щекастонза, щека пакарьстонза, / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь! / <...> / Штаза урмать ангельский спаситель, / Нардаза сонь со христова тела. / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь!» — «...Рожа пухла, росла; / Пусть она отойдёт от тела Кирилла, / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь! / От его щеки, от кости щеки, / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь! / <...> / Смой рожу, ангел-спаситель, / Сотри её со христова тела. / Ау-уф, аминь! Ау-уф, аминь!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 212 — 213).

Мордва верила в очистительную способность огня или его производных, к-рые, по мнению знахарей и суеверных людей, отпугивают злой дух или излечивают болезни. Поэтому при чтении заговоров нек-рые знахари использовали головешки, уголь и др. Так, при заговаривании рожки слегка обкалывали болезн. место щепками от сгоревшего во время грозы столба (ПМА: Адаева).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-87. Л. 135 ; ПМА: Адаева Анастасия Ивановна, 1907 г. р., с. Грачёвка Кошкинского р-на Самарской обл., записи 1996 ; Жингурова Анна Сергеевна, 1904 г. р., с. Городок Кошкинского р-на Самарской обл. ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Самошкин А. Г. О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; Её же. От Адама и Евы — до наших дней : (Очерки нар. медицины мордвы). Саранск, 2000 ; Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005.

Л. И. Никонова, М. М. Фадеева.

З. от ссоры (м. **Уфамс здорть**, э. **Здордо озолмат (кортавтомат)**). Под данным назв. зафиксированы два эрзя-мордов. заговорных текста. В них нашли отражение представления народа о спорах и празднословии, громких разговорах, шуме и злых шутках между людьми как источнике греха и негативной энергии, разрушительно влияющей на здоровье не только спорящих, но и невольных свидетелей спора. На это, в частности, указывает комментарий информанта к одному из загово-

ров, запис. в 1936 в с. Найман (ныне Рус. Найманы) Большеберезниковского р-на Мордовии: «Если ломанесь козоньгак сёвныця юткс понги, то тееви прызонзо шум. Кармить пилензэ увномо, превензэ велямо» («Если человек попадёт между ругающимися людьми, то у него в голове появляется шум, начинает гудеть в ушах и кружиться голова»). Из этого же источника изв., что наиболее опасными для распространения флюид «здора» могут быть дверной проём, открытая дверь или обеденное застолье с шумными разговорами. Заговорный текст обычно произносили над чистой рубашкой больного, как бы замещающей его тело и кожу, над «водяной головой», а также над хлебом, посып. солью и выполняющим в данном случае функцию обрядового апотропея. Используя форму развёрнутого эпич. заговора-молитвы, ворожея в качестве могуществ. пом. призывала «евангелиста Луку», Божью мать, Мастораву, семьдесят святых и семьдесят апостолов, к-рые должны «смыть, вытереть» болезнь «шума и сдора» с тела и кожи больного, выпроводить её в открытую дверь, отправить на железной оси телеги в *загробный мир*, вслед за покойником, умершим от вина.

Все эти мотивы поиска источника болезни и изгнания её из тела больного разрабатываются, только более подробно, в заговоре «от здора», запис. в кон. 19 в. Х. Паасоненом. Процесс излечения в нём перенесён в некий «тонкий мир» обитания Нишкепаза, в великий лес за великой водой, где стоит большая колода, а на ней — стол, накрытый скатертью с хлебом-солью. Нишкепаз «дует-плюёт» на болезнь, пришедшую от «шума-ссоры» дома, между соседями, улицами, от проходного места, на гумне, на воде и принес. ветром. Во второй части заговора эти же действия в том же

локусе и интерьере чудесного мира с перечислением возможных источников болезни осуществляет Пресвятая Богородица, к-рая, как и Нишкепаз, изгоняет «болезнь здора» из каждой косточки, каждой жилочки, каждого волоска и каждого органа и части тела больного.

В качестве одной из важных причин болезни, как правило, открывающих собой символич. список возможных источников заболевания конкретного человека, «здор», некий шум и скандал неоднократно упоминаются в целом ряде заговорных текстов, в т. ч. мокша-мордов., традиционно относимых собирателями и информантами к заговорам прощения. Это даёт нек-рое основание рассматривать данные тексты по объекту воздействия как З. от с., а по форме и пафосу — как заговоры прощения.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29. Л. 43 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1947. Bd. 4.

Лит.: Самошкин А. Г. О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005.

С. Г. Девяткин.

З. от ушиба (п а д е н и я ; м. **Уфамс прама вастть**, э. **Прамо таркадо озолмат (кортавтомат)**). Использовались при ушибе или др. болезни, получ. в результате падения. С кон. 19 в. зафиксировано ок. 20 преим. эрз. образцов заговоров данного вида. Большинство из них записаны Х. Паасоненом и А. А. Шахма-

товым в эрз. сёлах Самарской, Саратовской, Нижегородской и Пензенской губ. Практически все заговорные тексты имеют развёрнутую монологич. форму «просительной» молитвы-мольбы, обращ. чаще всего к Мастораве, Кудаве, Юртаве, Кардаз сярко, Нороваве, Ведяве, Ультяве и к нек-рым др. языч. божествам и персонажам местных культов. Судя по содержанию большинства вариантов заговоров, мордва непосредственно увязывала возникшую болезнь (не обязательно ушиб) с местом неловкого падения человека. Оно, по анимистич. представлениям язычников, было ни чем иным, как частью живого тела божества-покровителя той или иной стихии, локуса обитания или объекта хоз. деятельности. Напр., если человек упал на землю в поле, в воду, на улице, во дворе, в доме, то его действия отождествлялись с падением соотв. на Мастораву, Нороваву, Ведяву, Ультяву, Юртаву, Кудаву, к-рые, в свою очередь, за нанес. им вред, боль и оскорбление наказывали человека той или иной болезнью. Как бы осознав свою невольную вину, больной через знахаря просил прощения у обиж. божеств-покровителей или местных культовых персонажей, одаривал их символич. подарками, а по исцелении обещал принести более крупную жертву в виде овцы или быка. Такова общая схема большинства довольно объёмных текстов З. от у. Как правило, в них в яркой поэтич. форме выражены: пафос осознания вины человека перед божеством или чаще божествами; характерные мотивы символич. поиска места падения; перечисление возможных вариантов вреда, нечаянно нанес. человеком божеству при падении, а также подарков, предназнач. ему за исцеление: «Модань кирди матушка, / Модань ваны корьминець, / Можобуть, тонь кедь лангс прась монь Андрей? / Можобуть, тон томбавить, / Можобуть, тонь

мельсэ а паросо ашти? / Иляка сайтя лamo кеж, / Иляка кирде ненавиства! / Вана теть пондо сия, пондо пиже, / Сядо валкс ярмак» — «Покровительница земли, матушка, / Хранительница земли, кормилица, / Может быть, на твою руку упал мой Андрей? / Может быть, ушиб тебя, / Может быть, побеспокоил? / Не держи много зла, / Не питай ненависти! / Вот тебе пуд серебра, пуд меди, / Сто монет» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 224).

Значительно меньше собирателями зафиксировано мокш. текстовых вариантов 3. от у., в специальной лит-ре они, как правило, относятся к заговорам прощения.

Обычно заговаривание больного от падения мордвы проводила на перекрёстке дорог или непосредственно на месте падения, напр. на берегу реки или на пороге дома. Больного либо его заместителя, если сам больной не мог прийти на место падения, непременно заставляли кланяться земле, порогу, дереву или воде, в зависимости от того, где упал человек. Это место задабривали подарками и словами: м. «залатая места, залатая вада» («золотое место, золотая вода»), э. «прамо тарка, паро тарка» («место падения, хорошее место»).

А. А. Шахматовым зафиксирован специфич. заговорно-заклинательный обряд, используемый мордвой при болезни, возникшей в результате падения. Знахарка на месте падения человека измеряла красную нитку вокруг своей головы и говорила: «Матушка земля, Бог земли! Дай на вершину его головку, на рост его рост, на стан его стан, на ручки его ручки, на ноги его ножки, на глазки его глазки... прости Осипа. Осип упал на тебя, тебя ушиб... <...> Долго ты ждала поклонной головушки, отдай скорее Осипово здоровьице» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 99 — 100). Нитку вместе с дарами в

виде «горбушки хлеба с ноготок, трёх крупинок пшена, двух-трёх крупинок соли, одной верхушки хмелинки, лоскутка холста и скоблённого гроша» (Там же, с. 100) оставляли на месте падения.

Примечательно, что в ряде заговорных текстов этого тематич. цикла в качестве чудесного персонажа фигурирует «коготь выдры» («пачань кенже, Пачальте»), к-рый заговаривающий посылал на поиски места падения больного. В данном контексте он, видимо, может рассматриваться как сохранившийся пережиток тотемистич. представлений древней мордвы.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29; Ф. Л-73. Л. 86; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingfors, 1894. Bd. 1, H. 2; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1941. Bd. 3; 1947. Bd. 4.

Лит.: Самошкин А. Г. О русско-мордовских фольклорных связях в заклинательной поэзии // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 4; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; Мордовское устное народное творчество: уч. пособие. Саранск, 1987; Никонова Л. И. Тайны мордовского целительства: Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995.

С. Г. Девяткин.

ЗАГОВОРЫ ОТ ВЕДУНОВ (К О Л-Д У Н О В; э. **Озолмат (кортавтомат) ведундо (колдундо)**). Представлены эрзя-мордов. образцами, зафиксиров. в кон. 19 в. Х. Паасоненом. Целью этих заговоров является предохранение от порчи и различных болезней, к-рые могут наслать ведуны (колдуны). Поэтому к данной тематич. группе целесообразно отнести и заговоры от порчи (э. кор-

тавтомат колафтто, кортавтомат нолдафтто), также выполняющие защитную, предохранительную функцию.

В текстах З. от в. нет прямых обращений к *богам*, природным явлениям и стихиям, мифич. существам или предкам. В одном из образцов с просьбой защитить и предохранить от колдуна обращаются к чёрному ворону, к-рый сидит в большом гнезде на большом дубе, растущем на большом бугре на большом поле Нишкепаза. В др. текстах встречается баба с семидесятью семью грудями, в железных котях на ногах, с железной палкой в руках, три зуба во рту, три волоска на голове, к-рая «...пувасынзе... сельксынзе осудонзо... ютавтсынзе-потавтсынзе... орманзотарванзо» — «...сдует... сплюнет хворь... вылечит... болезнь» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 254), или железный старик в железных лаптях с железными оборями, в железной одежде, с железными волосами и бородой, к-рый «кшнинь палкасонть юхадьсынзе, / Кшнинь тенстьсэнтъ тенсесынзе / ...Андовтонь-симдеветень, колавтонь / Иневедьс паньсынзе» — «железной палкой смахнёт, / Железным веником сметёт / Кормящих-поящих...порчу / В большую воду загонит» (Там же, с. 260). Преобладание в З. от в. символики, связ. с *железом*, обусловлено использованием в мордов. обрядово-магич. практике для защиты от колдунов железных колющих предметов (напр., иголка, булавка, нож). Паасоненом зафиксирован З. от в., где речь ведётся от лица знахарки (знахаря), к-рая сама зачурает (заклянёт), заговорит от сглаза.

У мордвы были распространены обряды предохранительной магии, применявшиеся для оберега от ведунов (колдунов) во время рождения ребёнка. Существовало, напр., суеверие о пожирании душ младенцев злыми духами. Для

того чтобы защитить младенца от ведуна, проделывали целый ряд манипуляций вокруг зыбки, напр. вешали погремушки, иголки, булавки, чтобы загородить все пути для ведуна. Когда в доме появлялся новорождённый, посыпали подоконник золой, крестили окна, а вокруг ребёнка обводили берёзовой метлой и говорили: «Святое дерево, белая берёза, охрани раба (имя...) от дурного человека (колдуна), от зла, ночью во время сна, днём во время бодрствования, во время поднимания его, опускания его, кормления его грудью, кормления его пищей, поения его» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с. 157). Этот ритуал совершали в течение шестидесяти дней. Мордов. женщины носили здорового ребёнка к знахарке, для того чтобы она прочитала над ним заговор и оградила от воздействия злых духов. Если ребёнок всё же заболел и болезнь приписывали злым духам, то вновь обращались за помощью к знахарке, к-рая, осенев себя крестным знаменем, произносила своё имя и имя ребёнка и трижды читала над ним заговор.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3 ; 1977. Bd. 6.

Лит.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001.

И. И. Шеянова.

ЗАГОВОРЫ-ПРИСУШКИ (э. **Эждема озолмат (кортавтомат), Эждемадо**). Представлены семью эрз. образцами, зафиксиров. в осн. в кон. 19 в. Х. Паасоненом. Относятся к любовной (половой) магии. Целью 3.-п. является приворот (м. шятема, м., э. эждема), привлечение к себе лица противоположного пола. С помощью 3.-п. приковывается внимание, вызывается любовь желаемого юноши или девушки к любимой (любимому), а также восстанавливаются отношения между мужем и женой, у к-рых по к.-л. причине (напр., сглаз) возник разлад в семейной жизни.

В дорев. время вопрос о женитьбе или замужестве, как правило, решали родители молодых людей, стремившиеся выдать дочь замуж или женить сына по расчёту. Девушка обычно могла лишь мечтать о любимом. Отсутствие др. путей привлечения к себе любимого человека вынуждало молодых людей прибегать к религ.-магич. средствам, в т. ч. привораживанию. Кроме того, не всегда любовь одного к др. была взаимной, и это также заставляло людей обращаться к ворожеям.

Процесс привораживания у мордвы заключался в следующем: знахарка брала в платок семена огурца или подсолнечника и клала их под чугу́н, затем наливала в него горячую воду и шёпотом произносила заговор; либо ворожея приносила в полночь *воду*, высыпала в неё не надолго семена подсолнечника, конопли или др., потом доставала их из воды и сушила на сковороде, после этого двенадцать семян очищала от шелухи и их ядра клала к неочищ. семенам. Считалось, что, если эти семена съест, напр., девушка, она обязательно выйдет замуж за того, кто её приворожил. В зафиксиров. образцах 3.-п. встречается обращение к мордов. *богам* Нишкепазу, Масторпазу, Мастораве и *Ведяве* с

просьбой услышать слова знахарки и послать ей в помощь семерых чертей, к-рые заставят привораживаемого человека полюбить того, кто этого хочет, чтобы ему влюблённый человек казался «...сырнекс, умарнекс, / Инечинь васень алнэкс, / Тундонь васень цецинекс, / Сэнь верьгизэнь баягак!» — «...золотом, яблочком, / Первым пасхальным яичком, / Первым весенним цветочком, / Синим колокольчиком!» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 248).

Обязательным атрибутом при произнесении 3.-п. являлись открытая дверь, *ворота*, развяз. пояс, расстёгнутая застёжка, распуш. *волосы*, неумытое лицо. По нар. поверью, всё это должно было помочь в достижении положительного результата.

При разладе между мужем и женой, когда их семейную жизнь к.-л. сглазил, произносили следующие слова-присушки: «...Раисань седеесь Семанень, / Семань седеесь Раисанень. / Раисань виськэсь Семанень, / Семань виськэсь Раисанень» — «Раисино сердце для Семёна, / Сердце Семёна для Раисы. / Раисин стыд для Семёна, / Стыд Семёна для Раисы» (Там же, с. 253). Отличительной чертой данного 3.-п. является наличие сквозного эпитета «горячий», с помощью к-рого характеризуется мифологизиров. персонаж, творящий любовь: горячий старик в горячей одежде «печькас пекшень пенгть вачки, / Жаронь чугу́н лади. / Жаронь салт эйзэнзэ каи, / Совет и любовь теи» — «В печку липовые дрова кладёт, / Горячий чугу́н ставит. / Горячую соль в него кладёт, / Добрый совет и любовь творит» (Там же). Как и во мн. др. мордов. заговорах, здесь есть рус. лексика: «совет и любовь», «лети не приставай ни к кому, приставай к мужу».

Иногда знахарка «наговаривала» для присушки к.-л. предметы, напитки, вещи, к-рые по нар. поверьям, при передаче в

удобном случае влюблённой(му) или брошенной(му) супруге(у) должны были помочь. В осн. делали наговор на хлеб, вино или воду, а также на след, оставл. привораживаемым человеком.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-29. Л. 28 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1941. Bd. 3 ; 1977. Bd. 6.

Лит.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998.

И. И. Шеянова.

ЗАГРÓБНЫЙ (П О Т У С Т О Р О Н Н И Й) **МИР**; т о т с в е т (м. **Тона ши**, э. **Тона чи**), обитель умерших (их души). Ранние воззрения мордвы на З. м. были расплывчатыми. Существовало мнение, что место обитания душ конкретно не локализовано в пространстве, оно находится в непосредств. близости от мира людей, благодаря чему между умершими и их сородичами сохраняется постоянная тесная связь. З. м. понимался не как подземный, а как находящийся рядом, но в др. измерении или наверху, ок. Бога. Об этом свидетельствуют похоронные причитания мордвы. В то же время имелись представления о локализации предков на севере: «Молящиеся обращались лицом на север и приглашали предков в дом» (Евсевьев М. Е., Эрзянь-рузонь валкс, М., 1931, с. 28). Позднее местом обитания душ умерших стал считаться подземный мир.

Особые воззрения существовали у мордвы по поводу пути в З. м. Наиболее

древним способом являлось передвижение на тот свет «по нитке», «по волосинке», поэтому в похоронном обряде данным предметам отводилась особая роль. Мокшане «вокруг головы друг друга делали круговые движения свечами и вырывали несколько волосков с головы, которые якобы нужны будут покойному для постройки моста, если на его пути встретится „мопе“» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 78). Вероятно, под влиянием православия у мордвы появились представления об «огненном потоке», через к-рый переправляются умершие и платят за это деньги. Дорога в З. м. считалась длинной, трудной, со мн. испытаниями. Иногда она ассоциировалась, так же как и у др. фин.-угор. народов (марийцев, карелов, коми, обских угров, удмуртов, финнов), с путешествием по воде.

Похоронные и поминальные обряды указывают на развитие в мордов. мифологии физич. противопоставления мира живых и З. м. Прежде всего, З. м. — «левый», т. е. обратный миру живых, в связи с этим при отправлении умершего на тот свет надо делать всё наоборот. Напр., оборы на лаптях завязывали справа налево, а концы оставляли наружу, в то время как живые заправляли их внутрь. Умершей замужней женщине косы заплетали также справа налево. При обмывании покойника воду плескали от себя, после отпевания его в церкви обносили вокруг нее против часовой стрелки.

Др. свойство З. м. — нечётность, проявлялось в традиции класть нечётное кол-во предметов в гроб и т. д.

Умершие, по мнению мордвы, в загробной жизни переживают вторую смерть, к-рая возносит их на более высокую ступень существования: пережившие одну смерть наз. «атят» (предки), а вторую — «сире атят» (великие предки). Под влиянием христианства появилась

вера в то, что в течение шести недель после смерти покойник находится перед судом Божиим, а по истечении этого срока — безгрешные помещаются в рай, грешники — в ад. В одной нар. песне мордвы говорится, что лучше всех на том свете живётся эрзянам и чувашам, хуже всех — колдунам, тем, кто пьёт человек. кровь, ест человек. мясо, умершим от пьянства и самоубийцам. Предполагалось, что честные люди в З. м. живут в достатке и благополучии, а грешившие на земле варятся в горшке со смолой.

Представления мордвы о З. м. как ниж. части мироздания, куда спускаются корни *Великого дерева*, — подземном мире — оформлялись достаточно длительное время и претерпевали существ. трансформацию. Наиболее ранние из них содержатся в космогонич. и антропогонических мифах, согласно к-рым конфликт Верховного бога Чипаза (Шкая) с Шайтаном завершился изгнанием последнего из земного мира в подземный. С тех пор Шайтан заключён в вечном огне, к-рый не может покинуть. Когда же злой дух необходим, чтобы наказать простых смертных, Шайтан посылает для этого своих подчинённых. По др. версии, Верховный бог прогнал Шайтана в тёмную пропасть. Видимо, с этого момента фиксируется разделение целостного мира и возникновение двух противоположных миров, что выражается в оценке мифол. персонажей по шкале верх (положительное) — низ (отрицательное). Гл. мифол. героем, олицетворяющим подземный мир, становится Шейтан (м.), Шайтан, Идемевсь (э.). По воззрениям мордвы, в подземном мире обитают созд. им злые духи, насылающие *болезни* на людей и скот (см. *Алганжеи*), на поля — червя и саранчу, а также непогоду и др. неприятности. Здесь же находятся тринадцать дочерей (двенадцать лихорадок и одна ветряная

оспа) Шайтана, к-рые также не дают покоя людям.

Последующая эволюция представлений о подземном мире у мордвы связана с осмыслением трёхъярусной мифол. модели мира, возникшей в результате разделения «земного» мира на две части: верх. (небесный) и средний. Этот процесс отразился в мифе, когда оскорбл. Бог отодвигает небо дальше от людей. С момента осмысления данной модели мира мордва начала конструировать художественно-образную картину ирреальных миров: астрального — небожителей и запредельного — подземного. Если раньше З. м. в мифологии мордвы был лишь обозначен, то теперь представления о нём конкретизировались. Соотв. месторасположению он представлялся тёмным и мрачным, «где нет солнышка тёплого, где нет ветра ласкового» (УПТМН, т. 7, ч. 2, с. 43). В работах В. Н. Майнова З. м. ассоциируется с тёмным подземным ульем, в к-ром владыкой является «Мастир-Паз — бог зимы, холода, ночи и луны» (Mainof W., *Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne, Helsingissä, 1889, vol. 5, p. 110*). В одной из дверей он принимает души умерших, добрые отсылает «к своему брату Инешке-Пазу», плохие оставляет у себя (по локальным представлениям, отправляет к Шайтану, чтобы тот наказал их).

Понимание подземного мира как вместилища мёртвых, очевидно, происходило под влиянием индоиран. мифологии. Идея о существовании светлого и тёмного мест в З. м., понятия «рай» и «ад» также имеют индоиран. происхождение. Дальнейшее развитие и оформление воззрений на подземный мир и жизнь в нём осуществлялось под воздействием православия.

Представления о З. м. тесно связаны с понятием о *душе* и с культом предков.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1 : Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 2 : Мокшанские причитания. Саранск, 1972 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983.

Лит.: **Соболев А. Н.** Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913 ; **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЗАКЛИНАНИЕ (м. **Корхтафтома, Корхтафтома валхт, мормацяма, э. Кортавтома, Кортавтома валт**), вид (жанр) ритуально-магич. речи; прямое обращение к объекту магич. воздействия в императивной форме — требования, приказа, побуждения, просьбы, мольбы, предупреждения, запрещения, угрозы. Может быть самостоят. вербальным ритуалом, приговором при обрядовом или практич. действии, а также составной частью более сложных вербальных форм — *заговоров*, благопожеланий, обрядовых песен, проклятий и др. В отличие от текстов, призывающих благо или кару через обращение к Богу, святым, высшим или демонич. силам либо содержащих формулировку желае-

мого в безличной оптативной форме, З. рассчитано на непосредств. контакт с источником блага, охраняемым или опасным объектом.

Действующими лицами З. являются персонажи языч. и христ. пантеонов (Бог, *Богородица*, Тихон святой, Нишкепаз, Масторава, Норовава, матушка Юртава и др.), герои фольк. произв. (бабушка Салманила, *Андямо* и др.). Напр., при ушибе о дерево эрзяне произносили следующее З.: «Чувто-ава, матушка, я тебя не толкал, не толкай и ты меня. Прости Христа ради» (цит. по: Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 200). Довольно часто в З. фигурируют покровители дверей: «Кенкшатя, Кенкшава, / Мзяра лисице-сувайце... / Сняра улеза пара Васянди» — «Бог двери, богиня двери, / Сколько у тебя было входящих-выходящих... / Столько пусть будет доброго у Василя» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 240). На Рождество во время обряда кражи *воды* (м. ведень салама, э. ведень саламо) юноши и девушки опускали свои кольца в ведро и заклинали «старого шайтана» заставить их вертеться.

В З. по сравнению с др. вербальными «актами» усилена роль отправителя текста, его воли, креативной и провоцирующей способности; отправитель текста и создатель желаемой ситуации — одно и то же лицо. Произнося слова, он не только выражает свои желания и требования, но и создаёт желаемое, вызывает его к жизни. Вместе с тем строгое разграничение между З. и др. «актами» ритуальной речи не всегда возможно; разные по логич. структуре или прагматич. рамкам высказывания могут совпадать в семантике и функции.

В качестве вербального компонента обряда З. фигурирует прежде всего в магич. практике. Особенно широко оно использовалось в нар. медицине, напр. при зубной боли: «Как у месяца-мертвеца

не болят зубы... так и у раба божьего (имя)» (цит. по: Никонова Л. И., От Адама и Евы — до наших дней, Саранск, 2000, с. 109); при болезни животных: «Татаронь тикше, пурьгине палакс, сынть теть гостекс. Сергейнь скалозо суксов. Буди а певерцыть, мон ищо сан теть. Ней ансяк прят сезян, а ище сан, буди а певерцыть, кореном таргатан, коренетяк костяса» (Proben der mordwinischen Volksliteratur, gesamm. von H. Paasonen, Helsingfors, 1894, Bd. 1, N. 2, S. 9) — «Татарник, чертополох, я пришёл к тебе в гости. У Сергея корова зачервивела. Если не вылечишь её, я ещё приду. И если сейчас я сорвал одну твою голову, то, когда приду ещё раз, если не поможешь, я вырву тебя с корнем и корень твой высушу».

Реже использовали З. в продуцирующей магии. Тем не менее почти каждое начало к.-л. цикла земледельч., скотоводч. или промысловых дел сопровождалось З. Напр., перед весенним выгоном скота, в *Вербное воскресенье*, заклинали коров: «Тракская, лофцта андыняй! / <...> / Эрь тялоня вазыяк / Кафтонь, кафтонь скалнят. / Эрь кизоня лофцыяк...» — «Коровушка, молоком кормящая! / <...> / В каждую зиму отелись / По два телёнка. / В каждое лето будь молочной...» (цит. по: Самородов К. Т., Мордовская обрядовая поэзия, Саранск, 1980, с. 75); в день медового Спаса произносили следующее молебное З.: «Кода мешне кочкайхть танцти меднясон, / Стане кудозонк минь тяза / Козяшиньке кочкаволь, прдаволь» — «Как пчёлы собирают сладкий мёд, / Так пусть в нашем доме / Добро, богатство копится» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 168).

З. с продуцирующим значением — неотъемлемая часть вербального сопровождения семейных и календарных обрядов, ритуалов *жертвоприношения* и мн. окказиональных обрядов и магич. действий. В колядках, напр., заклинали

обильный урожай: «Каляда! Каляда! / Чачи суро чачозо! / <...> / Ажияшка олгозо! / <...> / Локшо недышка колозозо! / <...> / Ал тюжашка зерназо!» — «Коляда! Коляда! / Высокая рожь выросла бы! / <...> / С оглоблю солома! / <...> / С кнутовище бы колос! / <...> / С яичный желток бы зерно!» (Там же, с. 15); в песнях-ивавах — приход весенней тёплой погоды: «Ой, масленца, учевоть, / Вихца-важа тердевоть, / Тяни тука кизонянь — / Лямбе модань пингонянь» — «Ой, масленица, дождались мы тебя, / Кое-как тебя зазвали, / Теперь приведи-ка к нам лето — / Земное тёплое время» (Там же, с. 78).

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-85, Л-98, Л-102, Л-122, Л-123, Л-125, Л-133, Л-165; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; Никонова Л. И. От Адама и Евы — до наших дней: (Очерки нар. медицины мордвы). Саранск, 2000; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingfors, 1894, Bd. 1, N. 2.

Лит.: Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; Мордовское устное народное творчество: уч. пособие. Саранск, 1987; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы: этногр. справ. Саранск, 2004; Никонова Л. И., Кандрина И. А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005.

Т. Н. Охотина.

ЗАМО́К (м. *Панжема*, э. *Панжом*), механич. запорное устройство, используемое в нар. магии и обрядах для защиты от вредоносного воздействия внеш. среды. З. имел бытование у др.-мордов. племён, о чём свидетельствуют археол. находки (10 в. — Лядинский могильник, 13 — 14 вв. — Муранский). В мифах З. фигурирует, напр., при характеристике

богатства Нишкепаза, у к-рого на небе «целых семь амбаров, на амбарах тех семь замков» (УПТМН, т. 1, с. 63).

Согласно мифол. представлениям мордвы, З. может использоваться для символич. закрывания и открывания, что семантически сходно с завязыванием и развязыванием узла. В большинстве охранительных и лечебных обрядов З. и ключ имеют единую семантику и выступают как взаимозаменяемые символы. В охранительной магии закрытый З. использовали для ограждения от опасности определённого объекта. Так, чтобы не допустить начала эпидемии в селении, мордва опахивала его, кладя при этом в землю закрытый З. Тем самым она как бы «закрывала» селение от *болезни*. Считалось, что в «закрытый» т. о. насел. пункт болезнь не сможет проникнуть. В мед. практике закрывание З. символизировало «закрывание» болезни и применялось, в частности, при остановке кровотечения. В любовной магии закрывали З., чтобы крепче привязать любимого или мужа и жену друг к другу. Открывание З., всех запоров и дверей, а также развязывание узлов на одежде практиковалось у мордвы во время тяжёлых родов, поскольку символизировало «открывание» жен. лона.

В мордов. фольклоре З. представлен в загадках, напр.: м. «Кирьхксь кирдсьы букать сюрота» — «Воробей держит быка за рога»; э. «Монь ули кискинем, / А ярсы, а сими — / Утомо вансты» — «У меня есть собачка, / Не ест, не пьёт — / Амбар стережёт» (УПТМН, т. 4, кн. 2, с. 121, 198).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, кн. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1972.

Лит.: Познанский Н. Ф. Заговоры : Опыт исследования происхождения и раз-

вития заговорных формул. Пг., 1917 ; Мокшин Н. Ф., Сушкова Ю. Н. Мордва и мир : Тезаурус по традиц. материал. и правовой культуре мордов. народа. Саранск, 2011.

Д. Ф. Ильин.

ЗАСУХА (м. **Коське пинге**, э. **Коськечи**, **Коськешка**), в нар. представлении стихийное бедствие, посылаемое людям мистич. силами — *богами* и духами предков в наказание за грехи, а также демонами или колдунами по злому умыслу. К З. могло привести нарушение тех или иных запретов и предписаний. Осн. причиной З. считалось «осквернение земли», т. е. погребение «нечистых» покойников, к к-рым обычно причисляли умерших насильств. смертью, от пьянства, самоубийц, утопленников, колдунов и *ведьм*. Их закапывали на перекрёстке дорог, на границе полей, в лесу, в болоте, в овраге, за оградой церкви.

Если устанавливалась З., то, для того чтобы вызвать дождь, ходили ночью на кладбище и поливали *водой* могилу умершего преждеврем. смертью. В с. Иванцево Лукояновского р-на Нижегородской обл. зафиксирован случай, когда в З. на могилу повесившейся женщины верующие вылили сорок вёдер воды.

Для предупреждения З. мордва совершала специальные обряды вызывания дождя (пизем озкс, велень озкс, бабань озкс).

Лит.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968 ; 1998 ; Егуже. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004.

Д. Ф. Ильин.

ЗАТМЕНИЕ (м. **Кяшема**, **Юмама**, э. **Кекшема**, **Ёмамо**), в нар. представлении промежуток времени, когда активизируются тёмные силы, т. к. солнце или

луна становятся невидимыми и не исполняют свои функции светил. По сведениям В. Ауновского, мордва-мокша причисляла солнечное и лунное З. к деяниям злых духов (без уточнения их назв.). В частности, она полагала, что во время З. лунного света злым духам удобнее ловить христиан в свои сети.

Лит.: Ауновский В. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869.

И. В. Зубов.

ЗЯЯЦ (м. Нумол, э. нумоло), животное, наделяемое в нар. представлении трусостью и любопытством. З. боязлив, беззащитен: жёлудь упадёт с дуба, З. кажется, что каменный дождь пошёл; с ежом спорит, тот его съедает; волк и лиса готовы в любую минуту обидеть или съесть его. Отношение к З. у мордвы насмешливое, часто его наз. «бусинный глаз» (э. эрге сельме), «косой», «кривоногий». Он никогда не имеет дурных намерений, поэтому часто вызывает симпатию и в то же время смех. В таких случаях о З. говорят ласкательно: «беленький», «красивенький». Согласно А. И. Маскаеву, «серым, сереньким заяц в мордовской сказке не называется» (Маскаев А. И., Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, с. 47).

В сказке «Зайка» З. является самым воплощением любопытства. Он интересуется, почему лёд крепок, а тает под солнцем; почему гора тверда, а мыши роют в ней норы и т. п. Расспрашивая Бога об этом, З. не заметил, как его жена, пёкшая блины, подкралась и ударила его сковородником по хвосту. Так З. стал короткохвостым. По-видимому, первонач. сказка была мифом, входящим в систему мифов о сотворении животных. По мнению Маскаева, сначала сюжет о ко-

роткохвостости З. рассказывался и воспринимался как рассказ-легенда, затем, получив соотв. оформление и утратив первонач. смысл, переродился в сказку.

Х. Паасонен зафиксировал связь З. с колдовством, причиняющим *болезнь*: «зайчики прыгают перед глазами» (H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch, Helsinki, 1994, Bd. 3, S. 1366).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967.

Лит.: Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор : Генезис, архаика, традиции. М., 1978 ; Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1994. Bd. 3.

Н. Г. Юрчёнкова.

ЗВЁЗДЫ (м. Тяштть, э. Тештть), небесные светила, к к-рым мордва причисляла также солнце, луну, метеориты и кометы; один из объектов космогонич. мифов. Согласно эрз. мифам, Верховный бог Нишкепаз создал Землю и небо, последнему дал «восходящие звёзды и месяц» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 137). В нач. 1960-х гг. в мокш. селе Перхляй Рузаевского р-на Мордовии был записан вариант мифа о создании З., имеющего практич. связь с жизн. циклами земных обитателей: «Звёзды в виде камней были внизу (на Земле. — И. З.). Шкай собрал их и рассеял по небу так, что получился Млечный Путь (Каргонь ки — м., э.), по которому сверяют свой полёт птицы» (УПТМН, т. 10, с. 29). Мотив создания З. из камней есть и в мифе, запис. в с. Нов. Потьяма Зубово-Полянского р-на Мордовии: «А солнце, звёзды как сотворил Гос-

подь? — Камень такой пустит, и растёт тот, как земля росла из первой земли — как пена расширились и стали: и солнце, и луна, и звёзды, и кометы» (НА НИИГН, ф. Л-915, л. 8 б).

Участие в создании З. только Бога (в большинстве космогонич. мифов мир творят Бог и Идемевсь (Шайтан)), вероятно, повлияло на восприятие мордвой природы З. как солнечной (поскольку они светятся), а значит, светлой и доброй. Старики говорили, что солнце, луна и З. делались «из светлого камня, а не из тёмного» (Там же). Поэтому можно сделать предположение, что в представлениях о происхождении З., солнца и луны реализуется понятие о *добре и зле* в цветовом воплощении, где доброе есть светлое. Полагали, что З. гораздо выше солнца и луны, но поскольку они находятся намного выше от земли, кажутся малыми.

Появление на небе кометы (э. гуй теште, букв. «звезда-змея»; пуло марто теште, букв. «звезда с хвостом») мордва-эрзя расценивала как дурной знак с гипотетич. (считалось, что, возможно, скоро будет война) либо с утилитарной, основ. на жизн. наблюдениях (её падение могло привести к сожжению села), точки зрения. Предотвратить вероятные последствия можно было, обратившись к Стакапазу с просьбой о недопущении падения этой З. на землю: «Стака паз покш паз / менельс появась гуй теште / сисем вайгель пенть пулозо / а паросто ёвтасызь... / ведун тештенть гуй тештенть / идемевсень пирязо / палы толонь пулозо / чи лисимав пирязо / чи валгомав пулозо / иляк нолда тон прамо...» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 6, S. 128) — «Тяжёлый Бог, великий Бог, / на небе появилась змеиная звезда, / гудящий семи-конечный хвост у неё. / Не хорошо говорят... / о ведунской звезде, змеиной звезде. / У неё чёртова голова, / горящий ог-

нём хвост, / на восход её голова, / на закат её хвост. / Не допусти ты её падения...». Х. Паасонен отмечал существование у эрзи специального моления о З. с хвостом (озкс пуло марто тештеденть), однако его текст не привёл.

По сведениям В. Ауновского, падающие З. мордва-мокша считала огненными змеями и демонами, к-рые якобы вселяются в людей и делают их беснующимися и кликушами.

Близость З. к Богу подчёркивают нар. представления о том, что он отмечает людей своей меткой — родинкой (э. Паз теште, букв. «звезда Бога»; Пазонь тешкс, букв. «знак Бога»).

До сегодняшнего дня сохранились назв. нек-рых З. и созвездий, почти не употребляемые в обрядовой практике и быту: Сиень (м.) «Меркурий», Шудава (м.) «Венера», Пелевень (Пельвень; м.) «Юпитер», Илень (м.) «Марс», Тюжаза (Тюжтень; м.) «Сатурн», Кече теште (э.) «Большая Медведица», Каргонь ки (м., э.) «Млечный Путь».

См. также *Астральные мифы*.

Тексты: НА НИИГН. Ф. Л-384, Л-415, Л-915 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1977. Bd. 6.

Лит.: Ауновский В. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869 ; Девяткина Т. П. Мордовская мифология : энциклопедия. Саранск, 2006 ; H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1996. Bd. 4 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ЗЕЛЁНИН Дмитрий Константинович (3.11.1878, с. Люк Сарапульского у. Вятской губ. — 31.8.1954, г. Ленинград, ныне

С.-Петербург), этнограф, филолог, фольклорист. Чл.-корр. АН СССР (1925), Болгарской АН (1946). В 1898 окончил Вятскую духовную семинарию. Поступил на ист.-филол. ф-т Юрьевского (ныне Тартуского) ун-та, к-рый окончил в 1904 в звании канд. слав.-рус. филологии. В том же году был избран чл. РГО, в 1909 — чл. ОАИЭ. С 1905 — проф. кафедры сравнительного языкознания Юрьевского ун-та. В 1915 защитил в Петроградском ун-те магистерскую диссертацию «Великорусские говоры...»; в 1917 в Моск. ун-те — докторскую диссертацию «Очерки русской мифологии», удостоенную пр. М. Н. Ахматова АН. В 1915 — 16 — приват-доцент Петроградского ун-та, где читал курс «Этнография русского народа и его соседей». С 1916 — проф. кафедры рус. яз. и лит-ры Харьковского ун-та, рук. Харьковских высших жен. курсов (позднее вошли в состав ун-та) и чл. Правления ун-та (с 1920 — Харьковская академия теоретич. знаний). В 1925 был избран проф. Ленингр. ун-та по кафедре этнографии вост. славян, где работал до 1954. Одновременно с 1926 являлся рук. секции «Живая старина» при ИЛЯЗВ (до 1928); науч. сотрудником, старшим этнографом, зав. б-кой (с 1927), зав. кабинетом Европы и Кавказа (с 1937) Музея (с 1933 — Ин-т) антропологии и этнографии АН СССР (до 1949); науч. сотрудником ГАИМК. В 1941 — 45 работал в эвакуации в г. Самарканде (Узбекистан). Ред. вост.-слав. отдела «Энциклопедии славянских поверий» («Mandwörterbuch des slawischen Volksglaubens»), вышедшей в г. Праге (Чехословакия) с кон. 1920-х гг. Чл.-корр. Президиума Чехословацкого этногр. музея (1927); учёный корреспондент Institut International de Coopération Intellectuelle (г. Париж, Франция); чл.-корр. Об-ва этнографии (Verein für Volkskunde; г. Вена, Австрия; 1929); чл.-корр. Об-ва друзей Лужицы (Сербия,

1942). Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», серебряной и двумя золотыми медалями РГО, двумя золотыми медалями АН СССР.

3. — авт. более 300 работ по этнографии, архивоведению, лингвистике, диалектологии и фольклористике. С 1901 принимал участие в эксп. по изучению материальной и духовной культуры народов Поволжья и Урала, в т. ч. мордвы. В ходе этих эксп. им был собран богатый диалектологич. и фолькл. материал.

3. исследовал специфич. черты духовной и материальной культуры мордвы, восходящие к древнейшим истокам и традициям. Рассмотрев обрядовую сторону праздника «Бабань-молян» у мордвы, 3. дал его ист.-этногр. объяснение с учётом врем., пространств. и этнич. факторов, попытался определить языч. истоки обряда и его трансформацию под влиянием христианства. Учёный обратил внимание на распростран. у белорусов и, по-видимому, заимствов. у них мордвой Лукояновского у. Нижегородской губ. обычай ткать за один день полотенце во время эпидемии в целях её прекращения. В рецензии на «Мордовский этнографический сборник», сост. А. А. Шахматовым, 3. дал сравнительный анализ нек-рых обычаев, обрядов и языч. верований мордвы и русских. При этом он, в частности, отметил уникальность мордов. обычая «скобления денег» как символич. жертвы предкам в похоронной и поминальной обрядности, не обнаружив его полного аналога ни у одного народа. В трансформиров. виде данный обычай представлен у обрусевшей мордвы Сибири, к-рая применяла металлич. опилки от старинных денег в качестве нар. мед. средства, замешивая их в пищу. Кроме того, 3. подчеркнул хорошую сохранность языч. верований мордвы, в т. ч.

сведений о пантеоне и функциях *богов*. Он детально проанализировал природу рус. и мордов. домового, аналогом к-рого считал Юртаву.

В работах З. рассматривается развитие мифол. и ритуально-символич. мировосприятия слав. и фин.-угор. народов. Учёный впервые обратился к исследованию нар. представлений о загробном существовании умерших естеств. и неестеств. смертью. Он убедительно показал роль обрядов, связ. с почитанием покойников и «заложных покойников» (умершие неестеств. смертью), у русских, коми-пермяков, удмуртов, чувашей, марийцев, мордвы и др. народов.

В ряде работ З. обращался к проблеме религ.-магич. функций слов и словесных произв., в частности фольк. сказок. Он выделил неск. их типов: сказки, привлекающие и развлекающие лесных и иных демонов, сказку-оберег, сказку-заклинание, сказку как часть религ. обряда, а также прототипы сказок.

В поле зрения З. находились вопросы генезиса религ. представлений. Учёный исследовал теоретич. основы возникновения и развития *анимизма*, *тотемизма*, *фетишизма*, *преанимизма*, *магии* в первобытных обществах. Рассматривая вопросы сохранения пережитков тотемизма у разных народов, в т. ч. Европ. части России, он реконструировал ист. картину развития культа деревьев. Особое внимание уделил вопросу происхождения и форм бытования т. н. искупительной жертвы деревьям (древесному духу), к-рые использовали в стр-ве, а также замены человек. жертвы символич. при сооружении здания.

Соч.: Троецпылятница (этнографическое исследование) ; Дополнения и замечания к статье «Троецпылятница» // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год. Вятка, 1906. Отд. 2 ; Саратовская мордва // Живая старина. 1910. Вып. 4. Рец.

на кн.: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; «Обыденные» полотенца и обыденные храмы : Рус. нар. традиции // Там же. 1911. Вып. 1 ; К вопросу о русалках : Культ покойников, умерших неестеств. смертью у русских и финнов // Там же. Вып. 3 — 4 ; Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700 — 1910. СПб., 1913 ; Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914 ; Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915 ; Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. Л., 1932 ; Магическая функция слов и словесных произведений // Сб. ст., посвящ. акад. Н. Я. Марру. Л., 1935 ; Развитие представлений о злых духах в примитивном человеческом обществе. М., 1935 ; Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. ; Л., 1937 ; Избр. тр. М., 1994 — 2004.

Лит.: Проблемы славянской этнографии : (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979 ; Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.

Н. О. Шкердина.

ЗЕМЛЯ́ (м., э., **Мастор**), суша на поверхности первородного океана в космогонич. мифах; место обитания того или иного народа; страна как этнич. гос. образование. В мордов. фольклоре есть такое исторически сложившееся этнич. понятие, как «эрзянь мастор» («земля эрзян», в к-ром геогр. параметры соединяются с этнич. (аналогично «татар мастор», «казак мастор»). Для обозначения земли как объекта с.-х. и прочей деятельности человека употребляется термин «мода» (м., э.).

З. как место обитания мордвы предполагает наличие божеств-покровителей — Масторавы и Масторпаза. Первая заботится о плодородии земли и благоденствии проживающего на ней народа,

второй обеспечивает производительную силу земли как физич. сущности.

З. создал Верховный бог, для того чтобы, сотворив человека, учредить на ней разумную человец. жизнь, протекающую по определённым обычаям и законам: «Мастор и чачсь — койне и чачсь» («Земля родилась — обычай (жизнь) зародился»). Он стал гл. объектом интересов и забот Творца в мироздании. Для управления многочисл. природными явлениями и деятельностью человека он послал на З. *богов* — покровителей различных стихий и объектов. З. покоится на безбрежной, вселенского масштаба, *воде*, поддерживаемой тремя рыбами, посланными для несения этой службы Верховным богом. Рыбы расположены во впадинах под тремя её «углами» — на западе, юге и востоке. Как космич. объект З. имеет над собой небо с солнцем, луной и *звёздами*. Этноист. образ З. создают реки, леса, поля, насел. пункты, народ и происходящие на З. события — праздники, моления, войны (см. *Война*).

Раньше человек относился к З. как к живому существу, поэтому, напр., в заговорах от ушиба и в заговорах прощения (см. *Заговоры лечебные*) обращались к Модаве с просьбой о прощении, если, упав на неё, побеспокоили, причинили боль, и просили помощи в исцелении. Подтверждением особого отношения человека к З. служат пословицы и поговорки, напр.: м. «Казьсак модать весть, сон тонь — кемоньксть» — «Вознаградишь землю один раз, она тебя — десять раз» (УПТМН, т. 4, ч. 1, с. 56).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981 ;

Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1 ; 1977. Bd. 5.

Лит.: Шаронов А. М. Мордовский героический эпос : сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; Её же. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Е. А. Шаронова.

ЗЕМЛЯ КУДАДЁЯ (э. *Кудадеень мастор*), сказочный край, где плодородные поля и луга и необыкновенно красивая природа (берёзовые, сосновые, липовые леса, хрустально чистые родники и реки) находятся под властью тёмных сил. Когда Нишкепаз пускает сильный ветер, по-медвежьи рычаг её роци и овраги. Весной, когда реки освобождаются от снега и льда, по ним плывёт много человец. тел. Этой землёй пытается завладеть юноша. Конь предсказывает ему гибель, и он, придя в З. К., погибает от руки неизв. врага.

Красотой, богатством и таинственностью З. К. напоминает землю змеи Сэняши (Миняши), где человеку также угрожает опасность. Общим этим землям предстоит перейти во владение человека, но время для этого ещё не пришло. Мифология З. К. заключается в ожидании чуда, к-рое обязательно свершится, и тогда, наконец, наступит счастливая жизнь в благоденствии и красоте. Устремлённость к З. К. в мордов. песнях сродни мечтаниям об обетованной земле, где «не сеют, не пашут — калачи едят». Позднее эти мотивы появляются в песнях «Аядо, ялгат, минек масторов» («Идёмте, друзья, в нашу страну»), «Аядо, ялгат, Казак масторов» («Идёмте, друзья, в Казачью страну»), «Губан пандо» («Гора Губан») и в рус. песне «Соловей кукушку уговаривал». Мечта об обетованной земле реализуется в утопии о «Мордовском царстве», где наро-

дом правит свой царь, где нет налогов, солдатчины и иноземного гнёта.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, кн. 2 : Исторические песни XVI—XVIII веков. Саранск, 1997.

Лит.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; **Его же.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001 ; **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007.

Е. А. Шаронова.

ЗЁРКАЛО (м. **Ваном**, э. **Чама вачам**), в нар. представлениях символ «удвоения» действительности, граница между земным и *загробным* мирами. Наделяется сверхъестеств. силой, способностью воссоздавать не только видимый мир, но и невидимый и даже потусторонний. Как и др. границы (межа, окно, порог, печная труба, водная поверхность и т. п.), З. считается опасным и требует осторожного обращения. Мордва считала, что разбитое З. предвещает несчастье, а также развод, т. к. означает нарушение границы. Изв. запрет смотреться в З. ночью и во время грозы. До сих пор соблюдается обычай завешивать З. или повёртывать его к стене, когда в доме находится умерший. Если этого не сделать, он будет вторгаться с того света в мир живых. Во время родов, как и в случае смерти, в доме завешивали З. и следили, чтобы роженица не могла увидеть себя в нём. Женщине запрещалось также смотреться в З. во время менструации, беременности и в послеродовой период, когда она считалась «нечистой».

З. представляет опасность и для новорождённого. Отсюда запрет подносить к З. ребёнка в возрасте до одного года, иначе он не будет говорить (или долго не будет говорить), будет заикаться; испугавшись своего отражения, не будет спать; не будет расти; у него будут болеть (или трудно резаться) зубы; он увидит «свою старость», будет выглядеть старым и др. Большинство мотивировок связано с представлением о потустороннем мире как о царстве молчания, неподвижности (невозможности роста), перевернутости (ребёнку нельзя показывать З., иначе его жизнь «отразится, перевернётся»).

Общеизв. и отражено в лит. традиции мордвы обрядовое употребление З. девушками при *гадании* (гл. образом на Святки). Как правило, гадание с З. совершали в специальном («нечистом») месте (*баня*, печь и т. п.) и в особое («нечистое») время (вечер, полночь). Гадающие смотрели как бы сквозь З. прямо на тот свет, чтобы увидеть *жениха* или знак своей судьбы (смерти). Считалось, что как только покажется видение, нужно сразу закрыть или перевернуть З. Сходное гадание совершали с водой в *доме*, у колодца и над прорубью. Для большего эффекта брали два З. Иногда З. клали под подушку вместе с др. символич. предметами, чтобы увидеть суженого во сне. При др. способе гадания в кружку с водой опускали венчальное кольцо (его брали у замужней сестры или жены брата), ставили кружку перед З., зажигали свечи и говорили: «Суженый, невенчаный, подойди близко» (цит. по: Корнишина Г. А., Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект), Саранск, 2008, с. 107). Предполагалось, что тогда девушка увидит суженого в З. При этом, чтобы нечистый не удушил её, З. сразу разбивали.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12 : Народные приметы мордвы. Саранск, 2003.

Лит.: Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор : Верования. Текст. Ритуал. М., 1994 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006 ; Корнишина Г. А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект). Саранск, 2008.

И. И. Шеянова.

ЗЕРНО́ (м. **Сёра**, э. **Зёрна**, **Сюро**), в нар. представлении средоточие вегетативной силы, символ плодородия, возрождения жизни, бессмертия, вечного обновления, здоровья; наделяется продуцирующей и защитной символикой; как и др. сыпучие предметы, имеет значение множественности и *богатства*. Мордва приписывала З. нек-рые апотропейные функции.

На значимость З. в понимании мордвы указывает наличие у неё богини — покровительницы хлебных злаков, к-рой является *Анге Патяй*. Она хранит в своём небесном доме семена и зёрна растений, к-рые, спустившись на землю в образе птицы, рассыпает из золотого клюва по полям и лугам. В эрз. песне «Пазонь сисемат-ярсамот» («Пир богов») и её вариантах есть мотив засеивания полей З., когда богиня урожая Норовава отказывается прийти по приглашению Нишкепаза на пир, поскольку ей нужно встретить сеятелей с З.

Жизнь мордов. крест. семьи во многом зависела от урожая возделываемых злаковых культур, в результате чего З. как воспроизводительная сила, символ плодородия органично вписывалось в традиц. систему ценностей народа. Поэтому существовали специальные обряды и молитв. просьбы об урожае вообще, а так-

же об обилии З. как особо желанном благе. Так, в эрз. селе Вечканово Бугурусланского у. Оренбургской губ. мужчины совершали импровизиров. обряд оплодотворения земли «видьме коморо озкс» («моление горсти семян»). Перед посевом они скакали в поле с маленькими мешками З. и рассыпали его по пашне. Сходное по значению действие описано в упоминавшейся эрз. песне «Пир богов», где Микола паз ходит по полю и орошает его дождём. С видьме коморо озкса начинался обряд жертвоприношения, связ. с обеспечением урожая, когда представители каждого рода села собирались в одном из домов и произносили молитву: «Посмотри Нишке ава, мы молимся тебе. Мы бросаем целые пригоршни зерна, пусть родится хлеб, пусть бог благословит нас на хорошую жизнь!..» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 210). По окончании весенних полевых работ в ряде мест божеству урожая приносили в жертву птицу, по цвету похожую на спелое З., что, вероятно, должно было обеспечить хороший урожай. После уборки урожая повсеместно мордва устраивала семейные моления в овине. Обращаясь к *Верепазу*, Матораве, сельской и домовой Юртаве, *Авняве*, просили уберечь собр. хлеб и приумножить в будущем урожай, дать людям З. размером с яйцо. По данным А. А. Шахматова, женщины-эрзянки накануне Нового года устраивали моление, на к-ром просили Нишкепаза дать хороший урожай хлеба: «...да уродится хлеб, да растрескает он землю. Дай, кормилец, на верхушки его зерна» (Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, с.130). С подобными просьбами обращались также к *Абашке*. На Рождество в ряде мест колядующие совершали т. н. обряд посеивания, т. е. обсыпали хозяев и скот З. или рассыпали его по *дому с заклина-*

нием. После этого хозяева собирали З. и отдавали курам, чтобы они лучше неслись. У мордвы-мокши существовала традиция вбрасывания З. через порог дома пастухами, иногда сопровождавшими колядующих, как залог будущего щедрого урожая.

З. применялось в лечебной магич. практике. Так, для избавления ребёнка от кряхтения его клали посреди двора и обсыпали пшеном или З. Когда куры начинали клевать З., ворожея говорила: «Бог птиц, кормилец, возьми с раба (имя) его кряхтение» (Там же, с. 162). Этот обряд имеет сходство со слав. практикой «кормления» болезни З. для избавления от неё человека.

В свадебной обрядности осыпание З. охраняло от порчи молодожёнов и наделяло их плодородной силой, обеспечивало обильный урожай хлеба в новом хозяйстве, символизировало счастливую жизнь и здоровое потомство. Сегодня осыпание З. или хмелем воспринимается только как символ будущего достатка семьи.

У мордвы существовали приметы, связ. с урожаем З. Так, если в снопах было мало З., считалось, что на будущий год на этом поле уродится мало хлеба. На четвёртой неделе *Великого поста* готовили кресты из хлеба по кол-ву членов семьи. В них закладывали монету или зёрна различных злаковых культур. Если попадался крест с ржаным З., это означало урожай ржи, с пшеничным — пшеницы.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1, 5; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1941. Bd. 3.

Лит.: Славянская мифология: энц. слов. М., 2002; **Мельников П. И. (Андрей Печерский).** Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Hargva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

ЗЕРНОВСКИЙ Фёдор (19 в.), священник. Служил в с. Городищи Карсунского у. Симбирской губ. Интересовался бытом и обрядами мордвы. Подробно описал жен. моление «бабань каша», проводившееся в мордов. селе Сабаево того же уезда.

Соч.: Бабань каша: очерк мордов. моляна // Совр. листок. СПб., 1869. 14 февр.

И. И. Шеянова.

ЗИМА́ (м. **Тяла**, э. **Теле**), время года, когда природа теряет свои воспроизводящие силы до наступления тепла, *весны*; период проведения цикла зимних обрядово-игровых действ. З. как явление природы, подвластное Нишкепазу, предстаёт в существовавшем у нижегородской мордвы мифе о *грехопадении*, согласно к-рому, после того как люди убили Верховного бога, солнце стало светить и греть в семь раз меньше, З. стала в семь раз суровее. В мордов. песне об *Азравке* З. находится в одном из амбаров Нишкепаза: «Ветеце утомонть панжизе — / ветеце утомсонть теле-атя, / ветеце утомсонть сонсь телесь...» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 1, S. 300) — «Пятый амбар она открыла — / в пятом амбаре старик-Зима, / в пятом амбаре сама Зима...». Представления о З. близки к воззрениям мордвы на более распространен. в фольклоре олицетвор. персонаж — Мороз атю («Старик-мороз»), или Кельме атю («Старик-холод»), для к-рого З. проводили отд. моления. И. Н. Смирнов

отмечал, что большинство зимних молений мордвы было посвящено скоту. О характере З. судили по разным приметам. Так, холодную З. предвещало урожайное лето или обилие желудей летом.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002.

И. В. Зубов.

ЗОЛОТО (м. Зърня, э. Сырне), металл, символизирующий *богатство*, красоту, долговечность и соотносимый с представлениями о «верхнем» мире, сфере божественного, с высшими ценностями и в то же время с *загробным миром*. Признаком «золотой» наделяется всё чудесное, сверхценное.

З. как атрибут и признак в традиц. культуре имеет непосредств. отношение к *богам*, *Богородице*, *ангелам* и святым. Так, согласно мифам мордвы о богине *Анге Патяй*, иногда она спускалась на землю в виде большой птицы с длинным золотым хвостом и золотым клювом. Считалось, что, будучи покровительницей прях, она сама пряла изо льна на серебряном гребне золотым веретеном пряжу для рубашек своим детям-богам. Куринные яйца, снес. в Семик, в праздник Анге Патяй, мордва красила на следующий день в луковой шелухе. Они получались желтовато-красными и их наз. «золотыми». Эти яйца берегли и во время пожара кидали в огонь для «укрошения» пламени и перемены ветра; во время падежа и болезней домашнего скота, особенно овец, раскидывали в хлев, а

скорлупой вместе с луковыми перьями окуривали скот; клали в лесу на деревьях, где устраивали борти, чтобы пчёлы лучше роились; изрубив, кормили ими молодых цыплят, чтобы, выросши, они несли больше яиц. Кроме того, эти яйца ели женщины, к-рые не могли родить или у к-рых дети умирали в младенчестве. На Рождество замужние женщины готовили свиную голову. Когда голова была готова, ей в рот клали крашеное яйцо и распар. берёзовый прутик с листьями. Под свиную голову на блюдо расстилали, в виде бороды, пучок окраш. в красный цвет ниток. Это наз. «золотой бородой».

З. соотносится с символикой света, солнца и месяца. Так, у Нишкепаза, бога неба, солнца, огня и света, есть золотая люлька, к-рую он опускает с небес на золотых цепях и серебряной проволоке, чтобы забрать с земли обездол. девушек, не нашедших себе достойных *женников*. В *заговорах*, песнях, похоронных причитаниях небесный свод описывается как золотой, излучающий свет и тепло.

Те или иные мордов. мифол. персонажи носят золотые серьги, сюлгамы, браслеты, кольца, бубенчики; у Миняши вода в роднике, а у Сэняши камни в колоде, словно З.; богатый Эрё поплыл искать своих лошадей на лодке с золотым веслом; Литова просит похоронить себя в позолоч. гробу; в веснянках у кукушки позолоч. клюв; пчелиная матка — золотоголовая, с золотыми крыльями и т. д.

З. как символ богатства и удачливости — один из самых популярных образов в величальных песнях и благопожеланиях. Золотые изделия мордва часто использовала в магич. целях. Так, во время *гадания* о суженом девушки капывали их в землю.

В *заговорах лечебных* мордвы признак «золотой» ассоциируется с целительной силой. Он используется для характеристики *воды*, а также травы, с по-

мощью к-рой посланница Бога «золотая девушка» исцеляет больного.

В свадебном фольклоре эпитет «золотой» употребляется по отношению ко всему, что связано с невестой (её коса, венки, кольцо) и молодожёнами вообще. Свадебную кибитку «он-ава» украшали розетками из золотого позумента и бусами.

3. как высшая ценностная характеристика представлено в мордов. пословицах и поговорках, напр.: м. «Эсь пингонь пиземсь золотат пизи» — «Своевременный дождь золото сыплет», э. «Сырнень кедть — сырнень тевть» — «Золотые руки — золотые дела»; м. «Золотась рогожа потмосовок содави (мода-сонга аф юмай)», э. «Сырнесь рогожа потсоак сырне» — «Золото и в рогоже узнается»; м. «Ломанць сонць золота» — «Человек сам золото» (УПТМН, т. 4, ч. 1, с. 95, 101, 137, 139).

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Славянская мифология : энц. слов. М., 2002 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия. Саранск, 2006.

И. И. Шеянова.

ЗО́РЯБАВАЗ (м.), **ЗО́РЯПА́З** (э.), бог зари, являющийся мифол. образом, отражающим возникающие при восходе и заходе солнца световые явления — соотв. утреннюю и вечернюю зори. В песнях, призывающих *весну*, говорится: «Чокшнень зорясь, валскень зорясь кед-

те-кедсек, / Кедте-кедсек кундадот, / Чокшнень зорясь валскень зоряньт кедь песэ ветни, / Кедь песэ ветни» — «Вечерняя заря, утренняя заря под ручку взялись, / Вечерняя заря утреннюю зарю за руку ведёт» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 97 — 98, 99). С зарёй связываются природные явления: «вечернею зарёю соловьи поют», «утром на заре пташки щебечут» (Там же, с. 99). Когда мордвин видел разгоравшуюся на востоке зарю, он говорил, что заря зажгла свой огонь. Нар. представления о заре отражают загадки, напр.: м. «Масторть крайса качамфтома пожар» — «На околице без дыма пожар», «Вирть вельхксса якстерь шальвай» — «Над лесом красная шаль» (Там же, т. 4, ч. 2, с. 26). По нар. приметам, если утренняя заря красная — к ясной погоде, если вечерняя заря красная — к ветру. В фольк. текстах утренняя и вечерняя зори чаще всего наз. рус. жен. именами: первая — Маря (Марья), вторая — Даря (Дарья). В с. Собакино Городищенского у. Пензенской губ. записана формулировка с иными именами: утренняя заря — Марина, вечерняя — Орина. В заговоре от глазных болезней (см. *Заговоры лечебные*), зафиксиров. в 1930-х гг. в Большеберезниковском р-не Мордовии, употребляются также имена Настасья и Маланья: «...Чокшнень заря Дария, / Валскень заря Мария, / Свет Настасия, / Полуночной Малания...» — «Вечерняя заря Дарья, / Утренняя заря Марья, / Свет Настасья, / Полуночная Маланья...» (Там же, т. 7, ч. 3, с. 202).

М. Е. Евсевьев зафиксировал обращение к З. на Рождество: «Берегите, что вам нужно беречь» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 375). К. Милькович привёл данные о жертвовании З. небольших пресных лепёшек. К З. обращались с просьбами оказать помощь и дать здоровье, т. к. время, когда всходило или садилось солнце, считалось временем совершения магич. действий.

В лит. «Сказках Вирявы» В. А. Юрчёнкова матерью Горя и Счастья является «небесная Заря-Заряница». Образ З. пыталась представить худ. С. Нестерова.

Тексты: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни. Саранск, 1965 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Зарубин Л. А. Образ утренней Зари в «Ригведе» и в восточнославянском фольклоре // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. 1965. Т. 80 ; Милькович К. С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

Н. Г. Юрчёнкова.

Продолжение следует

СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный
авг. — август
авт. — автор (в библиографии)
акад. — академик (при имени)
алт. — алтайский
альм. — альманах (в библиографии)
АН — Академия наук
англ. — английский
анс. — ансамбль (муз.)
антропол. — антропологический
апр. — апрель
арм. — армянский
арх. — архив (в библиографии)
археол. — археологический
архим. — архимандрит (в библиографии)
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
астрон. — астрономический
АХ — Академия художеств
Б. — Большой (в топонимических названиях)
балт. — балтийский
библ. — библейский
библиогр. — библиографический (в библиографии)
биогр. — биография; биографический
букв. — буквально

быв. — бывший
в. — век
вв. — века
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
вепс. — вепсский
Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
верх. — верхний
Вестн. — Вестник (в библиографии)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
внеш. — внешний
вод. — водский
вок. — вокальный (муз.)
вол. — волость (в названии)
вост. — восточный
вступ. — вступительный
в т. ч. — в том числе
ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт (1926 — 30)
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские (1921 — 26)
вып. — выпуск

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- г. — год
 г. — город (при названии)
 газ. — газета (при названии)
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 гг. — годы
 геогр. — географический
 герм. — германский
 гл. — главный
 гл. обр. — главным образом
 гол. — голландский
 гос. — государственный
 гос-во — государство
 г. р. — год рождения
 гр. — греческий
 губ. — губерния (в названии)
 д. — деревня (при названии)
 дек. — декабрь
 дерев. — деревянный
 дет. — детский
 дир. — директор
 ДК — Дом культуры
 док. — документальный
 док-ты — документы
 доп. — дополнительный
 др. — другой
 д-р — доктор
 драм. — драматический
 др.-гр. — древнегреческий
 др.-еврейск. — древнееврейский
 др.-мордов. — древнемордовский
 др.-рус. — древнерусский
 др.-эрз. — древнеэрзянский
 д. чл. — действительный член
 европ. — европейский
 епарх. — епархиальный
 ж. — журнал (при названии)
 ж.-д. — железнодорожный
 жен. — женский
 жив. — живопись
 зав. — заведующий
 Зап. — Записки (в библиографии)
 засл. — заслуженный
 ижор. — ижорский
 избр. — избранный (в библиографии)
 Изв. — Известия (в библиографии)
 изв. — известный; известен
 изд. — издание
 изобразит. — изобразительный
 ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока
 им. — имени
 имп. — император; императорский
 инструм. — инструментальный
 ин-т — институт
 иран. — иранский
 иск-во — искусство
 искл. — исключение; исключительный; исключительно
 иссл. — исследование; исследовательский
 ист. — исторический
 итал. — итальянский
 и т. д. — и так далее
 канд. — кандидат
 карел. — карельский
 кирг. — киргизский
 кл. — класс
 к.-л. — кто-либо; какой-либо
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 кол-во — количество
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кон. — конец (в датах)
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 к-т — комитет
 лат. — латинский язык
 ленингр. — ленинградский
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 м — метр
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 мифол. — мифологический
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 МРМИИ — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)

- наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название
 НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
 напр. — например
 нар. — народный
 нариц. — нарицательное (имя)
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах)
 нач. — начальный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР
 ниж. — нижний
 Нов. — Новый (в топонимических названиях)
 нояб. — ноябрь
 н. э. — нашей эры
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 об-во — общество
 обл. — область (в названии)
 обзор. — обзорение (в библиографии)
 ОК — областной комитет
 ок. — около
 окр. — округ; окружной
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отеч. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 пед. — педагогический
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 петерб. — петербургский
 ПМА — Полевой материал автора
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 предисл. — предисловие
 предположит. — предположительный, предположительно
 през. — президент
 преим. — преимущественно
 произв. — произведение
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 проф. — профессор
 прп. — преподобный (при имени)
 психол. — психологический
 публиц. — публицистический
 р. — река (при названии)
 РАЕ — Российская академия естествознания
 РАО — Российская академия образования
 РГО — Русское географическое общество
 рев. — революция; революционный
 регион. — региональный
 ред. — редактор
 реж. — режиссёр; режиссёрский
 религ. — религиозный
 респ. — республиканский
 рец. — рецензия (в библиографии)
 рим. — римский
 РМ — Республика Мордовия
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 РФ — Российская Федерация
 с. — село (при названии)
 с. — страница (в библиографии)
 самостоят. — самостоятельный
 сб. — сборник
 сб-ки — сборники
 св. — святой (при имени)
 свт. — святитель (при имени)
 сев. — северный
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сер. — серия
 СЖ — Союз журналистов
 сиб. — сибирский
 СК — Союз композиторов
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский; славянские языки
 слов. — словарь (в библиографии)
 см — сантиметр
 см. — смотри
 соавт. — соавтор; соавторство
 сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный

- соотв. — соответствует; соответствующее
 сост. — составитель; составление
 (в библиографии)
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 СП — Союз писателей
 СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
 С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
 справ. — справочник (в библиографии)
 Ср. — Средний (в топонимических названиях)
 ср. — сравни
 ср.-век. — средневековый
 СССР — Союз Советских Социалистических
 Республик
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — станция (при названии)
 ст. — статья
 стат. — статистический
 СТД — Союз театральных деятелей
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 СХ — Союз художников
 с. х. — сельское хозяйство
 с.-х. — сельскохозяйственный
 т. — текст
 т. — том (в библиографии)
 танц. — танцевальный
 тат. — татарский
 т. е. — то есть
 театр. — театральный
 терр. — территория; территориальный
 тетр. — тетрадь (в библиографии)
 техн. — технический
 т. к. — так как
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом
 тр. — труды (в библиографии)
 традиц. — традиционный
 трансп. — транспортный
 тыс. — тысяча
 тыс. — тысячелетие
 тюрк. — тюркский; тюркские языки
 у. — уезд (в названии)
 уг. — уголовный
 удм. — удмуртский
 указ. — указатель (в библиографии)
 ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество
 мордовского народа»
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фин. — финский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хант. — хантыйский
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)
 худож. — художественный
 центр. — центральный
 церк. — церковный
 цит. — цитируется
 ч. — часть (в библиографии)
 чел. — человек
 четв. — четверть (при датах)
 чл. — член
 чл.-корр. — член-корреспондент
 что-л. — что-либо
 чуваш. — чувашский
 шк. — школа
 э. — эрзянское (слово)
 экон. — экономический
 эксп. — экспедиция
 энц. — энциклопедический (в библиографии)
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский
 этим. — этимологический
 этногр. — этнографический
 ювелир. — ювелирный
 юж. — южный
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций
 по вопросам образования, науки и
 культуры
 яз. — язык; языки
 янв. — январь
 Bd. — Band (в библиографии)
 H. — Heft (в библиографии)
 S. — Seite (в библиографии)
 Ibid. — Ibidem
 j. — journal (в библиографии)
 p. — page (в библиографии)
 vol. — volume (в библиографии)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

І ЁЇІ ЕАЕ ОЕЕЕІ І ІАЕ × ЕЕАААОЕЕІ (1937 — 1997)

Николай Филиппович Кижваткин — известный мордовский ученый-агроном, кандидат экономических наук (1971), сыгравший значительную роль в становлении и развитии экономической науки в Республике Мордовия. Он родился 10 мая 1937 г. в с. Ежовка ныне Ковылкинского района Республики Мордовия в семье служащего. Отец был учителем, мать работала в колхозе. По окончании Ежовской средней школы в 1954 г. Николай поступил учиться в Рязанский сельскохозяйственный институт. Во время учебы являлся редактором факультетской стенгазеты. По окончании института с 1959 по 1960 г. работал агрономом в совхозе «Краснооктябрьский» Кустанайской области Казахской ССР (ныне Республика Казахстан). В 1960 — 1964 гг.

Н. Ф. Кижваткин — младший научный сотрудник, заведующий отделом семеноводства, агроном по техническим культурам ОПХ «Ялга» и старший научный сотрудник отдела экономики Мордовской государственной сельскохозяйственной опытной станции. За это время он приобрел определенные методические навыки в исследовании экономических вопросов. Из характеристики заместителя директора опытной станции Я. А. Полежаева следует, что Николай Филиппович всегда имел склонность к научной работе. Так, он подготовил для издания плакат, в котором обобщил опыт работы колхоза им. В. И. Ленина Атяшевского района Мордовии, часто выступал по радио, публиковался в газетах. В 1964 г. Николай Филиппович поступил в заочную аспирантуру НИИЯЛИЭ. При этом он продолжал работать на опытной станции. В связи с возможным переводом в октябре 1964 г. в очную аспирантуру Кижваткин просил директора опытной станции Д. Д. Широкова освободить его от занимаемой должности, но директор не дал согласия, сославшись на то, что на станции созданы все необходимые условия для нормальной работы и учебы. Тогда в июне Николай Филиппович обратился к директору НИИЯЛИЭ С. С. Циркину с заявлением о переводе в очную аспирантуру по сектору экономики, аргументировав это тем, что он не справляется с выполнением тематического плана, а это влечет дополнительные трудности в учебе и несвоевременную сдачу кандидатских экзаменов, между тем диссертационная тема, очевидно, не будет включена в план исследований опытной станции на 1965 г. После этого вопрос решился положительно

и с того времени судьба Н. Ф. Кижваткина была связана с НИИЯЛИЭ. В 1967 — 1970 гг. он — младший научный сотрудник, 1970 — 1975 гг. — заведующий сектором экономики, 1975 — 1977 гг. — заведующий сектором экономики сельского хозяйства и в 1977 — 1978 гг. — заместитель директора по научной работе НИИ.

Важным этапом в жизни Н. Ф. Кижваткина стала работа над Земельным кадастром республики. В 1968 г. Мордовский обком КПСС и Совет министров МАССР поручили институту разработать этот документ. Руководителем группы был назначен Н. Ф. Кижваткин. С целью изучения опыта составления кадастра он был командирован в г. Москву и Брянск. Для оценки почв и урожайности сельскохозяйственных культур на них сотрудники института выезжали в районы республики. В разработке кадастра кроме сотрудников института принимали участие ученые ВНИЭСХ и сотрудники Министерства сельского хозяйства Мордовской АССР. В конце 1970 г. «Земельный кадастр Мордовской АССР» (под редакцией доктора экономических наук, профессора С. Д. Черемушкина) был издан. Он содержал сведения о количестве, качестве и оценке земель по каждому району и республике в целом, необходимые для организации их эффективного использования и охраны, планирования народного хозяйства, размещения и специализации сельскохозяйственного производства, мелиорации земель, химизации сельского хозяйства и других мероприятий, связанных с использованием земель. За активную работу по составлению земельного кадастра Мордовии Н. Ф. Кижваткин был награжден Почетной грамотой Верховного Совета МАССР.

На основе полученного в ходе составления кадастра материала Н. Ф. Кижваткин подготовил кандидатскую диссертацию «Основы Земельного кадастра Мордовской АССР». Руководителем являлся профессор С. Д. Черемушкин. Защита состоялась в 1972 г. в ВНИЭСХ (г. Москва). Официальными оппонентами выступили доктор экономических наук, профессор А. Е. Каминский и кандидат экономических наук А. П. Макаркин.

В 1978 — 1980 гг. Кижваткин был заведующим Саранским региональным отделом Всесоюзного НИИ кибернетики. С 1981 по 1997 г. — преподаватель, доцент кафедры экономики и организации сельскохозяйственного производства Мордовского госуниверситета, одновременно выполнял обязанности ученого секретаря Головного совета по проблемам сельского хозяйства «Нечерноземье». Автор более 20 научных работ. Награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Н. Ф. Кижваткин умер 4 августа 1997 г. в г. Саранске. Он был вдумчивым и талантливым ученым, прекрасным человеком. Таким он останется в памяти родных, близких и коллег.

Основные работы

К вопросу об экономической оценке земли в колхозах МАССР // Вопросы экономики промышленности и сельского хозяйства Мордовии. Саранск, 1965. С. 246 — 260. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 31).

Экономическая оценка земли и некоторые вопросы планирования сельского хозяйства // Некоторые резервы повышения эффективности сельскохозяйственного производства Мордовии. Саранск, 1968. С. 120 — 136. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 35).

К вопросу о бонитировке почв в колхозах // Некоторые резервы повышения эффективности сельскохозяйственного производства Мордовии. Саранск, 1969. С. 20 — 35. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 39).

Земельный кадастр Мордовской АССР : сб. основ. данных с пояснениями. Саранск, 1970. 356 с. (в соавт.).

План организационно-хозяйственного и социального развития колхоза «Россия» Ковылкинского района Мордовской АССР. Саранск, 1972. 152 с. (в соавт.).

Сельское хозяйство Мордовии за годы Советской власти // Мордовия в братской семье народов СССР. Саранск, 1972. С. 42 — 65.

Основные принципы разработки основ Земельного кадастра Мордовской АССР и сферы его применения // Вопросы экономики и эффективности сельскохозяйственного производства МАССР. Саранск, 1973. С. 33 — 49. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 44).

Распределение и использование трудовых ресурсов села Мордовской АССР. Саранск, 1973. 144 с. (в соавт.).

Экономическая оценка сельскохозяйственных угодий : (На примере колхозов и совхозов Мордовской АССР). Саранск, 1974. 84 с.

Экономическая оценка земли по эффективности возделывания отдельных сельскохозяйственных культур. Саранск, 1975. 88 с. (в соавт.).

Экономический анализ современного состояния сельского хозяйства как необходимый этап перспективного планирования // Сельское хозяйство в десятой пятилетке. Саранск, 1976. С. 33 — 74 (в соавт.).

Природная и социально-экономическая характеристика районов Мордовской АССР. Саранск, 1978. 384 с. (в соавт.).

Сегодня и завтра колхоза «Россия». Саранск, 1977. 104 с. (в соавт.).

Преобразование села Мордовии. Саранск, 1979. 20 с. (в соавт.).

Публикации о Н. Ф. Кижваткине

Центр мордовской науки и культуры : (Институту — 65 лет). Саранск, 1998. С. 105.

История Мордовии в лицах : биогр. сб. Саранск, 1999. Кн. 3. С. 131.

Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008.

Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопедич. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 247.

А. Н. Чекушкин.

ЁР ÄÌ ÈÈÀ ÈÄÄÍ ÎÄÍ À Í ÈÊÎ Î ÎÄÄ
(È 60 -ëåðèþ ñî ðí ÿ ðî æðäí èÿ)

Людмила Ивановна Никонова — видный ученый в области этнографии и этнологии, заслуженный деятель науки Республики Мордовия (2007), доктор исторических наук (2001), профессор (2005). Родилась 10 июня 1952 г. в с. Косогоры ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия в семье служащих. В 1974 г. окончила химико-биологический факультет Мордовского государственного университета. С 1990 по 1993 г. обучалась в аспирантуре НИИЯЛИЭ. В 1993 г. Л. И. Никонова под руководством доктора исторических наук, профессора В. И. Козлова успешно защитила в Институте этнологии и антропологии РАН (г. Москва) кандидатскую диссертацию «Традиционные способы сохранения здоровья мордвы», в 2001 г. в Мордовском госуниверситете —

докторскую диссертацию «Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения».

Научно-педагогическая и исследовательская деятельность Л. И. Никоновой связана с работой в НИИЯЛИЭ (с 2001 г. — НИИГН). С 1992 г. она являлась научным, старшим и ведущим научным сотрудником отдела археологии и этнографии. В 2001 г. возглавила этот отдел (после ряда реорганизаций с 2012 г. — отдел этнографии и этнологии).

Л. И. Никонова своими фундаментальными исследованиями в области этнической культуры мордовского народа Российской Федерации внесла значительный вклад в отечественную этнологическую науку. С 2001 г. она организовала и провела этнографические экспедиции в более чем 20 регионов России, где было обследовано более 100 населенных пунктов — мест компактного проживания мордовской диаспоры, — это Красноярский край (2001), Алтайский край (2002), Кемеровская область (2003), Дальний Восток (2004), Камчатская область (2005), Сахалинская область (2005), Иркутская область (2008), Республика Хакасия (2008), Читинская область (2008), Республика Мордовия (2008 — 2009, грант РГНФ, проект «Народы Республики Мордовия» № 08-01-23101 а/В), Саратовская область (2008 — 2009), Амурская область (2009), Магаданская область (2009, грант РГНФ, проект № 09-01-23700 а/В), Новосибирская область (2009), Омская область (2009), Республика Саха (Якутия) (2009), Тюменской область (2009), Свердловская, Челябинская и Курганская области (2010, грант РГНФ, проект № 10-01-23700 е/В), Владимирская область (2011), Пермский край (2011, грант РГНФ, проект № И-11-13601 е/В), г. Москва (2012). Тем самым Л. И. Никонова приумножила традицию проведения этнографических экспедиций, имеющих целью изучение народов, проживающих в Республике Мордовия, и мордовской диаспоры.

Результатом этой большой и планомерной работы стало издание нескольких научных монографий в серии «Мордва России», в которых Л. И. Никонова является одним из основных авторов. В 2010 г. на III Приволжском межрегиональном конкурсе «Университетская книга — 2010» эта серия была удостоена диплома в номинации «Лучшее сериальное издание» и на V Международном конкурсе учебных изданий для высших учебных заведений «Университетская книга — 2010» — диплома в номинации «Лучший издательский проект». Новаторское отношение к миграции населения, геополитическим изменениям, межэтническим контактам, к проблемам адаптации мигрантов из ближнего зарубежья в иноэтнической среде отражено в другой созданной ею серии — «Народы Мордовии». Всего она опубликовала около 400 научных и учебно-методических работ, в том числе 19 монографий. Ее книги находятся в библиотеках США и Англии, 5 книг вышло в Германии.

Л. И. Никонова является основателем и руководителем научной школы, исследующей вопросы этнокультурной адаптации народов в условиях иноэтнического окружения. Подготовила 16 кандидатов и 1 доктора наук. На базе возглавляемого ею отдела осуществляется подготовка научных кадров по специальности «Этнография, этнология и антропология». Около 15 лет Л. И. Никонова преподает этнологические дисциплины аспирантам и соискателям НИИГН. С 2004 по 2007 г. она являлась членом диссертационных советов НИИГН и Мордовского госуниверситета. С 2008 г. — член Регионального экспертного совета РГНФ и его грантополучатель. Л. И. Никонова является официальным рецензентом многих научных трудов ученых, работающих в разных вузах страны, а также официальным оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций.

Л. И. Никонова — участник всемирных (Китай, 2009; Турция, 2010; Индия, 2010; Австралия, 2011; Канада 2012), международных (Финляндия, 1995; Эстония, 2000; Украина, 2005; Венгрия, 2010), российских и др. форумов (1995 — 2012) этнографов и антропологов России.

Вклад Людмилы Ивановны в российскую науку высоко оценен Ассоциацией этнографов и антропологов России. С 1995 г. она входит в состав ее президиума, руководит секциями и круглыми столами на конгрессах. В 2005 — 2007 гг. являлась президентом этой ассоциации. В 2007 г. организовала и провела в г. Саранске на базе НИИГН VII Конгресс этнографов и антропологов России, получивший положительный резонанс среди ученых, занимающихся проблемами многоэтнических сообществ и государств. В работе конгресса приняли участие более 600 ученых-этнографов из разных уголков России и 30 стран ближнего и дальнего зарубежья, было сделано более 1 200 сообщений о научных изысканиях в области этнографии, этнологии и антропологии. За вклад в подготовку конгресса и в развитие этнологической науки Людмила Ивановна в 2007 г. была награждена почетной грамотой Института этнологии и антропологии РАН.

С 2001 г. она руководит работой Координационного центра по исследованиям народной медицины Ассоциации этнографов и антропологов России, является разработчиком и автором-составителем 11 информационных бюллетеней по исследованиям народной медицины и системы жизнеобеспечения народов Российской Федерации.

В целях популяризации этнографических знаний ею были организованы выставки по этномедицине и культуре мордвы в республике (1998 — 2006) и на международной ярмарке «Великие реки мира» (Нижний Новгород, 1999, 2006). Она — частый гость

на центральном телевидении (1-й канал ЦТ, канал «Культура» и др.) и на «Радио России». Ею были организованы съемки этнологического материала о мордве (2001) и традиционной медицине (2007).

Профессор Л. И. Никонова награждена Почетной грамотой Республики Мордовия (2002) за заслуги в научной деятельности, является Лауреатом премии Главы Республики Мордовия (2005) за многолетнюю научно-исследовательскую деятельность и большой вклад в развитие национальной культуры.

Основные работы

Тайны мордовского целительства : (Очерки нар. медицины мордвы). Саранск, 1995. 168 с.

От Адама и Евы — до наших дней: (Очерки нар. медицины мордвы). Саранск, 2000. 171 с.

Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000. 156 с.

Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000. 180 с.

Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья : ист.-этногр. исслед. Саранск, 2003. 288 с. (в соавт.).

Историко-этнографическое исследование региона: план-проспект, вопросы и анкеты. Саранск, 2003. 70 с. (в соавт.).

Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. 208 с. (в соавт.).

Этнокультурный мир Республики Мордовия : Ист.-культур. исслед. региона: вопросы и анкета. Саранск, 2005. 40 с. (в соавт.).

Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия. Саранск, 2007. 168 с. (в соавт.).

Мордва юга Сибири. Саранск, 2007. 312 с. (Мордва России) (в соавт.).

Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры). Саранск, 2007. 176 с. (в соавт.).

Баня в обрядовой жизни у мордвы // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2009. Т. 11, № 2. С. 271 — 283 (в соавт.).

Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1 : Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции. Саранск, 2009. 112 с. (Мордва России) (в соавт.).

Мордва Саратовской области : в 2 ч. Ч. 1 : Петровский район. Саранск, 2009. 200 с. (Мордва России) (в соавт.).

Мордва Дальнего Востока. Саранск, 2010. 312 с. (Мордва России) (в соавт.).

Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010. 268 с. (Мордва России) (в соавт.).

Связующая нить прошлого и настоящего : К истории переселения мордвы на Дальний Восток // Регионоведение. [Саранск]. 2010. № 2. С. 230 — 244 (в соавт.).

Банюшка, матушка! Сколько пользы от твоего пара... : Традиц. баня у финно-угор. и тюрк. народов Поволжья и Приуралья. Saarbrücken, Germany, 2011. 272 с.

Зерна граната: о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. 260 с. (Народы Мордовии) (в соавт.).

История, жизнь, ландшафт и природа : Штрихи из жизни мордов. переселенцев на Урале // Центр и периферия. [Саранск]. 2011. № 3. С. 49 — 54.

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: на примере традиционной бани у финно-угорских народов // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск, 2011. С. 181 — 198 (в соавт.).

Миграция: этнокультурный, социальный, региональный аспекты : план-проспект, вопросы и анкеты ист.-этногр. исслед. Москва ; Саранск, 2011. 32 с. (в соавт.).

Народная медицина мордвы — простая и загадочная... (По результатам этнографических экспедиций 1990 — 2010 гг.). Саранск ; Пенза, 2011. 420 с. (Народы Мордовии) (в соавт.).

Обращение к истокам : Методика ист.-этногр. исслед. региона. Москва ; Саранск, 2011. 60 с. (в соавт.).

Особенности современной езидской свадьбы (на примере езидов-мигрантов из Закавказья в Республике Мордовия) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 3. С. 99 — 106 (в соавт.).

Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. 224 с. (Народы Мордовии) (в соавт.).

Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект. Саранск ; Пенза, 2011. 528 с. (Народы Мордовии) (в соавт.).

Этнокультурная география мордвы России: изучение и проблемы // *Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam. Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 9 — 14. 2010. P. VIII. Piliscsaba, 2011. С. 131 — 140.*

Этнокультурное многообразие // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 2. С. 228 — 241.

Этномедицина финно-угорских и тюркских народов: ист.-этногр. исслед. Saarbrücken, Germany, 2011. 403 с.

«Будь крепким как дуб, нежным как береза...» : Традиц. способы сохранения здоровья у мордвы : (ист.-этногр. аспект). Saarbrücken, Germany, 2012. 337 с.

Диаспора мордовская: к истории переселения мордвы в РФ // Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2012. С. 139 — 147.

Магия и заговоры у мордвы : Штрихи из жизни. Saarbrücken, Germany, 2012. 286 с.
«Травушка-муравушка зеленая моя...»: из этномедицины мордвы. Saarbrücken, Germany, 2012.

Bath-house (bania) and the Traditional Method of Health Maintenance // *Indigenous Knowledge and Sustainable Development. Anthropology and Ethnology Today Series. Book Series of the 16th World Congress of IUAES. Pekin, 2011. P. 131 — 139.*

Основные публикации о Л. И. Никоновой

Центр гуманитарных наук Мордовии. Саранск, 1992. С. 27 — 28. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 109).

Справочник этнографов и антропологов регионов России. М., 1997. Вып. 1. С. 18.

Центр мордовской науки и культуры : (Институту — 65 лет). Саранск, 1998. С. 83 — 84.

История Мордовии в лицах : биогр. сб. Саранск, 1997. Кн. 2. С. 371.

Этнографы Мордовии : информ. бюл. этнолог. центра. Саранск, 1999. №1.

Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 99.

Лузина В. Наша землячка профессор Л. И. Никонова избрана членом Всемирного общества «Сауна» // Присурские вести. 2006. 5 окт.

Зарубина О. В. Будни президента // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. [Саранск]. 2007. № 2. С. 34 — 37.

Ивашкин Н. Геннадий Малахов консультируется у целительницы из Саранска // Комсомол. правда. 2008. 21 — 28 февр.

Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008. С. 323, 410.

«Березовая родина моя...». Саранск, 2011. С. 200.

М. Ю. Мартынова, О. В. Зарубина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асабин Игорь Юрьевич — кандидат исторических наук, e-mail: guniign@list.ru
Беляков Василий Петрович — кандидат филологических наук, e-mail: guniign@list.ru

Бибин Михаил Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Варламенков Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, e-mail: guniign@list.ru

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Волков Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

Гурьянова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Десяткин Сергей Генрихович — научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Зарубина Ольга Владимировна — главный научный сотрудник — заведующий отделом периодических изданий НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Захаров Алексей Витальевич — аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Келина Антонина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Котов Петр Павлович — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета, e-mail: kotovpetr55@mail.ru

Курлевский Иван Владимирович — аспирант Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: kurlevskiy@yandex.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Лещайкина Марина Владиславовна — магистрант Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: m.leshaykina@gmail.com

Мартынова Марина Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии, и антропологии им. Н. И. Миклухо-Маклая РАН, e-mail: congress7@list.ru

Мосин Михаил Васильевич — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: mvmosmor@rambler.ru

Мочалова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: siluris@rambler.ru

Налдеева Ольга Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: nal-deeva_oi@mail.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий отделом этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Нугаев Эльдар Шамилевич — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: eldar.nugaev@gmail.ru

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Пивкина Светлана Васильевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Рогачев Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Рогожина Валентина Федоровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: valentina-1966@mail.ru

Салаева Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: guniign@list.ru

Склизкова Алла Персиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Владимирского государственного университета им. Столетовых, e-mail: burelomy@list.ru

Тарасова Ольга Николаевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: Efgenj-d@rambler.ru

Фадеева Мария Михайловна — младший научный сотрудник отдела этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Храмов Алексей Викторович — аспирант Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: kurlevskiy@yandex.ru

Чекушкин Александр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник – заведующий отделом современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Чернов Алексей Викторович — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора-ученый секретарь НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: shnadejda@bk.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Юрченкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Asabin Igor Yuryevich — Candidate of History, e-mail: guniign@list.ru

Belyakov Vasily Petrovich — Candidate of Philology, e-mail: guniign@list.ru

Bibin Mikhail Andreevich — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Varlamenkov Viktor Nikolayevich — Candidate of History, e-mail: guniign@list.ru

Vidyaykin Sergey Vasilyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Volkov Sergey Yuryevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Theory of Politics, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

Guryanova Lubov Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich — Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Zarubina Olga Vladimirovna — Principal Researcher — Head of Department of Periodicals, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Zakharov Aleksey Vitalyevich — Postgraduate Student of Department of Methodology of Science and Applied Sociology, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Ilyin Dmitry Fedorovich — Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Katorova Aleksandra Mikhailovna — Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kelina Antonina Nikolayevna — Candidate of Philology, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kotov Petr Pavlovich — Candidate of History, Associate Professor, Professor of Department of History of Russia and Foreign Countries, Syktyvkar State University, e-mail: kotovpetr55@mail.ru

Kurlevsky Ivan Vladimirovich — Postgraduate Student, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: kurlevskiy@yandex.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Leschaykina Marina Vladislavovna — Master's Degree Student, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: m.leshaykina@gmail.com

Martynova Marina Yuryevna — Doctor of History, Professor, Deputy Director, Institute of Ethnography and Anthropology named after N. I. Miklouho-Maclay of RAS, e-mail: congress7@list.ru

Mosin Mikhail Vasilyevich — Doctor of Philology, Professor, Dean of Philological Faculty, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: mvmosmor@rambler.ru

Mochalova Tatyana Ivanovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Russian Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: siluris@rambler.ru

Naldeeva Olga Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: naldeeva_oi@mail.ru

Nikonova Lyudmila Ivanovna — Doctor of History, Professor, Principal Researcher — Head of Department of Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Nugaev Eldar Shamilevich — Postgraduate Student of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: eldar.nugaev@gmail.ru

Okhotina Tatyana Nikolayevna — Senior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Pivkina Svetlana Vasilyevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Rogachev Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Rogozhina Valentina Fedorovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Moksha Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: valentina-1966@mail.ru

Salaeva Marina Nikolaevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: guniign@list.ru

Sklyzkova Alla Persievna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature, Vladimir State University named after the Stoletovs, e-mail: burelomy@list.ru

Tarasova Olga Nikolaevna — Senior Lecturer of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: Efgenj-d@rambler.ru

Fadeeva Maria Mikhaylovna — Junior Researcher of Department of Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Khramov Aleksey Viktorovich — Postgraduate Student, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: kurlevskiy@yandex.ru

Chekushkin Aleksandr Nikolaevich — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Chernov Aleksey Viktorovich — Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Director — Academic Secretary, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Professor, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: shnadejda@bk.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgievna — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ВНИСХ — Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства

ГА АО — Государственный архив Архангельской области

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики

ГА УО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НА РТ — Научный архив Республики Татарстан

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченко В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченко [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я
Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 2 (22) 2012

Редакторы: *Е. В. Глазкова, Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*
Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 13.06.2012. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ООО «ТиРу».
119049 г. Москва, ул. Донская, 4 (2).